

А. Э. Башкуев

ЛОВЧИЙ
Кабан и трещотки

Санкт-Петербург
РЕНОМЕ
2017

УДК 355.40(09)
ББК 67.401.213
Б33

Башкуев, А. Э.

Б33 Ловчий. Кабан и трещотки / А. Э. Башкуев. — СПб. : «Реноме»,
2017. — ??? с.

ISBN 978-5-91918-907-7 (переплет)

ISBN 978-5-91918-908-4 (обложка)

Аннотация.

УДК 355.40(09)
ББК 67.401.213

Ограничение по возрасту 16+

ISBN 978-5-91918-907-7 (переплет)

ISBN 978-5-91918-908-4 (обложка)

© Башкуев А. Э., 2017

Серия 6

Antidotum adversus Caesarem

(Противоядие против Цезаря)

1797. Павильон. Весна. Эзель. Абвершуле

1 а

Идет урок. Ученики, склонившись над партами, что-то пишут. В класс входит директор — аббат Николая.

АББАТ НИКОЛЯ: Воспитанник Бенкендорф!

Александр Бенкендорф поднимается. Он кладет перо на место, закрывает чернильницу, переворачивает исписанные листы лицом вниз. Аббат кивает ему головою на выход. Мальчик кивает в ответ и выходит за аббатом из комнаты. В коридоре директор откашливается.

АББАТ НИКОЛЯ: Из Риги дурные вести. Ваша мать — умерла.

Александр молчит.

АББАТ НИКОЛЯ (нервно покашливая, продолжает): Я могу отпустить вас на похороны.

БЕНКЕНДОРФ: Это не нужно.

АББАТ НИКОЛЯ: Хорошо. Тогда на сегодня вы освобождены от занятий.

Натура. Весна. Вечер. Сад Абвершуле

2 а

Маленький Бенкендорф идет по саду. Темно. Громко кричат вороны. Лицо у мальчика каменное. Пола его широкого монашеского одеяния цепляется за колючий куст. Мальчик

тянет ее, но она зацепилась и рвется. Лицо мальчика искажается, он распахивает свой монашеский наряд. Под ним — черная офицерская форма. Мальчик выхватывает свою шпагу и начинает рубить ветви кустарника. Тут из-под его шпаги вываливается какой-то кулек. Он нечаянно срубил розу, закутанную в тряпье от мороза. Мальчик хватается розу и пытается приладить ее на место среза, на стволе розы — шипы, они ранят его руки. Роза не держится. Мальчик роняет ее и свою шпагу. Он стоит в снегу на коленях, закрыв лицо руками, и мы не видим, плачет он или нет. Затем он поднимается и уходит от нас по зимнему саду. На снегу остаются следы его сапог и пятна крови из израненных рук. Громко кричат вороны.

3а

**1796. Четырьмя месяцами ранее. Павильон. Зима.
Ночь. Зимний дворец**

В огромной Тронной зале гулко и пусто. Мы видим отблески света. К трону Российской Империи приближается Император Павел, за ним со свечами идут верные учитель двора Салтыков, который в последние годы фактически руководил культурой и образованием, и статс-секретарь Безбородко, он же канцлер и министр иностранных дел. Павел садится на трон, и сразу же видно, что трон не его. Там, где трон был впору огромной и дородной Екатерине Великой, маленький тщедушный Павел теряется. Он пытается усестись то так, то этак, но трон для него неудобен, огромен, и Павлу там неуютно. Пока он так барахтается, два самых влиятельных царедворца усопшей царицы терпеливо ждут, пока тот на месте освоится. Наконец Павел не выдерживает, с трона спрыгивает и начинает ходить по зале туда-сюда. Из-за того, что свечи в руках Салтыкова и Безбородко, получается, будто новый император то выходит на свет, то погружается в беспросветную тьму.

ПАВЕЛ (с раздражением): Почему так темно? Велите, чтобы был свет!

БЕЗБОРОДКО (извиняющимся голосом): Так ведь ночь на дворе... А слуги все в том крыле — собирают покойницу. Сейчас я велю...

ПАВЕЛ (*резко*): Не надо, так обойдусь (*с обидою в голосе*). Черт, даже свет в такой день — и то ей, а я тут впотьмах — хоть глаз выколи (*чуть попыхтев*). К черту! Прикажите свечи зажечь и камин!

По комнате бегут слуги, быстро разжигающие свечи по углам, а также затапливающие камин. Он горит ярче, и перебивает свет от свечей. От этого лицо Павла начинает сиять кровавыми, багровыми сполохами. Павел стоит у огня и этого не видит, но Безбородко и Салтыков друг с другом с ужасом переглядываются.

САЛТЫКОВ (*Безбородке на ухо тихо и с осуждением*): Дурной знак! Не затевают свое правление ночью... Дождались бы утра, что за спешка?

БЕЗБОРОДКО (*Салтыкову на ухо и чуть слышно*): У него указов в кармане штук сто. Писал их всю жизнь. Видно, не может терпеть, ибо указы сии так и жгут ему ляжку...

ПАВЕЛ (*подозрительно*): О чем это вы? Мать мою, верно, еще не оплакали? (*с угрозой*) Но погодите, нынче я все сделаю тут по новой!

САЛТЫКОВ (*громко и угодливо*): Да полноте, Ваше Величество! Мы обсуждаем порядок похорон и всей церемонии...

ПАВЕЛ (*радостно*): Да-да! Мать мою захоронить в одной могиле с отцом! Из Александро-Невской лавры его живо выкопать — и к матери под бочок, чтоб они всегда были рядом!

БЕЗБОРОДКО (*начиная утирать голову платком*): Вы хотите показать всему миру на царских похоронах разложившегося покойника?! Что подумает про нас Европа?!

ПАВЕЛ (*капризно*): А мне-то что до Европы?! Положить их обоих в одном гробу... Рядом! Я сказал — РЯДОМ!

САЛТЫКОВ (*заламывая руки*): Все, все мигом сделаем... Однако же... Петр Федорович за все эти годы, пожалуй, немного испортился. А если кто пожелает сравнить вас на лицо с вашим батюшкой? Сравнение явно не пойдет ему на пользу!

Безбородко (*жалобно подхватывая*): Вот и я думаю, хорошо б поданные помнили вашего отца по портретам, а в его новом виде лучше бы они его и не видели!

Павел задумывается, делает еще пару кругов по залу, хмурится, потом начинает сморкаться. Наконец он говорит расстроенным голосом.

ПАВЕЛ (*разочарованно*): Да, пожалуй, вы правы. Лучше из гроба его уже не вытаскивать. Но все равно, я потом обязательно положу их двоих вместе. А Орловы понесут траурные венки за гробом убиенного ими папеньки!

САЛТЫКОВ (*осторожно*): Орловы сменили Воронцовых в качестве самых сильных поволжских помещиков. А те на Волге подняли мятеж, объявив Пугачева вашим родителем. Лишь с изгнанием Воронцова Волга была успокоена. Стоит ли затевать это вновь — обратную сторону?

ПАВЕЛ (*с яростью*): Что?! Бунтовать?! Да я их в бараний рог, в порошок всех сотру! Как Воронцовых на Волге моя мамка стерла (*со всей дури кричит*). Отца перезахоронить вместе с матерью (*немного одумавшись*), но — потом. И пусть за гробом идут не все Орловы, но лишь один — Алексей. У него земли на югах, в Новороссии. Их только заняли, и народ там за него не подымется.

САЛТЫКОВ (*переводя дух*): А вот это — мудро, Ваше Величество!

ПАВЕЛ (*усмехаясь*): Алехан Орлов тут дал маху, выпросил себе кусок вдали от прочей семьи. Прищучу его, а помощь ему не придет! Вот что значит отрываться от коллектива! И чтоб закрепить сие навсегда, раздадим все свободные земли в Поволжье моим немецким сторонникам, а Орловы попрыгают! Теперь с указами (*начинает рыться в карманах*).

Салтыков с Безбородкой обескураженно переглядываются.

Безбородко (*тихо Салтыкову*): Я не лезу в политику, но разве Орловы это не члены его же немецкой партии?

САЛТЫКОВ (*тихо в ответ*): Полноте. Лишь царь и знает, кто ему друг и кто в его партии. И сколько еще нам открытий чудных сулит новое царствие...

Безбородко отдувается и кивает, а тем временем Павел достает свои указы.

ПАВЕЛ (*торжественно*): С этого дня мы начинаем жить по новой в нашей Империи! Больше не будет фаворитов, бабских капризов и прочего. Нашим девизом для страны и людей становятся порядок и польза! Вы первыми должны мне поклясться, что отныне вы живота не шадите ради народного блага да интересов нашей страны!

БЕЗБОРОДКО (*одушевленно*): Всегда рад живот положить на благо Отечества! Давно пора найти укорот на всех этих Зубовых...

САЛТЫКОВ (*перебивая*): И я готов, Ваше Величество! Дел-то нынче невпроворот, желательно дать церковно-приходским школам средства, чтобы они смогли учить детей грамоте...

ПАВЕЛ (*насупившись*): Школьная реформа? Это потом... Более важные дела на носу. И ты, Николай Иванович, уймись. Меня ты линейкой стегал, потом сыновей моих драл, а нынче за всех детей примешься?! Не выйдет. Отныне телесные наказания в школах учителям запретить, а назначим для этого приставов. Учитель должен детей учить, а не линейкой стегать... Да и это... С этого дня ты больше не учитель для моих сыновей. Выросли.

Салтыков растерянно отстраняется и начинает свои руки рассматривать. Безбородко смотрит на него искоса и осторожно бормочет.

БЕЗБОРОДКО: Николай Иваныч на образовании собаку съел. Раз помер министр образования Бецкой, может, отдадим его пост Николаю Иванычу?

ПАВЕЛ (*отмахиваясь*): Да, хорошо. Разумеется, занимайтесь образованием, но денег я вам на ваши прожекты не дам! У нас — реформы!

Салтыков облегченно вздыхает и утирает со лба пот. Он с благодарностью незаметно пожимает руку Безбородке. Тем временем Павел начинает читать указы.

ПАВЕЛ: Итак, самым первым указом я ввожу новые и четкие правила престолонаследия в Российской Империи.

САЛТЫКОВ (*с одушевлением*): Давно пора!

ПАВЕЛ: Вторым указом — отменяю действие Жалованной грамоты, запрещавшей телесные наказания дворянства. Отныне дворян можно и пытаться, и пороть, как того многие и заслуживают!

БЕЗБОРОДКО (*одобрительно усмехаясь*): И это пора. А то, ишь, разбаловались. А цесаревича Константина в первую голову!

ПАВЕЛ: Третий мой указ — о введении налога на помещиков ради содержания местного управления. Пусть теперь Орловы, Юсуповы и моя кузина сами содержат свою же администрацию в их же провинциях...

*Оба советника переглядываются и пожимают плечами.
Безбородко робко поднимает руку и спрашивает.*

БЕЗБОРОДКО: А кто же этот налог будет в провинциях собирать? Те же, кто им облагается? А ежели они решат уклоняться?

ПАВЕЛ: А вот для этого и написан второй указ — о телесных наказаниях для дворянства. Не захотят собирать, тогда мы их палкой!

Советники вновь переглядываются. Безбородко хочет что-то сказать, но Салтыков делает умоляющий жест и движение, будто болтает языком, а потом снисходительно разводит руками. Безбородко пыхтит, кивая в ответ.

ПАВЕЛ: Четвертый указ — о введении единого подушного налога на всех помещиков, а то эти Орловы совсем обнаглели — крестьян у них больше, чем у меня, Государя.

Лица советников становятся скучными, и они оба начинают что-то на пальцах подсчитывать.

ПАВЕЛ: Пятым указом я ввожу запрет на прошения об отставке для тех, кто прослужил менее пяти лет... Так... Шестым указом...

Бубнеж Государя продолжается и продолжается. Оба советника очевидно заскучали, ибо что-то в указах обоим им не понравилось. Они даже начинают меж собой развлекаться — толкаясь и пытаясь друг другу наступить на ногу. А тот все зачитывает...

ПАВЕЛ: ...и наконец двадцать седьмым указом я прикажу повесить особый ящик у Зимнего, в который любой обыватель сможет мне

кидать письма, докладывая, какие из указов моих не исполнены. А всех виновных буду лично бить палкой.

С этими словами Павел складывает бумаги с указами в кучку и, даже не ожидая ответа советников, идет прочь из зала. Он почти выходит из Тронной залы, но на пороге вдруг резко поворачивается и с сияющим видом говорит.

ПАВЕЛ (с видимым удовольствием): Кстати, раз уж я, несмотря на все ваши козни, все-таки стал Государем, я начну совершенно новую жизнь. Помирюсь со всею семьей, соберу всех, наконец, под одну общую крышу. Зиму будем проводить здесь, а летом всей семьей отдыхать в Гатчине!

С этими словами Павел резко поворачивается и выходит. Ошеломленные сановники переглядываются.

БЕЗВОРОДКО (с изумлением): Интересно, как он собрался помирить Шарлотту Карловну со своим сыном Константином?!

САЛТЫКОВ (мрачно): А вот мне интересно, как они с Кристофером поделят Марию Федоровну...

БЕЗВОРОДКО (хватаясь за голову): Твою ж мать... Мне послы доложили, что жена Александра Елизавета написала матери уже тыщу писем. И там сказано, что Александр — импотент. Но это еще ничего, жена Константина Анна в Саксонии нынче про него и про Павла такое рассказывает...

САЛТЫКОВ (задумчиво): Пожалуй, у меня накопилось уже столько дел в министерстве образования...

БЕЗВОРОДКО (кивая в ответ): Мудрый ты человек, Николай Иванович. И впрямь, надо мне все эти новые указы всем послам разъяснять, а это же — каждому написать... Побегу я... Дела!

**1796. Павильон. Зима. Ночь. Зимний дворец. Комнаты
Марии Федоровны**

4 а

В двери покоев Марии Федоровны кто-то отчаянно и сильно молотится. Двери изнутри открывают, за ними стоят Кристофер фон Бенкендорф в полном облачении, за ним

его офицеры: Невельский, Оболенский и прочие. Рядом с Кристофером — бледная Мария Федоровна, а рядом с нею Шарлотта Карловна фон Ливен, сжимающая в руках люльку с маленьким Николаем. К ногам Карловны жметя маленькая девочка — сравнительно высокая и явно голенастая Анна Павловна, родившаяся уже после разделения Гатчины на две части, а чуть поодаль стоят прочие Павловны, они взрослей, и ножки у них всех — коротенькие. Посреди этих великих княжон выделяется высокий и смазливый Константин Бенкендорф. Всю группу освещает бледно-желтый свет восковых свечей, горящих внутри покоев. Камера делает круг, и мы видим, что в дверь молотился сам Император Павел, рядом с которым стоит его начальник охраны генерал Аракчеев и офицеры из его полка. Эту группу освещает чадно-красный свет факелов, которые эти люди несут с собой. Павел достает из кармана указ, сует его Аракчеву, и тот громко зачитывает.

АРАКЧЕЕВ (*торжественно*): Особым указом Его Величества Императора всея Руси Павла Первого генерал Кристофер фон Бенкендорф отныне не командует его охраной и лейб-гвардии егерским полком. Он изгоняется из страны и обязан немедленно вернуться назад на свою родину — в Лифляндию — к своей супруге и детям. Указ исполнить немедленно.

Мария Федоровна начинает потихонечку всхлипывать, Кристофер отдает ей честь, пожимает руки своим офицерам и под конвоем начинает идти на выход. Вдруг Павел жестом своих людей останавливает.

ПАВЕЛ: Отконвоировать его в Нарву позже, а пока пусть посидит в комнате для охраны. А вот этих предателей (*кивает на Невельского с Оболенским и прочих бывших офицеров своей охраны*) другим конвоем в Кронштадт и на кораблях сразу в Ригу. Нечего им вместе тут делать.

АРАКЧЕЕВ (*kozyряя*): Будет исполнено! (*кивая своим офицерам на офицеров Кристофера*) Исполнять! (*кивая на Кристофера*) А этого когда везти к Нарве?

ПАВЕЛ (*ухмыляясь*): Я думаю, ты услышишь. Вы оба услышите.

Комната быстро пустеет. Павел оборачивается к Карловне.

ПАВЕЛ: А ты что стоишь, старая? Муж пришел к любимой жене. Почти пять лет, как не виделись. Сама же была за военным. Убирайся-ка, живо. И детей убирай!

Карловна хочет что-то сказать, но потом передумывает и, прижимая к груди люльку с Николаем и Анну Павловну перед собою подталкивая, хмурясь, выходит из комнаты. В другую дверь, ухмыляясь, выпроваживает великих княжон молодой Константин Бенкендорф. Павел запирает за всеми двери и, сняв с себя ремень, начинает его себе на кулак наматывать и при этом на глазах расплывается.

ПАВЕЛ: Что ж молчишь, моя верная женушка?! Небось от радости язык проглотила? Ну так как раз вот на этот случай мы отменили тут давеча закон, запрещающий телесные наказания для дворян. И особенно — для дворянок. Сама выбирай: или будешь мне верной женой, да чтобы мой молочный брат слышал, или ждет тебя примерная порка!

МАРИЯ: Какой же ты урод... Мерзкий карла! Я тебя ненавижу! (*срываясь на крик*) Да бей хоть до смерти, я тебя не боюсь!

ПАВЕЛ (*изменяясь в лице*): Сама не боишься, за своего аманата побойся! Не доедет до Нарвы наглец! Ты меня знаешь!

МАРИЯ (*отчаянно*): Шарло! Ты меня слышишь?! На помощь! На помощь! Какой же ты...

Камера отъезжает, и мы видим, как Мария Федоровна отчаянно отбивается от Государя Императора, а тот кричит.

ПАВЕЛ: Ах, ты упрямишься?! Никто мне не смеет отказывать! Я тут Царь, я тут главный! Нету противоядия супротив Императора!

1796. Натура. Зима. Утро. Зимний дворец. Людские

Холодный, грязный и слякотный день. У кареты возится Елена Сперанская, готовясь к поездке. К ней подходит Аракчеев.

ЕЛЕНА: Что-то всю ночь кареты туда-сюда ездили, и даже у нас слышны были крики. Мне даже послышалось, что звали мою хозяйку из Риги.

АРАКЧЕЕВ (*небрежно*): Цирк. Государь с чего-то решил, что хочет вернуть былую жену, а она — ни в какую. Давай голосить и звать из Риги Шарлотту. Будто до Риги от нас докричишься. Кстати, а чего это от вас один Барклай прибыл на похороны?

ЕЛЕНА: Шарлотта вечно болеет, а у Эльзы Паулевны — радость. Первой у нее была девочка, а нынче она хочет мальчика. А у нее ж — возраст.

АРАКЧЕЕВ: Все ясно. Опять у Розы кашрут, а Эльза беременна. И Государь у нас нынче Павел. Все одно к одному будто сходится... Ну ладно, жду снова в столице.

Аракчеев поворачивается и возвращается во дворец, а Елена стоит, замерев, возле всех своих сундуков у кареты.

ЕЛЕНА (*вслед Аракчеву*): У меня в столице еще пара срочных дел — к примеру, надо краски купить Розе Марковне...

6 а

1796. Павильон. Зима. Вечер. Зимний дворец. Покои Павла

Павел сидит в своем кабинете и что-то с ожесточением пишет. Перья у него все время ломаются, он с остервенением их во все стороны разбрасывает, то и дело вскакивает из-за стола, по комнате бегает, назад за стол возвращается и продолжает писать.

ПАВЕЛ (*в сердцах пишет и все время бормочет*): Ах ты, толстая сучка... Ах ты, паразитка поганая... Я тебя научу, заставлю исполнять мою волю! Пока меня не будут слушать в семье, кто ж в стране станет слушать? Не-е-ет... Будет мой верх! (*с отчаянием*) Кого бы спросить, как же приструнить свою бабу? И порол ее, и любил ее, а все только хуже. Мама-то знала, как... (*Прикрывает лицо руками и будто плачет, затем успокаивается и начинает сморкаться.*) Куда же все подевались? И когда же мне ждать моего Сашку Куракина?! А это что еще за крик?!

Павел вскакивает из-за стола и бежит к двери. Та вдруг сама собой раскрывается, и к нему вбегает младшая невестка Анна Федоровна. Платье ее в беспорядке, глаза безумны, а в руках окровавленная кочерга. Павел отшатывается.

ПАВЕЛ: Это еще что? Кто разрешил, кто пустил?

АННА (*захлебываясь от волнения*): Так и запомните, в другой раз просто убью! Вот урод, вот урод!..

Павел ловко движется по покоям — так, чтобы между ним и невесткой все время был его стол. При этом Государь опасливо косится на кочергу, которой все время размахивает Анна Федоровна, и торопливо звонит в колокольчик. Маленькая крепенькая Анна не слушает.

АННА (*возбужденно кричит*): Вот гад, вот хорек! Вы же знаете, венчали с Константином нас походно в Кронштадте, потом мы жили у папы с мамой в Саксонии, и он делал вид, будто я ему безразлична. Говорил всем, мол, я маленькая. А я, дура, верила. Я — надеялась!

Снова раскрывается дверь, в покои вбегает перепуганный, взмокийший Кутайсов. Он делает успокаивающие знаки то Павлу, то Анне и при этом как-то зигзагом приближается к женщине, а потом одним кошачьим движением ловко выхватывает у нее кочергу. Впрочем, та не особо и сопротивляется, а продолжает возбужденно бежать по комнате. Государь так же опасливо от нее бежит, она этого не замечает, а со стороны получается, будто они ходят по кругу, причем заметно изумительное сходство в движениях у царя и невестки, благо оба маленькие и крепко сбитые.

ПАВЕЛ: Так что? Что же случилось?

АННА (*с отвращением и брезгливостью в голосе*): Как что?! Он взял с вас пример. Сегодня пришел и сказал, что раз батюшка принудил к этому матушку, то и он вправе сделать со мною все то же самое!

ПАВЕЛ: Что? Что «то же самое»?

К нему бросается с кочергой Кутайсов, который делает странные знаки, будто он просит царя закончить с распросами. Тем более что в ответ Анна ярко краснеет,

на мгновенье тушуетя, а потом, выпячивая подбородок и делая злое лицо, кричит в ответ.

АННА: Сынок твой трахает всех только в задний проход, вот что! А нынче пришел и сказал, что раз его мамка громко ночью орала, то и ты ее нынче тоже... Ибо раньше не кричала и не сопротивлялась она никогда.

ПАВЕЛ (*багровея лицом*): Да как ты смеешь? Да я ни с кем...

АННА (*фыркая*): Да полно врать-то, папаша! А в какую дыру ты — свою Христю?! Сказки-то мне не рассказывай! Чай не маленькая. Сынок твой сказал, что он во всем хочет быть похожим на вас, и потому я должна дать ему то же самое.

ПАВЕЛ (*судорожно сглатывая*): Я никогда... И что же? Вы ему — дали?!

АННА (*со всей дури кричит*): Да! Дала! Кочергой ему, хорьку, по балде! И еще дам, коль хоть пальцем дотронется до моей задницы!

Павел ошалело смотрит на Кутайсова, тот показывает ему окровавленную кочергу и разводит руками, мол, именно так все и вышло. В этот миг распаивается дверь, и в покои вводят окровавленного Константина, голова которого обмотана краснеющим полотенцем. Константин при этом орет, что сейчас кого-то убьет, и поэтому у него на плечах висят его адъютанты — Яновский с Потоцким.

ПАВЕЛ (*нервно и немного растерянно*): Костя, мне сказали, что ты...

КОНСТАНТИН (*с яростью*): А что я? Что — я?! Почему ты можешь в жопу драть кого хочешь, а я свою такую же законную жену — не могу?!

Павел в ответ, задыхаясь от гнева, начинает рвать кочергу из рук у Кутайсова (тот отчаянно сопротивляется) и страшно кричать.

ПАВЕЛ: Да как ты посмел про нас с матерью?!

КОНСТАНТИН (*тушуясь и будто оправдываясь*): Рассказывай... Так как в эти дни матушка... под мужиком бабы орут, лишь когда их не туда... пялят...

Павел бросается на сына и начинает остервенело бить его по лицу. Кутайсов безуспешно пытается куда-нибудь захватить кочергу. Чуть успокоившаяся Анна при этом сзади кричит.

АННА: Так его! Так его! А еще раз ко мне полезет, я его, козла, приблю на хрен!

КОНСТАНТИН (*полужалобно*): Да ты че, батянь?! Ты чего?! Я же всего лишь хотел быть таким же, как ты! Не по нраву тебе? Хорошо! Ты более мне не пример!

Павел с трудом отрывается от избияния Константина и хрипло шепчет.

ПАВЕЛ: Ненавижу... Я никогда не обижал твою мать. Да я с Марихен... Я люблю Марихен... (*Он вдруг вновь возбуждается.*) Твою ж мать!!! Так вот кто про меня распускал все эти слухи в Европах (*злобно шипит*). Ну вот что, сынок... Любимый... (*Обращаясь к Кутайсову, будто Константина нет в комнате.*) Есть недостроенный дворец Петра в Стрельне. Пусть этот козел там в глуши и живет. А мне на глаза чтобы более не попадался.

Адъютанты быстро выводят Константина из комнаты. Тот порывается что-то сказать, но сами Яновский с Потоцким зажимают ему рот и что-то шепчут. Когда дверь за цесаревичем закрывается, Павел сокрушенно разводит руками и поворачивается к Кутайсову.

ПАВЕЛ: Ну вот опять оторвали от службы Отечеству. Садись к столу, будешь помогать мне указы писать.

Кутайсов в ответ начинает делать странные знаки. Павел следит взглядом за жестами слуги и к своему изумлению обнаруживает, что в углу комнаты стоит всеми забытая Анна Федоровна. Кутайсов робко спрашивает.

КУТАЙСОВ: А с этой-то что? Ежели и ее в Стрельну — большая беда может выйти. Саксония — страна крупная. Считаю, пол-Германии.

ПАВЕЛ: А нашу Аннушку мы оставим при нас. Пусть и дальше живет в комнатах Константина. Вся семья у меня будет в сборе и жить под одной общей крышей...

Анна: Хорошо. Только на будущее ты, папаша, слюну-то сразу утри. Я тебе не жена и не Христя. Тронешь меня за попо — крику будет на всю Европу. Знаю я, в кого у тебя сынок такой уродился, и ты меня — слышал.

С этими словами молодая женщина стремительно выбегает из комнаты. Павел бросается ей вслед и кричит.

ПАВЕЛ: Да я никогда! Ни за что! (*поворачиваясь к Кутайсову*) Почему они мне все не верят? У меня с женой исключительно натурально и по согласию. И я ни разу же с Христей!

Кутайсов в ответ пожимает плечами. Выражение лица у него при этом немного загадочное.

7а

1796. Павильон. Зима. Вечер. Зимний дворец. Покои Александра

В комнате Александра романтическая полутьма и горят свечи и благовония. На широком диване сидит Наследник престола, прижимаясь спиной к спинке, а у него на коленях расположилась замечательная красавица, которая страстно целует царевича и при этом одною рукой лезет ему в штаны. Непонятно, отвечает ли на поцелуй Александр. Наконец красавица от Наследника немного отодвигается, и Александр ей говорит.

АЛЕКСАНДР (*сухо*): Когда тебе надоест, вон на том столике для тебя приготовлен подарок с моим личным вензелем. Уговор помнишь?

ПАНИ ГЖИВОВСКАЯ (*раздраженно*): Я должна хвастаться этим подарком, всем показывать вензель и рассказывать, какой ты лев и герой. Доволен?

АЛЕКСАНДР (*холодно*): Вполне. Мы закончили?

Пани со своей жертвы с явным раздражением поднимается и идет к заветному столику. Там она довольно хихикает и, перебирая безделушки, воркует.

ПАНИ ГЖИБОВСКАЯ: Больше всего мне по нраву вот этот красный браслет. Из чего он?

АЛЕКСАНДР: Раз красный, то, наверно, гранатовый.носи чаще и пожалуйста — не стесняйся.

ПАНИ ГЖИБОВСКАЯ (*возвращаясь к дивану и браслет на своей руке так и так рассматривая*): У меня чувство, будто я тебя обобрала. Скажи, что не так, и мы попробуем еще раз.

АЛЕКСАНДР (*чуть отстраняясь*): Пожалуй, не стоит. Прощайте.

ПАНИ ГЖИБОВСКАЯ: И все ж... Я настаиваю.

АЛЕКСАНДР (*сдавленным голосом*): Меня от вас мутит. От вас слишком пахнет... немытою женщиной.

ПАНИ ГЖИБОВСКАЯ (*вскидываясь*): Ну ты... Ну ты козел!

Гостья стремительно выходит из комнаты. На выходе она на миг задерживается перед столиком с подарками и берет что-то еще. Александру все равно, он сидит с отсутствующим видом, и ему, похоже, все безразлично. Открывается дверь в соседнюю комнату, и оттуда выходит Червинская (Нарышкина), которая, видимо, все это слышала. Она садится рядом с цесаревичем на диван.

ЧЕРВИНСКАЯ (*участливо*): Что, и с нею никак?

Александр отрицательно мотает головой, а Червинская целует его. Потом она робко спрашивает.

ЧЕРВИНСКАЯ (*участливо*): Может, получится, как раньше, со мной?

Александр снова отрицательно мотает головой, а потом срывающимся голосом шепчет.

АЛЕКСАНДР (*будто подавляя приступы тошноты*): Не могу. И от тебя пахнет... Нарышкиным.

Червинская укладывается на диван, кладет голову Александра себе на грудь, целует его и ласково шепчет.

ЧЕРВИНСКАЯ: Когда-то выветрится. Тогда просто полежим, обнявши друг друга. Иди ко мне — тут тепло. Я тебя обогрею.

Александр обнимает свою подружку и начинает беззвучно плакать. Червинская гладит его лицо, утирает слезы, как кошка их с лица цесаревича слизывая.

АЛЕКСАНДР: Почему? Почему моя мама меня ни разу не обняла? За что она так ненавидит меня?

ЧЕРВИНСКАЯ: А ты с ней об этом когда-нибудь говорил?

АЛЕКСАНДР: Да какой смысл?!

ЧЕРВИНСКАЯ (*резко поднимаясь*): Пойдем к ней, и ты скажешь, как ее любишь!

АЛЕКСАНДР (*сухо и холодно*): Она все равно скоро содохнет. И на меня ей плевать. А раз ей все это не нужно, то не нужно и мне.

Цесаревич резко отворачивается от своей пассии, а когда та пытается погладить его, он со злостью отталкивает ее от себя. Червинская устало смотрит на сгорбленную фигурку, уткнувшуюся в диван, встает, идет к столу и пересчитывает безделушки.

ЧЕРВИНСКАЯ (*со злостью*): Ах, Зоська, ну — курва! И серьги бирюзовые прихватила, и брошь малахитовую. А дела не сделала! Ну погоди у меня, все вернешь, что потырила!

1797. Павильон. Зима. День. Зимний дворец. Комнаты Государя

Павел сидит в своем кабинете и пишет. Осторожный стук в дверь. Павел кричит: «Впустите!», продолжая писать. В кабинет входит просительница, и Павел, лишь дописав, поднимает к ней лицо. Перед ним стоит Шарлотта Карловна в черных одеждах. В руках гувернантки подносик, на котором письмо. Павел, не принимая письмо, спрашивает.

ПАВЕЛ: Что это? Откуда?

КАРЛОВНА: Давеча из Риги пришло. От кухни вашей Шарлотты Иоганновны.

Павел протягивает руку, небрежно берет и распечатывает письмо. Мгновение он читает спокойно, а потом его будто подбрасывает, он выскакивает из-за стола и принимается кругами бегать по комнате. Подбегает к Карловне и, потрясая письмом, кричит.

ПАВЕЛ: Да это ж... Это ж бунт! Измена! Знаешь, что там?

КАРЛОВНА: Вестимо дело. Сама по Машиной просьбе Шарлотте писала. Сама и ответ от подруги прочла Маше вслух. Эк она вас ударила! Видать, по больному. Обещает ни рубля налогов не слать, пока вы Машу не отпустите. А коль умрет Машенька, так Латвия вам объявит войну. По-моему, очень понятное и простое письмо.

ПАВЕЛ: Да это же... Это же...

КАРЛОВНА: Все верно. Больше половины доходов казны. Я сочла. Преподаю математику.

ПАВЕЛ: Да я их... Я же их в порошок...

КАРЛОВНА: Иль она вас. Я сочла. Пушек и пороха у Витгенштейна уже нынче больше, чем у всей русской армии. Там Барклай и Кристофер, туда бегут лучшие офицеры. А вы и Суворова и Кутузова недавно отставили. Де Рибас дружен с Кутузовым, Суворов с Кристофером, а вы со всеми поссорились. Так что или они вас, Ваше Величество...

ПАВЕЛ (*вскидываясь на Карловну*): Ах ты, старая карга, да я тебя...

КАРЛОВНА (*покойно и холодно глядя в глаза Императору*): Так не впервой... Сынок твой — сына моего, Феденьку, а ты, значит, меня. Я — готовая...

ПАВЕЛ (*будто скисая и отворачиваясь*): Совсем выжила из ума, старая! (*после недолгого молчания*) Как там? Ну эта... жена.

КАРЛОВНА (*глухо и холодно*): Угасает. Пыталась резаться, как Шарлотта, да бритву отняли. А как стало ясно, что у нее кончились месячные, так и не ест, и не пьет. Скоро кончится. Первая жена твоя померла, стало быть, скоро помрет и вторая. А что? Тебе не впервой... Никто уж и не удивится в Европах-то.

Павел опять начинает метаться по комнате, но уже вяло. Потом он, видно, принимает решение и объявляет.

ПАВЕЛ: Раз ей плохо и она от меня ждет ребенка, пусть навсегда убирается к себе в Павловск!

КАРЛОВНА: Маша не поедет без девочек и малыша Коли.

ПАВЕЛ (*вспыльчиво*): Да на хрен они мне сдались?! Все одно раздам я их всех тотчас по дворам Европы. Да и Гагарину выгоните, наконец, из Гатчины! Достала! Никогда мне здоровые телки не нравились. Все! Начинаю новую жизнь! Пошла вон!

Карловна лишь кивает в ответ и молча идет на выход. Когда она уже почти дотрагивается до дверной ручки, Павел ее с подозрением спрашивает.

ПАВЕЛ: Я отпустил вас с колобком во главе. Так ты же напишешь кукле? Налоги ко мне должны прийти вовремя!

КАРЛОВНА (*с легким презрением*): Не поверила я Шарлотте, но тебе скажу — все произошло именно так, как она и предсказывала. Налоги к тебе придут вовремя. Эх, везучая ж Машка... Как же повезло ей с подругою!

9 а

Павильон. Весна. День. Рига. Дом градоначальницы

Огромная постель, в изголовье которой огромное мрачное черное распятие. В постели лежит Шарлотта, у которой землистый цвет лица и огромные черные круги под глазами. Вокруг суетятся врачи. У кровати хозяйки сидит и держит ее за руку верная Эльза.

ШАРЛОТТА (*еле слышно*): Ты не волнуйся, а то у тебя молоко пропадет.

ЭЛЬЗА (*с рыданием в голосе*): Все хорошо. Доктора вас сейчас вылечат.

ШАРЛОТТА: Не вылечат. Это — сулема, нас учили по химии. Все ее признаки. Главное — вырасти для меня и Сашу, и Дашеньку. А еще служи Марьюшке. Я Петра успела назначить?

ЭЛЬЗА: Так точно. Он уже объявлен вашим душеприказчиком. Как вернется он из Литвы, так и начнет всем командовать.

ШАРЛОТТА: Трон пусть Сашке отдаст, когда тому стукнет тридцать. Не раньше, не позже. Или Дашке, ежели с Сашкой...

ЭЛЬЗА: Все сделаем.

ШАРЛОТТА: А с деньгами пусть и дальше Барклай... (*жалобно*) Больно мне, горю я вся, Элечка!

ЭЛЬЗА: Эй, Шимон, Шульц, дайте ей что-нибудь! Опять идет приступ!

Павильон. Весна. Ночь. Рига. Дом градоначальницы

10 а

Слуги и служанки в коридоре дома вдоль стены все построились, и женщины и мужчины плачут иль всхлипывают. За окном мерно и тяжело бьет колокол. Вокруг слуг и служанок стоит мрачная стена молчаливых охранников, в коридоре висит напряжение. Потом раздаются шаги, их много, и они приближаются. Появляется Эльза во главе своих офицеров. Она в наглухо застегнутом под воротник черном мундире, на поясе черный мясницкий передник, а за поясом такие же черные перчатки. Эльза медленно идет мимо строя слуг и служанок, и при ее приближении все по очереди начинают бледнеть, трястись и всхлипывать. На лице Эльзы нет ни кровинки, а глаза и губы у нее белые и холодные. Гулко бухает колокол. Эльза в конце строя останавливается перед Розой Боткиной и будто очень тихо ей говорит, почти шепчет, но шепот этот слышен по всему коридору.

ЭЛЬЗА: Итак, госпожу отравили. Хлорная ртуть. Сулема. Яд без цвета, вкуса и запаха, но умирают от него долго и страшно. Вы все у меня еще сулемы попросите, это я вам обещаю. Кто уже сейчас с нее начать хочет? Это избавит от дыбы, иголок под ногти иль испанского сапога... Повоете, покричите чуток, как госпожа баронесса, да и все! Что — нету желающих?! Так я назначу.

Эльза снова идет мимо строя слуг и служанок, в лица каждого внимательно глядяваясь. Все по очереди начинают рыдать и креститься, а Эльза продолжает.

ЭЛЬЗА: В подвал идут все. Всех по очереди я познакомлю вот с этими перчатками и этим передником, ежели кто у нас в доме про их назначение вдруг не в курсе. А после я сама приведу в общую камеру ту самую суку, из-за которой мы всех прочих сейчас изуродуем, и оставлю на одну ночь вместе с прочими. Так что мой вам совет — вспоминайте быстрее.

Слуги со служанками в ряду у стены начинают меж собой переглядываться, и бойкая Кирстен за всех спрашивает.

КИРСТЕН: Что надо вспомнить? Мы-то зараз. А что именно надо вспомнить?

ЭЛЬЗА: Яд был в кумысе, который прислан князем Юсуповым. Яд всыпали в один из бурдюков. Печать на бурдюке была сломана. Кумыс в доме пила лишь хозяйка. Надо вспомнить всех, кто неделю-другую назад копался в подвале с продуктами.

Слуги со служанками переглядываются, а потом сами начинают выталкивать из ряда то тех, то этих. Получается человек пять, и первая в ряду — Роза Марковна. Вдруг Кирстен говорит.

КИРСТЕН: А еще должна быть Елена — вот ее (*кивает на Розу*) племяшка. Только она с неделю как в столицу уехала. У нее свадьба.

ЭЛЬЗА: Елена? Сперанская? А что ей делать с продуктами? Она ж не при кухне?

СТАРАЯ ГРЕТА: Роза племяшку, приживалку свою, стены в подвале красить заставила. Та как раз привезла ей из столицы новую краску. Плесень ее не берет.

Эльза делает малозаметный кивок головой. Один из ее офицеров срывается с места и бежит в погреб, разминая при этом в руках серный шарик, используемый для определения ртутти. Пока его нет, Эльза кивком головы отпускает всех непричастных, и те, переводя дух, с удовольствием по сторонам разбегаются. У стены остаются стоять те пять служанок, которые бывали по делам в погребе, и первая из них — Роза Марковна. Именно у нее Эльза все чаще

в своем движении останавливается, а у несчастной при этом всякий раз дух перехватывает. Возвращается посланный офицер.

Фон Пален: В краску добавлялась сулема. Краска продается сухим пигментом, ее смешивают с сулемой в ходе приготовления.

Эльза (поворачиваясь к Розе): Никогда, никогда я не верила вашей поганой породе, но чтоб такое?! Племянницу, благодетельницу свою отравить за гнилую кофту да древние шкапчики?!

Роза Боткина (падая на колени): Видит Бог, не знала я, что тут Ленка задумала! Христом Богом клянусь, ничего не знала, не ведала!

Эльза (с ненавистью): Так ты, гадина, еще и Христа приплела! За все ответишь, за каждый хозяйкин стон, за каждую муку... Это я тебе обещаю! В подвал ее. Ко всему подготовить. КО ВСЕМУ!

Рыдающую и вырывающуюся Розу подхватывают офицеры в черном и вниз уводят. Эльза вынимает длинные черные перчатки из-за пояса и начинает их на свои руки натягивать, оглаживая и расправляя каждый палец. При этом она идет вдоль стены, где стоят последние четыре девицы, которые уже почти теряют сознание от ужаса. А Эльза подходит к каждой по очереди, жестко заставляет смотреть себе прямо в глаза. Обычно стального цвета глаза Эльзы в этот раз почему-то страшно-белесые, будто закрытые бельмами, и все девушки, посмотрев в них, начинают рыдать. Наконец Эльза поворачивается и, уходя в подвал, дает своим людям отменяющий жест и бросает через плечо.

Эльза: Выдыхайте пока. Я — справедливая.

Павильон. Весна. День. Зимний дворец. Покои Павла

11 а

Павел опять за своим огромным, полностью заваленным разными бумагами столом сидит и что-то пишет. В окне играют весенние солнечные зайчики. Раскрывается дверь, и без доклада заходит Кутайсов. Он растерянно вертит в руках большой белый конверт.

КУТАЙСОВ: Тут такое странное дело... Гонец из Риги привез. Со мною раскланялся, пакет церемонно вручил под роспись и сразу уехал. Даже чаю у нас не попил...

ПАВЕЛ (*небрежно*): Видать, торопился. Боялся опоздать на корабль. Давай сюда!

Павел берет в руки конверт, вскрывает, вынимает письмо с гербами и печатями и быстро его читает. В следующее мгновение он письмо, будто ядовитую змею, от себя резко отбрасывает и с ужасом кричит Кутайсову.

ПАВЕЛ: Да она с ума сошла, эта Эльза! Мы же с кузиною помирились, мы же — союзники! Прочти еще раз, может быть, я не понял.

Кутайсов поднимает с пола письмо и читает.

КУТАЙСОВ: «Настоящим уведомляем вас, что давеча скончалась правительница Лифляндии, Эстляндии и Курляндии — ваша троюродная сестра Шарлотта фон Бенкендорф, урожденная фон Шеллинг. Смерть наступила от принятия яда, которым отравила ее Елена Сперанская, подчиненная вашего начальника охраны Алексея Аракчеева и его будущая жена. Есть сведения, что ранее она была вашим прямым агентом. По итогам дознания установлено, что Елена Сперанская отравила мою госпожу по приказу Аракчеева, а тот исполнял ваше указание. За это деяние Елене Сперанской Аракчеевым было обещано имение от вашей милости, а также брак с самим Аракчеевым и через это — положение в обществе. Мы уведомляем вас, что будем действовать соответственно. Эльза фон Витгенштейн, урожденная фон Винценгерод. Подпись с печатью» (*крутит в руках письмо и разводит руками*) Ни фиги себе. Будто объявление войны...

Павел пытается утереть глаза и лицо, руки его дрожат и трясутся. Он хрипло шепчет.

ПАВЕЛ (*растерянно*): Но я же... Но мы же...

КУТАЙСОВ (*хихикая и грозя Павлу пальцем*): А вы ловкач, Ваше Величество. Я и сам уж подумал, что произошло у вас замирение. А вы, оказывается, раз — и в дамки! Хитро!

Павел начинает в ажитации бегать по комнате и кричит.

ПАВЕЛ: Аракчеева! Аракчеева мне сюда!

Через мгновение в комнату врывается Аракчеев. Павел выхватывает письмо из рук у Кутайсова и с видимой яростью хлещет этим письмом Аракчеева по лицу.

ПАВЕЛ: Это как, черт бы вас разорвал, понимать?! Она же была наш главный источник всех средств для моих реформ! Значит — имение! Значит — положение в обществе! Кто, кто вам отдал этот приказ?!

АРАКЧЕЕВ (*ошалело*): Какой приказ?! Не могу знать!

Павел перестает стегать Аракчеева письмом по лицу и сует его ему в руку. Тот письмо быстро просматривает, бледнеет и со всей твердостью говорит.

АРАКЧЕЕВ (*ошалело*): Бред! Бред собачий! Да я эту... Елену... видал пару раз, какая там свадьба, о чем это?

Павел видимым образом успокаивается и бормочет.

ПАВЕЛ: Так и думал. Бред собачий. Вот и разберись с этой хренью! Елену сыскать и сдать в Ригу, (*поворачиваясь к Кутайсову*), а ты напиши этой... Эльзе, что ошибочка вышла. Мы-то тут совсем ни при чем!

Павильон. Весна. День. Зимний дворец. Людские

12а

Аракчеев сидит за столом в своей маленькой комнатке. Перед ним початая бутылка водки и большая железная кружка. Аракчеев уже шибко выпивши, и, судя по всему, он пьет без закуски. Обстановка в комнате самая простая, но с любовью к вещам. Все на своем месте, подогнано и прилажено, и поэтому початая бутылка и кружка выглядят в этой комнате и на этом столе инородными. Раздается стук в дверь. Аракчеев встает и идет открывать. На пороге сияющая Елена. Аракчеев сразу же быстро втаскивает ее в комнату и накрепко запирает за собой дверь.

ЕЛЕНА (*радостным голосом*): А вот и я. Своим ходом ехать сюда оказалось много дольше. В каждой съезжей избе останавливались.

Ну вот, я все и сделала. Пойдем с тобою теперь к Императору, доложим про исполнение, а он нас наградит, даст именование, как обещал, и станем мы с тобою жить поживать и добра наживать!

Елена радостной птичкою прыгает по маленькой комнате, а лицо Аракчеева из пьяно-расслабленного принимает все более сосредоточенное, осмысленное выражение. Он подходит к девушке сзади и, полюбившая ее, смыкает у нее на шею свои мозолистые, крепкие и сильные руки.

16

Павильон. Весна. День. Рига. Дом градоначальницы

По коридору в бывшую комнату Шарлотты идет человек в армейском мундире, лишь при входе в кабинет мы можем понять, что это фон Рапп. Он открывает дверь без стука — по-видимому, его ждут. В кабинете все так же, как было при Шарлотте, однако вместо разбросанных всюду бумаг в комнате теперь стерильная чистота. У окна стоит Эльза. Они обмениваются с фон Раппом приветствиями, после чего Эльза сразу же начинает.

ЭЛЬЗА (*сухо и деловито*): Итак, что вам стало известно в России?

ФОН РАПП: Елена приобрела красящий пигмент и сулему в Гостином дворе в Петербурге. Пигменты и яд покупала сама, расплатилась серебряною монетой, а не ассигнацией, чем на себя обратила внимание. Учítывая то, что Роза давала ей деньги гульденами...

ЭЛЬЗА (*с ненавистью*): Я поняла. Работодатель в России. Кто?

ФОН РАПП: Девушка никогда не говорила, что в столице ей кто-то платит деньги. Однако краску и яд она погрузила в карету с вензелями охраны Императора Павла. К нам же она прибывала в карете, предоставленной госпожой.

ЭЛЬЗА (*деловито и сухо*): Так. Аракчеев. Не меньше. Возможно — Павел. Что бы вы сделали?

ФОН РАПП: В нашем деле — отношения библейские. Око за око. Зуб за зуб.

ЭЛЬЗА: Согласна. Однако мы часть Империи, а злые умыслы супротив...

Фон Рапп: Мой господин, дед Шарлотты, мне сказывал, что офицер не смеет поднять руку на старшего. Но смерть изменяет даже и это.

ЭЛЬЗА (*с чувством*): Госпожа пощадила иуду, передав Государыне признание Бьелке. Благодаря госпоже Павел опять стал Наследником. И чем он ей отплатил? Изменой! Предательством! (*Она берет себя в руки и пытается успокоиться, управляя дыханием.*) Однако же вообразим себе, что есть некий бургер...

Фон Рапп: Этого недостаточно. Раз я про Елену столь просто все выведал, не будем считать сыщиков наших врагов идиотами. Просто бургера — недостаточно. Нужен враг. Заведомый, лютый враг. Не иначе.

ЭЛЬЗА (*с усмешкою*): Ну конечно. Лютый враг всего человечества. Бессмертный вампир. Сам Антихрист, не иначе!

Фон Рапп (*с усмешкою в тон*): Вампир и Антихрист? А что, мне нравится. Однако же не так просто внедрить нашего человека в логово. Тем паче, внедрять нужно двух: того, кто сделает дело, и того, кто за это ответит...

ЭЛЬЗА (*задумчиво*): Пожалуй, у меня есть человек... Помните, в свое время было обговорено возвращение главы дома Воронцовых из Англии? Как раз от вампира-Антихриста...

Фон Рапп: Согласен. Мне самому подготовиться?

ЭЛЬЗА (*с сожалением в голосе*): Была бы счастлива послать именно вас. Однако Павел отправил в отставку всех генералов, которых выбирал когда-то Потемкин. От Суворова до Кутузова. Бойся всех кумиров прошлого царствия. А посему нужен нам человек неизвестный, желателен ровесник для Павла.

Фон Рапп (*кивая в ответ*): И чтобы Павел сам его поднял

ЭЛЬЗА: У меня есть такой офицер. (*Подходит к столу и что-то пишет на листке бумаги.*) Рассмотрите, подойдет ли?

Фон Рапп (*берет листок бумаги и козыряет*): Когда-то учил я латынь. Есть крылатая фраза *antidotum adversus Caesarem...*

Эльза: А вот эту часть у Свентония мы, пожалуй что, перепишем.

Павильон. Весна. День. Париж. Жандармерия

По знакомому нам уже зданию жандармерии идет Фуше, которого только что назначили министром внутренних дел Директории. Жандармы при виде нового патрона построились, и Фуше идет, с каждым любезно парой слов перекидываясь. В конце строя он выбирает теперь главного парижского жандарма — своего бывшего адъютанта Фурнье и манит за собой. Они входят в новый кабинет свеженазначенного министра. Фуше идет к окну.

Фуше: Что в Париже тут нового?

Фурнье (*пожимая плечами*): Директория. Обогащайтесь кто может. Вся нечисть из темных углов повылазила и жируют на людской беде, сволочи.

Фуше (*с усмешкой*): Я и сам люблю жировать. Стало быть, по вашему мнению, и я сволочь?

Фурнье (*смущенно*): Ах, патрон, вы всегда делились с простыми людьми. Сотрудники это помнят. Мы всей префектурой с вашим назначением надеемся нынче на лучшее...

Фуше (*полулюбимая заместителя и душевно*): Главное сохранить в людях задор и веру в светлое будущее. Поверьте, я приехал сюда не штаны в кабинете просиживать, (*после небольшого раздумья*) я на юге, в Лионе, немного замшел, оторвался от столичных реалий. Итак, с чего нам начать? (*делает хватательный жест*) Что тут плохо лежит?

Фурнье (*сокрушенно разводя руками*): Так Робеспьер все ж подмял под себя. Хотел взять под контроль жандармерию, а всех, кто против, — тем рубил головы. Вы же сами бежали в Лион, когда поняли, к чему это клонится!

ФУШЕ (*небрежно отмахиваясь*): Я перевелся в Лион, потому что это город всей моей юности. Но продолжайте!

ФУРНЬЕ: Ну и всех у нас сей упырь порубил, а потом термидор — и чик! Порубили всех его присных. Наверху не осталось своих людей. Теперь все хлебные места — мимо носа. Ребята печалятся. Вся надежда, мессир, лишь на вас!

ФУШЕ (*задумчиво*): Понятно. Значит, мы теперь в оппозиции. И чтобы все изменить, нам нужен заговор...

ФУРНЬЕ (*с оживлением, понижая голос*): Так ради вас — мы всегда! Душа у народа горит на всех на этих буржуев. Вы только свистните, и мы за вами — зараз!

ФУШЕ: Пожалуй, нет, за мною не надо. Однако на юге все больше сторонников генерала Буонапарти... Как думаете, народ примет Диктатора, который положит конец всей этой нынешней вакханалии?

ФУРНЬЕ (*радостно*): А реквизиции будут?!

ФУШЕ (*твердо*): Разумеется, будут.

ФУРНЬЕ (*решительно*): Тогда ребята пойдут до конца. Кстати, у меня готов списочек...

ФУШЕ (*со смешком*): Вы погодите со списочком. Давайте сперва пройдемся по всем ресурсам, посмотрим, чем мы сможем помочь будущему Диктатору...

Павильон. Весна. Ночь. Париж. Жандармерия

36

Фуше и Фурнье сидят за общим столом, заваленном разными папками. То и дело в их открытый кабинет заходят жандармы, которые приносят новые папки и ящики. Часть документов два старших жандарма складывают по большим стопкам, а часть небрежно бросают на пол, а проходящие жандармы этими выброшенными бумагами постоянно горящий камин то и дело подтапливают.

ФУШЕ: Боже мой, и они зовут меня Лионский мясник! Но то, что творил Робеспьер...

ФУРНЬЕ: Половина преступников и две трети агентов не пережили утырка.

Фуше, листающий в это время досье, вдруг издает странный возглас и разве что не подпрыгивает.

ФУШЕ: Надо же! Жив курилка! Смотрите-ка, крестник мой, Мишель Сперанский, докладывает, что его господин Александр Куракин возвращен Павлом из ссылки и едет сейчас ко двору. Сам Куракин уверяет всех, что Павел сразу сделает его канцлером. Это что ж? Получается, наш агент нынче секретарь у будущего русского премьер-министра?! Вот это поворот!

Фурнье, который от известий вскочил и теперь пыхтит и мнетя весь в нетерпении вокруг кресла Фуше, пытается взглянуть в донесенье Сперанского, почти канючит.

ФУРНЬЕ: Простите, так много дел, а Россия так далека. Я не обратил на это донесенье внимания. Этот Куракин такой пустобрех.

ФУШЕ (*добродушно*): Конечно, я понимаю. Ведь у России вряд ли удастся что-либо реквизировать. Возможно, Куракин и пустобрех, но зато Сперанский хорошо пишет. И мне скорее интересен не тот, а этот. (*Задумчиво, закрывая глаза, будто пытается что-то важное вспомнить.*) Сперанский... Знакомая фамилия. Не родственник ли это некоей Елены Сперанской, которую все русские нынче ищут?

ФУРНЬЕ: Погодите, я сейчас посмотрю все, что у нас есть на русских (*убегает в соседнюю комнату*).

ФУШЕ (*с закрытыми глазами, бормоча про себя*): Сперанский, Сперанская, где же я это слышал? Вот черт, почему в Лионе нет отдела внешней разведки, а лишь только региональная. Вечно упускаем важные мелочи. ВСПОМНИЛ! (*широко раскрывает глаза*) Елену Сперанскую пытаются разыскать как убийцу Шарлотты фон Бенкендорф. А наш Мишель — ее младший брат... Черт. Его же нельзя будет использовать в агентурной работе! Твою ж мать!.. (*беззвучно ругается*).

Вбегает Фурнье с огромной папкой, покрытой слоем пыли. Фуше недоверчиво смотрит на папку.

ФУШЕ: И сколько лет вы туда не лазили?

ФУРНЬЕ (*виноватым тоном*): Где мы, а где эта богом забытая дикая Россия?! (*жалобно*) С год, пожалуй.

Фуше смахивает с папки пыль и миролюбиво замечает.

ФУШЕ: Похоже, строительная. Итак, что тут у нас? Вот на первой странице. Русские приступили к постройке флота, чтобы плыть на нем против французов в Италию! А наш Бонапарт как раз из Италии... И что, по-вашему, это неважные сведения?

ФУРНЬЕ: Да тут Робеспьер... Казни...

ФУШЕ (*сухо и холодно*): Я не Робеспьер. Но еще один подобный прокол, и вы не заметите разницы. Напишите мне докладную записку обо всем, что по этому флоту вы знаете. И отправьте приказ для агента Сперанского — все про этот флот выяснить. Докладные эти будут представлены самому Диктатору Бонапарту. (*Развеселившись шутиливо пихает Фурнье пальцем в пузико.*) Ну же! Выше нос, милый друг! Нас ждут великие дела!

Натура. Весна. День. Санкт-Петербург. Марсово поле

46

На Марсовом поле происходит парад. Гремят барабаны, солдаты маршируют по площади. Парадом руководит сам Павел, который то одобрительно аплодирует и смеется, то что-то приказывает и требует. К трибуне, на которой стоят Государь и его министры, во весь опор скачет гонец. Государь с неудовольствием на него смотрит и бросает небрежно.

ПАВЕЛ: Судя по форме, фельдъегерь от Кавказской армии. Неужто с нашим храбрецом — одноногим фельдмаршалом произошла какая-нибудь оказия? (*подбегающему гонцу*) Ну что там? Дурные вести?

ИВАНОВ-ЩЕПКИН-СЕДЬМОЙ: Никак нет, Ваше Величество! Атаман Платов докладывает, что сумел спасти фельдмаршала Зубова и весь его штаб от беды неминуемой.

Павел меняется в лице. Оно злостью у него перекошено. Он судорожно разрывает пакет и начинает читать. Его

советники тянут шеи, пытаясь разглядеть, что в донесении написано. Советник Салтыков тычет в бок канцлера Безбородко, который стоит черней тучи.

Салтыков: Что там?! Что случилось с Валериан Александровичем?

Безбородко (*сквозь зубы*): Как умерла Государыня, персы напали на Грузию. Фельдмаршал Зубов пошел к грузинам на помощь, а Государь велел с персами замирииться. Нынче все грузины аж визжат на него от злобы да ненависти. Да мало того! Чтобы замирииться, он все войска с Кавказа домой отозвал. За вычетом группы самого Зубова. А персы их окружили. Так Государь уже отметил фамилию Зубов в своем поминальнике...

Салтыков (*в изумлении*): Как же так? Как же так, ведь нам грузины союзники?! Пусть старший Зубов и был у царицы любовником, так за что ж младшего... В окружение к нехристям?!

Павел тем временем дочитал донесение Платова и в ожесточении его рвет, бросает на землю и топчет ногами.

Павел: Что?! Моих приказов не слушаться?! Грузинов вина, что поссорились с персами! Мы же в их делах ни при чем! А Зубов, ослушник, пошел к ним на помощь! Что теперь подумает Персия?! А Платова в кандалы! В Петропавловку! Сгною заживо!

Павел сбегает с помоста и куда-то, что-то крича, убегает. Вслед за ним срывается большая часть свиты. Гонец — казачий старшина Иванов-Щепкин-седьмой — стоит на месте с раскрытым ртом. Лицо его посерело, а губы трясутся. Он указывает на порванное письмо Платова дрожащей рукой и бормочет.

Иванов-Щепкин-седьмой: Господи, вы хоть знаете, что персы во взятом ими Тифлисе устроили?! А Валериан Александрович туда на помощь пошел... Когда его окружили, Матвей Иваныч на подмогу взял с собой добровольцев. Я сам же там был...

Безбородко (*обнимая гонца*): Все я понимаю, я сам — с казацкой старшины... Однако ж приказ...

Казак вырывается. Глаза его совершенно безумные.

ИВАНОВ-ЩЕПКИН-СЕДЬМОЙ: За что?! За что теперь Матвей Ивановича в железо да в крепость?! Неужто измена, а?! Неужто царь хотел Зубова... А Матвей Иваныч ему поперек... Так я же там был! Вы хоть знаете, что там персы с грузинами делали?!

К казаку подбегают. Какие-то офицеры пытаются зажать ему рот, а он все кричит про Тифлис, про измену, про то, что нечестно приказали взять атамана Платова... Безбородко со вздохом возвращается на помост к Салтыкову, а тот задумчиво спрашивает.

САЛТЫКОВ: Вы слышали, что Шарлотта Иоганновна оправдала Государя перед Государыней и лишь поэтому он опять стал Наследником?

БЕЗБОРОДКО: Это всем на свете известно.

САЛТЫКОВ: А нынче Шарлотту Иоганновну убили люди от Аракчеева. Идет следствие. Государь всем нам говорит, что в этом убийстве его вины нет. Вы в это верите? Особенно (*мотает головой на разорванное донесение Платова*) после этого?

БЕЗБОРОДКО: Не знаю уже, что и думать. Однако он Царь, Божий Помазанник.

САЛТЫКОВ (*задумчиво и будто про себя*): Подумать только, дал вырезать Грузию, лишь бы в горе мирных тел скрыть тело маршала Зубова. А Матвей Иваныч того и спаси. Есть с чего Царю впасть в истерику.

БЕЗБОРОДКО: За языком следи, Николай Иваныч...

САЛТЫКОВ (*возвышая голос*): А кого бояться-то? Тайный приказ Шешковского Государь разогнал, ибо решил, что там против него зреет заговор. Некому нынче «Слово и Дело!» кричать. Реформы!

БЕЗБОРОДКО: Прошу тебя, Иваныч, Христом Богом прошу...

САЛТЫКОВ (*с яростью*): Да что они сделают?! Мне по министерству образования из Грузии знаешь, что пишут?! Что там нынче персы творят?! Да никакому нашему Шешковскому никогда бы на ум не пришло с живыми людьми делать этакое! Так знай — вся Грузия нынче вопит, предали мы ее, ПРЕДАЛИ! А царь, как всегда, ни при

чем! ЧИСТЕНЬКИЙ! И всегда такой будет, ему же плюнь в глаза, скажет...

Канцлер Российской империи начинает тащить с площади министра культуры и образования и шипеть тому в ухо.

Безбородко: Молчи, Иваныч, молчи! Да с ума ты сошел — орать такое с трезвого ума, да на площади! Какая муха тебя укусила?!

56

Натура. Весна. День. Рига. Двор дома градоначальницы

Грохот взрыва. Свист осколков. Когда дым рассеивается, мы видим карету, украшенную вензелем Павла, одно из колес которой выбито, а дверцы посечены осколками. В обломках кареты копаются Эльза в своем неизменном мундире. Рядом стоят ее служанки, которые держат на особых подушках какие-то диковинные инструменты и снаряжение. В самой глубине кареты кто-то копается, наконец оттуда появляется перемазанная сажей Кирстен.

КИРСТЕН: Никак нет. Кукла целая. Был бы живой человек, небось только кровь из ушей, и не больше. Так — не получится.

ЭЛЬЗА (*выбираясь из обломков кареты*): Сама вижу. Эх, была бы жива Шарлотта Ивановна, она бы мигом придумала... Как в прошлый раз сразу смекнула, что против кольчуги заряжать надо не пулю, а гвоздики... Как же мы теперь без нее?

ФОН РАПП: Может, я помогу?

Голос фон Раппа звучит так близко и неожиданно, что все девицы, включая Эльзу и Кирстен, от этого голоса чуть не подпрыгивают. Неизвестно откуда появившийся на заднем дворике фон Рапп жестом приветствует всех собравшихся и делает девушкам знак, чтобы они оставили его с Эльзой наедине. Девицы удаляются.

ЭЛЬЗА: Я вся внимание.

ФОН РАПП: Пришла весть с Кавказа. Атамана донских казаков Платова взяли. В железзах везут к столице на суд и, быть может, на

казнь. Но сие не так важно. Важней то, что нам с Кавказа пишет Валериан Зубов, командующий Кавказскою армией.

ЭЛЬЗА: Младший из Зубовых? У нас с ними трения. Фавориты, наложники Государыни и лихие мздоимцы? Госпоже они все не нравились.

Фон Рапп: Валериан-то из них — самый лучший. Взял неприступный Дербент, потеряв в бою ногу, а значит, ни от пуль, ни от ядер не прятался. А самое главное, повел армию выручать осажденный Тифлис. Шел по обыкновению первым — со штабом и гвардейским полком. Результат — оторвался от главных сил, а тем новый царь Павел запретил входить в Грузию. И попал Валериан в окружение...

ЭЛЬЗА: И тут начудил наш хорек?! Что дальше?

Фон Рапп: Пока персы Зубова окружали, Платов нарушил Павлов приказ, набрал добровольцев и пошел спасать Зубова по вражьи тылам. И спас. За это Платову нынче кандалы и острог, а Зубов к нам в Ригу просится.

ЭЛЬЗА: Пожалуй, мы его примем... Что-то еще?

Фон Рапп: А еще давеча в столице случился скандал. Гувернер наследников Салтыков бранил да честил самого Императора Павла. Оказалось, что матушка Зубовых его родная кузина. Именно он их некогда подвел к Государыне...

ЭЛЬЗА (*охая*): Как некогда сказала моя фрейлина Гагарина, вот это пердимонкль! То бишь царь пытался как бы нечаянно убить племянника Николая Иваныча?! Да с такими врагами (*показывая рукой на взорванную карету*) мои труды, пожалуй, напрасны...

Фон Рапп: Не исключено. Государь явно предал грузин. Предал Зубова. Потом посадил в камеру Платова. Все уже точно знают, что он — предатель. Может, это усугубить?

ЭЛЬЗА (*с интересом*): И какой план?

Фон Рапп: Царь решил подписать мир со всей Персией. Я хотел бы там попридусловить.

ЭЛЬЗА: Вам нужен толмач на персидский.

Фон Рапп: Никак нет. Нас сызмальства готовили покорять магометанский Восток. У меня диплом по языкам — турецкому и персидскому. То, что я всю жизнь воюю не с дикарями, а с христианами, — случай.

Эльза (*с горькой усмешкой*): Обычное наше европейское ханжество... Вот и сына госпожи Александра учат турецкому да персидскому, а воевать ему суждено вовсе не супротив дикарей. Впрочем, вопрос еще — кто дикарь... (*помолчав*) Что ж, догадываюсь, что встреча будет в нашей палатке и гарантии безопасности шаху дадены самим Павлом...

Фон Рапп: Уверен, что найдется много грузин, которые хотят отомстить шаху за Грузию.

Эльза: Привезите мне с Кавказа баночку кизилового варенья. Оно, говорят, очень вкусное.

Павильон. Весна. День. Петербург. Зимний дворец. Тронная зала

В Тронной зале очередное заседание. В огромном помещении собралось человек десять, и от этого оно кажется пустым. Посреди стоит трон, на котором восседает царь Павел. За его спиной на скамеечке приютился верный ординарец Павла Кутайсов. Напротив трона поставили длинный стол, за которым сидят министры, причем в середине его, прямо напротив Павла, — Салтыков с Безбородко. Идет военный совет.

Павел: Я собрал вас для того, чтобы объявить: мы учреждаем новое министерство внутренних дел. Целью и задачей нового министерства станет выявление и преследование всех врагов Отечества — внешних и внутренних. Особое внимание надобно уделить очередному поветрию. По столице идет порочащий слух, что у нас тут — измена. Мол, мы предали наших грузин. (*распалаясь*) Это подлая ложь! Сами грузины — подлецы и придумщики. Всех их надо сыскать и пытаться на предмет участия в заговоре. Канцлер, доложите совету, как и что там стряслось.

БЕЗБОРОДКО (*поднимаясь из-за стола*): Все последние годы мы страдали от набегов лезгин и иных пиратов на наши берега в зоне Астрахани. Персам было многократно заявлено, что в другой раз они на ответные удары напроятся...

ПАВЕЛ (*раздраженно*): Короче! Не рассказывайте нам всю историю от Адама...

БЕЗБОРОДКО (*нервно сглотнув*): Вами приказано упомянуть, что с появлением при дворе нового фаворита Зубова тот захотел сравниться в лаврах с Орловыми. Раз Орлов разбил турок и стал хозяином моря Черного, Зубов пожелал стать повелителем Каспия. Он убедил Государыню проучить лезгин и пиратов и напасть на персидский Дербент, в котором эти бандиты от нашего возмездия прятались...

ПАВЕЛ (*возбужденно*): Именно так! Вся заваруха там началась лишь по велению любовника моей матери. Его и надо винить, не меня! Меня-то за что?!

БЕЗБОРОДКО (*насупившись*): Государыня выдвинула Персии ультиматум, и после нового нападения персидских пиратов на Астрахань Валериан Зубов взял приступом персидский Дербент. Виктория была абсолютная, персы потеряли в боях всю свою армию, и у них начались возмущения. Один из бунтовщиков — хан каджарский Ага Магомед — присягнул России на верность.

ПАВЕЛ (*с сильным волнением*): А вот тут прошу вас подробнее! Вы произнесли «бунтовщик».

БЕЗБОРОДКО (*сухо*): В Персии правила династия курдов. Курды — друзья грузинам, лезгинам и прочим горцам. Каджары — турки Гиляни и Мазендарана. Главные враги курдов. Считаются нашими союзниками с эпохи Петра Великого. А дружба у нас с ними со времен Стеньки Разина...

ПАВЕЛ (*с радостью*): Стало быть, не бунтовщик, а наш старый друг. И перестаньте говорить «Персия», это всех нас запутает! Итак, владелец Гиляни и Мазендарана Ага Магомед, хан каджарский, объявил себя вассалом России! Нашим союзником! Далее!

Безбородко (*мрачно*): Царство грузинское решило в войне с Персией поучаствовать и объявило поход на Шушу, которая принадлежала шемахинскому бею.

ПАВЕЛ (*с раздражением*): Что вы все наводите тень на плетень? Я же сказал вам — говорите понятнее! Грузины — верные слуги курдской династии, напали на Шушу — крепость тюркскую — союзную хану Аге. Шушинцы — друзья Аги Магомеда и враги лезгин из Дербента, проклятых грузин и персов из курдской династии. (*обращаясь к Салтыкову*) Николай Иваныч, подтверди, я ничего не напутал?

САЛТЫКОВ (*сухо*): Никак нет, Ваше Величество. Вы все разложили по полочкам.

ПАВЕЛ (*с сильным волнением*): Отлично! И что же было дальше?

А как там насчет России? Что сказал хан Каджар — нынешний персидский шах Ага Магомед?!

Безбородко (*еле слышно*): Грузины с выходом затагнули и, пока к бою готовились, хан Каджар успел взять Тегеран и объявить себя шахиншахом всея Персии. Новый персидский шах заявил мир и дружбу с Россией, а также младшее свое к нам положение. Это подтвердила Государыня ему своей грамотой.

ПАВЕЛ (*вскакивая и начиная бегать по залу*): Прекрасная история! Что же дальше?

Безбородко (*будто беззвучно матерясь после каждого слова*): Когда пришло подтверждение от Государыни о нашей дружбе с новым шахиншахом, грузинские войска после долгого похода наконец, твою мать, пришли к Шуше. И приступили к осаде...

ПАВЕЛ (*чуть не прыгая вокруг Безбородко и заглядывая в глаза каждому из министров*): А что в ответ шах? Он напал на грузин?!

Безбородко (*взяв себя в руки*): Никак нет. Он прислал гонца к Государыне с вопросом о том, она ли послала грузин.

ПАВЕЛ (*торжествующе воздевая палец к небу*): Во-о-от! И что же в ответ моя мать?

Павильон. Весна. День. Лондон.
Парламент

В небольшом уютном кабинете, где отдыхают члены парламента меж заседаниями, непринужденная обстановка. В комнате собралось человек семь, которые слушают премьер-министра — Питта-младшего.

Уильям ПИТТ-младший: И вот вообразите себе, господа, приходят ко мне все эти новости. «Э, говорю я себе...»

ГРАФ ШЕЛБЕРН (*перебивая ученика и начальника*): Нет, это я сказал: «Э!» А еще я сказал: «Помилуй бог, эти русские дают нам восхитительный шанс! Грех им не воспользоваться!»

Уильям ПИТТ-младший (*со смехом*): И мы, как два молодых писца, сидели всю ночь с графом и писали письмо этому жуткому шаху о том, что русские его совершенно не ценят!

ГРАФ ШЕЛБЕРН: Да, а потом я скакал ночью в Портсмут, несмотря на мою подагру, чтобы успеть передать письмо на отходящий корабль!

Уильям ПИТТ-младший: Это был настоящий кошмар! Огромная Персия — вассал Российской Империи, лежащая вокруг нашей Индии... Я всякую ночь просыпался с дрожью от ужаса, что вернутся времена Тамерлана и жуткий перс бросит свои войска по приказу толстой уродливой русской ведьмы через Инд, на Бомбей и на Агру!

ГРАФ ШЕЛБЕРН: Мы себе весь мозг взорвали — как бы нам поссорить Россию и Персию...

Уильям ПИТТ-младший (*со смехом*): И вообразите, как мы чуть не чокнулись от восторга, когда пришел нам ответ, из которого следует, что дикий туземец считает себя Россией обманутым, просит нашего покровительства и обещает вечный союз, если мы ему поможем воевать против русских! Фантастика!

ГРАФ ШЕЛБЕРН: Да, господа, союз Персии и Британской Империи — лучшая новость для полного подчинения Индии. Наш юный Уильям этим союзом только что вставил самую большую жемчужину в Корону Британской Империи!

Уильям Питт-младший (*умоляюще поднимая руки*): Прошу погодить с поздравлениями. Сперва должно пройти утверждение парламентом!

Граф Рочбери: Вы спрашиваете, согласится ли наш парламент забрать у России всю Персию и сделать ее нашим союзником против русских?! Да вы шутник! Прекрасная новость, дайте мне две таких! Дорогой Уильям — вы гений!

Граф Шелберн (*прерывая овации*): Единственное, чего не могу я понять, — как можно было быть таким чудачком, как новый русский король? У меня это в голове не укладывается! Как можно было за какой-то месяц безусловно просрать, по сути, всю Переднюю Азию?! Мне не понять!

Уильям Питт-младший (*назидательно*): Россию не надобно понимать! Нет смысла пытаться понять дураков с идиотами! Этим надобно попросту пользоваться!

Звук гонга. Все министры вскакивают и оставляют на столе свои бокалы с портвейном. Премьер Уильям Питт торопливо приглаживает парик и шепчет.

Уильям Питт-младший: Вот и заседание... Ну что ж, господа, пойдемте и подарим стране Индию, да еще вместе с Персией!

86 Павильон. Весна. День. Зимний дворец. Тронная зала

Гробовая тишина в Тронной зале. Безбородко с посеревшим лицом завершает доклад. Прочие министры смотрят на него с ужасом. Лишь один Павел радостно скачет.

Павел: И что же было потом?!

Безбородко: Шах взял Тифлис и стал зверствовать. Валериан Зубов без приказа от Государыни самовольно повел Кавказскую армию на подмогу Тифлису. Шах Ага Магомед счел это предательством. Вы просили у персов о перемирии и обещали им, что все исправите.

Павел: Так что же дальше?!

Безбородко (*пожимая плечами*): Пока шах писал нам ответ, что готов к примирению, на его войска в ходе перемирия напал отряд Платова. Перемирие было нарушено, теперь Ага угрожает войной, ежели мы за наши, по его словам, измену с предательством не вернем Дербент.

Павел (*гримасничая и клоунствуя*): Боже мой, целый Дербент! Невероятно! Неслыханно! А сколько же войск шаха нынче у нас на границе?

Безбородко (*упавшим голосом*): Сто тридцать тысяч штыков и сабель. У нас — около сорока.

Павел (*срываясь на визг*): Так кто тут предатель?! Кто, я вас спрашиваю?! Я или этот негодяй Зубов вместе с этим дураком Платовым?! Ведь нам теперь Дербент придется отдать из-за этой их глупости! Почему ж вы меня зовете изменником?! Ну ПОЧЕМУ???

Натура. Весна. Утро. Нарва. Военный лагерь

96

Вдоль дороги, ведущей к Нарвской заставе со стороны Лифляндии, разбит лагерь, в котором квартирует полк лейб-гвардии егерей, прежде охранявший Марию Федоровну и «женскую половину» Гатчины и теперь распущенный Павлом. Слышны команды муштровки, рожки дозорных и даже то и дело гром выстрелов со стороны стрельбища. Похоже, что лагерь на военном положении. Дорога на Россию перекрыта полосатым шламбаумом. Яркий солнечный день, вокруг зеленеет молодая трава, день обещает быть жарким. Раздается громкий звук сигнальных рожков — со стороны Ревеля на дороге кареты. Из самой крупной палатки появляется Кристофер, на ходу застегивающий крючки на мундире, вслед за ним гурьбой высыпают его офицеры. Кареты возле них останавливаются, из первой выходит Барклай. Кристофер и офицеры его приветствуют.

БАРКЛАЙ: Гляжу, вы здесь практически обжились. Не пора ли сместить обстановку?

КРИСТОФЕР: Чье пожелание?

БАРКЛАЙ: Эльзы Паулевны. Не пожелание. Просьба. Впрочем, вам лично в указе Павла запрещен въезд в Россию, так что вас она не касается. А раз дело опасное и это просьба — мне нужны добровольцы.

Офицеры меж собой переглядываются. Все начинают опрavlять на себе ремни и потуже застегиваться, а потом без команды строятся. Кристофер выходит вперед.

КРИСТОФЕР: Господа, если кто-то не может... (*строй не колыхается*) Так и думал. А какое задание?

БАРКЛАЙ: Государь прекратил выплаты Государыне Марии Федоровне и ее свите. Однако, согласно завещанию госпожи баронессы, она отписала Государыне процент от доходов в виде пожизненной ренты. Итак, я привез сюда деньги и мне нужны добровольцы, чтоб доставить их в Павловск. Деньги захочет перехватить Государь, а посему доберутся, быть может, не все.

КРИСТОФЕР (*решительно*): Господа, кто отвезет деньги Марихен? (*весь строй делает шаг вперед*) Сколько нужно людей?

БАРКЛАЙ: Далее нужно встать лагерем в Павловске и его охранять. Государь, передав жене Павловск, дал ему право, равное праву Лифляндии, и все, кто туда попадет, там и останутся. Посему Эльза Паулевна шлет жалование Государыне на три года. За это время... В общем, если вдруг что-то случится в столице, наши люди должны помочь... (*подумав*) огнем и маневром... (*с явным нежеланием*) ну, может быть, и деньгами.

КРИСТОФЕР (*с интересом*): А кому?

Барклай в ответ загадочно разводит руками. Кристофер понимающе кивает в ответ и приказывает.

КРИСТОФЕР (*решительно*): Ну что ж, господа... Невель, командуй!

НЕВЕЛЬСКИЙ: Господа офицеры! Через час полное построение. Движение на Санкт-Петербург. Полный боевой порядок. Российский флаг развернуть! Послужим же Государыне!

ОФИЦЕРЫ (*хором*): И все — за одного!!!

Натура. Весна. Утро. Санкт-Петербург. Дом Переца

106

Возле огромного дома Переца останавливается карета с британским гербом. Из нее выпрыгивает слуга, который стрелою летит в дом. Через мгновение оттуда стремглав выбегает сам Перец. Дверца кареты опять открывается, и видно, что там сидит сэр Исаак из Йорка. Перец, низко кланяясь гостю, бормочет.

ПЕРЕЦ: Счастлив видеть вас, Ваше сиятельство-с... Рад видеть... Уже и не чаял... Не соблаговолите ли пройти ко мне в дом, откушать чаю и кофею. У меня самый лучший из Англии (*невольно осекается, осознавая, с кем говорит*). Прошу вас...

ИСААК: Ах, молодой человек, был бы рад заглянуть к вам домой, однако я здесь по делу. Сопровождаю его светлость Семена Воронцова из Лондона. Я так понимаю, что Тайного приказа у вас больше нет, но уверен, что вскорости он вновь появится, и тогда все станут спрашивать, зачем бедный Исаак приходил к вам домой. А нам это нужно?

ПЕРЕЦ (*сглатывая слюну от волнения*): Ах, вы по делу... Вы простили меня?! Я так счастлив... Готов вечно служить Короне и Его Величеству королю...

ИСААК (*прерывая и делая угрожающий жест*): Вы хотели сказать «королю Павлу Петровичу», не так ли, молодой человек?! То, что Тайный приказ у вас нынче разгромлен, не заставляет нас терять голову! Ближе к делу, и я поехал.

ПЕРЕЦ (*торопливо*): Понял... Понял... Не извольте на меня гневаться. Это я от усердия. А вы сможете получить мне патент на монопольные продажи моей крымской соли в Британии?

ИСААК (*со странной усмешкою*): Да, скорее всего. Вот смотрите. Я отдаю вот этот конверт моему другу (*подает запечатанный конверт прежде невидимому нам своему попутчику*). Ежели вы его задание выполните, он его вам отдаст. Вы же сможете ему встретиться с учителем наследников — Салтыковым и проследите, чтобы Салтыков дал ему при дворе покровительство.

ПЕРЕЦ (*с отчаяньем в голосе*): Но протекция Николая Ивановича при дворе много стоит! Не уверен, что найду столько средств... Может быть, вы мне поможете?

ИСААК (*презрительно*): Ничего, отобьешь в Лондоне со своей монополией. А вы (*обращаясь к своему спутнику*), молодой человек, не вздумайте отдать этому хецу конверт с монополией, пока он при дворе вас не пристроит!

ФОН ПАЛЕН (*сухо*): Не сомневайтесь. Любезный (*Перецу*), приготовьте мне лучшую комнату и прикажите, чтобы для меня каждый день три раза накрывали на стол. И каждую неделю полную смену постелей. И мое белье в стирку. Надеюсь, мне не придется вас за что-то наказывать.

ПЕРЕЦ (*хлопая глазами и в изумлении раскрыв рот*): А вы, собственно, кто?

ФОН ПАЛЕН (*холодно*): Ежели я решу, что это вам нужно, узнаете. А пока извольте перенести мой багаж. (*Исааку*) Спасибо огромное за поездку.

С этими словами фон Пален покидает карету, и под его руководством лакеи Переца начинают выносить его вещи. Исаак закрывает дверцу за своим гостем и задергивает занавеску перед самым носом у Переца. Тот после этого бежит в дом за фон Паленом, который ведет себя, как новый хозяин дома Переца. Карета Исаака начинает движение, камера оказывается внутри кареты, и мы видим, как Исаак облегченно вздыхает и шепчет.

ИСААК: Фу-ух... Гора с плеч. Что ж, пора во дворец, получить с дорогого Семена за его домой возвращение хороший процент.

солдаты маршируют получше, однако Павлу все равно что-то не нравится.

ПАВЕЛ: Я понял, я понял, почему полки плохо идут! Им тяжело в сапоге носок тянуть. Безбородко, издавай мой новый указ. Приказываю в войсках всем солдатам заменить сапоги на штиблеты! Как только им ходить легче станет, солдаты маршировать станут четче. Так победим!

БЕЗБОРОДКО (*хмуро*): Ваше Величество... А ежели идти придется в лесах? По болоту? Штиблеты хороши на Марсовом поле...

ПАВЕЛ (*небрежно*): Какие вы все больно умные! Для наступления надо дороги использовать. Коль солдат сам в чашу или там в болото залез, так это плохой солдат. Он, значит, с поля боя бежал. Настоящие солдаты наступают вперед по дороге. Всему вас надо учить! Издавайте приказ все сапоги сменить на штиблеты. И точка!

БЕЗБОРОДКО (*отдавая честь*): Так точно! Будет исполнено, Ваше Величество. Средства на штиблеты кем будут отпущены? В войсках денег нет...

ПАВЕЛ (*гневно*): То есть как нет?! Немедля достать!

БЕЗБОРОДКО (*опять отдавая честь*): Три моих доклада были оставлены без ответа. Как со смертью Государыни довольствие прекратилось, так с тех пор войска без денег сидят. Раньше средства возмещали из своего кармана командующие. Но раз вы Орловых, Зубовых, Суворова да Кутузова — всех уволили, крупных землевладельцев в войсках не осталось, и новым командирам брать деньги неоткуда. Нужно дать денег или выделить земли с крестьянами для новых командующих.

ПАВЕЛ (*вскидываясь*): Так я ж нарочно всех мздоимцев да богате-ев уволил, чтоб истребить всякую крамолу! Что, новых врагов мне хочешь создать?!

БЕЗБОРОДКО (*целкая сапогами и вытягиваясь во фронт*): Никак нет, Ваше Величество! Тогда войскам из казны надо деньги платить. Откуда на штиблеты взять деньги скажете?!

ПАВЕЛ (*с недовольством*): Экий ты... Пиши указ, сыщу деньги. Солдаты мои на парадах будут самые лучшие...

Павел с явным неудовольствием к Безбородке спиной поворачивается. Тут же к нему с другой стороны ловко подходит сэр Исаак, за которым стоит Семен Воронцов. Оба они резко выделяются своею штатской одеждой от раздетого в мундиры русского двора Павла.

ПАВЕЛ (*не обращая внимание на Исаака*): Ба, Семен! Единственный друг моего отца! Рад тебя видеть. С возвращением!

СЕМЕН ВОРОНЦОВ (*ловко отодвигая сэра Исаака в сторону*): Премного благодарен, Ваше Величество. Как сладко воротиться домой из изгнания... Но есть одно мелкое дело...

ПАВЕЛ (*небрежно и благодушно*): Что у тебя?

СЕМЕН ВОРОНЦОВ: Шарлотта Иоганновна мне писала, что с вами договорено... Вы обещали мне вернуть мои земли.

ПАВЕЛ (*небрежно и благодушно*): Только-то? Ну конечно. (*Обращает внимание на Салтыкова, который отчаянно тянет его за рукав.*) Что у тебя, Николай Иваныч?

САЛТЫКОВ (*прижимая руку ко рту, так чтоб не слышал Воронцов*): Его земли в Поволжье нынче все под Орловыми. За то, что помогали Пугачеву фуражом, людьми и оружием. Когда Пугачева разбили, всех его людей люди Орлова повесили. Ежели эти земли обратно вернуть, начнется второй пугачевский бунт, но в обратную сторону.

ПАВЕЛ (*с раздражением*): Это как? С чего это бунт?!

САЛТЫКОВ: На слугах Орловых — кровь слуг Воронцовых. Да, по всей Волге. Эти слуги не захотят быть Воронцовым повешены. А ежели к Орловым в Поволжье прибавить отставленного вами давеча Алексея Орлова из Новороссии, кровь будет страшная...

Вид у Салтыкова страдальческий. Павел с изумлением смотрит на своего учителя, потом резко поворачивается и смотрит на Безбородку. Старый канцлер в согласии с мнением Салтыкова качает головой. Павел бледнеет, на мгновенье задумывается, а затем решительно поворачивается к Воронцову с Исааком.

ПАВЕЛ: Какая-то тут ошибка. Советники мне говорят, что моя покойная кузина все это придумала. Не было у меня уговора с Шарлоттой. Она тебе земли твои обещала, у нее их и спрашивай.

С этими словами Государь поворачивается спиной уже к Воронцову. Перед его носом оказывается Безбородко. Павел с неудовольствием и от него отворачивается. В итоге получается, будто он смотрит куда-то в угол трибуны и стоит посреди всей толпы совершенно один. Вид у Воронцова ошарашенный, он растерянно смотрит то на того, то на этого царедворца. Салтыков и Безбородко, как по команде, оба разводят руками. За спиной у Воронцова оживает Исаак.

ИСААК (*еле слышно на ухо Воронцову*): Вы сами видели, мальчик испорченный, своих слов не держит. Убил нашу добрую Шарлотту Иоганновну и вас убьет, когда сможет. Давайте вернемся в Лондон, а я и дальше буду представлять ваши интересы в России. Вы сами все видели, нынче гешефт делать сложно. Надо бы добавить процент...

СЕМЕН ВОРОНЦОВ: Какой урод... Вот я дурак, что все годы его так поддерживал. Вы правы. Будем в Лондоне ждать смены власти... И ежели вы посодаетствуете — я вам добавлю процент.

Пока они так беседуют, раздаются рожки, и все видят, как к трибуне со всех ног несетя гонец. Он подбегает к тому углу, в котором Государь смотрит на стену загородки, и с ужасом кричит.

ОВСЯННИКОВ: Ваше Величество, срочная депеша! Лейб-гвардии егерский полк генерала Кристофера фон Бенкендорфа сегодня пересек границу у Нарвы и с развернутыми стягами в боевом порядке идет на столицу!

ПАВЕЛ (*оживая и с изумлением*): Полк Кристера?! Но я же... Я же отпустил Машку! Я отдал ей Павловск! Что?! Измена?! Идут так же, как шли свергать моего отца?! Как свергли Анну Леопольдовну?! Не пускать! Мою лейб-гвардию! Аракчеев, командуйте! Оба моих полка — Белый и Черный! И пусть грянет битва! А я командовать буду. Из Гатчины!

С этими словами Государь сбегает с трибуны и начинает собирать вокруг себя офицеров своей охраны из Гатчины. Офицеры и свита при этом бегают в самые разные стороны, создавая ощущение такого коловращения вокруг Государя. За всем этим с трибуны с интересом наблюдают старые царедворцы. Каницлер Безбородко всем объясняет.

Безбородко: Не сомневаюсь, господа, все это — ошибка. Полк Кристера прошел две войны, и в него собраны головорезы, диверсанты, разведчики. Против же будут выставлены Черный полк Аракчеева и Белый — фон Ливена. Сам Аракчеев хорош... Но он же артиллерист, и офицеры его — из артиллерии. Не представляю, как они смогут остановить диверсантов с разведчиками. А у фон Ливена... Надеюсь, Христя хоть на войну поедет не в своем платье...

Салтыков: Я тоже уверен, что Кристер не возомнил, что он Григорий Орлов. Впрочем...

Безбородко (*задумчиво*): Кстати, а ведь Карловна меня звала в Павловск. На блины — на Масленицу. А какие пироги печет наша Марьюшка!

Салтыков (*настоятельно дергая Безбородку за рукав*): А можно и мне? И мне — на блины?

Безбородко (*великодушно*): Иваныч, хоть нынче и пост, а в Павловске всегда гостям рады! Прямо сейчас и поехали.

Приятели торопливо сбегают с трибуны и рысью теряются в народном смятении. Исаак задумчиво провожает их взглядом и Воронцову советует.

Исаак: Что же за спешка, однако? Вот прямо так сразу — не попив чаю, бежать назад в Лондон? Государь вам велел получить ваши земли у Шарлотты Иоганновны. На мой взгляд, сие идеальный предлог съездить в Павловск да помянуть бедную Шарлотту Иоганновну с ее лучшей подругой — Марией Федоровной.

Воронцов (*благодарно*): Как же я рад нашей дружбе! Вы честно имеете свой немалый процент. Едем (*торопливо сбегая с трибуны вместе с Исааком*). А правда, что у них в Павловске — самые настоящие избы, да еще рубленные самим Кристером?

Натура. Весна. День. Павловск. Ворота дворца

126

У огромной декоративной решетки, отделяющей Павловск от внешнего мира, столпотворение. Посреди разряженной, красиво одетой толпы — Мария Федоровна, вокруг которой роятся ее верная Карловна, великие княжны, мамки, няньки, добрая половина всего двора во главе с Салтыковым и Безбородкой, а также иностранные послы во главе с сэром Исааком и даже Семен Воронцов. Мария Федоровна явно в положении, но подпрыгивает так, будто этого не чувствует. Следом за нею бежит Салтыков, тогда как Безбородко ухаживает за своей старой знакомой еще по боевой молодости — Карловной.

САЛТЫКОВ: Ваше Величество! Может быть, вы пощадите себя? В вашем-то положении!

МАРИЯ: Вот еще... Я католичка и на дите руку не подниму. Однако сие плод обиды и варварского насилия. Господь даст, и я его выкину. Но не сама — я же ведь католичка! Скажите лучше, что говорят в Петербурге?

САЛТЫКОВ: Гонцы говорят, была битва... Вернее, какая там битва?! Ночью напали на Аракчеева, посты сняли, отняли шапки со штандартами, отвесили тумачков и дальше пошли. А с фон Ливеном и того хуже. Со всех сняли штаны и заставили бежать до города с голыми жопами. Варвары...

МАРИЯ: Но никого не порезали?

САЛТЫКОВ: Никак нет. Поглумились да всех отпустили.

МАРИЯ (*с досадою и топнув ножкой*): Ну вот что за хрень?! Вот почему мне так не везет?! Как дуэль за меня, так Людвиг оказался засранец, и даже не рассказать никому, не похвастаться. Как едут спасать, так враги не лютуют, а бегут по дороге с голыми жопами, будто я не принцесса, а какая-то дурочка! Расскажешь кому, так ведь засмеют! На всю Европу позор! А все потому, что муж мой — козел, и даже войну за меня ведет как дурак...

САЛТЫКОВ: Ваше Величество...

МАРИЯ: И не отговаривайте. Как последний дурак. Он обязан злодействовать! Деткам кишки выпускать, невинных девиц насиловать, а он... Офицеры его по дороге с голыми жопами бегают. Право слово, мне сие — оскорбление!

В этот момент за решеткой происходит движение, играют сигнальные рожки, слышны грохот копыт и команды. В распахивающиеся ворота Павловска въезжают кареты, к дверям которых прибиты шлемы Белого полка и куртки Черного, а к запяткам всех карет прикручены чьи-то штаны. Среди прибывших офицеров заметное оживление, слышны возгласы: «Да мы в рая, смотрите, здесь дамы!», «И там дамы, и вам дамы, и всям дамы...», «Господа офицеры, молчать!» Прямо перед Государыней спешиваются Невельский и Оболенский. Оба отдают честь, и Невельский, как старший, докладывает.

НЕВЕЛЬСКИЙ: Ваше Величество, согласно завещанию Шарлотты Иоганновны, ваша пожизненная рента из Риги доставлена. Весь наш полк отныне в вашем распоряжении. Куда прикажете разгружать?

Мария Федоровна победно на толпу домохозяев и столичных гостей со значеньем оглядывается. Похоже, она точно знает, что в сундуках и почему нет Кристофера. Однако, скорей ради публики, она торжественно проходит мимо карет, с благодарностью целует в щечку Невельского, а потом с невинной улыбкой спрашивает.

МАРИЯ: И много ли этой ренты?

НЕВЕЛЬСКИЙ: Триста пятьдесят тысяч гульденов за год, что равно полумиллиону рублей серебром. Здесь — за три года.

Невельский делает знак. Прочие егеря начинают раскрывать сундуки, полные золота. Мария Федоровна поворачивается к Салтыкову и восклицает.

МАРИЯ: Похоже, моя любимая Шарло опять припасла для меня леденцов!

Салтыков смотрит на золото как завороченный. Он судорожно сглатывает, а потом хрипло шепчет...

САЛТЫКОВ: Так точно... (*Спохватывается.*) Так что ж это я... Я чего приехал, у нас сняли с довольствия все церковно-приходские школы, детишкам негде учиться, изучать грамоту. Крыши много где прохудились, батюшкам платить надобно... Вот я и подумал...

Мария Федоровна с интересом глядит на министра образования, в глазах у нее пляшут озорные чертики.

МАРИЯ: Так вы — ради школ? О детках заботитесь... Это хорошо. А я-то уж думала, что вы прибыли засвидетельствовать мне свою преданность и почтение...

САЛТЫКОВ (*ревностно*): Да я ж... Да я за вас — всей душой! Лишь о вас, обо всем вашем семействе и думаю! Ах, Мария Федоровна, ежели б вы смогли меня выслушать, как я страдал, что с вами так обошлись! И даже из первых рук доложу, то же самое думал и ваш сын Александр!

Государыня знаком приказывает запереть и уносить сундуки. Вокруг нее с Салтыковым уже образовалась толпа, Салтыков галантно предлагает ей свою руку, и они степенно идут в Павловский дворец, обсуждая все новости. Следом за ними плывет и толпа из гостей и послов. Процессию завершают Безбородко и Карловна, за которой Безбородко бесшабашно ухлестывает. Слышно, как они оба вспоминают свою молодость в Киеве и смеются.

Натура. Весна. День. Павловск. Ворота дворца

136

Снова та же решетка Павловского дворца, однако на сей раз ворота закрыты, на них висит огромная цепь с исплинским замком. Звучат рожки, стучит барабан. У ворот стоит огромная делегация, во главе которой сам Павел. Около Павла все нам незнакомые, за исключением Кутайсова. Павел явно взбешен.

ПАВЕЛ: Приказ мой исполнен?

КУТАЙСОВ: Так точно, Ваше Величество. Аракчеев с позором отставлен и лишен всех наград и чинов. Христю, согласно вашему приказу, на конюшне со всеми его офицерами выпороли.

ПАВЕЛ (*кия возмущением*): Хорошо... Это хорошо. Черт, так меня подвести! Да надо мной вся Европа теперь посмеется. Оказывается, это деньги Машке везли. Мы в них стрелять, а в итоге нас же из штанов вытряхнули. А что самое обидное, моих офицеров выпороли, как детей, хворостиною!

КУТАЙСОВ: Извращенцы. Охальники! (*в сторону*) Ежели б в меня твои пидарасы хоть раз стрельнули, я бы их насмерть шпицрутеном, а не розгой...

ПАВЕЛ (*со злостью*): Что ты там шепчешь?

КУТАЙСОВ: В народе думают, что Аракчеева вы вовсе не за позор, а чтобы больше не думали, что он по вашему приказу Шарлотту-то...

ПАВЕЛ (*с отчаянием*): За позор, оскорбление. Так всем и скажи!

КУТАЙСОВ (*разводя руками*): Как прикажете. Про суть позора, про голые жопы и хворостину тоже рассказывать?!

ПАВЕЛ (*с возмущением*): Да как ты посмел?! Нет, про это нельзя. Это тайна. ГОСУДАРСТВЕННАЯ!

КУТАЙСОВ (*с сомнением*): У вашей-то матушки государственные тайны были попроще. Их легче было никому не рассказывать. А тут... Вдруг кто-то ляпнет?

ПАВЕЛ (*с возмущением*): А ты проследи да языки врагам вырви!

КУТАЙСОВ (*со странным хрюком*): Будет исполнено, Ваше Величество. Только коли про хворостину все — тайна, решат, что Аракчеева выгнали за Шарлотту Иоганновну.

ПАВЕЛ (*бросаясь на Кутайсова с кулаками, но останавливаясь*): Уроды! Почему не отпирают? Может, мы дудим слишком тихо?

КУТАЙСОВ (*удивленно раскрывая глаза*): Да уж куда тише, Ваше Величество?

Вместо ответа Павел бросается к барабанищикам. Те начинают стучать в барабаны со всей дури, оглушительно дудят дудки, за забором совершенная тишина. Затем там какое-то движение. По дорожке к воротам неспешно шествует Мария Федоровна. Следом за ней в некотором отдалении — вся толпа гостей с домохозяевами и егерскими офицерами. Мария Федоровна явно не торопится.

ПАВЕЛ: Ну, открывай скорей, дура! Что ты как черепаха?! Оглохла?

МАРИЯ (*меланхолично и останавливаясь*): А я на сносях благодаря вашей милости. Мне торопиться не велено. И ворота я не открою. У меня ключа нет.

ПАВЕЛ: Так я ворота сломаю. Смотри у меня.

МАРИЯ (*небрежно*): Согласно вашему же указу, Павловск теперь моя собственность с правами как у отдельной провинции. Нападение на Павловск приравнено к военной агрессии на ту же Лифляндию. Что ж, нападайте на малую нацию... Господа послы, вы там все пишете? Государь сейчас без объявления войны нарушит границу суверенного государства. Прошу вас все записывать.

ПАВЕЛ: Какие послы?! Ты что несешь, дура?!

МАРИЯ: Чрезвычайные и полномочные. Вот сэр Исаак из Йорка давеча мне вручил верительные грамоты прямо из Лондона, а вот Доротея фон Бенкендорф с верительными грамотами прямо из Риги. Граф Салаи прибыл с верительной грамотой из Вены, Дюк де...

ПАВЕЛ: Заткнись, чертова кукла! Ты очумела — считать дворец независимой страной?!

МАРИЯ: Господа послы, пожалуйста, запишите: русский Государь обзывается. Внесите, пожалуйста, сие в протокол.

КУТАЙСОВ (*шипит в спину Павлу*): Ваше Величество, указ! Зачитайте указ!

ПАВЕЛ (*светлея лицом*): Ах да. Кутайсов, зачти указ номер триста сорок первый! Он и тебя, дорогуша, касается!

КУТАЙСОВ: Указ триста сорок первый! Об упорядочении денежного обеспечения членов царской фамилии. Отныне и навсегда любой член царской фамилии будет получать в казне на прожитие пятнадцать тысяч рублей в год ассигнациями и за их расход Государю отчитываться. А не сто пятьдесят тысяч, как оно было раньше.

ПАВЕЛ (*надменно*): Вы слышали, сударыня? Можете взять из тех денег, что из Риги вам привезли, свою часть, а также деньги за девочек, а все прочее извольте немедленно сдать в казну. Это деньги Империи. Вам полагается лишь пятнадцать тысяч рублей ассигнациями. Отпирайте ворота, сейчас мои люди примут у вас мои деньги.

Вместо ответа Мария Федоровна молча показывает Павлу кукиш. А затем еще высовывает язык и дразнится.

ПАВЕЛ (*растерянно*): Это как понимать?! Вы не слушаете государев указ?!

МАРИЯ (*торжествующе*): А вот так! В указе вашем сказано про деньги казны, а мне прислали деньги из моей пожизненной ренты из пая в доходах Рижско-Дунайского товарищества! Сэр Исаак, объясните ему, какое дело Британской короне до денег Ост-Индской компании?

ИСААК (*из толпы слушателей*): Корона не имеет никаких прав на деньги компании. Деньги и Ост-Индской компании, и Рижско-Дунайского товарищества — частная собственность, и к казне — что британской, что русской — никак не относятся.

МАРИЯ (*с ненавистью*): Слышал?! Так что подавись и подотришь своим дурацким указом!

ПАВЕЛ (*срываясь на визг*): Да я вас! Да я же Царь!.. Я у тебя сейчас все силою отниму!

МАРИЯ (*поворачиваясь к толпе и картинно*): Господа, вы слышали? Вы записываете?! Сейчас меня и вас ради наживы и золота начнут убивать! Прошу вас, если хоть кто-нибудь выживет, — расскажите про все про это в Европах... Боже мой, как он пал! Готов буквально на все ради денег... Какой позор... Ради пары монет, за копейку — удавится!

Павел какое-то время, как рыба, вынутая из воды, лишь открывает и закрывает рот. Толпа внимательно смотрит,

иностранцы все происходящее и впрямь записывают. Павел багровеет, поворачивается на каблуках и начинает, было, идти прочь, когда Мария ему в спину бросает.

МАРИЯ (*громко и звонко*): И помни, убивец, что ты мою подругу Шарлотту убил, а во всем мире деньги убиенной предателю никогда не достанутся!

Павел резко оборачивается. Вся толпа с интересом на него смотрит, а иностранцы даже перестали писать и теперь жадно ловят каждое слово.

ПАВЕЛ (*с отчаянием в голосе*): Да не убивал я твою Шарлотту! (*со злостью и яростью*) Какая же ты все-таки дура!

МАРИЯ (*насмешливо*): Дура — не дура, а процент свой имею!

Натура. Весна. День. Санкт-Петербург. Дворец Куракина (дом Переца)

1 в

Перед дворцом Куракина, который стал домом Переца, огромное скопление карет, телег и прочих экипажей. Из карет и телег торчат разные предметы домашней утвари и даже какие-то пальмы и фикусы в больших кадках. У дверей дома стоят Куракин и Михаил Сперанский, которые оба в двери молотятся. Откуда-то из-за дома (видно с черной лестницы) к ним подходит деловитый фон Пален.

ФОН ПАЛЕН: Я смогу вам помочь?

КУРАКИН (*со злостью*): А ты кто такой?

ФОН ПАЛЕН (*вежливо улыбаясь*): Я тут живу. Фон Пален к вашим услугам...

КУРАКИН (*бросаясь на фон Палена с кулаками*): Ах ты... Это я тут живу! Это мой дворец — Александра Куракина!

Фон Пален, не моргнув глазом, ловко руку Куракина захватывает и заламывает. Тот от боли кричит и, припав на колено, чтобы ослабить давление фон Палена, хрипит.

Куракин: Мишель, выручай! Прогони этого...

Фон Пален вместо ответа небрежно заламывает Куракину руку сильнее, и тот чуть не плача бормочет.

Куракин: Этого... господина (*после небольшого почти незаметного поворота руки фон Палена*). Ой! Любезного господина!

Сперанский опасно приближается к фон Палену, а тот приветливо манит его свободной рукой.

Фон Пален: Лучше подходить с этой. С той стороны ваш хозяин брыкается. Может попасть. А с этой стороны я совсем не больно вам сделаю.

Сперанский: Послушайте, сударь... Фон Пален. Это недоразумение. Это и впрямь дворец Александра Куракина. Тут был еще его Перец. Надо с ним обсудить...

Фон Пален (*не моргнув глазом*): То есть как? Вы не знаете, где его «перец»? Думаю, что он у вашего господина в штанах. Можете с ним посоветоваться.

Сперанский: Ну и шутки у вас...

Фон Пален (*холодно*): А это не шутка. Это — приказ. Придется всех вас учить рижским правилам...

Сперанский отшатывается. В ответ фон Пален опять крутит руку Куракина, и тот вопит от боли и ярости, а фон Пален Сперанского сухо спрашивает.

Фон Пален: Ну как? Будем слушать? Когда я его отпущу, вам он спасибо не скажет. Хотите оказаться на улице? (*Куракину*) А ты не реви. Я все делаю для твоей пользы. Кстати, мог бы уже извиниться.

Куракин (*с отчаянием*): Простите меня!

Фон Пален сразу отпускает Куракина. Тот грузно перекатывается и сидит у двери, баюкая свою руку. Фон Пален приседает рядом и дружеским тоном советует.

Фон Пален: Лучше приложить лед. Кстати, у вас прекрасный дворец. Странно, что не нашлось денег на слуг для охраны.

Куракин (*хмуро*): Много лет назад слуг моих запытали в застенках Шешковского насмерть. А новые теперь боятся служить.

Фон Пален: Что ж так? Я сам служил фрау Эльзе у нас дома, в Риге. Она справедлива. Просто так не пытается. Значит — было за что?

Куракин (*с подозрением*): А ты потом в своей Риге все про нас наплетешь?! Впрочем, секрета тут нет. Сказали, что прибили мы первую жену Павла, Наталью из Гессена. А не было этого! Так в Риге всем и скажи. Не было. Ни за что их...

Фон Пален: Я бы сказал, да в Ригу мне назад хода нет. Когда фрау Эльза с Россией поссорилась, всем нам предложили выбрать сторону. Я решил, что Лифляндии против Империи не сдюжить, и меня выслали.

Куракин (*с интересом*): Так вы никому нынче не служите? А хотите послужить мне?! Ловко вы меня за руку! И людьми командовать умеете, вон и Мишель до сих пор по струнке стоит! Я назначу вам хорошее жалованье! А когда Павел Петрович сделает меня канцлером...

Фон Пален: А звучит-то заманчиво... Правда, мне Абрам Перец обещал от Салтыкова протекцию. Мол, выдаст меня за учителя физических упражнений для юношей...

Куракин торопливо вскакивает, отряхивается и дружески берет фон Палена под руку.

Куракин (*с оживлением*): Бросьте, бросьте. Салтыков нынче — отработанный материал! Облажался с воспитанием Александра. Представьте, тот перечитал умных книжек. А с Константином он и вовсе обделался. Тот должен был стать царем Греции — ну Николай Иванович и приучил его к развлечениям греческим. А я!.. Я буду канцлером у Петровича! Мы с тобой такими делами будем крутить! Ловко ты меня — за руку... Научишь?!

Фон Пален: Разумеется, научу. Кстати, к вам во дворец лучше заходить с другой стороны. Абрам Перец нынче в отъезде, а без него

парадная дверь запирается. Кстати, у него есть на этот дом ваша дарственная. Я проверил, там все верно.

КУРАКИН (*с горячностью*): Да плевать на этот дворец, у меня в столице еще пара есть, надобно только адреса вспомнить. А ты будешь мой начальник охраны и мажордом. Ну, командуй людям моим — размещение.

ФОН ПАЛЕН (*вежливо*): Так, может, командовать слугами мы поручим Мишелю? А вам разумнее прибыть к Государю, изъяснить ему свою верность?

КУРАКИН (*с восхищением*): Вот же ты — мудрый змей! И верно. Мишель, разгружайте телеги, а мы с моим новым другом тотчас идем к Императору! Он нас точно ждет! И он сделает меня канцлером!

2 В

Натура. Весна. Вечер. Гатчина. Плац

По огромному плацу со стороны конюшен идут Павел, Куракин, Кутайсов и фон Пален. Павел с Куракиным что-то горячо обсуждают, и видно, насколько они друг по другу соскучились и как им хорошо вдвоем. Фон Пален с Кутайсовым вежливо идут сзади и чуть поодаль.

КУРАКИН: И вот вообрази, я на него, а он хватить меня за руку и сразу взял в плен. А еще Салтыков его хочет взять в министерство главным инспектором школ по физическим упражнениям. Каково?

ПАВЕЛ (*с сомнением*): А кем он раньше служил?

КУРАКИН: Говорят, в Лифляндии, в местном абвере.

ПАВЕЛ (*задерживаясь и подзывая Палена*): Послушайте... Как вас по батюшке?

ФОН ПАЛЕН (*отдавая честь*): Петр Алексеевич фон Пален — к вашим услугам.

ПАВЕЛ: Кем? Кем вы были... ну в этой... в Прибалтике?

ФОН ПАЛЕН: Я — курляндец. Чин и ордена получил, служа Кристоферу при Бендерах и штурме Очакова. Не сошелся характером.

Перешел в абвер. Был первый наместник Курляндии. Отставлен Эльзой Павловной за особый прием в честь маршала Зубова. По ее мнению, прием был не по чину... Перебрался в столицу. Нынче у князя Куракина.

ПАВЕЛ (*задумчиво*): Итак, у Шарлотты были вечные контры с проклятыми Зубовыми. Фрау Эльза, памятуя о той вражде, Зубова приняла, но неохотно. Опять же контры с Кристофером... Врешь складно.

Павел резко отворачивается от других и начинает нервно шагать назад и вперед по краю плаца. Длинные вечерние тени с западной (кухонной) части дворца превращают плац в такую сцену из света и тени, и Павел то будто во тьму погружается, то из нее снова выныривает. Наконец он что-то придумывает и подходит к фон Палену.

Слушай-ка, тезка Петра Великого... У нас есть проблема. Эльза Павловна перестала слать мне сборы с таможи, а это львиная доля всех ее выплат. Письма мои ею не принимаются, а ради денег воевать с нею — дороже всем выйдет. Ты ее лучше знал... Что ей надо сказать, чтобы эта сука меня все же слушалась? Как бы на нее мне нажать?

ФОН ПАЛЕН (*со смехом*): Что сказать Эльзе Паулевне? Вам — ничего. Вас она не послушает. Для нее вы — убийца ее госпожи. На вашем месте, я бы решил задачу с другой стороны.

ПАВЕЛ (*с любопытством*): Как это? Объясни!

ФОН ПАЛЕН: Очень просто. Найдите того, кого она слушает. Фрау Эльза по сей день верна Бенкендорфам. Сделайте сына вашей покойной кухни начальником на таможне. Уж ему-то Эльза все сборы станет выплачивать!

ПАВЕЛ (*растерянно*): Это какому же сыну? Ах этому... Сашке?! Так ему же тринадцать, а будет четырнадцать! Как же мне его назначить в таможню?!

Фон Пален вместо ответа пожимает плечами. Кутайсов кивает головой, как будто кому-то поддакивает, а Куракин задумчиво двигает губами, а потом говорит.

Куракин: Да какое тебе дело, мин херц, кому сколько лет?! Тебе надо получить с Эльзы деньги, и раз лишь ему она станет платить, так и пусть он будет... да хоть грудничок!

Павел (*растерянно*): Тринадцать лет... Боже правый! В Европах совсем обалдеют!

Куракин (*пихает Государя под бок*): Да и пусть балдеют. В Европах все верят, что ты его мамку... того... Вот о чем надо думать. А поставишь ты его на таможду, глядишь, все и задумаются...

Павел (*решительно*): Ну нет. Так — ни с того, ни с сего... Я не готов. Сведите меня с ним, но так, чтобы это не выглядело аудиенцией. Коль глянется — назначу я его на таможду. Но пусть ему исполнится... ну хотя бы четырнадцать!

Павильон. Лето. Вечер. Париж. Жандармерия

В своем кабинете за столом сидит министр внутренних дел Франции наш знакомый Фуше. Он что-то пишет. Раздается стук в дверь. Фуше просит войти, и в кабинет вкатывается толстый Фурнье. Он размахивает донесением.

ФУРНЬЕ: Вести из России, мессир! Вы велели докладывать их немедленно!

ФУШЕ (*торопливо завершая писать*): Мой бог, неужто наш Мишель... как его?.. Сперанский прорезался?

ФУРНЬЕ: Так точно. Докладывает, что они с Куракиным добрались до столицы. Завели знакомства и новые связи. Пишет, что сошелся накоротке с новым фаворитом русского Государя — Паленом.

ФУШЕ: Палин? Может, Панин? Был у русских такой прежний канцлер. Но тот вроде бы уже помер... (*задумчиво барабанит по столу, затем восклицает в сердцах*) Черт бы побрал этот русский язык — напишите имя его по латыни!

Фурнье берет перо и пишет на листочке бумаги «von der Pahlen». Фуше радостно усмехается.

ФУШЕ: Вот так-то лучше. Этих я знаю — из старой знати, из Ордена. Вроде эта фамилия при Биронах знатно Россию пограбила. Однако Павел шутник...

ФУРНЬЕ (*меланхолично*): Не в курсе. Все русские с придурью. Мне что Панин, что Пален...

ФУШЕ: А вот я точно знаю, что Павел убрал любезных русским Орловых с Суворовым, а поднял, стало быть, заклятого врага России — из Биронов. Каков лунатик... Ну да нам оно — к лучшему. Что еще?

ФУРНЬЕ: По поводу флота. Все правда. Флот всюю строится и через два года выйдет к нам — в Средиземку. Остановить его нет возможности. Согласно докладу Сперанского, воруют на его постройке сверх меры, ибо Павел задержал финансирование...

ФУШЕ (*взмахивая рукой и требуя замолчать*): Погодите, я думаю! Мы не можем задержать этот флот, а можем ли мы... Когда я был профессором математики, я на одной лекции слышал, что корабль нельзя спустить на воду быстрее обычного. Дерево должно высохнуть, иначе оно легко мокнет, и корабль быстрее сгниет. Да и само сырое дерево плавает медленнее.

ФУРНЬЕ (*распахнув в изумлении глаза*): Ах, экселенц, какой же вы умный!

ФУШЕ (*нетерпеливо*): Заткнитесь, дурак. Лучше скажите-ка мне — есть ли при строительстве флота этапы, когда берут деньги за то, что дерево сохнет? В чью это пользу?

ФУРНЬЕ (*торопливо шурша бумагами*): По донесенью агента, дерево сушится на складах самого Безбородко. Он проверял — можно ли там его сжечь, однако...

ФУШЕ (*с усмешкой*): Какой же сей Сперанский болван! Пишите ему, что он должен поднять волну о коррупсьон... как это по-русски? В общем, о том, что канцлер Безбородко ворует деньги казны, задерживая строительство флота. Пусть начинает об этом громко кричать. Авось свалим нашего врага Безбородко, а лунатик Павел заставит выпустить с верфи совсем сырой флот. Пусть корабли русских ползут как черепахи по морю и пусть гниют. Зато наш Мишель получит славу главного борца с русскими ворами и жуликами! (*злбно хихикает, тыкает Фурнье пальцем в пузико и восклицает*) Так победим!

Натура. Лето. День. Шуша. Лагерь Баба-хана

Ослепительное солнце. Зеленая трава под его обжигающим светом жухнет и сохнет. Все живое попряталось. Огромный персидский лагерь с рядами бесконечных юрт и палаток. На улице ни души, люди, видимо, в палатках от изнурительного зноя скрываются. По своеобразной улице меж палатками — небольшая конная процессия под прусскими флагами. Рядом со знаменосцем едет закутанный чуть ли не по самые глаза фон Рапп. У главной палатки он спешивается, небрежно бросает поводья своему спутнику и столь же небрежно машет в сторону возникших из палатки охранников какой-то бумагою. Охранники, даже не проверяя бумагу, ныряют в палатку и, как видно через полуприкрытый полог, снова на сон укладываются. Фон Рапп на все это внимательно смотрит, лицо его искажает презрительная гримаса, и он прямо через ноги лежащих вповалку охранников заходит в шатер. Внутри его установлен огромный диван, на котором возлежит сам Баба-хан — любимый племянник шаха Ага Магомеда. Это необъятно крупный, довольно красивый мужчина средних лет с огромными круглыми, будто вечно испуганными глазами. На столе перед ханом вазы со сладостями и фруктами, вокруг него пять наложниц, а двое слуг обмахивают его опахалами. При виде фон Раппа Баба-хан делает странные движения рукой, будто пытаясь отогнать какое-то навяждение, а затем как будто бы просыпается. Он говорит на фарси, равно как и фон Рапп, однако мы слышим сразу русский перевод.

БАБА-ХАН: Кто... кто вы? Кто позволил?

ФОН РАПП: Посол от прусской короны — Иоганн фон Рапп. Прислан от союзных вам англичан оказывать вам посильную помощь.

БАБА-ХАН (успокаиваясь): Ах да, британский союзник. А у нас тут война. Хотите курнуть?

ФОН РАПП (осторожно): Я не привык к куреву. От курящих потом сильный запах...

БАБА-ХАН (*получая из рук наложниц кальян и затягиваясь*): А это вы зря. У меня хороший терьяк — изготовлен из лучшего афганского опия. Без него на сией войне с ума сойти можно.

Фон Рапп от этих слов как будто на мгновение застывает. Он недоверчиво, но и с удовольствием приглядывается к булькающему кальяну и спрашивает.

ФОН РАПП: Так вы регулярно курите опий?

БАБА-ХАН: А чем еще на этой войне заняться?

ФОН РАПП (*с усмешкой*): Может быть, игрою в нарды? Иль девушками? Ну или для разнообразия — повоевать вы не пробовали?

БАБА-ХАН (*обрадованно*): Вы играете в нарды?! Какая удача! Давайте сгоняем-ка партию! (*хлопает в ладоши, приглашает фон Раппа сесть рядом и, пока расставляют шашки, доверительно ему шепчет*) А с девками у нас опасно забавиться. Дядька узнает, и мне будет худо.

ФОН РАПП (*начиная играть*): Что так? Ага Магомед — великий поборник нравственности?! Старый великий солдат не ведает слов любви?

БАБА-ХАН (*на ухо фон Раппу доверительно*): Что вы! Еще как ведает! Но — я красив, статен и продолжатель нашей династии, все мое семья дядей расписано. Посему я обязан ходить к женам моим по часам. У меня уже сто пятьдесят сыновей и почти двадцать девочек. Было бы больше, но дядя сам втыкает девочкам в голову большую иглу, пока у них череп мягкий. А этих двадцать я спас, выдав за мальчиков. Дяде девочки ни к чему, они не смогут его потом радовать!

Фон Рапп с интересом рассматривает Баба-хана, который при вполне миловидном лице по внешности больше похож на огромную жабу или бегемота, но решает оставить свое мнение при себе. Вместо этого он пробует то те, а то эти фрукты и замечает небрежно.

ФОН РАПП: Надо же... Сто пятьдесят сыновей! Как вы будете между ними шахство делить? Кстати, я слышал, что у турок каждый новый султан обязан обезглавить всех своих братьев... А у вас как?

БАБА-ХАН (*отмахиваясь*): Да что ты! Мы же не турецкие варвары! Опять же, хоть формально это и запрещено, кто-то из моих сыновей возьмет в жены братьев, вот все и устроится...

ФОН РАПП (*подавившись сушеной хурмой*): Ух ты... Какая она была сладкая! То есть как это — ваши сыновья в жены возьмут своих братьев?! Не понял...

БАБА-ХАН (*жарко шепчет*): Об этом не должны ведать простолюдины... Шах должен быть во всем совершенен... Ну вот такой вот — как я! А дяде моему прежний шах по молодости яйца отрезал, чтобы тот не смог бы стать шахом. Но сие — великая тайна!

Фон Рапп делает жест, будто отсекает рукой у себя что-то в промежности. Баба-хан утвердительно кивает в ответ.

БАБА-ХАН: Вот именно. Под самый корешок. А любви ему хочется. Ну, ты же все понимаешь...

ФОН РАПП: Нет. Ежели под корешок. Ибо если под корешок, то как?!

БАБА-ХАН (*поучительно*): Так же, как великий предок наш — Искандер Двурогий. Он тоже сам-то не мог, и поэтому у него были боевые друзья и товарищи. Тот поэтому всех побеждал. Вот и у дяди полно боевых друзей и товарищей. И поэтому-то он всех побеждает! И нам все это приказано. Чтобы врага — побеждать.

Выражение лица фон Раппа невозможно никак передать. Он незаметно пытается отодвинуться от наследника персидского престола, но тот его крепко держит и дальше бормочет ему на ухо умоляюще.

БАБА-ХАН: Помогите мне, сагиб. Такие развлечения мне не по сердцу, но дядя настаивает. Пока я спасался тем, что строгал ему море наследников, однако... скажем так — меч мой слегка поистерся. И как только я деток не смогу больше делать, дядя же удавит меня! Иль еще того хуже...

ФОН РАПП: А чем смогу я помочь? Стать другом твоим и товарищем? Так ты, хан, не в моем вкусе!

БАБА-ХАН (*торопливо*): Так я и вижу, что ты в годах и на меня, на мою красоту даже не заришься. А и верно. Мне и самому оно ни к чему. Но ты бы всем объявил, что я для тебя отныне особенный. (*торопливо*) Ты же вон какой белый, а для наших краев «иметь сурового белого господина» — это так круто, это такая экзотика!

Фон Рапп (*задумчиво*): Да я-то смогу сказать что угодно... Только надолго ли наших слов твоему дяде хватит? А вдруг станет он проверять? На это я пойти не смогу... (*манит Баба-хана к себе и заговорицки шепчет ему на ухо*) Может, проще решить вопрос сразу и навсегда? Ежели, конечно, ты не хочешь сесть на кол...

Натура. Лето. Вечер. Санкт-Петербург. Васильевский остров. Выпускной в Абвершуле

5 в

Теплый июньский вечер. Студенты иезуитского колледжа, переименованного в Эзель Абвершуле (по местоположению их главного учебного лагеря), празднуют окончание учебного года. У причала стоят огромные лодки, готовые переправить студентов в летние лагеря на Эзель. Играет оркестр, а молодые люди то пьют в тесных компаниях, то танцуют с приглашенными девицами из только что открытого Павлом Института благородных девиц, где учат дочерей офицеров, павших на воинской службе Империи. Вдруг звучат рожки, и к огромной толпе отдыхающих приближается процессия, во главе которой сам Павел.

ПАВЕЛ: Господа, рад моих юных офицеров приветствовать. Хочу устроить небольшую выборочную проверку. Где у вас старший?

АББАТ НИКОЛЯ (*торопливо выходя вперед из толпы*): Аббат Николя — директор училища. Какова суть проверки?

ПАВЕЛ (*небрежно*): Изобличаю казнокрадов с обманщиками. У нас реформа — замена в армии сапог на штиблеты. Поставщики прислали свиные шкуры для пошива штиблет, и мне нужны люди, умеющие различить кожу по качеству.

АББАТ НИКОЛЯ (*почти не задумываясь*): Лучший у меня по свиным шкурам — Александр фон Бенкендорф. Саша, вперед!

Из толпы появляется Александр. Ему со дня на день исполнится четырнадцать лет, однако он не по годам крупный, статный и сильный — весь в своего отца. При этом лицо его имеет серьезное и замкнутое выражение, как у его матери. Он щелкает каблуками и отдает честь Государю. Павел же смотрит на подростка с сомнением.

ПАВЕЛ: А точно ли он по свиным шкурам лучший?

БЕНКЕНДОРФ: Испокон веку мы, Бенкендорфы, — крупнейшие свиноводы Прибалтики. Сто лет поставок кожи для русской армии. Двести лет обували армию шведскую. Ни одного нарекания. Разрешите посмотреть образцы?

Павел с виду небрежно машет рукой, однако следит за мальчиком очень внимательно. Тот же делает знак своим кузнецам, и через мгновение те подают ему набор луп, щипчиков и пузырьки с реагентами. Тут же появляются и пронумерованные образцы разных кож. Бенкендорф быстро их через лупу просматривает, иногда делает мазок то этим, то тем реагентом и раскладывает образцы кож по трем кучкам. Работает он споро и быстро, всякий раз у него нет сомнений. Наконец он заканчивает и, показывая на первую кучку, докладывает.

БЕНКЕНДОРФ: Кожа сия без изъянов и годна на производство обуви, ремней и ранцев для армии. Вот эта кожа (*указывает на вторую кучку*) низкого качества или старая. Ее можно использовать на заплаты или, к примеру, передники. А вот за это безобразие (*указывает на третью*) поставщиков надо судить. Черви, плесень, грибок...

Спутники Павла торопливо проверяют кожу из кучек, сверяясь с какими-то своими списками. Через мгновение проверка закончена, главный проверяющий утвердительно кивает Государю, а молодому Александру с чувством жмет руку. Павел недоверчиво усмехается и прищуривается.

ПАВЕЛ: Да какие ж тут черви? Откуда здесь плесень?! А ты, парень, не выдумал?

БЕНКЕНДОРФ: Никак нет. Вот смотрите сюда, видите червиные ходы на спилке? А вот тут была плесень, однако ее лили щелоком, а потом

ножом скребли, чистили. Вот видите следы от скребки и щелока? А вот если на это место нажать, как кожа под ножом...

Павел с интересом берет в руки луну и вслед за мальчиком куски кожи разглядывает, а потом с видимым удовольствием подтверждает.

ПАВЕЛ: Господа, взгляните! И впрямь, есть следы от червя! И впрямь, была плесень, а ее выскребли... (обращаясь к аббату Николю) Поздравляю, ваше учебное заведение прошло проверку с отличием! Так держать! (оборачиваясь к Александру) А вас, молодой человек, приглашаю со мной. У меня для вас — разговор!

С этими словами Государь и его свита идут с места праздника, и с ними следует молодой Бенкендорф. Он знаком спрашивает у проверяющего, можно ли взять с собой кузенов. Тот кивает, и все семь латышей Александра к процессии сразу пристраиваются. Павел идет чуть впереди. Мы видим, что рядом с ним фон Пален.

ПАВЕЛ (тихо, чтоб другие не слышали): С тем, что он знает все про свиней, угадали вы в точку. Ежели теперь вы окажетесь правы и в том, что чертова Эльза отдаст ему все мои сборы по Риге... Крутите дырку для ордена. Вы мне понравились.

Натура. Лето. Утро. Шуша. Лагерь Баба-хана

6 в

Огромная большая палатка с занавесями из прозрачной кисеи, которые от легкого ветерка развеваются. Большой низкий стол, уставленный яствами, за которым сидят Баба-хан и фон Рапп. На сей раз Баба-хан в церемониальном костюме, а фон Рапп в европейской одежде — парадном прусском мундире и напудренном парике. Обоим явно жарко, Баба-хан при этом сидит с посережившим от страха лицом и потерянным видом, а фон Рапп ловко заваривает для него чай в особенном чайничке. Слышны рожки и звуки многих идущих людей. Откидывается центральный полог, и входит шах Ага Магомед. Он обрит наголо, сухощавый и стройный, черные глубоко запавшие глаза шахиншаха

зорко обозревают все вокруг и подмечают детали. Как раз в момент его входа фон Рапп наливает полную пиалу с чаем и с поклоном подносит ее Баба-хану. Тот же при виде шаха торопливо подсакивает и начинает дяде униженно кланяться. Шах неторопливо входит в шатер, по-хозяйски оглядывается, замечает на столе свежую дыньку. Он вынимает у себя из-за пояса длинный нож, ловко разрубает дыню одним движением пополам, кончиком ножа вырезает кусочек мякоти и его пробует.

АГА МАГОМЕД: Новый урожай? Еще вяжет. Рано срезали. А это кто? Твой новый дружок? (*обходит так и не вставшего с дивана фон Раппа по кругу и плотоядно облизывается*) Недурно. В годах, а значит умелый, с виду сильный и крепкий, похоже, племянничек, и ты познал толк в мужских наших радостях? Что трясешься, слизняк?!

БАБА-ХАН (*содрогаясь от ужаса*): Боюсь... Как бы вы его у меня не отняли...

АГА МАГОМЕД (*с заразительным хохотом*): Да я бы отнял, однако надеюсь, что он своим семенем сделает тебя наконец-то мужчиной! (*фон Раппу*) А ты спуска ему не давай, он же наследник мой — преврати его в воина!

ФОН РАПП (*кланяясь и чуть поднимаясь с дивана*): Сделаю все, Ваше Величество!

АГА МАГОМЕД: Сделай. А после докажешь и мне свою силу. Прусак, а?! Говорят, что Железный Фриц тоже знал про этот секрет?

ФОН РАПП: Так точно. В последние годы я был его секретарь.

АГА МАГОМЕД: Да ну! Самого Железного Фрица обслуживал?! Хорошо, я сейчас иду на переговоры с проклятыми русскими, а ты чтобы этой же ночью был у меня в палатке.

БАБА-ХАН (*жалобно*): Дядя... Ты же мне обещал!

Ага Магомед заразительно смеется в ответ, неторопливо подходит к племяннику, вырывает у него из рук пиалу с чаем и пьет, а затем демонстративно плюет в нее в оставшийся чай и с презрением говорит.

АГА МАГОМЕД: Какой ты все же слизняк... (Фон Раппу) Хорошо сделал чай. Сваришь для меня под вечер такой же... (выходя из палатки — в сердцах) На кого оставлю я мое царство? Ну на кого?

Как только полог за Ага Магомедом закрывается, фон Рапп торопливо выливает содержимое чайника в ночной горшок и туда же выплескивает недопитую пиалу с плевком шаха. Затем он бросается к Баба-хану и сильно бьет его по щекам.

ФОН РАПП: Буквально пять дней, и вы у нас шах, а дядя никогда не посадит вас на кол! Мне же пора бежать, нынче ночью я точно не хочу оказаться в его палатке!

БАБА-ХАН (всхлиывая): А как же мы? Как же я? С тобою было так здорово! Я больше не стану курить этот опий! Обещаю! Кораном клянусь...

ФОН РАПП: Друг мой, или я уезжаю, или этой ночью окажусь с твоим дядей. Третьего не дано.

С этими словами фон Рапп стремительно выскакивает из палатки, а толстый нелепый Баба-хан мешком опускается на свой диван и там, утирая нос, жалобно всхлиывает.

Павильон. Лето. День. Зимний дворец. Тронная зала

7 В

В Тронной зале какое-то заседание. За спиной Павла на троне на ступень ниже сидят Куракин с Кутайсовым. Рядом с ними на низком столике приютился Сперанский, который ведет какие-то записи. Перед троном на высоких неудобных креслах — как нашкодившие школьники перед учителем — сидят Салтыков с Безбородко. Трон у Павла отныне маленький — ему по росту, и получается, что сидящие на высоких стульях Салтыков с Безбородко смотрят на Государя как бы сверху вниз, и от этого неуютно как им двоим, так и самому Императору. Собственно, эта маленькая группка людей в огромной Тронной зале, где Екатерина любила собирать сотни зрителей, выглядит неуместно и странно. Безбородко докладывает новости.

Безбородко: Граф фон Пален передает из Шуши, что переговоры с шахом проходят успешно. Мы возвращаем персам Дербент, Кубу и Баку, а они обещают нам вечный мир и поддержку.

Куракин: Твою ж мать... Тоже мне переговорщик — Палин-шмалин! Без боя отдаем персам три крепости! Да какие! Дербент, Баку...

Павел (*с раздражением*): Заткнись, самому тошно... Ну ничего, придет и наш час, все вернем! Еще что от Палена?

Безбородко: Граф Зубов, когда взял Дербент, Кубу и Баку, от каждого из трех султанов брал капитуляцию письменно. И по документам отныне Дербент, Куба и Баку принадлежат Российской Империи. Но эти султаны были подданные шаха, и он считает, что они без его воли ничего не смели подписывать. Посему мы обязаны не только вывести армию, но и подписать документ, что мы передаем эти три крепости шаху. Он на этом настаивает.

Павел (*задумчиво*): А что Пален?

Безбородко: Пален объяснил, что у него нет полномочий такое подписывать. Да и вам не советует. Мол, нынче так и быть, мы из Баку и Дербента уйдем, ибо силы неравные, но завтра, когда туда придет наша армия, по документам эти крепости наши. Ну и...

Павел (*с радостью*): Ай да прохвост Петр Алексеич, ай да сукин сын! Решено! Это требование шаха мы пока что обсудим, замылим и запишем к чертям в долгий ящик. Что в Европах?

Безбородко: Новости из Италии. Французский генерал Бонапартий разбил все австрийские армии и захватил всю Италию.

Куракин: Вот молодец! Истинный Юлий Цезарь — быть ему теперь Императором! Пришел, увидел, победил. Виданное ли дело?! В ноль положил аж четыре австрийские армии.

Салтыков: Везет дуракам. Попробовал бы он сие против Англии. Или Австрии.

Куракин: Так он и попробовал! Сказано — австрийские армии. Слушать надо ухом — не брюхом!

Безбородко: Я тут на стороне Николая Иваныча. Австрия поделилась, и две ее армии по сей день стоят против друга у Вены и Праги.

А в Италии иль на Рейне были армии дочерей Марии Терезии. Бонапартый бил их по очереди. Армия Сицилии, армия Мантуи и так далее. У него всякий раз трехкратное превосходство.

КУРАКИН (*небрежно отмахиваясь*): Да какая разница?! Победителей не судят! Вот и мы почему-то враждуем с французами, а на деле самая культурная и просвещенная нация. Вон у секретаря моего спросите. Он Сорбонну закончил с отличием. А мы все — враги, враги. А может — наоборот!

БЕЗБОРОДКО (*с раздражением*): Что значит, наоборот? Вся наша политика — за сохранение мирового порядка против либералов, масонов и революции. У нас в военном бюджете половина средств нынче на строительство флота для итальянского похода назначено. Что ж, прикажете все это похерить? Выкрасить и выбросить?! А кто казне деньги вернет?!

ПАВЕЛ (*небрежно*): Ну раз назначено, так и плывите в Италию. Когда отплываем?

Безбородко на своем стуле чуть не подпрыгивает от негодования. Салтыков незаметно крепко берет его за руку, и канцлер чуть успокаивается.

САЛТЫКОВ: Так не на чем еще отплывать. Деревья повалены, ошкурены и в штабелях. Теперь ждем, пока дерево высохнет. Через год-другой начнем строить.

ПАВЕЛ: То есть? Деньги из казны уже выделены, большей частью потрачены, а кораблей еще нет?! Назвать всех виновных! Что за дикая страна?! Неудивительно, что в Европах все на нас косятся. У них-то нету коррупции!

Натура. Лето. Вечер. Почти Майсур. Порт

8 В

Сгущаются сумерки. Впрочем, от дыма пожаров это почти незаметно. Посреди залитого кровью и заваленного телами порта во главе отряда идет Артур Уэлсли. Он тела убитых рассматривает, указывая на некоторые.

АРТУР: Вон этот — белый! И вон тот! Ставлю соверен, что какой-нибудь якобинец! Черт, а вон те белые, судя по их одеждам, точно из Франции. Значит — враги и разбойники. Это все французские инструктора, присланы в Майсур вредить нам!

Впереди огромная толпа людей, из которой солдаты Уэлсли отбирают девиц помоложе и покрасивее. Все девицы явно европейского вида, разве что, может быть, весьма загорелые. Артур подходит к ним, по-хозяйски берет то одну за щеки, заставляя открывать рот, то другую. Затем своему адъютанту приказывает.

АРТУР: Вон ту в мою палатку, и вон ту, и вон эту. У них зубы хорошие. Не терплю, когда с виду девка красивая, а в постели дышит она на меня всякой гнилью! (*обращаясь ко всем прочим пленным*) Ну что, обезьяны?! Магаки индусские, поняли, каково это — противиться Англии?! Мы Майсур ваш еще съедим с кашей!

ДЮ ЛИ: Ах, монсиньор! Мы не Майсур! Мы жители маленькой французской колонии, живем здесь со времен мадам Помпадур. Мы любим вас и дружны с вашей Англией. Вы ошиблись... Порт Майсура на десять миль по берегу дальше! Вон там. Верните нам наши деньги!

АРТУР (*набычась*): Англия не ошибается. Ну не Майсур... Стало быть — якобинцы! А мы истребим вашу мерзкую революцию!

ДЮ ЛИ (*падая на колени*): Никак нет, монсеньор! Мы роялисты. Бурбоны! Пощадите нас — без средств нас всех ждут голод, болезни и смерть!

АРТУР (*закипая*): Ах, роялисты?! Бурбоны?! Те самые, что отняли у нас нашу Америку?! Повесить всех мужиков на осине... В смысле — баобабе... В общем, на чем придется. Они только что признались в своих преступлениях в нашей Америке! А баб... Всем офицерам разрешаю себе бабу выбрать. Всех прочих продать дикарям в рабство. Мне с выручки — четверть! Проверю...

Пока пленников вешают под жалобные крики и стенания французенок, Артур идет и гневно пыхтит.

Артур: Вот же хрен, пытался меня, боевого офицера, разжалобить! Сдохнут от голода и болезней... Хрена там. Повесим — и вся недолга. С этим у меня быстро. Ишь... Требовал им мои деньги отдать. А по указу все, что взято с бою, — четверть мое, а три четверти до последнего пенса — в казну! Все точно! No dishonesty, no fraud, no corruption!

Вдруг он резко останавливается, бьет себя по лбу и радостно восклицает.

Артур: Ба! Так этот же гад мне признался, что в десяти верстах отсюда Майсур! (*громко кричит*) Джентльмены, пока что не пьем и не расслабляемся. Белых баб отложить — не протухнут, нас всех ждут богатства с сокровищами!

Павильон. Лето. День. Зимний дворец. Тронная зала

9 в

Мы снова на заседании Тайного совета по борьбе с русским воровством и мздоимством.

СПЕРАНСКИЙ (*зачитывая бумаги*): Согласно договорам, наибольшую выгоду от продажи строевого леса получал Семен Воронцов, наш изгнанник и английский посол. А нынче он опять отбыл в Англию...

Безбородко и Салтыков с интересом меж собой переглядываются. Лица у них при этом загадочные.

ПАВЕЛ (*растерянно*): Да как же он мог лес-то продать, ежели все у него было матерью конфисковано?! Объясните мне, как оно может быть?

САЛТЫКОВ (*задумчиво*): Семен в Лондоне уж тридцать лет как живет, а здесь у него все отобрано. Интересно, на что сидит? Да как без земли продать с нее лес? Отсюда надо искать.

КУТАЙСОВ (*громко*): Да и искать-то тут нечего. Корабельные рощи у Зубовых, они слали договоры в Лондон, а Воронцов их подписывал. За это и платили они ему — своему врагу — долю малую. Если бы афера с лесом открылась, вешать надобно Воронцова, ибо в бумагах везде его подпись, а возмещать из его средств. А как возместить,

ежели все у него конфисковано? Да как вешать, ежели сам он в Лондоне?

ПАВЕЛ (*озлобленно*): Чертовщина какая-то! За что ни возьми — везде воровство да приписки. И концов не сыскать! С лесом мы решим так... Воронцова из Лондона назад ко мне вызвать. Скажите, что я все верну, ежели он с моим следствием станет сотрудничать. Теперь флот... Флот строить сразу — и пусть плывет.

БЕЗБОРОДКО (*с отчаянием*): Но дерево-то не высохло! Корабль из сырой сосны быстро сгниет!

ПАВЕЛ (*взрываясь*): Так ты мне перечить? Верно Сашка сказал — вот уж хитрый хохол, небось за хранение сосны в штабелях твоя фирма из казны деньги берет?!

Безбородко в лице чуть меняется, будто слова Павла угодили в самую точку. Тот тоже это все видит и, распаляясь, кричит.

ПАВЕЛ (*взрываясь*): Вывел я тебя на чистую воду! Корабли начнут строить завтра. И без проволочек. Ни одной деньги с этого дня тебе за хранение!

10 В

Павильон. Лето. Вечер. Тегеран. Диван

В персидском диване идет рутинное заседание. Вельможи о чем-то переговариваются, смеются и шутят. Среди всех выделяется британский посол сэра Уолсей, который в отсутствие шаха выглядит здесь самым главным. По крайней мере именно он ведет заседание, принимает указы, громче всех смеется и шутит. В толпе неожиданное движение — в диван вбегают гонец — принц Салим-хан.

САЛИМ-ХАН (*с ужасом в голосе*): Из Шуши сообщение. Посреди переговоров с проклятыми русскими Ага Магомед шахиншах был отравлен! Идет следствие. Новый шах Фетх Али объявил месяц траура!

СЭР УОЛСЕЙ (*нервно*): Кто отравил? Кого схватили? Какие известны подробности?

Салим-хан: Говорят, схватили каких-то армян, которые под Шушой дыни выращивали. Их дыню шах перед смертью попробовал и сказал, что у нее странный вкус. Сейчас их пытаются и правду всю вызывают!

СЭР УОЛСЕЙ (*задумчиво*): Армяне? Армяне... Все ясно, убийство организовано русскими — они вечные за армянство заступники! Это мерзкий колченогий горбун русский царь Павел... (*хлопает себя по лбу и начинает по сути кричать*) Ну, конечно! Этот Павел... Он убил собственную жену Наталью! Он убил свою мать, когда та попыталась вычеркнуть его из наследников! Он убил свою кузину Шарлотту из Риги!

Диван ахает и мечется в ужасе. Иноземные послы, не поднимая голов, строчат свои депеши, а сэр Уолсей не унимается. Он еще громче кричит.

СЭР УОЛСЕЙ (*с истерикой*): Это... Это воплощение мерзкого колченогого уroda Ричарда Третьего, который поубивал всех родных, а нынче до шаха добрался! Я срочно доложу в Лондон! Наши британские ученые точно докажут, что все колченогие горбуны таковы! Они убивают всех! ВСЕХ!

Павильон. Лето. Вечер. Париж. Жандармерия

11 в

Фуше в своем кабинете опять что-то пишет. К нему без стука вбегают Фурнье, который кричит в возбуждении.

ФУРНЬЕ: Успех! Полный успех, экселенц!

ФУШЕ (*неторопливо убирая свои записи в папку*): В чем успех? Почему вбежали без стука? Похоже, я вас разбаловал.

ФУРНЬЕ: Русский царь объявил повсеместную борьбу с коррупсьон де ла русс. Наш Мишель назначен главным судейским и будет отвечать за расследование. В первую очередь дела открывают по флоту. Русские требуют от Лондона выдачи Семена Воронцова как главного взяточника и преступника!

ФУШЕ (*поперхнувшись*): Погодите. Так Воронцов же последние лет тридцать жил в Лондоне безвыездно?! Когда успел? Как сумел?

Преклоняюсь перед ним как преступником, ошеломлен способностью русских следователей. Кто у них сейчас возглавил Тайный приказ?

Фурнье (*разводя руками*): Насколько я слышал, пока что никто.

Фуше (*усмехаясь*): О-ля-ля! Это многое объясняет. Стало быть, наш Мишель назначен главным по борьбе с воровством, однако у него нету сыщиков... Занятно. Русские всегда меня поражают. Что ж, поможем Мишелю — посоветуем ему, кого взять в помощники.

Фурнье (*с готовностью*): У нас есть материал на советника Наследника Александра — князя Василия Кочубея. Это было, когда вы в Лионе...

Фуше (*отмахиваясь*): Что с ним?

Фурнье: Русская царица его из страны прогоняла, поскольку он оказывал дурное на Александра влияние. В Бадене он в пух и прах продулся в рулетку, просил помощи у родни жены Александра, а те его — в долговую яму... Мы его выкупили, заставили подписать обязательство во всем работать на Францию. У него под началом куча хохлов, ибо по крови он Кочубей. Потомок того самого, которого сам Петр за измену повесил. Лютые враги москалей... Можно использовать.

Фуше (*с удовольствием*): То есть заклятых врагов русских поставим бороться с русскими ворами да жуликами... Занятно. Хорошо. Пусть главным у них будет Мишель, а Кочубея с его хохлами — Мишелю в помощники. Теперь Воронцов...

Фурнье (*оживленно*): Англичане его русским точно на расправу не выдадут. И потом, что за притча, он же тридцать лет сидел в Лондоне, как он мог при этом в России что-то да выкрасть?

Фуше (*со смехом*): Тем лучше. Начинайте во всех газетах трубить, что англичане укрывают у себя беглых русских воров и преступников. Пишите, что именно Англия поощряет воровство среди русских, а те потом бегут в Англию, зная, что их оттуда не выдадут. Это делает союз наших главных врагов меж собой невозможным. Что с флотом?

Фурнье: Русские по прямому указу лунатика спешно затеяли большое строительство. Свежие сырые бревна сразу в дело обтесывают.

Фуше (*с изумлением*): Даже не дали сосне просохнуть хотя бы за лето? Да, этот Павел точно заслуживает самого высшего ордена Франции! Он так свой флот потопит, не доплыв до нас... Сегодня же доложу Бонапарту. А вы, Фурнье, (*игриво тыкает подчиненного пальцем в пузико*) несите мне столь хорошие вести каждый день, и побольше!

Натура. Лето. Вечер. Баку. Таможня

12 В

Солнце клонится за высокие горы, кругом появились длинные тени. У дверей таможни скучает небольшой отрядик во главе с фон Раппом. Наконец, дверца приоткрывается, потягиваясь, выходит таможенный офицер. К нему спешит фон Рапп, размахивая бумагой. Таможенник лениво ее читает, а фон Рапп при этом ловко засовывает ему в шаровары увесистый мешочек, видимо, с бакшишем. Таможенник этого как будто не замечает. Наконец он дает команду пропустить фон Раппа с товарищами. Но вдруг издали раздается гром копыт. К таможне подъезжает целая кавалькада персов на взмыленных лошадях. Видно, что люди скакали без остановки. Старший в группе почти вырывает документы из рук у таможенника, воздает благодарность Аллаху и, поворачиваясь к фон Раппу, кричит.

НАЗИМ-ХАН: Вы Иоганн фон Рапп?! Вас мне и надо! По приказу шаха Фетх Али вы задержаны! Сдайте оружие!

Фон Рапп оглядывается. Он посреди чужого враждебного города. С ним горстка людей из пяти слуг, а вокруг кавалькада из двухсот конных персов, размахивающих оружием, и это не считая таможенников. Фон Рапп смотрит на скрывающееся уже за горами солнце, которое потихоньку заходит на западе. Лицо его непроницаемо. Постепенно сгущается южная темнота, пока ловкие руки персов снимают с него ремни и оружие и его самого крепко связывают. Вокруг фон Раппа черная южная ночь, которая постепенно заполняет весь кадр и появляются слова: «Конец шестой серии».

Серия 7
Ave Caesar
(Слава Цезарю)

1 а

1797. Павильон. Лето. Рига. Дом градоначальницы

Дом, который еще год назад бурлил жизнью, притих. По очень чистому, идеально пустому коридору идет Барклай. У двери Шарлотты все так же в горшках стоят розы, а возле них — похожие на манекенов охранники. И все же такое странное чувство, будто весь дом уснул. При виде Барклая один из охранников на миг заглядывает в кабинет, а потом с поклоном раскрывает дверь перед Михаилом Богдановичем. Кабинет теперь больше похож на некое казенное присутствие. Посреди комнаты стоит огромный массивный полированный деревянный стол, за которым в кресле сидит Эльза Паулевна. На Эльзе ее обычный черный мундир полковника вермахта, на котором лишь два светлых пятна: наградной крест из серебра на месте верхней туго застегнутой пуговицы и символ Розы фон Шеллингов, вышитый у Эльзы над сердцем. Во всей комнате, помимо стола, кресла и Эльзы, огромный шкаф с картотекой и два портрета Шарлотты. Один — на стене за спиной Эльзы и второй — у нее на столе, на подставке. Барклай при входе отдает честь, Эльза машет в ответ.

ЭЛЬЗА: Перейду сразу к делу. Не скушно ли вам у нас, Михаил Богданович?

БАРКЛАЙ: Ответить бодро иль честно?

ЭЛЬЗА: Лучше — честно.

БАРКЛАЙ: Работа отлажена. Рынок достиг насыщения. Нужно или произвести новый продукт, или с кем-то повоевать, чтоб в гешефте вновь возникло движение. Посему — скушно.

ЭЛЬЗА: Повоевать... У меня уже двое. Хотела бы я, чтоб мои дети никогда не знали войны. А новый продукт... Госпожа умела придумать продукт... (*помолчав*) Плохо мне без нее.

БАРКЛАЙ: Всем плохо. Смерть ее стала для рынков шоком. А заменить ее некем.

ЭЛЬЗА (*с глухую яростью*): Моя вина. Век не замолю этот грех... (*помолчав и чуток успокоившись*) Но жизнь продолжается. Из самых достоверных источников мне сообщили, что вскоре вас будут просить в Санкт-Петербург. Прошу не отказываться. Вы будете отвечать за жизнь и благополучие сына и наследника госпожи. А заодно — возможно, вам удастся развеяться.

БАРКЛАЙ (*с интересом и оживлением*): А какой пост? Что надо делать?

ЭЛЬЗА: Пока не известно. Это решать будет Каин. Убийца своего брата, кроткого Авеля. Скорей всего, речь пойдет о финансах и о том, что надо будет перестроить все таможни в стране на манер нашей — рижской.

БАРКЛАЙ (*с восторгом*): Это дело по мне! Новые города, новые люди, бездна возможностей! (*осекшись*) А вы? Вы же остаетесь одна... Вы без нас не закиснете?

Лицо у Эльзы на мгновение становится будто каменное. Она молча смотрит на маленький портрет Шарлотты у себя на столе. Затем лицо ее принимает обычное выражение.

ЭЛЬЗА: Да что вы, Михаил Богданович. У меня ведь уже мальчик и девочка. Любимый муж. Под началом три провинции. Надо следить за наследством для Саши и Даши. Дел — куча. Где уж тут закисать. А в столице Саша нынче один. Собирайтесь.

Павильон. Лето. Вечер. Париж. Жандармерия

Фуше сидит в своей комнате, положив ноги в сапогах со шпорами на стол, и глядит в потолок. Похоже, что какая-то мысль его сильно мучит. Наконец он снимает ноги со стола и требовательно звонит в колокольчик, вызывая Фурнье.

ФУШЕ: Гнилой русский флот почти что построен. Кто еще сумеет навредить Бонапарту в Италии, помимо кораблей этих русских? Думаю, что разведка австрийцев. Кто ею командует?

ФУРНЬЕ: Эти дела шли мимо нас. Ими занимались робеспьеровы комиссары, ныне казненные (*роется в папках, находит нужную, сдувает пыль*). Я слышал, что в Вене какое-то ведомство работает. Однако людей Робеспьера более беспокоила вот эта женщина. (*Показывает изображение на гравюре. Мы видим лицо Марии-Елизаветы.*)

ФУШЕ (*делая вид, что даму под вуалью он не узнал*): Какое прелестное личико! И кто это?

ФУРНЬЕ: По делу проходит как мадам Паучиха. Это старшая сестра казненной нами Марии-Антуанетты. Семья отдала ей Тиролю, и она нынче из неприступного Инсбрука плетет вокруг нас свои сети.

ФУШЕ: А! Понимаю... Герцогиня Тирольская...

ФУРНЬЕ: Никак нет. Тиролю — духовенская епархия, а не светская. Эта Мария-Елизавета — аббатиса иезуитского ордена. Люди Робеспьера считали ее подобием «Аламутского Старца». Того, кто создал ассасинов. У нее, правда, не ассасины, а верующие фанатики. Их зовут «Опус Деи».

ФУШЕ: Занятно. И у нее — поддержка всей Австрии...

ФУРНЬЕ: Отнюдь. Остальные Габсбурги до визга боятся ее. Все говорят, что она Немезида — олицетворение совести. Не будь ее, вся остальная семья давно бы погрязла в блуде, скотстве да извращениях. Ну вы же знаете, какой сукой была наша Антуанетта. Остальные не лучше.

ФУШЕ: Прекрасно. Я срочно пишу донесение Бонапарту. Прошу его, чтобы тот поймал каких-нибудь тирольцев из Инсбрука. Насколько я помню, там прямая дорога из Тироля прямо в нами осажденную

Мантую. Уверен, обязательно будут то ли гонцы, то ли подмога, то ли разведка... И пусть те в обмен иль на жизнь, или на отмену пытки все нам расскажут про сию мадам. Да, и про ее замок в Инсбруке — как туда проще войти (*опять приходит в самое хорошее настроение*). Поможем им заглушить их же совесть.

Фурнье (*с возбуждением*): Доверьте это мне, экселенц! Мы спасем Бонапарта и покончим навсегда с Паучихой!

*С этими словами Фурнье из кабинета начальства выходит.
Фуше провожает его презрительным взглядом и бормочет.*

Фуше: Нужен мне ваш Бонапарт... (*с презрением сплевывает*) Пфуй! Но мне пришлось искать объяснение — зачем мне ее убивать и почему наши люди пойдут умирать, штурмуя чертов Инсбрук. (*Нервно вскакивает и начинает ходить по комнате.*) Да, и еще надо понять, как сделать так, чтоб никто не успел заглянуть в те бумаги, что люди Фурнье из Инсбрука вынесут...

Павильон. Лето. Эзель Абвершуле

3 а

В колледже тихо. Кто-то из детей на каникулы поехал домой, прочие проводят лето на острове Эзель в нарочно построенном для них летнем лагере. По пустому гулкому коридору аббат Николя ведет Александра Бенкендорфа в учительскую. Он сам раскрывает перед мальчиком дверь. Посреди учительской большой стол, за которым сидят трое. Посредине Государь Павел, а по бокам от него его верные Куракин с Кутайсовым. Напротив троицы на некотором отдалении от стола поставлен единственный стул. Именно на него указывает своему воспитаннику старый аббат.

Павел (*с неловкостью*): Здравствуй, дружок... Мы с твоей матушкой кузены, стало быть, ты мне племянник. Можешь звать меня дядя Павел.

Бенкендорф: Слушаюсь, Ваше Величество.

ПАВЕЛ: Согласно моему указу номер пятьсот семнадцать по достижении четырнадцати лет ты сможешь занять любые посты в моем царстве. *(помолчав)* Однако нынче перед назначением тебя начальником таможенной стражи побеседуем *(с легким смешком)*. По итогам такой же беседы я стал царем! Потому что я умнее и — лучший! *(снова помешкав)* Итак, первый вопрос... Ходит слух, что я... твою мать... В общем... Что ты об этом думаешь?

БЕНКЕНДОРФ: Мы — вы, мама и я — по крови фон Шеллинги. Ни разу фон Шеллинги не пролили родной крови. Поэтому в любые слухи о вас и о маме я не поверю.

ПАВЕЛ *(облегченно вздохнув и продолжая уверенней)*: Это верно. Мы с тобою одна семья и сможем друг другу довериться. Значит, с этим покончено. Хорошо. Теперь расскажи, что и как ты будешь делать в таможене.

БЕНКЕНДОРФ: Одному с таможенной стражей управляться невыносимо. Я разделю ее на три департамента и во главе их поставлю друзей. С вашего дозволения. *(подает Павлу список)* Вот их фамилии.

КУРАКИН *(с хохотком)*: Не сломай язык, Паша! Имена и фамилии у этих латышей заковыристые...

Вместо ответа Павел со своего стула прыгивает и, размахивая списком, начинает кругами бегать по комнате. Государь явно взвинчен. Он снова и снова перечитывает коротенький список, а потом подбегает к юноше и кричит.

ПАВЕЛ *(в ажитации)*: Кто это?! Что это?! Кто вам это все нашептал?! Это моя толстая Машка? Это ее сальная рожа придумала?! Так передайте ей... Два раза из трех она в лужу пукнула! Не ее это люди, совсем не ее!

КУТАЙСОВ *(с интересом)*: Похоже, там вовсе не латыши...

КУРАКИН: Мин герц, огласите, пожалуйста, весь список! Нам бы тоже хотелось понять...

ПАВЕЛ *(в ажитации)*: Список?! Вот вам список!

Натура. Весна. Эзель Абвершуле.
Последнее построение

4 а

На плацу колледжа суматоха. Звучит звук горна, ребята торопливо строятся. Над плацем гордо реет русский триколор. А из-под флажштока будто расходятся три огромных луча, выложенных на плацу разноцветными камушками. Лучи в цвета триколора — белый, синий и красный, и поэтому три старших класса стоят под знаменами: старший класс под красным, средний под белым и младшие синие. Сзади у стены выстроились совсем маленькие с зеленым знаменем. Рядом пустое место для еще одного класса, и над ним уже стоит знамя желтое. Перед старшими тремя колоннами детей выходит аббат Николя, который объявляет.

Аббат Николя: Ну-ка, три моих богатыря — трое лучших учеников наших классов, выйти из строя. Ко мне — марш!

Гремит барабанная дробь. Из стройных рядов учеников выходят три мальчика в парадной форме. В отличие от формы прочих детей, верхняя часть правого рукава у них из другого материала — красного, белого и синего, соответственно. Все трое встают перед аббатом Николя во фронт, и тот объявляет.

Аббат Николя: Лучшими учениками колледжа в этом году объявляются: в старшем классе — Михаил Воронцов, в среднем — Александр Бенкендорф, в младшем — Алексей Орлов. Поздравляем!

Павильон. Лето. День. Эзель Абвершуле

5 а

Мы вновь в учительской колледжа. Павел, видимо, зачитал имена из списка Бенкендорфа, и Куракин с Кутайсовым сидят огорошенные. Павел устало машет рукой.

ПАВЕЛ: Короче, в помощники он просит Орлова и Воронцова. Два самые воровские да казнокрадские фамилии. А именно для того, чтоб очистить от этой скверны правительство, мы и затевали РЕФОРМЫ!

КУТАЙСОВ (*сухо*): Молодой человек, извольте обосновать свой выбор. Мы слушаем.

БЕНКЕНДОРФ: Таможенный доход нынче в стране от торговли по морю. Главный порт сейчас Рига, и поэтому я себя назначил главным по Балтике. Для работы таможенной стражи нужны корабли и команды. Поэтому я назначил Михаила Воронцова главным по подбору людей и по обеспечению, ибо дядя его Сенявин нынче флотский. Кроме Балтийского моря есть море Черное. Посему я назначил Лешу Орлова отвечать за Черное море, так как дядя его, князь Алексей Орлов, — «господин моря Черного».

КУТАЙСОВ (*задумчиво*): А что? На мой взгляд, логично. Раз уж ставим его на таможду из расчетов политики, чего ж изумляться, что и он просит на все посты таких же пацанов из расчетов политики?

ПАВЕЛ (*явно остывая*): М-да... А ведь ты, племянничек, не так прост. Подумать только — Воронцовы с Орловыми хотят служить вместе, а не вцепиться друг другу в глотку при случае... Чудеса! (*немного подумав*) Хорошо. С твоими назначениями я согласен. Однако настаиваю на введении должности попечителя и наставника вашего ведомства. Считаю лучшим для этого аббата Николая!

АББАТ НИКОЛЯ (*торопливо*): Счастлив служить России, помогая моим же ученикам... Однако... Я готов дать ребятам научную, административную или служебную консультацию. Но, на мой взгляд, полезнее всего для них станет учитель по экономике иль финансам, а в этом деле я — швах. всю жизнь жил из милости государей, а сам не умел заработать ни гульдена.

ПАВЕЛ (*с подозрением*): То есть как это — заработать? Таможня должна тарифы да пошлину с торговцев собрать и контрабанду ловить! А деньги им на чем зарабатывать? Как это понимать?

КУРАКИН (*с ухмылкой*): Вестимо как. Сдадут в аренду пару сажений госграницы — и, считай, заработали!

АББАТ НИКОЛЯ (*снисходительно*): Прошу прощения, Ваше Величество. Когда вы в прошлый раз изъявили свое желание, я поинтересовался нынешней работой таможни. Прошу прощения, но там — тихий ужас. Пошлины и тарифы берут с купцов по своему разумению,

а тут надобно понимать, с кого можно взять больше, а с кого надо меньше. В итоге одних купцов не со зла обдирают как липку, и они прекращают с нами торговлю, а другие нас грабят. Лишь на рижской таможене с этим порядок, и я бы советовал распространить сей порядок на всю империю.

ПАВЕЛ (*мечтательно*): Да и впрямь, от рижской таможенны доходы сейчас самые жирные. А кто там главный?

АББАТ НИКОЛЯ: Барклай, Михаил Богданович. Он опять же и Сашу Бенкендорфа знает. Легче сработаются.

ПАВЕЛ (*задумчиво*): Ах, Барклай... Я ж только «за»! Да ведь не поедет же... Я его сам позвал некогда, а он сделал вид, что не понял. Да и Эльза его не отпустит, он же ее кошелек...

АББАТ НИКОЛЯ: Прошу прощения... У вас устарелые сведения. Уверен, что Михаил Богданович согласится. Он человек живой и любит все новое, а Эльза Паулевна — прирожденный охранник. Бойтся, как бы чего не вышло. Пока у обоих была госпожа, они жили мирно, Барклай рисковал, а она сторожила. Хорошо ль нынче непоседе Баркляю — под сторожем?

Павел опять начинает бегать по комнате и на бегу грызет ногти. Затем он вдруг останавливается и приказывает.

ПАВЕЛ: Да и... Попытка не пытка! Что мы теряем-то? Николя, пишите письмо в Ригу Михаилу Богдановичу. И обязательно запросите Эльзе. Мол, сыну вашей госпожи поручено дело государственной важности и, мол, просим прислать ему на подмогу его старого пестуна — Михаила Богдановича. Авось дело выгорит! А вы знаете, что когда-то придумал Барклай? Флот высоких широт. Точнее — Флот Открытого моря. Есть на севере Швеции две маленькие деревушки — Трондхейм и Нарвик... Да, Нарвик и Трондхейм. Так что придумал Барклай...

Павел с удовольствием идею Баркляя рассказывает, его слушают Николя с Бенкендорфом. Кутайсов же за это время заснул, а Куракин из списка, написанного Бенкендорфом, сложил самолетик и его пускает по комнате.

**Павильон. Лето. Вечер. Баку.
Шахский диван**

В приемной шахского дивана скучает фон Пален. Сложно сказать, сколько он просидел, но перед ним стоит стол с полупустым блюдом фруктов и сладостей, на краю которого сложены огрызки с очистками, а в недопитом бокале на дне — жидкость ярко-красного цвета. Однако сам фон Пален трезв, хоть и явно устал. Наконец в комнату открывается дверь, и появляется молодой Назим-хан с переводчиком, который переводит на русский.

НАЗИМ-ХАН (*через переводчика*): Великий шах на переговорах не присутствовать. Вместо него вы говорить с его тайным советником. Любые договоры, которые вы с ним заключить, шахом есть подписать. Советник великого шаха вот сейчас придти будет.

С этими словами Назим-хан и его толмач удаляются. Фон Пален лишь пожимает плечами в ответ. Через миг дверь в комнату опять открывается, и входит фон Рапп. На нем персидский бурнус и чалма, и если бы не светлая кожа и ярко-голубые глаза, его можно было бы принять за перса. Фон Пален от неожиданности со своего места подсакивает и вытягивается во фрунт, отдавая фон Раппу честь, а тот небрежно машет в ответ и по-персидски садится напротив. Он начинает говорить по-немецки.

ФОН РАПП: Скорее всего, нас подслушивают, но в свите у шаха немецкого не знает никто. Старайтесь не говорить ни слова по-русски, и тогда мы сможем обсудить что угодно. Вы еще не забыли язык наших предков?

ФОН ПАЛЕН: Никак нет, ваше превосходительство.

ФОН РАПП: Что ж, делайте вид, что вы со мною торгуетесь. Однако никакого торга не будет. Шах не станет менять те договоры, которые с вами успел заключить его дядя. Однако и новых с требований к России не будет. От себя же скажу, что Персия становится верным другом и торговым партнером России... (*в сторону*) ...пока меня тут не посадят когда-нибудь на кол.

Фон Пален (*с восхищением в голосе*): Экселенц, про вас по всему абверу ходят легенды, однако вот так отправиться к персам и за месяц стать советником шаха... Мне не поверят!

Фон Рапп (*с тоской*): Придется. Боюсь, однако, застрял я здесь надолго, как бы не навсегда. Передайте Эльзе, что мне отсюда не выбраться.

Фон Пален: Обязательно передам. Правда, сейчас не у нее я работаю.

Фон Рапп (*с интересом*): И у кого ж?

Фон Пален: Я советник по особым поручениям Императора Павла. И Государю желательно понимать нового шахиншаха. Нам нужно знать о нем все. Как вы смогли оказать на него такое влияние?

Фон Рапп (*с горечью*): Я постарел. Стал сентиментален, как и положено немцу. Мне его стало жаль. Я мог бы легко бежать, однако шаха убьют после этого. Вы знаете — он очень боится смерти...

Фон Пален: Патологический трус?

Открывается дверь, оттуда раздаются чарующие звуки восточной музыки. В комнату вplyвают три прекрасные полуобнаженные танцовщицы. Девушки танцуют, а фон Рапп и фон Пален продолжают беседу.

Фон Рапп (*с горечью*): Нет. Баба-хан был просто единственный выживший из всей семьи.

Фон Пален: Баба-хан?

Фон Рапп: Так до коронации звали нынешнего шаха — Фетх Али. Тут обычай — знатный род нельзя вырезать до конца. Одного мальчика всегда оставляют «на волю Аллаха». Вот и оставили самого слабого. «Бабу». Всех прочих — кого зарезали, кого задушили, кого оскопили, а кого и посадили на кол. И все это у него на глазах. Он не трус. У него от увиденного что-то не так с головой.

Фон Пален: Как же смог «баба» стать потом шахом?!

Фон Рапп: Его дядя был оскоплен... Вернее, палач ему рукой вырвал все, что болтается, и бросил, уверенный, что мальчишка

не выживет. Однако тот выжил и стал платить врагам такой же монетой. Ага Магомед был лютей зверь. И вся Персия готова была умирать за него, ибо прежние шахи были звери похлеще.

Фон Пален: Тогда я не понимаю...

Фон Рапп: И понимать тут, собственно, нечего. Баба-хан был последний продолжатель династии, и поэтому Магомед превратил его в быка-производителя. Заставлял осеменять всех баб подряд, чтоб один из его внучатых племянников потом стал шахом. Тот осеменял. Дети выросли. И Баба-хану пришла пора умирать.

Фон Пален: А вы?

Фон Рапп: Я его спас, убив дядю, и он решил, что я — его единственный друг и защитник. А мне его искренне жаль, мне он нравится.

Фон Пален: В абвере сложат легенды об этом вашем последнем задании. Что я для вас могу сделать?

Фон Рапп: Пришлите мне черных сухарей с солью и хороший шмат сала. Они мне тут уже снятся.

7а

Натура. Лето. Утро. Йорк. Набережная Уза

По неширокой набережной древнего города прогуливается сэр Исаак и кормит уточек. При этом он с ностальгией рассматривает старые дома и с любовью гладит старые камни на набережной. Будто случайно к нему подходит сравнительно молодой сильный человек бандитского вида и устрещающей внешности.

Конвей: Remember...

Исаак (*с легким презрением*): Всякий раз, когда я это слышу, мне хочется от вас куда-нибудь спрятаться.

Конвей (*с угрозой в голосе*): Ваш отзыв?

Исаак (*с тоскливым стоном*): Из-за этой фигни я и принужден жить не дома, а в стране диких варваров. Хорошо. «Тому, кто придет».

КОНВЕЙ (*с облегчением в голосе*): «Ради того — кто ушел». Поймите, мы не смеем нарушить традицию. Если мы прекратим, все рассыплется.

ИСААК (*сварливо*): Ах, молодой человек, уже давно все рассыпалось! Почитай, уже десять лет, как помер этот алкаш «славный принц Чарли», не оставив наследников. Отныне наша с вами Шотландия с потрохами британская. Все кончено, давайте подведем под этим черту и спишем убытки.

КОНВЕЙ (*с горячностью хватая Исаака за лацканы*): Ничего не закончено. Еще есть один Стюарт, и он поднимет нас на восстание. Но ему нужны деньги! В Лондоне нынче правит вампир, современный Антихрист, народ легко можно будет поднять за Христа и Святое Причастие. Вы дадите нам денег?

ИСААК (*осторожно, но твердо вырываясь из рук собеседника*): Извольте смеяться над бедным Исааком?! Когда у меня были деньги? Так что я дам вам не денег, а хороший совет. Вот видите дом? Когда-то он принадлежал Гаю Фоксу. Давайте сделаем там музей и будем водить туда экскурсии. Это очень про заклятого врага англичан, а также про способность шотландцев устраивать революции. Весьма поучительно и за хороший процент.

КОНВЕЙ (*с интересом*): А когда это было? И тогда мы победили наконец или нас опять предали?

ИСААК (*с непередаваемым выражением лица*): Вы никогда не слышали о пороховом заговоре?

КОНВЕЙ: Нет, я не в курсе про все эти английские праздники.

ИСААК: Молодой человек, знаете, а я передумал. Давайте вы дадите мне адресок, и я сам съезжу к этому самому последнему Стюарту. Итак, я записываю.

КОНВЕЙ (*радостно*): Правда?! Отлично. Рим. Ватикан. Собор Святого Петра. Он там у них главный. Я дам вам рекомендательное письмо!

ИСААК (*с непередаваемыми выражением лица*): Молодой человек, вы даже не представляете, как я рад нашей встрече. А уж как

я счастлив, что в свое время вложил в дело Стюартов... Давайте ваше письмо, а там, глядишь, решится, кто, кому и чего должен.

8а **Натура. Лето. День. Санкт-Петербург. Марсово поле**

Жаркий день, громко стучит барабан, по плацу маршируют солдаты. Идут они, точно печатая шаг, и все эволюции делают, как единое целое. На трибуне в окружении своих министров стоит Император Павел, который всеми солдатами на плацу одновременно командует, отдавая приказы в большой рупор. Его слушают, и поэтому Государь счастлив. На трибуну поднимается запыхавшийся Салтыков, который сразу подходит к царю и говорит ему на ухо.

САЛТЫКОВ: Я сейчас прямо из Павловска. Государыня изволили с дочерьми на скакалке скакать, оступились — и случилось нечаянное...

ПАВЕЛ (*недовольным голосом*): Что значит нечаянное?!

САЛТЫКОВ (*разводя руками*): Рожает Ее Величество. Лейб-медик Моренгейм ожидает самого худшего...

ПАВЕЛ (*с раздражением*): Чертова дура! Она сорвет мне всю дипломатию! Не разрешаю ей помирать! Так ей и передайте — немедленно!

САЛТЫКОВ (*с поклоном*): Слушаюсь, Ваше Величество!

В этот миг у подножья трибуны снова движение. К Государю бежит адъютант цесаревича Константина Яновский. Он бледен.

ЯНОВСКИЙ: Ваше Величество, в сторону Стрельны по Петергофской дороге опять движутся верховые с Прибалтики! Человек двести. На сей раз все люди — в черном! Цесаревич Константин занял круговую оборону, мы будем отстреливаться!

ПАВЕЛ (*растерянно*): Кто разрешил? Какие-такие «люди в черном»? Почему мне не докладывают?

Салтыков, который собирался уже уходить, поворачивается и с радостным лицом объявляет.

САЛТЫКОВ (*назидательно*): Так это, верно, Барклай со своими таможенниками — наводить порядок и разбираться с пришельцами. Только он не в Стрельну, а в Петергоф, в выделенное ему вами Таможенное управление! Давеча из Риги Марии Федоровне письмо громко зачитывали. Государыня и решила, что раз егерские полки нынче в Павловске, то Барклаю лучше быть в Петергофе, чтобы, значит, в столицу входить, если что, не мешая друг другу. С разных, так сказать, направлений!

Павел выслушивает объяснения своего учителя с изменившимся лицом. К его уху тут же припадает Кутайсов.

КУТАЙСОВ: Помнится, давеча ее егеря ваши лучшие полки розгой выпороли. Интересно, что вот с этими молодцами (*кивает на плац с марширующими — будто заводными солдатами*) сотворят нынче таможенники? На кой они в Петергофе?

ПАВЕЛ (*бормочет*): И верно... Нам и в Павловске-то никто не нужен! (*громко*) Верно, зачем нам в столице таможенники? Пишите указ, пусть по всей стране разъезжаются и принимают работу. Все, все пускай разъезжаются, никого не оставлять близ столицы!

Павильон. Лето. День. Павловск. Покои Государыни

9 а

Во дворце радостное оживление. Везде охапки цветов, двери и окна украшены голубыми лентами. В спальне Ее Величества полно народу. Сама Мария Федоровна, очень бледная, полулежит на подушках, возле нее суетятся лейб-медик Моренгейм и Шимон Боткин. Мария Федоровна открывает глаза, и вся комната будто замирает. Мария Федоровна бормочет слабым голосом.

МАРИЯ: Кто это был?

МОРЕНГЕЙМ (*с ажтацией*): Он — есть! Это мальчик! А еще Государь вам наказывал...

МАРИЯ (*устало*): Мне все равно...

КАРЛОВНА (*с гневом*): Пошли вон отсюда! (*Марии*) А тебе, Маш, хорошо бы поспать...

Мария Федоровна слабо кивает и будто отключается, а медики растерянно переглядываются и выходят из комнаты. Карловна провожает их, крепко дверь запирает и достает откуда-то из юбок своих пирожок. Она теребит госпожу и подает ей пирожок со словами.

КАРЛОВНА: Вот глупые, что пристали? Сказано — ты устала, и пускай идут лесом!

Мария с удовольствием берет пирожок и его жадно кушает. Мечтательно произносит.

МАРИЯ: Надоело мне тут. Ни танцев, ни попеть, ни побегать. Домой хочу, к маме!

КАРЛОВНА: И то верно. Съездишь по Европам, развеешься. Напиши прошение мужу, мол, хочу в Европу — на воды, а заодно побыть с матушкой. Авось и отпустит!

МАРИЯ: И племянника Августа заберу. Говорят, ему тяжело учеба у иезуитов дается. Пусть со мною съездит домой и отдохнет.

КАРЛОВНА: Да и тебе хорошо бы развеяться. Путь-то в Европу — через Лифляндию. Заглянешь к господину Лифляндии на постой, авось и отмякнешь...

Марию в кровати будто подбрасывает. Она судорожно одним куском доглатывает пирожок и говорит с нарастающим возбуждением.

МАРИЯ: Точно. Сперва до Нарвы, а там и Эстляндия. *(начинает в постели подпрыгивать)* Кристеру нельзя балтийские провинции покидать, но раз гора не идет к Магомету... *(делает какие-то судорожные движения, будто пытаясь вскочить)* Зови-ка сюда его Сашку. Он нынче у мужа в фаворе — так пусть и отвечает за мое путешествие. Опять же, раз он знаком с Августом, пускай он-то племянника к родне и отвезет. А я... Мы — на воды! *(осекается)* Ты же меня не выдашь?

**Натура. Лето. День. Санкт-Петербург.
Марсово поле**

10 а

На Марсовом поле гремят барабаны, заглушающие раскаты грома. Идет проливной дождь. По плацу маршируют солдаты, которые браво отбивают такт своим печатным шагом. На трибуне им аплодирует Император Павел. Над ним целых два зонтика — один от Куракина, а другой — от Кутайсова. Зонтики друг в друга упираются прямо над головой Павла, и от этого дождевики с обоих зонтиков стекают как раз ему на голову, однако Павел в командном раже этого не замечает, тогда как два царедворца меж собой борются, пытаясь выпихнуть своим зонтиком зонтик соперника. Посреди этой борьбы на трибуну поднимается фон Пален, который просто отнимает зонт у Куракина и начинает держать его над собой. Благодарный Кутайсов тут же накрывает своим зонтом Государя и кивает фон Палену. Тот откашливается, стремясь обратить на себя внимание Павла.

ПАВЕЛ (*нетерпеливо*): Да, что у тебя?

ФОН ПАЛЕН: Я отвечаю за прием вашей почты, Ваше Величество. И со всех границ ко мне пошли жалобы.

ПАВЕЛ (*безразлично*): На что жалуются?

ФОН ПАЛЕН: На новых таможенников. Эльза фон Витгенштейн для них написала инструкцию, и теперь все работы в таможне должны ей соответствовать. Многие привыкли к прежней жизни — без строгостей, однако за двойное нарушение новые офицеры, эти знаменитые уже «люди в черном», увольняют прежних сотрудников. Уволенные жалуются.

ПАВЕЛ (*с раздражением*): Опять эта Эльза! Неужто вы не можете без меня все решить? Гнать этих, как их там, «людей в черном» — и вся недолга! В чем заминка?

ФОН ПАЛЕН: В том, что при работе по инструкции Эльзы таможенные сборы в два с лишним раза выросли. Вам нужны прежние офицеры или доходы в казну? Без вас — не решить.

Павел отрывается от командования парадом и ошарашенно смотрит на фон Палена. Затем он хочет что-то сказать, но слова не выходят из его рта. Вдруг он радостно взвизгивает.

ПАВЕЛ (*с ажитацией — обращаясь ко всем*): Господа, мои реформы работают! Так я и думал! Гнать всех прежних воров и разбойников! Пишите указ — отныне вся таможня работает по инструкции... этой... Этой...

ФОН ПАЛЕН: Я внимательно ее изучил и думаю, что я бы мог написать такую же. Для упрощения и улучшения работы почт.

ПАВЕЛ (*радостно*): Вот именно! Отныне почты работают по инструкции, которую напишет фон Пален. А таможни по инструкции, которую он подпишет! Всех, кто против, — на улицу! А будут жалобы — сразу в крепость! (*фон Палену*) Да, назначаю вас, Петр Алексеич, начальником всех наших почт! Кого на таможни предложите?

ФОН ПАЛЕН: Главным таможенным остается ваш племянник Бенкендорф, а его куратором пусть так и будет Барклай. «Людей в черном» предлагаю разделить на три группы — балтийскую, черноморскую и северную. Командирами назначим Адлерберга, Клейнмихеля и Зоннефельда.

ПАВЕЛ (*растерянно*): М-да... Ни одной русской фамилии... Нет ли в этом... инородского заговора? Что скажет народ?

ФОН ПАЛЕН: Все они из Риги. Среди них не может быть русских. Прикажете иных воспитать?

ПАВЕЛ (*решительно*): Нет. Мне доходы нужны. Пусть немцы. (*Отворачивается к параду, но потом замечает, что фон Пален еще не ушел.*) Что еще?

ФОН ПАЛЕН: Поступило прошение от Марии Федоровны Романовой. Желает ради укрепления здоровья отправиться в Европу на воды. Просит ей сделать паспорт.

ПАВЕЛ (*небрежно*): Черт с нею — пусть едет. Поживу чуток без ее истерик и выходов.

Натура. Лето. День. Кронштадт. Крыльцо таможи

11 а

Жаркий солнечный день. Здание таможи напоминает пустую коробку вроде скелета большой черепахи, такое чувство, будто там внутри никого сейчас нет. На крыльечке сидит полковник Барклай и грустно напевает: «Полковнику никто не пишет...» Вдруг раздается радостный голос, Барклай вскакивает и на крик оборачивается. К нему откуда-то со стороны причалов, размахивая руками, бежит де Рибас.

ДЕ РИБАС (*радостно*): Михал Богданыч, ты ли это?! Насилу тебя нашел, пропащая ты душа! Я же сперва к тебе в Ригу, а Эльза говорит: нету, мол, забрали в столицу. Я в ведомство, а и там тебя нет, говорят — на объектах. Еле сыскал!

БАРКЛАЙ: Да тут я, готов быть от безделья. Эльза Паулевна вместе со мной двести таможенных бойцов пригнала, они и шуршат. Да не просто шуршат, а исключительно по инструкции «самой Хозяйки»! И чихнуть поперек сей инструкции даже я не могу, ибо она уже утверждена Государем. Так что болтаюсь я теперь тут: вроде как начальник, а на деле — как цветок в проруби. Ты как? Что за шум, что за спешка?

ДЕ РИБАС (*маня к себе ближе и полушепотом заговорщика*): Дело у меня, Богданыч! На миллионы, может быть, вырисовывается.

БАРКЛАЙ (*с интересом и оживлением*): Я весь внимание!

ДЕ РИБАС: Сродники мои, которые Ришелье, при папском дворе всю жизнь крутятся. Так вот. От них есть сигнал, что папа уже не жилец. В смысле Бонапарт подступает к Вечному городу, и есть решение, что как только Рим-то возьмут, папе тут же и (*выразительно показывает*) карачун. Но сие дело десятое. Важней то, что с ним, скорее всего, салазки загнут и его кардиналам. А среди них есть последний из Стюартов, нынешний генерал иезуитского ордена Георг Стюарт, бессменный секретарь Святого Престола. А сей самый Стюарт точно знает, где спрятана корона Стюартов, та самая, которую Яков Второй забирал с собою в изгнание. А вместе с короной и золото партии Якова!

БАРКЛАЙ: Занятно. И много ли там того золота?

ДЕ РИБАС: Пять миллионов фунтов. Говорят.

БАРКЛАЙ (*присвистнув*): Солидно... Но при чем же здесь я?

ДЕ РИБАС: При том, что предок твой уходил из Британии вместе с Яковом и, стало быть, — яковит. Сторонник династии Стюартов.

БАРКЛАЙ: Ося, последний Стюарт десять лет назад умер. Движение яковитов распущено.

ДЕ РИБАС: Да не суть! Плевать и на яковитов, и на Стюартов! Дело в том, что кардинал Стюарт вместе с папою обречен. А он точно знает, где британские деньги, которые попер Яков! Но откроет он сию тайну на смертном одре только лишь шотландскому яковиту. С именем, к примеру — Барклай. Ну как, Богданыч? Ты в деле?

БАРКЛАЙ: Заманчиво... Черт возьми, а заманчиво! Хоть и не знал я отца, а вот имя-то его авось пригодится! Все равно мне тут делать пока что вроде бы нечего...

ДЕ РИБАС: Вот и давай — бери отпуск и айда в Рим. Там моя родня — Ришелье — тебя встретят и проведут в Ватикан. А там уж по обстоятельствам... Главное, потом меня не забудь!

12 а

Павильон. Лето. Вечер. Санкт-Петербург. Зимний дворец. Тронная зала.

Огромная Тронная зала по сути пуста. На передней скамье скучает пара-другая министров, на галерке мы впервые видим Наследника Александра с его польскими друзьями, на троне восседает Император Павел, вокруг которого с одной стороны сидит Куракин, а с другой — Кутайсов. Рядом с сидящим Куракиным стоит Сперанский. Все кого-то ждут. Наконец Государь раздраженно окружающих спрашивает.

ПАВЕЛ: Не могу понять, а где все? Почему почти никто не присутствует?

КУРАКИН (*с легким смешком*): Видать, мин херц, не уважают тебя. Манкируют...

КУТАЙСОВ (*пряча глаза*): Так у вас, Ваше Величество, все всегда срочно, а вокруг у нас — лето. Фон Пален уехал обустроить таможню и почту, остальные же разъехали из столицы по дачам. Выехали все, видать, за город...

ПАВЕЛ: Ладно, без них обойдусь. Итак, начнем же наконец заседание. На повестке дня вопрос о борьбе с повальной коррупцией в этой стране. Воруют у нас все и вся. У нашего докладчика Михаила Сперанского все цифры собраны. Ужасающие цифры. Не так ли?

СПЕРАНСКИЙ: Так точно, Ваше Величество! Данные позволяют сказать, что коррупция глубоко поразила все слои русского общества. Все прогнило и проворвалось донельзя...

ПАВЕЛ: К черту подробности! Меня интересует главный вопрос — немедленный арест, суд и казнь главных воров — Петра Витгенштейна и его жены ведьмы Эльзы. Доложите, как и сколько они у меня своровали. И для первого доклада достаточно!

СПЕРАНСКИЙ (*растерянно*): Но... Но у меня нет таких данных!

ПАВЕЛ (*с раздражением*): То есть как это нет?! Они же баснословно богатые! Сидят на русских деньгах! Вы, верно, их не проверили!

СПЕРАНСКИЙ (*с горячностью*): Никак нет, я проверил сам. Лично. Петр и Эльза фон Витгенштейн — наемные работники в Рижско-Дунайском товариществе, и они получают плату наемных работников. И ни копейки сверху. У них нет иных доходов, кроме жалованья Петра Витгенштейна как генерала Российской армии, но и оно уже год как по вашему приказу ему не выплачивалось. Я проверял... Мне нечего им предъявить!

ПАВЕЛ (*вскакивая и начиная бегать по зале*): Тогда воры все, кто работает в этом Рижско-Дунайском товариществе! Они точно воруют у меня деньги! Всех наказать!

СПЕРАНСКИЙ: Да нет же, Ваше Величество! Это частная фирма, которая честно платит все налоги и подати! Их невозможно привлечь за коррупцию, ибо никто там на государство вообще не работает. Мы же ловим чиновников за воровство и мздоимство, а раз там нету чиновников, то нет ни воровства, ни мздоимства!

ПАВЕЛ (*в ярости*): Так на что ж я вас создал?! Вы мне сказали, что ваша комиссия будет бороться с ворами и взяточниками, так и боритесь! Вот я показываю вам, дураку, пальцем — Петр и Эльза фон Витгенштейн. Вот два главных вора и взяточника! Извольте их изловить, судить и казнить! А иначе на что вам полномочия дадены?! За что я вам деньги плачу?!

СПЕРАНСКИЙ (*внезапно выпрямляясь и твердым голосом*): Вы приказали мне поймать воров и мздоимцев. Их же вокруг — в кого ни ткни. У меня есть полные доказательства по канцлеру Безбородко, по министру Салтыкову, по министрам Куракину и Кутайсову. У меня нет данных по Петру и Эльзе фон Витгенштейн, ибо они наемные работники частной компании. Это противоречит определению коррупции.

ПАВЕЛ (*подбегая к Сперанскому и хватая того за грудки*): Плевать на ваши определения! Такова моя монаршая воля! Обвините их в чем угодно, арестуйте и предайте позорной казни, ибо я Царь и я так велю!

СПЕРАНСКИЙ (*бледнея как мел и дрожа*): Тогда... тогда это произвол и тиранство...

ПАВЕЛ (*с ненавистью*): Значит, по-твоему, я — тиран? А ты, по-моему, — якобинец! Взять! В темницу его!

Все министры (кроме Александра со товарищи) в ажитации вскакивают. Раздаются крики: «Он давеча из Франци!»», «Якобинец!»», «Да он — санкюлот!»», «На плаху его!»», «Нет, на виселицу!»» Тут же появляются дюжие слуги, которые ловко берут под руки Сперанского и уводят его из Тронной залы. Вслед за ними еще один слуга небрежно сгребает в кучу все бумаги Сперанского и хочет куда-то их отнести. Его незаметно для Государя задерживает шустрый Кутайсов, который ловко пересыпает все бумаги в огромный портфель Сперанского и прячет его за спину. Когда же он поворачивается обратно к столу, перед ним оказывается Куракин, который тоже хватается за ручку портфеля, и оба начинают тянуть ее на себя. Их от этого дела отрывают восклицания Государя.

ПАВЕЛ: Куракин, это ваш человек, и это ваша вина, что вы приютили мятежника!

КУРАКИН: Ваше Величество, да ежели б я знал?! Видать, и впрямь проданся он врагам. Да и что это за слово такое «коррупция»?! Пить дать — вольтерьянские происки.

КУТАЙСОВ: А я думаю, что малец переучился во Франции. Виданое ли дело — Царю так говорить?! С ума, видать, сошел, дурачок! И все факты его, наверное, вымыслы!

ПАВЕЛ (*расстроено*): Да, ты прав. Видать, совсем малец чокнулся. Ну почему, почему все мои планы всегда идут прахом?! Что за притча! Заседание кончено.

С этими словами Государь из залы стремительно убегает. Похоже, он готов буквально расплакаться. Вслед за ним выходит Наследник вместе со своими присными, а прочие встают кучкой и зорко следят за Куракиным и Кутайсовым, которые оба цепко держат брошенный Сперанским портфель. Оба министра набычились и смотрят друг на друга как два петуха.

КУРАКИН (*тяжело и шумно дыша*): Ну и что, милостивый государь, вы с ним думали сделать?

КУТАЙСОВ (*оглядевшись и заметив, что прочие министры на него надвигаются*): А я думаю... Я думаю — скоро ужин. Пойду на кухню, помогу плиту растопить!

КУРАКИН (*утирая свободной рукой пот со лба*): Тогда пойдем вместе.

Окружающие министры начинают галдеть, мол, и они тоже пойдут с ними на кухню — плиты растапливать.

Натура. Лето. День. Павловск. Веранда дворца

13 а

Посреди широкой веранды Павловского дворца в огромной качалке сидит Мария Федоровна. Она похудела, оживлена и после сложных родов явно идет на поправку. За качалкой

стоит и то и дело ее покачивает Шарлотта Карловна. Рядом с царицыным креслом на стульчиках сидят Салтыков с Безбородкой, а перед креслом идет бесконечный поток гостей и просителей — из вельмож, иностранных послов и просто чиновников. Все поздравляют Государыню с рождением мальчика. Марии Федоровне почему-то сидеть неудобно, она постоянно пытается из своего кресла-качалки выпрыгнуть, но Шарлотта Карловна ее при этом все время ловит и обратно усаживает.

КАРЛОВНА: Побереги себя, Ваше Величество. У тебя роды были тяжелые. Поправишься, поедешь в Европу на воды, там и прыгай. А пока дай швам зажить.

МАРИЯ (*оборачиваясь к двум министрам*): Николай Иваныч, Александр Андреич, скажите вы ей, чтоб она надо мной перестала тиранствовать! Что ж я, маленькая?! Да мне вот-вот уже сорок!

БЕЗБОРОДКО: Да она же любя, Ваше Величество! Наша Карловна за вас горло любому перегрызет, ей-ей, а чрево вам все же надобно побережь... А тиранство... У муженька вашего — вот это тиранство. С цепи как будто сорвался...

МАРИЯ: Да что ж так, дядя Саша? Что опять учудил этот изверг?!

БЕЗБОРОДКО (*чуть не всхлипывая*): Коррупция, говорит. Всю жизнь я прожил — служил верой, правдой и честью, и вдруг нате — коррупция!

КАРЛОВНА: Тьфу ты, слово-то какое — явно ненашенское! Будто какая дурная болезнь! Что б оно значило?

САЛТЫКОВ (*назидательно*): Коррупция — это на латыни значит порча или же разложение. Раскопал сей термин из античного права враг всего человеческого по имени Макиавеллий. Он описал, что коррупция — это когда чиновники берут взятки за исполнение своих служебных обязанностей. А за ним Вольтер подхватил, что коррупция есть лишь в странах навроде нашей, а в Европах, мол, ничего подобного нет.

КАРЛОВНА: Ишь ты, нет?! Не может такого быть!

САЛТЫКОВ: Именно что нет. Во Франции нет коррупции, ибо там у них — непотизм. Это когда на доходные места сажают своего родственника.

КАРЛОВНА: А... Поняла! Кумовство. Это когда Государыня посадила на Прибалтику родную племяшку.

МАРИЯ (*пытаясь вскочить, с горячностью*): Сто лет эти земли слыли убыточными, пока не достались Шарло! А нынче там самые большие доходы в Империи. Это у лягушей, видать, беспонтизм, а у нас это не преступление, а вовсе наоборот!

САЛТЫКОВ (*со смехом*): Прошу вас, сидите, Ваше Величество. Конечно, Шарлотта Иоганновна в деньгах была гений, а у вашей свекрови было чутье на помощников. Немецкий Ordnung. А в Германии, кстати, сие преступление зовется бештехунг. Это когда цифры в отчете приписывают: поставят в войска двадцать сапог, а запишут — сто!

КАРЛОВНА: Ух ты! И это я поняла. У нас с этим просто. Попадись любой из сиих цейтлиных-шмейтлиных на таком — живо повесят, ибо наконец-то дал повод! А в войсках-то иная притча. Пал в бою офицер, а его жалованье годами потом идет в общий кошт...

БЕЗВОРОДКО: Так иначе ж нельзя! Всегда в полковой кассе должна быть заначка на черный день. Коль в армии — ну вот, к примеру, как нынче, — жалованье на полгода задержат, так и живут всем полком за счет павших. Это в Англиях жалованья нет, чуть что — так награбят. А наши ни-ни — у нас за мародерство среди мирного населения военный суд и петля.

МАРИЯ (*с нажимом*): Мой Кристер никогда ничего крал и в жизни ничего не приписывал. А если и брал, так только лишь с бою и у вооруженных врагов — шведов с поляками и прочих турецких нехристей. Это на войне не считается!

БЕЗВОРОДКО (*одобрительно*): Именно так, Ваше Величество!

САЛТЫКОВ (*назидательно*): Кстати, об Англии... Там воровство из казны зовется лоббирование. Это когда некто берет чиновного на свое жалованье, чтобы он ему что-то сделал. В каждой избушке — свои погрешности.

МАРИЯ (*с обидой*): Что?! Этот гад коронованный врет всем, что люди мои смеют деньги брать у кого-то еще сверх того, что я им пожаловала?! Да чтоб его язык ядовитый отсох! Чтоб сизокрылый серафим его встретил! Средь моих людей отродясь предателей не было!

САЛТЫКОВ: Вот именно! Лжец и наветчик. Обвинил нашего милейшего Александра Андреича, будто тот главный вор в морском ведомстве! Где флот и где Андреич? Я вас спрашиваю!

БЕЗБОРОДКО (*с обидою*): И много ли я за свою работу накрал?! Вот скажи мне, Иваныч! Какие нажил палаты я каменные?!

САЛТЫКОВ: А здесь важен принцип. Раз ты документ подписал, ты и скрал. А то, что ты все деньги потом тратишь на свой же штат, это другая статья. Никто же не виноват, что при Зубовых все считали, будто твое иностранное ведомство живет уж с того, что люди твои по заграницам туда-сюда шастают.

КАРЛОВНА: А ведь точно, Андреич! Помнишь, твой секретарь мне с оказией новых бельгийских кружев привез? Мне за так отдал, а остальные я потом на рынке увидела.

САЛТЫКОВ: Именно! При Зубовых полагали, что работники наших посольств смогут выплатить себе довольствие сами. Да только сам Андреич бессребреник, таких же и людей подбирал. Так что ж им всем положить зубы на полку?! Вот он им из своего кармана и доплачивал, а уж ежели ему туда упало откуда, так что за вопрос к Безбородке?! Сам-то он по сей день гол как сокол. Однако же затеяли следствие. Одно слово — тиранство!

МАРИЯ: Неужто мой карла сам выдумал наветы такие писать на нашего Александра Андреича?!

САЛТЫКОВ: Сам — да не сам. Есть такой у нас из молодых да ранних. Сперанским зовут. Михаил. Давеча вернулся из Франции.

МАРИЯ (*пытаясь вскочить с ажитацией*): А не брат ли он той самой Сперанской, которая... Которая нашу Шарло?!

САЛТЫКОВ: Именно он.

КАРЛОВНА (*силой удерживая Марию в качалке*): Не вставай! Все ясно тут. Кто занимается у нас борьбою с этой самой ханцузской

коррупцией — пить дать, хранцузский шпион! Ни одному нормальному русскому человеку в голову не придет возводить на столь честных людей, как Андреич, напраслину! Так и запишите — уверена, что он бунтовщик, фармазон и шпион! Надобно его срочно брать в крепость!

МАРИЯ (*опять пытаюсь вскочить*): Да-да! И брат поганой убивицы! Меня тоже возьмите в свидетели!

ВСЕ ХОРОМ: Сидите, берегите себя, Ваше Величество!

Павильон. Лето. День. Пригород Мантуи. Жандармерия

16

В каком-то страшном полутемном подвале горит жаровня, в которой раскаляются щипцы и клещи для пыток. Издали слышны жуткие крики пытаемых. В отвесах багрового пламени виден маленький сухощавый человечек с крысиной мордочкой, который с усердием пишет доклад.

О (*старательно бормочет себе под нос*): Неделю назад нашим людям удалось захватить троих тирольских офицеров из колонны, шедшей на подмогу Мантуе. Я успел прибыть, пока пленников не убили, и развязал им язык. Теперь у нас есть точный план замка в Инсбруке, место сейфа, где объект хранит свой архив, мы знаем тип ключей ее сейфа и имя его изготовителя. После того как мы поговорим с изготовителем сейфа с пристрастием, все будет готово для посещения Инсбрука. О.

???

Натура. Лето. Вечер. Инсбрук. Замок

26

По стене замка в Инсбруке прогуливается Мария-Елизавета в обычном для нее черном наряде, лицо ее скрывает вуаль. Она идет по стене и то и дело смотрит вниз, где с подругами играет высокая красивая девочка лет четырнадцати. Мы плохо видим лицо этой девочки и можем лишь различить копну ярко-рыжих волос, которые вместе с нею подпрыгивают, когда она скачет через скакалку. Слышен

негромкий окрик. Дама оборачивается. К ней по стене спешит ее верный слуга по имени Франц.

ФРАНЦ: Ваша честь, госпожа аббатиса! Срочное сообщение из Рима!

МАРИЯ-ЕЛИЗАВЕТА: Что там?

ФРАНЦ: Бонапарт вот-вот возьмет Вечный город. Георг Стюарт при смерти и собирает аббатов, дабы назначить нового генерала иезуитского ордена.

МАРИЯ-ЕЛИЗАВЕТА: Условия те же?

ФРАНЦ: Так точно! Как полвека назад. Новым генералом станет тот из аббатов, кто сможет рассказать самую важную тайну для процветания нашего ордена.

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА (*с легкой горечью*): И равно как и полвека назад женщины в выборах не участвуют?

ФРАНЦ: Простите, госпожа аббатиса...

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА: Неважно. Я напишу моему наставнику — аббату Николаю. Хоть он сейчас и в России, но все равно он сможет быть избранным. Мы завтра же отбудем с охраной на конклав, а вас, Франц, я оставляю здесь главным.

ФРАНЦ: Слушаюсь, госпожа аббатиса...

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА: Как только безбожники возьмут Рим, они убьют папу и поставят своего. Он будет, конечно, француз, а они давно все точат зубы на орден... Значит орден распустят, а я, бог даст, вернусь в Инсбрук не аббатисой, а герцогиней Тироля... Или хотя бы графиней.

В ночном городе слышны выстрелы, звон шпаг, крики людей. Что-то бахает, куда-то люди бегут... В темноте появляется одинокая фигура. Это Франц, который под плащом что-то несет, то ли какой-то пакет, то ли конверт. Он явно стремится двигаться по самым темным местам

и от кого-то прячется. На одном из поворотов он чуть не натывается на целую толпу людей в темной одежде, которые говорят по-французски. Франц падает в тень около стены и подслушивает.

БЛО: Они с ума сошли. Был приказ — все сделать тихо, а они устроили маленькую войну!

О: Плевать! Сейчас найдут документы, мы отвезем их Фуше. Он даст отмашку, и тогда мы сможем в Риме без помех придавить Паучиху! А замок пускай горит, живой она по-любасу сюда не вернется!

Франц, прижимаясь к стене, уползает во тьму. Потом он поднимается и куда-то бежит. Снова падает и, лежа в канаве, бормочет.

ФРАНЦ: Я обязан спасти Ее Преосвященство... Но в Рим ведь нельзя... Что же делать?! (*радостно вскрикивает*) А — знаю! Я должен пройти горами через перевал в Зальцбург. Там ее родственники. Они мне помогут!

Павильон. Осень. Вечер. Санкт-Петербург. Каземат Петропавловской крепости

46

В крохотной камере крепости на лавке, скрючившись, сидит Михаил Сперанский. Вид у него самый жалкий. В двери камеры гремит ключ, Сперанский не реагирует. В камеру входит Наследник Александр.

АЛЕКСАНДР: Я прочел ваш доклад. Впечатлен. Жаль, что он не ко времени.

СПЕРАНСКИЙ (*медленно поднимая голову*): Макиавелли писал, что коррупцию легко победить, пока она только в зародыше, и почти невозможно, ежели она приемлема в обществе...

АЛЕКСАНДР (*с интересом*): Макиавелли есть в программе Сорбонны? Я слышал, что он везде запрещен.

СПЕРАНСКИЙ (*с вызовом*): А я люблю читать запрещенную литературу!

АЛЕКСАНДР: Вы первый на моей памяти человек, который посмел возразить моему отцу. После смерти бабушки, разумеется. Ваша смелость мне нравится. Вы знаете, что этой ночью вас придут удавить? Все будет обставлено как повешение.

СПЕРАНСКИЙ (*с явным страхом*): Удавить?! Но за что?!

АЛЕКСАНДР (*небрежно*): Слишком многих в стране вы представили преступниками. И даже подтвердили свои слова доказательствами. В этой стране убивают за меньшее...

СПЕРАНСКИЙ (*хрипло*): Позвольте узнать, за что?

АЛЕКСАНДР: Мой отец приказал отравить мою тетку за то, что она смела быть умнее его. И удачливей. Ваш доклад говорит нам о том, что вы — умный. Вот вам и повод.

СПЕРАНСКИЙ (*с горечью*): А вы пришли позлорадствовать...

АЛЕКСАНДР: Отнюдь. Мой отец — не жилец. Надо же, сказал в рифму. Ха-ха... (*после небольшого раздумья*) Он импульсивен, не умеет довести дела до конца. Уверен, что его дни сочтены.

СПЕРАНСКИЙ (*с интересом*): И кто же убьет его?

АЛЕКСАНДР: Моя мать, разумеется. Это столь же неизбежно, как приход дня после ночи. А потом я стану подобием моего отца при моей бабке, и все повторится. Ветер ходит по кругу — все реки текут, и так далее.

СПЕРАНСКИЙ (*кивая в ответ*): Экклезиаст. Царь Соломон. И кто же вы после этого?

АЛЕКСАНДР: Я такой же сторонний наблюдатель, как сам Соломон. И я знаю, насколько он был одинок. Как и я. Мне нужен собеседник. Я выбрал вас, а посему ваш удел дожить до дня смены царствий.

СПЕРАНСКИЙ (*показывая на решетку и стены*): Да я бы с радостью. Но где выход?

АЛЕКСАНДР (*доставая конверт*): Вы немедленно инкогнито направляетесь в Оренбург и держите язык за зубами про свой доклад. Согласны?

Натура. Осень. Утро. Рим. Площадь палаццо Поли

В темном углу площади напротив палаццо Поли и фонтана Треви за столиком открытого кафе, укрывшись за большим фикусом, сидит Барклай и пьет чашечку кофе. На дворе осень, но еще жарко, и Барклай наслаждается видом на фонтан, погостит деньком и огромными голубями, которые вокруг фонтана важно вышагивают. Вместе с голубями вокруг фонтана важно вышагивают французские оккупационные патрули, и возможно, что именно им Михаил Богданович показаться на глаза не решается. Внезапно рядом раздается знакомый скрипучий голос.

ИСААК: Какая встреча! Всегда ценил ваше умение устроиться, молодой человек. Отсюда самый лучший обзор на всей площади!

БАРКЛАЙ (*вскакивая и пожимая руку подошедшему Исааку*): Какими судьбами? Думал, вы так и живете у нас дома — в Риге!

ИСААК (*на соседнем стуле усаживаясь*): В Риге скушно, сыро и холодно! Шарлотта Иоганновна умерла, вы уехали, не с кем о хорошем проценте теперь побеседовать, и грусть поселилась в сердце больного древнего старика. Захотелось на юг, к птичкам, на солнышко...

БАРКЛАЙ (*подавая знак слуге, что нужна еще чашка кофе*): Местные голуби толще, чем наши утки. Вам, как я помню, двойной черныш без сахара?

ИСААК (*на соседнем стуле усаживаясь*): Да, спасибо, молодой человек. Благодарствую. Что может быть лучше доброго самаритянина, угостившего старого Исаака на склоне лет? Кстати, а почему Рим?

БАРКЛАЙ (*в тон, с хитринкой в глазах*): И верно — почему Рим? Неужто на склоне лет к Христу потянуло? К старости, я слышал, у людей возникают изумительные желания...

ИСААК (*недобро зыркнув исподлобья на собеседника*): Всегда ценил в молодых людях столь редкую ныне пытливость ума... Кстати, как здоровье у маменьки? Давно не пишет из вашего ревельского гетто?!

БАРКЛАЙ: Мама у меня совсем уже старенькая. А ваша мутти сколько лет прожила в гетто в Йор... (*вдруг осекается и внимательно*

смотрит на Исаака) Черт побери, никогда о том не задумывался. У вас же выговор наш, шотландский, и на гербе не роза Йорков, а наш шотландский чертополох! Значит, мама у вас не из Йорка... Откуда, могу я спросить? Эдинбург, Глазго, Старчайлд?

ИСААК (*в упор смотрит на собеседника*): Как странно... Никогда об этом и я б не подумал. Вообразите, что я скажу вам сейчас по-английски «remember»... Что тогда?

БАРКЛАЙ (*внезапно становясь серьезным*): Я никогда не знал моего отца. Однако маменька меня с детства учила, что если приедут из Англии и скажут «remember», я должен отвечать «тому кто придет» и поделить с ним последнее.

ИСААК (*сухо*): Мир полон шотландцев... Так и вы, значит, здесь ради последнего Стюарта? Что слышно?

БАРКЛАЙ: Наполеон взял-таки Рим, и понтифик от горя помер. Созван конклав. Бонапарт хочет своего друга на Святой Престол. И как только его изберут, он отменит орден иезуитов, а глава ордена — последний из Стюартов — обречен умереть. Скажут — от старости.

ИСААК: Ой-вэй! И ничего нельзя изменить? Вообразите, что вы говорите не со старым бедным евреем, а человеком, который сумеет кое в чем подействовать.

БАРКЛАЙ (*с невольным смешком*): Ну так и вы беседуете не просто с мальчиком из ревелевского гетто. Что ж, как представитель страны православной представителю страны англиканской я скажу, что тут у католиков — не конклав, а цирк с клоунами, конями и карлами. Суть в том, что есть два препятствия. Этот друг Бонапарта по профессии — журналист и по сей день пишет памфлеты, направленные против церкви, ибо, во-вторых, он заклятый безбожник. Кардиналы с аббатами очень все хотят жить, конклав сидит под прицепами у французов, но не готов сделать папой журналиста-безбожника.

ИСААК: Пфуй... Молодой человек, если у вас есть возможности передать внутрь конклава благую весть... Скажите там, что вся казна Британской Империи до смерти любого из имярек согласна платить ему до тех пор, пока папой у них не безбожник!

БАРКЛАЙ (*со смехом*): Чудны дела твои, господи! Никогда не подумал бы, что доживу до тех дней, когда Британская Империя захочет иметь Римским папой — католика!

ИСААК (*с неприятной усмешкой*): Ах, молодой человек, какой же вы все же русский! Британская казна платит всю жизнь, но сколько им той жизни останется, коли Бонапарт потеряет терпение?! Восемьдесят кардиналов, сто аббатов — в один миг, и все — руками не нашими. Сказка!

Павильон. Осень. Утро. Санкт-Петербург.

66

Зимний дворец

За небольшим столом завтракают Наследник Александр и его свита — Кочубей с Чарторыйским. Вдруг открывается дверь и вбегают возбужденный Павел.

ПАВЕЛ: Вы слышали? Это покушение на мою власть!

АЛЕКСАНДР (*неторопливо промакивая губы салфеткой*): А что случилось, Ваше Величество?

ПАВЕЛ: Этой ночью мой пленник Сперанский сбежал!

АЛЕКСАНДР: Угрызения совести?

ПАВЕЛ (*со злостью*): Да я не по твою душу! (*Кочубею*) Князь, ведь это ваши люди помогали Сперанскому? Мне нужны все его документы!

КОЧУБЕЙ: Ну, конечно... (*получив от Наследника сильный удар ногой под столом*) Мы же их после закрытия следствия передали.

ПАВЕЛ (*с нетерпением*): А кому?

КОЧУБЕЙ: Безбо... (*получив очередной удар ногой под столом*) Куракину. Конечно, Куракину! Я хотел сказать, что на заседании Безбородки ведь не было, и документы, видать, забрал сам Куракин.

ПАВЕЛ: Сашке... Ну, хорошо...

С этими словами Государь выбегает из трапезной. После недолгого молчания Наследник шипит Кочубею.

АЛЕКСАНДР: Василь, ты мне друг, но ежели еще раз ты посмеешь без моего дозволения рот раскрыть, завтра сам куда-нибудь убежишь! Все бумаги, собранные Сперанским, немедля ко мне! И навсегда забыл, что их видел. Всех остальных это тоже касается.

ЧАРТОРЫЙСКИЙ: Но, проше пана, зачем вам вся эта грязь?!

АЛЕКСАНДР: Мне предстоит борьба за трон. С матерью. А в этих бумагах резоны... Резоны, почему все эти воры — мои будущие рабы и прислужники.

76

Павильон. Осень. День. Санкт-Петербург. Зимний дворец

В маленькой комнате за столом у окна сидит юная Елизавета Алексеевна и что-то пишет. Сзади дверь без стука раскрывается, а потом ее изнутри запирают на ключ. Через мгновение плечи Елизаветы обвивают руки Адама Чарторыйского.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА (*дернув плечиком*): Что ж на сей раз так долго?

ЧАРТОРЫЙСКИЙ (*опускаясь к ее ногам и кладя голову ей на колени*): Твоему на ум взбрела очередная фантазия. Теперь он собирает наветы Сперанского, чтобы всех министров ими потом шантажировать. Пришлось ему помогать — разобрать все по папкам.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА: Очередной дурацкий прожект... А у него пороку хватит, чтобы пугать Безбородку? Или Салтыкова, который всегда порол его розгой? Да он и нынче при виде Николая Иваныча голову в плечи сразу же втягивает... Как же он жалок...

ЧАРТОРЫЙСКИЙ (*жарко целуя колени Елизаветы*): То не наша печаль... Пойдем, коханая...

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА: Нет, мне сперва надобно дописать письма домой в Баден. Матушке за мои отчеты и пруссаками, и австрияками вперед уж заплачено. Я же не могу подвести маму...

ЧАРТОРЫЙСКИЙ (*вставая и начиная тянуть Елизавету куда-то вглубь комнаты*): Да, полно тебе... Никуда фельдъегерь не денется. После напишешь... А я тебе помогу...

**Натура. Осень. День. Бреслау.
Паромная переправа на Одере**

Погожий осенний день. У паромной пристани ждут переправы Александр Бенкендорф, сопровождаемый им Август Вюртемберг и три латыша — Петер, Андрис и Мартин. С ними стоит пара огромных карет под охраной из егерей Государыни. Охрана вооружена и все время оглядывается. Для ребят поездка по Европе уже стала занимательным приключением, и они смеются и делятся впечатлениями.

АВГУСТ ВЮРТЕМБЕРГ: Я все же, братцы, не понимаю, почему мы едем столь странно и выбираем столь удивительные гостиницы. И зачем по две? Неужто Государыня будет ночевать сразу в двух спальнях?

АНДРИС СТУРДЗ: После гибели Госпожи у тети Эли на безопасности крыша поехала. Нужно брать две гостиницы, чтобы враг не узнал, куда мы поселим потом Государыню.

ПЕТЕР ПЕТЕРС: Мы выбираем те, которые легко защитить. Мы в Европе, и кругом нас — враги.

АВГУСТ: Это я понял. Но зачем платить сразу? Так немцы не делают.

БЕНКЕНДОРФ: Затем, что в реальности никто никуда не едет. Скорее всего.

АВГУСТ: То есть...

БЕНКЕНДОРФ: Эльза прислала денег с условием, что Мария Федоровна заплатит их тем, кому надо. У тети Эли в Европе такая слава, что ежели она кому пошлет деньги, так того сразу за хобот и в уютный подвал Вены, Парижа иль Лондона.

АНДРИС: Короче, мы платим в гостиницы всю сумму, потом Мария Федоровна не приедет, а деньги назад заберут... люди разные. Уловил?

АВГУСТ (*растерянно*): Ловко...

ПЕТЕР (*сухо*): А теперь, если ты сдашь нас и свою тетку, мы с Мартином приедем и тебя, брат, не больно зарежем. Чик — и все. Шутка.

Тем временем подходит паром. Первым с него спрыгивает молодой человек в черной форме латвийского абвера, который стремительно идет к мальчикам.

КРАУЗЕ: Лейтенант Краузе от Эльзы Паулевны для личного разговора с вами, Александр Христофорович!

Бенкендорф чуть краснеет. Ему явно приятно, что офицер абвера его называет по отчеству, однако мальчик делает вид, что такое обращение — дело обычное. Он небрежно машет рукой и предлагает Краузе отойти в сторону.

КРАУЗЕ (*отведя Бенкендорфа от других и вполголоса*): В этом пакете официальный приказ отменить все бронирования в Пруссии для Государыни и ее свиты. Приказ написан на предьявителя, ибо Хозяйка решила, что показывать его будете не вы, а кто-то из латышей. Вы же и дальше поедете в Штутгарт, а потом на воды в Баден. С каждой остановки высылайте местную открытку. На Павловск. Без подписи.

БЕНКЕНДОРФ: Мы возьмем много денег. Может, мы их вернем?

КРАУЗЕ: Нет, нет... За вами следят. Если кареты уйдут, никто не поверит, что Государыня на воды отправилась. Вот письмо с указанием гостиниц, в которых вы должны оставить полную стоимость. В иных случаях оплатите хозяевам лишь неустойку. Возвращаясь, проверьте, были ли получены на местах оставленные вами деньги. Обо всем доложить.

БЕНКЕНДОРФ: Есть! (*латышам*) Мартин! (*подбегающему кузену, протягивая бумагу*) Поедешь назад и вернешь наши деньги. Тебе поможет герр Краузе. Все ясно?

МАРТИН: Так точно! (*после секундной заминки*) Все выполню, Александр Христофорович!

Щеки Бенкендорфа чуть розовеют, он отдает честь Краузе и повелительным жестом приглашает Августа Вюртемберга и Петера с Андрисом садиться быстрее на паром и заводить туда лошадей и кареты. Краузе вместе с Мартином машут им вслед, когда паром отходит от берега. Бенкендорф смотрит с парома на отдаляющийся берег

и насвистывает: «Hier sind wir schon zu dritt bei uns Verluste...» («Здесь мы уже втроем — у нас потери...»)

**Павильон. Осень. Вечер. Нюрнберг.
Гостиница «Шюс Ганс»**

96

Александр, Август и Петер с Андрисом весело пируют в уютном подвальчике местной гостиницы. Стены заведения украшены сценами из охоты, а пиво разносят местные разбитные девицы в баварских одеждах. После отмены задачи по квартирному делу у ребят появились свободные деньги, ибо больше не надо тратиться на бронирование гостиниц. Краузе то ли не подумал, то ли команды у него не было, но он отправился собирать лишь уже оплаченное, а те деньги, что у молодежи остались, она решила пустить слегка на кутеж. А посему кружки у мальчиков полны, грудастые баварки рады выпивать за компанию, и веселье от этого в полном разгаре. Посреди праздника хозяин гостиницы подводит к ребятам усталого и запьяненного гонца из России.

Засковски: День добже, мне, пшепрашем пана, сказано, что вы есть русски и мне помогать гроши.

Бенкендорф: Да, мы из России. Однако не в обычаях русских помогать пшекам ни с того, ни с сего.

Засковски: Я не есть поляк. Я отныне подданный Бадена — немиец. Служить для русский царица...

ПЕТЕР (*грубо*): Не ври! Марья Федоровна в память о Федьке в жизнь ваших на службу к себе не возьмет.

Засковски: Оу... Вы не понять. Я служить русский будже цариц — Елизавет!

Бенкендорф: Понял. Он Елизавете Баденской служит. Видать, почту везет ее в Баден. Она этих писем матери строчит — тысячи!

Засковски: Да! Так есть... Постаamt фюр Баден. Моя кобыла пасть здесь в пути. Мне нушна новый. Я у вас брать. Мы мне давать кони и гроши, я доехать фюр Баден. Йа — йа!

Бенкендорф (с неприязнью): А с чего это мы должны тебе отдать наши деньги и лошадей?

Засковски (высокомерно): Вы есть — джечи! Киндер! Вы фонды все пропивать и дефка кохать! Мне нуждаться. Я не есть, не спать. Вы мне свои фонды отдать!

Латыши с нехорошим ворчанием переглядываются. Подвыпивший Бенкендорф легко поднимается из-за стола, ногой подвигает свою скамью (девки с нее по углам рассыпаются), опускает руку на эфес шпаги. Во вдруг наступившей тишине пивной он с угрозой говорит.

Бенкендорф: Маленьких каждый обидеть норовит. Раз ты, дядя, большой, а ну-ка, отними!

Засковски (с усталостью и раздражением в голосе): О, майн готт... Гут — быть тебе взбучка.

С этими словами то ли поляк, то ли немец выхватывает свою шпагу и на Бенкендорфа набрасывается. Бой длится недолго — всего пару выпадов, и вдруг выясняется, что уроки Эльзы были лучше, чем весь опыт баденца. Он с жалобным криком падает на пол, а Бенкендорф вытирает платком окровавленный клинок своей шпаги и кричит.

Бенкендорф: Господа, успокойтесь! Его рана нестрашная. Я все оплачу. И номер для него за месяц вперед, и лечение.

Перепуганный хозяин таверны вместе со слугами и баварскими девицами ловко стонущего баденца куда-то утаскивают, тогда как другие девицы не менее ловко кровь на полу замывают и засыпают опилками. Через мгновение такое чувство, будто ничего не было, и народ в пивной опять начинает пить пиво и орать хором песни. Когда успокоившийся хозяин назад возвращается, Бенкендорф плату за комнату и лечение баденца ему самолично отсчитывает и как бы случайно вдруг спрашивает.

Бенкендорф: А письмо его мы сами доведем в Баден. Нам как раз по дороге. Кстати, где оно?

Обрадованный деньгами хозяин таверны куда-то убегает и приносит пухлый пакет с письмами. Пакет запечатан небрежно, и письма из него разве не высыпаются. Когда Александр берет пакет в руку, тот раскрывается, и из него выпадает пара конвертов поменьше. Бенкендорф поднимает все письма с пола и, прежде чем положить их обратно, небрежно адреса на письмах проглядывает. Затем он кивает своим латышам, и они втроем отходят к стойке. Он передает письма Петеру с Андрисом. Разговор дальше продолжается по-латышски.

БЕНКЕНДОРФ: Обратите внимание на адреса. Одно письмо — в Берлин, а второе — в Вену, а вовсе не в Карлсруэ. Интересным людям пишет наша будущая Государыня.

АНДРИС (*с изумленьем присвистывая*): Мое письмо в Вену — в канцелярию внешней разведки на Пратере. Тот самый адрес, который нам диктовал Николя на занятиях о возможном противнике! А у тебя, Петер?

ПЕТЕР (*сухо*): Берлин. Унтер-ден-Линден. Адрес военной прусской разведки. Это что ж получается?

БЕНКЕНДОРФ: По моему разумению, нужно срочно доставить все эти письма по адресу. В Ригу. Наша Эльза Паулевна их прочтет и во всем сама разберется. Я везу пацана дальше в Штутгарт, а письма должны быть у Эльзы срочно. Кто из вас?

Латыши молча скидываются на пальцах, и посерьезневший Андрис собирает письма обратно в пакет. Бенкендорф вручает ему увесистый кошелек с деньгами и приказывает.

БЕНКЕНДОРФ: Лети в Ригу мухой. Расскажешь все фрау Эльзе. Дальше — по обстоятельствам.

Андрис кивает и выходит из пивняка. Бенкендорф с Петером возвращается к столу и говорит Августу.

БЕНКЕНДОРФ: Прошу тебя, что видел — забудь.

Павильон. Осень. Утро. Штутгарт. Алтес-Шлосс

Александр Бенкендорф вместе с Августом идут по древнему замку. Все вокруг поражает великолепием, двери будто сами собой раскрываются, невидимые глазу слуги, как ловкие мыши, стремительно снуют где-то в глубине за портьерами, и все, будто по магию руки, само собой делается. В какой-то миг Август восклицает: «Папа!» и куда-то бросается. Александр видит, как мальчика обнимает господин в обычном партикулярном платье и набеленном парике.

ГРАФ ПЕТЕР ЛЮДВИГ: Рад видеть вас, молодой человек! Спасибо, что доставили сына ко мне на каникулы. Это дурная страна, а времена нынче скверные.

Юноша немного теряется, ибо ему странно слышать, когда свое государство называют «дурною страной», однако вежливый хозяин уже отослал сына вместе со слугами и наликает ему рюмку портвейна.

ГРАФ ПЕТЕР ЛЮДВИГ: Мой отец — родной дядя Екатерины Великой. Так что мы с вами, юноша, судя по гербам, не чужие. Мы, северяне и протестанты, привыкли считать каждый пфенниг, но горцы умеют жить только в долг. Так я был поставлен здесь за нашим кредитом присматривать. Потом жена моя, родная сестра Марьи Федоровны, умерла, и мы тут держим оборону совсем в изоляции.

БЕНКЕНДОРФ (*обрадованно*): Теперь мне понятнее!

ГРАФ ПЕТЕР ЛЮДВИГ (*скучным голосом*): Тесть мой, чертов герцог, всю жизнь прожил во Франции и в окно французам дули крутил. Когда он наконец-то допрыгался, его младший брат принялся строить для него Новый замок. А зачем у банкротов и круглых должников такие расходы?! Пришлось его разорить... Теперь все меня зовут кровопийцей и кровником... На дворе, заметьте, восемнадцатый век, а тут — пещерные времена и полная дикость!

Бенкендорф в ответ на это с изумлением мнется, а потом решительно говорит.

БЕНКЕНДОРФ: Мне нужно от моей госпожи ее родителям кое-что передать. Так что спасибо за портвейн — мне пора!

Граф ПЕТЕР ЛЮДВИГ (*все тем же скучным голосом*): Если проглотаетесь, у нас ужин в шесть. И позвольте дать вам совет — не берите к ним денег, молодой человек. Эти босяки обернут вас как липку.

**Натура / Павильон. Осень. День. Штутгарт.
Нойес-Шлосс**

116

Александр Бенкендорф подходит к огромному зданию Нового замка. Строение все в лесах, однако выглядит недоделанным. Юноша поднимается по каменной лестнице и стучит в дверь. Та не закрыта и с легким скрипом сама собой отворяется. Александр заглядывает внутрь. Стены внутри замка некрашеные, местами они покрыты побелкой, такое чувство будто замок стоит всеми брошенный. Откуда-то изнутри слышны голоса. Юноша входит в этот огромный недостроенный дом и идет туда, где слышна речь. В приоткрытую дверь видна большая холодная комната, которая имеет хоть сколько-то обжитой вид. Здесь некрашеные стены огорожены какими-то ширмами и занавесками. В углу комнаты стоит большая кровать, которая при этом аккуратно застелена, а посреди комнаты стоит простой, сколоченный из досок стол, вокруг которого такие же самодельные табуретки. За столом сидит матушка Марии Федоровны герцогиня Вюртемберга София Фредерика и на руках шьет новую занавеску. На герцогине старая теплая фуфайка, надетая на домашний халат, а из-под халата видны голые ноги, на которых огромные валяные серые тапочки с розовыми помпончиками. Рядом с нею мастерит новую табуретку герцог Фредерик. На нем теплая клетчатая рубаша с огромными кожаными заплатами на локтях, толстая шерстяная жилетка неопределенного цвета и офицерские кожаные лосины, а на ногах новые теплые валенки с красными петухами. Со стороны обоих можно принять за семью старых бюргеров, а не великих герцогов. На улице солнце, но оба одеты очень тепло, ибо в каменном дворце холодно, а камин, похоже, редко топят. Софья Фредерика что-то щебечет, и Бенкендорф застает ее на середине фразы.

Софья Фредерика: ... а там у нас — занавесочки розовые! Видишь, Фредди, как здорово! Все как у людей. Кстати, мне тут было письмо — к нам едут гости!

Фредерик: Боже мой, Фредди, какие гости?! Как мы будем их принимать?! Оглянись вокруг! (*Герцог растерянно обводит рукою комнату.*)

Софья Фредерика: Ничего страшного. Поставим на стол все что есть, а я надену все лучшее. К примеру, мои лучшие красные ботиночки. Если не вставать, то не видно, что у них подошвы протертые. Главное, чтобы доча подумала, что все у нас хорошо!

Герцог судорожно вздрагивает над недоделанной табуреткой и хрипло бормочет.

Фредерик: Прости меня, Фредди...

Софья Фредерика (*опуская на колени недошитую занавеску*): Боже мой... Какой же ты дурак, Фредерик! Неисправимый дурак! Сыновья наши служат, дочерей всех пристроили, даже ни одну не пришлось в монастырь отдавать, сами мы живы... Что еще надо для счастья?! Давай, беги к Юлиусу, попроси у него займы свиной бок, пива и тушеной капусты. Не каждый день у нас гости от доченьки.

Фредерик (*хрипло*): Лавочник пригрозил, что без денег он больше не станет мясного нам в долг давать...

Александр Бенкендорф резко поворачивается, быстро идет к дверям дома, выходит на улицу и громко стучит. В доме сперва тишина, а потом небольшое шуршание. Дверь открывается, на пороге стоит великая герцогиня. На ней простая белая рубашка и столь же простое черное платье, из-под которого видны носки красных ботиночек. На плечах у Софьи Фредерики огромная вязаная белая шаль с вывязанными на ней красными розами. Теперь она выглядит истинной герцогиней. При виде юноши она приветливо руками всплескивает.

Софья Фредерика: Ах, Доротея присылала мне портрет вашей мамы. Вы — вылитая Юлиана Шарлотта! Как я рада вас видеть! Не обращайтесь внимания — у нас ремонт...

БЕНКЕНДОРФ: Счастлив знакомству, сударыня! *(с неловкостью)* Тут у меня одно деликатное поручение от моей Государыни... Она вам прислала некое содержание. Карета с ним пока стоит у Старого замка вашей дочери под охраной, а я осмелился... *(тушуетя)* В общем *(подает герцогине тугой кошелек)*.

Софья Фредерика небрежно принимает кошель, резко отворачивается, и лишь по ее сорвавшемуся голосу можно предположить, что она или плачет, или пытается удержаться, чтоб не заплакать.

СОФЬЯ ФРЕДЕРИКА: Фредди... Фредди, беги скорее сюда! У нас гость! Ну беги же быстрее, мой старый конь!

Из-за спины герцогини появляется герцог Фредерик. Он в полной военной форме вплоть до начищенных сапог, усы его геройски подкручены, а вид как у настоящего генерала. Он пожимает руку юноше и небрежно спрашивает.

ФРЕДЕРИК: Что за спешка, душа моя?

СОФЬЯ ФРЕДЕРИКА *(беззаботно и весело)*: Только что прибыл гость из России. Беги быстрее в лавку, пусть оттуда пришлют целого запеченного кабана, бочонок лучшего пива и гору тушеной капусты. *(Герцог хочет что-то сказать, но тут герцогиня ловко за спиной передает ему кошель с золотом, и герцог лишь усы еще сильнее закручивает.)* Да и позови верного Гюнтера и всех своих молодцов, полно им улицы подметать! Доча прислала нам денег, а ты же знаешь всех этих русских, шлют они деньги — **КАРЕТАМИ!** Так что зови сразу всех, и заберите русскую карету скорее от Старого замка.

Герцог и герцогиня меж собой переглядываются, и взгляды эти недобрые. Фредерик еще раз приветливо машет Бенкендорфу и вместе с деньгами куда-то бежит. Юноша и герцогиня смотрят ему вслед. Софья Фредерика, так и не пригласив гостя в дом, жестом предлагает взять себя под руку и начинает его по площади неспешно выгуливать.

СОФЬЯ ФРЕДЕРИКА *(с чувством)*: Вы заметили? Он красит брови и усы черной краской. Всю жизнь хотел мне понравиться. По сей день ходит, как твой павлин.

БЕНКЕНДОРФ: Именно так, Ваша светлость! *(после недолгого молчания, чтобы заполнить паузу)* Я вижу — вы строитесь...

СОФЬЯ ФРЕДЕРИКА: Нет, что вы, это не мы. Это брат мужа Ойген безумствовал. Мы-то жили в Эльзасе в Мемпельгарде — в столице нашего герцогства.

БЕНКЕНДОРФ: Мне показалось, что Новый дворец хорош. Куда больше и красивее прежнего. А почему же вы теперь тут?

СОФЬЯ ФРЕДЕРИКА *(взор ее затуманивается, и она начинает рассказ)*: Столица нашего герцогства была определена Шарлеманем тысячу лет назад. Границы менялись, и в итоге мы оказались целиком окруженными Францией, а прочий Вюртемберг — здесь, в богом забытых горах... *(после короткого молчания)* Мемпельгард... Крохотный городок. Размером с почтовую марку. Очень вкусные сливы и яблоки. Семь тысяч подданных... *(с усмешкой)* Боже мой! Вообразите, из любого окна моего дворца была видна Франция. Я пила утром кофе, а нищие французы все кругом его нюхали! *(с горьким вздохом)* А потом во Франции этот кошмар! Пришли грязные люди, назвали комиссарами, что-то там требовали... Муж их прогнал, и была страшная битва. Наши люди мне заряжали ружье, и я отстреливалась... Мы прорвались. *(Глаза Софьи Фредерики увлажняются, она достаёт откуда-то большой клетчатый платок, похожий на кусок простыни, и громко сморкается.)* Семь тысяч населения плюс беглые роялисты. Всех благородных и всех, кто не умел говорить по-французски, комиссары повесили *(плачет)*. Это был совершенный кошмар! Малым деткам головки разбивали о притолоку... Так и кончился мой Мемпельгард... *(со злостью в голосе)* Теперь они его зовут по-французски как Монбельяр. Наш потерянный рай... *(помолчав)* В том раю были повешены семь тысяч немцев и французская знать. А мы прорвались... Мой Фредди шел в первом ряду и дрался как лев! Что эта голытьба и быдлота могла с ним поделывать?!

Юноша не знает, что сказать, и лишь судорожно сглатывает. Он совсем иначе смотрит на маленькую статную старую женщину, которая идет по старой брусчатой площади в красных башмачках с протертой подметкой. Он осторожно спрашивает.

БЕНКЕНДОРФ: Но ныне все ваши испытания позади? Вы ведь добрались до любящих родственников.

СОФЬЯ ФРЕДЕРИКА: Ну что вам сказать... Мужнин брат Ойген никогда не умел считать деньги. Слишком большой и слишком пышный дворец. Долги у него были огромны. Надеялся на моего Фредерика. Однако мы почти все потеряли. Ойген отчаялся, стал много пить, и у него был удар. Ну и его — положили в тюрьму.

БЕНКЕНДОРФ: То есть как? В бессознательном состоянии?

СОФЬЯ ФРЕДЕРИКА: А я так и сказала: «Фредди, ты должен выкупить брата из долговой ямы. Брат великого герцога не должен умирать в тюрьме за долги». Я продала все мои драгоценности. Милый, милый Алекс, скажу вам по секрету — мы теперь в долгах как в шелках, зато Ойген умер свободный. Подумаешь, все эти бриллианты и золото... Я была так счастлива, так счастлива! Я точно знаю, что Господь меня любит! Ведь вас же послал к нам Господь — очень вовремя!

БЕНКЕНДОРФ: А как же... Как же ваша родня? Ваш зять — отец Августа...

СОФЬЯ ФРЕДЕРИКА (*гордо выпрямляясь*): Ну что вы?! Мы — великие герцоги Турн унд Таксис, и у кого-то деньги просить?! Да мой Фредди скорее застрелится! А насчет графа... У всех этих северян холодное сердце! Они по слухам все продались — Михелю! Эту историю знают все в нашем Шварцвальде!

Бенкендорф хочет что-то сказать, вспоминая великоление Старого замка, в котором живет отец Августа, но вовремя осекается. Тут со стороны лавок появляется герцог Фредерик во главе ватаги своих же солдат. Те одеты в старую рваную сине-белую форму, но все равно несут своего герцога на руках и орут какую-то песню. Следом за герцогом несут на огромном медном блюде голову жареного кабана, какие-то блюда с колбасами, чаны с тушеной капустой и бочки пива. Софья Фредерика восторженно восклицает.

СОФЬЯ ФРЕДЕРИКА (*в такт песне подпрыгивая*): Смотрите, созрело свежее пиво! А я и забыла! У нас будет праздник, самый настоящий

Октоберфест. Bier her, Bier her, oder ich fall um, juchhe, Bier her, Bier her, oder ich fall um... Пойдемте же — сегодня пиво с колбасками! Вы поете душевные песни?!

126

Натура. Осень. День. Анкона. Осадный лагерь

Гремят пушки. С неба льет дождь. Под небольшим навесом за столом сидит Фуше и читает какие-то бумаги. Вокруг деловито спуют солдаты, французская армия осаждает очередной город в Италии. Среди всей этой боевой суеты по-прежнему является офицер Фуше по особым поручениям Бло.

ФУШЕ (*откладывая в сторону свои бумаги*): Рад видеть. Чем порадуете?

БЛО: Беда... Мы взяли дом в Инсбруке, сейф хозяйки был уже вскрыт. Документы пропали. С ними исчез камердинер по имени Франц. Дороги перекрыты, его везде ищут.

ФУШЕ (*задумчиво*): Франц. Помню. В лицо не видел, но голос узнаю немедля. У него очень сильный акцент... Стало быть, сюда, в Италию, он не сунется, ибо с таким выговором через наши посты ему не пройти. А из Инсбрука — три дороги. На север — в Баварию, но там везде наши, сюда — через перевалы в Италию, но и тут везде наши. Наконец есть дорога опять же через перевалы до Зальцбурга. Да... Он идет в Зальцбург. К родне своей госпожи. Приготовить засады. (*отворачивается к своим бумагам, но, заметив, что Бло еще ждет, резко спрашивает*) Что еще?

БЛО: Незавершенная война с Вюртембергом, ваша честь. Когда ее затевали, все были уверены, что герцогу Фридриху из Мемпельгарда не вырваться, а младший брат его был готов присягнуть Франции.

ФУШЕ (*небрежно*): Плевать. Фридрих разорен. Ему не на что нанять новую армию. А брат его умер.

БЛО: Его дочь — русская королева. Мы сделали все, чтобы она не узнала про то, каковы дела в Штутгарте. Но она откуда-то все услышала. Она прислала огромную сумму, Герцог Фридрих собирает новую армию... Обещает поквитаться за Мемпельгард.

ФУШЕ (*с раздражением*): Это проклятая Эльза! По всей Европе ее согладатаи... Теперь я начинаю все понимать... Мой агент Сперанский в Петербурге был схвачен. Эти деньги... И еще ходит слух, что у нее на счету шведский король и шах Персии... К черту. Берите людей и готовьте операцию в Штутгарте. Герцог Фридрих должен быстрее умереть, иначе его армия завтра же ворвется в Италию! Сыновья его все разъехались, так что, пока суд да дело, в Штутгарте регентом станет, видимо, его зять, а это — наш человек.

БЛО (*растерянно и с дрожью в голосе*): Но одно дело убить просто герцога, другое — отца царицы всея Руси. Завтра же Европа будет наводнена русскими армиями!

ФУШЕ (*со злостью*): Проклятый Моро! Устроил себе на потеху кровавую баню, а мог бы сообразить, что за этим крошечным Мемпельгардом стоит пол- Европы и полная Азия! Не успокоюсь, пока не сживу этого тупого кровавого мясника со свету! (*по недолгому размышлению*) Все равно — провести операцию против Фридриха. Живым он нам Мемпельгард не простит. И как только убьют, пусть сразу заключат мир. Не хватало нам этих диких горцев в Италии!

Натура. Осень. Утро. Штутгарт. Площадь

136

Весь Штутгарт будто проснулся, и кругом движение. Несмотря на холод осеннего утра, мы видим бесконечные вереницы повозок, сотни призывного возраста мужчин с обычными палками на плече учатся маршировать, меж ними бегают офицеры в характерной сине-белой форме армии Вюртемберга. Такое чувство, будто весь город к войне повсеместно готовится. Среди этой суеты у Нового дворца, который стал центром всеобщего народного кипения, стоят две кареты с русскими вензелями Марии Федоровны. Около одной из них ждет Петер. И вот из дворца к нему появляется Бенкендорф.

ПЕТЕР: Все готово, Александр Христофорович. Куда мы теперь, в Баден?

БЕНКЕНДОРФ: Без денег ехать в Баден нет смысла. Нам нужно в Зальцбург. Я послал письмо в банк Арштейна, а они работают

только в Австрии. Так что мы сейчас за деньгами туда, чтобы покрыть недостачу, а уж оттуда сюда за Августом и в Баден.

ПЕТЕР: По всей Европе, значит, прокатимся. Ну в Зальцбург, так в Зальцбург.

146

Натура. Осень. Вечер. Зальцбург. Площадь

Александр Бенкендорф выходит из здания банка в Зальцбурге. На улице его ждут две кареты с охраной и верный Петер. Холодно, с неба падают снежинки. Бенкендорф зябко ежится.

БЕНКЕНДОРФ: Придется ждать до утра. К темноте они деньги не выдадут. Осмотрелись уже? Где тут можно постоем встать на ночь?

ПЕТЕР: Да, ребята уже осмотрелись, обнюхались. Места есть на постоялом дворе рядом с замком архиепископа. Пойдем, покажу.

БЕНКЕНДОРФ: Что это там за шум?

В сгущающихся сумерках из переулка — топот ног. Слышен звон шпага, кто-то бежит от дворца архиепископа Зальцбургского. В темноте слышны ругательства по-французски. Кто-то стонет: «Merde, merde!» Александр и Петер вытаскивают свои шпаги.

ПЕТЕР: Какого черта? Французы здесь, в Австрии?

БЕНКЕНДОРФ: Они на кого-то напали! Спасем нашего! Смерть якобинцам!

Мальчики с обнаженными шпагами бегут в темноту, за ними гурьбой устремляется их охрана. Откуда-то появляются зажженные факелы. В их свете видны на брусчатке несколько неподвижных тел, закутанных в черное. В стороне от мертвых тел вроде шевелится сильно заросший и, похоже, обмороженный человек. Бенкендорф над ним наклоняется.

БЕНКЕНДОРФ: Вы — наш? Вы — немец? На вас напали проклятые лягушатники?..

Франц (*с хриплым стоном*): Они все же догнали меня. Передайте госпоже — она в Риме — это (*протягивает Бенкендорфу залитый кровью большой пакет и умирает*) ...

БЕНКЕНДОРФ: Кто вы? Какой-токой госпоже?

Мальчик трясет мертвого Франца за плечо, но тот уже и не дышит. Вокруг тел собрались охранники и жители ближайших домов. Александр торопливо прячет залитый кровью пакет под куртку. Затем местных спрашивает.

БЕНКЕНДОРФ: Французы тут убили австрийца. Вы знаете, кто это?

ТРАКТИРЩИК МИХЕЛЬ: Покою нынче нету от лягушей. В Италии они зверствуют, вот и до нас добрались. А парень — не местный. На нем цвета Тироля. Видать, один из слуг госпожи аббатисы.

БЕНКЕНДОРФ: Кто эта аббатиса? Настоятельница местного монастыря? Надо ей доложить...

ТРАКТИРЩИК МИХЕЛЬ: Мария Елизавета — госпожа Инсбрука. Смотри, он совсем обмороженный, значит через перевалы пешком сюда шел. А там сейчас мороз лютый.

ПЕТЕР (*шепчет Бенкендорфу на ухо по-латышски*): Не возьму в толк. У него ливрея тирольская, эта самая Елизавета из Инсбрука, а он ровно в другую сторону из Инсбрука как раз через закрытые перевалы пришел. Выходит, он шел от своей госпожи?

БЕНКЕНДОРФ (*тихо в ответ*): Сам не пойму. Ну да мы тут по случаю, завтра нас уже нет. Вернемся в Штутгарт, там все и выясним.

ТРАКТИРЩИК МИХЕЛЬ (*бормочет, разглядывая убитых*): А ведь эти парни не из Италии. В южной армии Бонапарте лычки у людей синие, а у этих швайне, изволите видеть, — красные. Это люди мемпельгардского мясника Моро.

БЕНКЕНДОРФ (*растерянно*): А вы откуда знаете про Мемпельгард?

ТРАКТИРЩИК МИХЕЛЬ (*с усмешкою*): Мы тут в горах на отшибе живем. Любая новость у нас эхом слышна. Штутгарт же вон, за горой. Их боль — наша боль. Мы же все — немцы, так что как появится француз у нас с красными лычками, так вот вам крест — не жить говнюку! Око за око. Закон гор.

**Натура. Зима. Вечер. Штутгарт.
Площадь перед двумя замками**

Калитка в дверях Старого замка приоткрывается, и из нее на улицу выскальзывают черные тени. Они рассыпаются по углам дворцовой площади, и одна из них шепчет другой.

Бло: Давай, О! Оправдайся за осечку в Инсбруке. Граф говорит, что герцог нынче пьет как всегда со своими людьми вон в той пивной. Ну-ка, ко мне его вызови!

О: А ежели он там с охраной?

Бло: Ты что, дурак?! Какая охрана, это дикие гордые горцы! Для них оскорбление, ежели их при всех будут охранять. Мол, это умаляет их мужское достоинство. Да и кого ему тут бояться? Чужие тут не ходят, а весь город, кроме графского Старого замка, это верные ему горцы-католики. Давай вперед!

О с опаскою заходит в пивную, а Бло прячется в густой тени рядом с крыльцом. Из огромной пивной слышны звуки хорового народного пения и радостные крики подвыпивших. Вокруг темно и холодно, и вся площадь укрыта снегом. На улице ни души, и ожидание длится мучительно медленно. Затем в пивной открывается дверь, и выходит О, который делает приглашающие жесты для кого-то внутри. В дверях показывается герцог Фредерик, он навеселе, поет какую-то песню, в руках у него — початая кружка пива.

ФРЕДЕРИК: Да, я тут, кто меня хотел видеть? Я весь внимание! Кто вы?

Бло (возникая из темноты): Вам привет от Моро!

С этими словами француз вонзает кинжал в бок герцога — прямо под руку, держащую кружку. Герцог изумленно на него смотрит, потом медленно роняет кружку и падает вслед за ней сам. Из пивной слышится страшный крик: «Французы! Фредерик!» Ночной город будто весь просыпается, распахиваются окна и двери, отовсюду бегут полуодетые горцы, вооруженные чем попало. Французы начинают метаться, вдруг оказывается, что многочисленные кривые

улочки, ведущие к площади, все перекрыты набегаящими людьми. Бло в отчаянии кричит своим людям.

Бло: Скроемся у графа в его Старом замке!

Французы отчаянно бегут к старому дворцу, они начинают стучать в ворота, но те закрыты, а уже через миг Бло и его люди окружены полуодетыми людьми с факелами, обычными палками и кинжалами. Самый старый дед из этой толпы выходит вперед.

Гюнтер: Гляньте-ка — красные лычки! Это из тех, кто убивал наших деток и баб в Мемпельгарде...

Толпа угрюмо гудит. Старик со значением достает из-за пояса свой большой нож и хрипло бормочет.

Гюнтер: Что ж, расплатимся же с врагами по нашим, по горским обычаям... Пусть каждый отрежет от них по кусочку. Но чтоб до утра, суки, дожили!

Толпа ощеривается десятками острых клинков, рукава у рубах все засучены, ярко пылают факелы, и по команде старика широкий полукруг вокруг французов будто смыкается. Слышны жуткие, страшные крики...

Павильон. Зима. День. Милан. Дворец Сфорца

166

По коридору старинного дворца неспешно идет Фуше под руку с генералом Наполеона — наместником Ломбардии Ланном. Они ведут светскую беседу. Как бы между делом Фуше спрашивает.

Фуше: Вы слышали волшебную новость? Безумный командующий Восточную армией генерал Моро прислал своих убийц в Вюртемберг. Они вроде там зарезали местного герцога. Герцогиня от горя рехнулась и готовит к войне с нами армию. Мне рекомендовали вас как лучшего знатока местных армий. Что вы скажете об армии Вюртемберга?

Ланн (с невольным смешком, передернувшись): О боже, только этих горцев с их длинными ножами нам не хватало в Италии!

Фуше: Они так страшны? Стоит их опасаться?

Ланн: И да, и нет. Начну с хорошего — это дикие горцы, которые в отличие от прочих немцев о порядке не ведают. Посему строим они ходить не обучены, один удар — и они побегут. Встреть мы их близ Парижа, и один наш батальон разгонит две их дивизии. А теперь о дурном. Это — дикие горцы. У них лучшие горно-егерские полки всей Европы. И здесь, в итальянских горах, я не хочу встречи с их альпенкорпусом! Когда-нибудь слышали про их горные батальоны под названием «Эдельвейс»?

Фуше: То есть вы хотите сказать...

Ланн: Пока мы не закрепились в Италии, воевать в этих горах с Вюртембергом — безумие. Но ежели наша власть здесь укрепитя, горцы станут нам не страшны.

Фуше: Я понял. Их герцогиня желает голову генерала Моро. Или — война.

Ланн: Сказать по совести — этот мясник всем давно надоел. К тому же есть нюанс. Сегодня два великих генерала во Франции — Наполеон и Моро. Падет Наполеон, и наш император — Моро. Падет Моро...

Фуше дружелюбно смеется и делает знак генералу, что тому пора замолчать.

Натура. Зима. День. Милан. Площадь перед дворцом Сфорца

Яркий солнечный день. Мороз и солнце. Огромная процессия, чего-то ожидающая. Из дворца спешно выходит Наполеон. Пока он ждет, когда ему подадут лошадь, к нему быстро подбегает Фуше.

Фуше: Мой генерал, вы уже собираетесь?

НАПОЛЕОН: Да, этот бесконечный конклав в Риме стал действовать мне на нервы. В конце концов я их разгоню. Что у вас?

ФУШЕ: Срочное сообщение из Штутгарта. Генерал Моро прислал в этот город убийц, и они зарезали герцога Фредерика. Все говорят, что он это сделал затем, чтобы Фредерик не смог ему отомстить за истребление мирного немецкого населения Монбельяра...

НАПОЛЕОН (*морщась*): Ублюдок... Кровавый кретин... Только завершил я дело в Италии, и нате вам — сюда идет альпенкорпус этих всех диких горцев... (*раздраженно машет рукой*) Надо же, как не ко времени... (*мгновение думает, потом по всему видно, что ему пришла в голову интересная мысль, и генерал с хитринкой в глазах у Фуше спрашивает*) Кстати, а проводилось ли следствие по мемпельгардским событиям?

ФУШЕ: Так точно! По приказу Моро убили все мирное немецкое население. Женщин, стариков и детей. Он кричал, что вырвет навсегда эту занозу из бока Франции...

НАПОЛЕОН (*с кривою усмешкою*): То есть произошло военное преступление. Хорошо. По приезде в Париж я тут же подам запрос в Директорию на следствие и арест военного преступника — генерала Моро. Мы — в Европе, и подобное варварство для нас неприемлемо!

С этими словами толстенький Бонапарт легко запрыгивает на поданного коня, дает знак всей процессии и, уже трогаясь, кричит Фуше.

НАПОЛЕОН (*радостно*): Сегодня же пошлите в Штутгарт мои сожаления и извинения. И заверьте их там, что мы начнем процесс по преступлениям Моро — немедленно. Да-да — немедленно!

Павильон. Зима. Ночь. Штутгарт. Нойес Шлосс

186

Новый недостроенный дворец гудит. Его заполняют толпы живописно одетых во все теплое горцев, размахивающих ярко горящими факелами. От обилия остро наточенных кинжалов, начищенных ружей и самых разных горских костюмов глазам больно, а от дыма и копоти голова слегка

кружится. Все вокруг злые и озабоченные. В толпе идут горячие разговоры о том, что сам граф Петр Людвиг бежал на север — в Голландию, но почти всех слуг схватили и теперь каждое утро режут на потеху толпы — прилюдно, по очереди. Народ обсуждает, как именно надо резать убийцу покойного герцога, чтобы те дольше мучились и обязательно все почувствовали. А еще говорят, что скоро придет сорок дней со дня смерти герцога, и тогда герцогиня своею рукой прикончит графского сына Августа — в честь покойного мужа. Все жалеют, что нельзя сперва мальчика посадить на кол, ибо это все же не по христианским обычаям. Через эту разношерстную толпу возбужденных людей с трудом пробиваются Александр Бенкендорф вместе с Петером. Наконец среди всех этих бурок, армяков и пивных брюшек они видят Софью Фредерику. Та будто постарела лет сразу на двадцать, вокруг глаз черные круги, а лицо у герцогини осунулось. Рядом с собою на поводке она держит Августа. Руки у мальчика связаны за спиной, глаза все заплаканы. Он уже, видно, не может говорить, а только икает. В другой руке у герцогини шпага убитого герцога, и она то и дело приставляет ее к горлу мальчика и начинает ему что-то на ухо шептать. Видно, что штанишки Августа мокрые, а на шее свежие порезы от старой шпаги. Однако при виде мальчиков герцогиня явно радуется.

СОФЬЯ ФРЕДЕРИКА: Слава Всевышнему, хоть вы живы! В горах сейчас неспокойно, я вся извелась — что скажу дочери, как за вас оправдаюсь? Вы не видели моего Фредди? Он забыл свою шпагу!

БЕНКЕНДОРФ (ошеломленно): Но ведь герцога же...

СОФЬЯ ФРЕДЕРИКА (морщась и отмахиваясь): Он здесь, он где-то здесь прячется! (громко) Эй, Фредди, где ты, мой старый конь?! У нас война, почему ж тебя нет?!

Александр хочет что-то сказать, но Петер его крепко держит. Герцогиня же вдруг поворачивается и с силой втыкает шпагу в какую-то занавеску. Шпага звенит о некрашенный камень замка.

Софья Фредерика (*с торжеством*): Ну что ж, готово! Там — крыса! Мерзкая французская крыса! Я отмстила за всех моих фрейлин... Они ждут меня в Мемпельгарде! Ах, какие там были сливы и яблоки! (*вдруг озлобляется и опять приставляет шпагу к горлу несчастного Августа*) Это ты... Я помню, это ты крал мои сливы и яблоки. Я тебе сейчас отрежу уши за это! А потом вырежу твое лживое сердце!

Август пытается рыдать, но слезы у него, видно, кончились. Александр вырывается из рук Петера и, хватаясь за мальчика, громко кричит.

Бенкендорф (*с отчаянием*): Ваше высочество, ваш внук под покровительством вашей дочери Доротеи! Вы же помните Дороти?

Герцогиня судорожно трясет головой, в ее глазах будто бы просветление. Она с радостью говорит.

Софья Фредерика (*радостно*): Да, разумеется. Моя доченька тоже хочет отмщения! Отец этого гаденыша убил моего Фредди! Вы понимаете?! Я его буду резать — живого на части! Я его голыми руками рвать буду!!! И моя доча мне хочет помочь? Что ж, извольте, мне — сам убийца, а доченьке самое лучшее — сын убийцы! Пусть она сама, своею рукой вырежет ему поганое сердце!

Бенкендорф (*хрипло*): Да, да, она сама ему... сердце... вырежет. Я прослежу. Но отдайте мне мальчика! Я его отвезу вашей дочери!

Софья Фредерика (*со счастливым смехом*): Доченька моя меня любит! Первая пожелала стать всем им кровницей! (*громко на весь зал*) Вы слышали, моя русская дочь первая обагрит руки в крови предателей! О, мейн готт, я так счастлива! (*осекается*) А вдруг отец щенка его выкрадет? Вы мне обещаете, что своею рукой его точно зарежете?!

Бенкендорф (*пытаясь преодолеть подступающую дурноту*): Да, обещаю. Зарежу! Но отдайте мне...

Софья Фредерика (*с истерикой*): Памятью матери своей поклонись! Громко (*возвышая голос*) Чтобы все слышали!

Бенкендорф (*с надрывом*): Клянусь. Коль нападут — ей богу мальчишку зарежу! Христом Богом клянусь. Маминой памятью...

Софья Фредерика (*молча сую Александру поводок от связанного внука и теряя к ним интерес*): Эй, где ты, мой старый конь? Фредди, ты забыл свою шпагу! Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать!

Потрясенные юноши долго провожают теряющуюся в толпе, дыме и копоти герцогиню ошеломленными взглядами. Август даже начинает опять всхлипывать. Он пытается подsunуть руки свои друзьям, чтобы те его развязали, но вокруг много горцев, которые смотрят на мальчика угрожающе. Поэтому юноши так и выводят его из замка. А когда двери за ними почти закрываются, они слышат жуткий вой.

Софья Фредерика: Фредди! Они же убили Фредди! Они убили моего Фредди!

Мальчики как пьяные бредут прочь от замка по площади, и лишь затолкнув Августа в карету, они его наконец-то развязывают.

Бенкендорф (*Петеру*): До Бадена нам уже не добраться. Давай-ка вернись домой с деньгами и Августом, иначе его и впрямь прирежут тут как барана.

Петер: Это точно, Августа надо спасать. Ну дела... Одно слово, блин, — дети гор! Родного внука положат под нож.

Бенкендорф (*с запинкой*): Ты пойми... Я матери Марьи Федоровны сейчас слово дал, а вдруг там чего... Я... это... Не смогу я Августа зарезать. А у них в горах с этим строго...

Петер (*сухо*): Не волнуйся ты, Христофорыч! (*по-хозяйски треплет Августа за щеку*) Если что — все исполню. (*будто встряхнувшись*) А ты, значит, в Рим?

Бенкендорф (*виновато*): Да. Говорят, что госпожа Инсбрука уехала в Рим на конклав. Надо исполнить последнюю просьбу умирающего... Значит, справишься?

Павильон. Зима. День. Париж. Жандармерия

В жандармерии сравнительно тихо. Занавески на окнах отдернуты, и в окна видны зимний холодный свет и снег на улицах. Фуше сидит за столом в своем кабинете и что-то пишет. Со стуком в дверь входит Фурнье, который приносит стакан на блюдечке с чем-то дымящимся. Фуше с удовольствием берет стакан с торчащей из него ложечкой, размешивает жидкость, отхлебывает, довольно жмурится и восклицает.

ФУШЕ: Что ж, после победы в Италии наш патрон назначен командовать теперь уже северной — Английской армией! Пора привыкать к английскому чаю. У меня есть теория, мой друг. Когда думаешь против немцев, надо пить кофе, но когда супротив англичан — только чай! Вы тоже начали пить крепкий чай?

ФУРНЬЕ (в смущении): Я работаю по Италии. Мне по нраву — вино...

ФУШЕ (игриво): Тогда потихоньку переходите к крепленому. Я думаю чуть позже поручить вам Россию. Тогда вам придется пить только водку! (с любопытством наблюдая за изменившимся в лице толстяком) Полноте, друг мой, шучу (тыкает Фурнье пальцем в пузико). В борьбе против русских нам нужны трезвые головы! Так что переходите на квас! Не слыхали про квас?! Я вас как-нибудь научу. Ну что у вас? По глазам вижу — срочно.

ФУРНЬЕ: Вести из Рима. Конклав завершен. Они таки избрали папой журналиста-безбожника.

ФУШЕ (растерянно): Вот это поворот! Они же семь месяцев... Черт побери, сам Бонапарт сидел там полгода и заставлял их не лаской, так таской, но стоило ему отбыть — и нате вам... Они что, перестали вдруг веровать?!

ФУРНЬЕ: Никак нет. Наши люди докладывают: через иезуитов кардиналам открылось, что английская казна платит за то, чтобы безбожника не сделали папой... Были приведены доказательства.

ФУШЕ (с раздражением): Что за бред?! К каких пор люди короля-вампира озаботились Святой Верой?!

Фурнье: Пришли доказательства, что кардиналов нарочно заставляли Наполеону перечить. У нашего патрона нрав весьма пылкий, и джентльмены надеялись вывести его из терпения, чтобы он повесил строптивцев. Тогда все стали бы говорить, что ожидаемый всеми Антихрист — это не их вампир, а Бонапарт, который святых людей вешает!

Фуше (*задумчиво*): Неглупо. Пожалуй, и умно. Чья придумка, выяснили? Подобных хитрованов я хочу знать в лицо.

Фурнье: По слухам, идея принадлежит шефу британской разведки у русских — некоему Исааку из Йорка. У меня на него есть досье.

Фуше (*кивая*): Несите — взгляну. А кто все это открыл?

Фурнье: Главный в русской разведке против Британии. Их куратор таможни — некий Барклай де Толли.

Фуше (*прикрывая глаза и потирая виски*): Имя явно шотландское. Да и этот из Йорка тоже, видно, шотландец. Какого черта англик и русский забыли в занятом нами Риме?

Фурнье (*тихо*): А еще там же и глава австрийской разведки, та самая «дама в черном», про которую вы давеча спрашивали. Все пауки в одной банке. Может, всех одним разом прихлопнем, пока не разбежались? Город-то — наш!

Фуше (*болезненно морщится*): Да-да, и эта черная моль тоже, конечно же, там.

Фуше вскакивает с места и начинает бегать по комнате, затем снова опускается в кресло и сперва барабанит пальцами по столу, а потом жадно выпивает свой чай. Глаза его невольно опускаются на чашку, и на лице Фуше возникает ухмылка.

Фуше: А кто у нас был против того, чтоб избрать папу-безбожника?

Фурнье: Как только по конклаву пролетел слух, что все это британские козни, кардиналы сразу собрались и избрали папу единогласно. Голосов против не было.

ФУШЕ: Ну, конечно! Церковные каплуны не хотят умирать, а тут такой повод пойти на попятную! Умно. А конклав у нас составляют итальянцы, испанцы, французы и немцы?

ФУРНЬЕ: Именно так, экселенц!

ФУШЕ: Тогда можно сказать, что тот, кто хотел поссорить немцев с французами, английский шпион! Слуга самого Антихриста! Кто у нас тут слуга Антихриста на букву «М»?

ФУРНЬЕ (*с сомнением*): Возможно...

ФУШЕ (*с горячностью, тыкая Фурнье пальцем в пузико*): Все было именно так. Моро — английский шпион. Именно он по приказу вампиров нарочно убивал немцев спорного Монбельера, чтобы поссорить нас со всею Германией, а англы за его услугу солили Бонапарту с этим долгим конклавом! Ибо если бы Бонапарт там сорвался — выиграл бы от этого только Моро! Я бегу к Наполеону с известием, что мы только что обнаружили против него страшный заговор! Вы со мной?!

ФУРНЬЕ (*с одушевлением*): Во всем и до конца, экселенц!

Натура. Зима. Вечер. Париж. Ступени Тюильри

2 В

Из Тюильри с какого-то заседания торопливо выходят Бонапарт и Фуше. Сзади за ними семенит верный Фурнье. Фуше что-то торопливо говорит генералу, тот внимательно слушает. Затем Наполеон делает повелительный знак офицерам охраны, и те откуда-то из темноты ведут к нему лошадь. Затем генерал поворачивается к жандарму и негромко говорит.

НАПОЛЕОН: Благодарю вас, друг мой! Этой услуги я не забуду. Однако давешние победы вскружили народу голову. От меня требуют победы над Англией, а там только что Гош потерял всю свою армию! Не станет меня, кто спасет Францию, кроме Моро? Этот мерзавец — мой крест...

ФУШЕ: Но почему, монсеньор?!

НАПОЛЕОН: Мне сказала гадалка... У меня великая будущность, но великая беда ждет меня через имя под буквою «М»... Уверен, под этой буквою «М» скрывается эта паскуда Моро!

ФУШЕ: Позвольте, Моро — не имя, но фамилия подлеца. Его зовут Жан Виктор, правда, там есть Мари, но оно только третье!

НАПОЛЕОН (*с удивлением*): Фамилия? И верно, как я не подумал... Мари... Нет, его не зовут как Мари... Кстати, а как зовут вас? Помню лишь имена подчиненных.

ФУШЕ: Жозеф. Жозеф Фуше, к вашим услугам.

НАПОЛЕОН (*с удовольствием*): Прекрасно, Жозеф... Вы знаете, древние верили, что если кому-то сказать свое имя, то вы тем самым отдаете себя его власти...

ФУШЕ: Готов служить вам до смерти! Мое имя — Жозеф. Вы запомните?

НАПОЛЕОН (*с улыбкой*): Отныне запомню. Итак, мой Жозеф, вы мастак на придумки. Помогите мне побить Англию. Вторжение к ним пока невозможно. Не с новобранцами. А ветераны мои — все в Италии. Ваши идеи?

ФУШЕ: Побить англичан ветеранами. Вам приказано побить Англию, но не сказано, где. Напротив Италии — Африка. А там одна из английских колоний — Египет. Его охраняют...

НАПОЛЕОН (*делая энергичный жест*): Ни слова более, чтобы никто не сказал, что я взял у вас такую идею... Побить Англию, но не в Англии. А вы, Жозеф, тем временем начнете уголовный процесс против негодяя Моро, чтобы никто на сказал, что я...

ФУШЕ: Я все понял. Будет исполнено, Ваше...

НАПОЛЕОН (*собрался уже садиться на поданного коня, но вдруг замирает*): Что ты сказал, Жозеф?

ФУШЕ: Ничего. Вам, возможно, послышалось, Ваше...

НАПОЛЕОН (*с улыбкою прижимая палец к губам*): Ни слова более. Это должно остаться лишь между нами!

С этими словами генерал со своей свитой отъезжает. Толстый Фурнье осторожно подходит сзади к Фуше.

ФУРНЬЕ: Не понял последнюю пару фраз...

ФУШЕ (*рассеянно*): Это всего лишь Колесо Фортуны совершило свой полный круг... Я был когда-то просто придумщиком и профессором математики в Страсбурге, а затем я повстречал мадам Дюбарри...

ФУРНЬЕ (*с интересом*): И что было потом?

ФУШЕ (*с усмешкой*): Потом были взлеты, падения, а Колесо Фортуны крутилось, крутилось, будто кто-то воду толоч в ступе, и вот, вообразите себе, я только что повстречал мадам Дюбарри еще раз. И на сей раз все выйдет иначе!

Натура. Зима. Вечер. Рим. Площадь перед палаццо Орсини

З В

На заснеженной площади останавливается небольшая группа во главе с Александром Бенкендорфом. Александр спешивается, небрежно бросает поводья слугам и бежит ко дворцу. У его дверей девушка в легкой шубке лепит снеговика. Когда Александр подходит ближе, он видит, что у девчонки огненно-рыжие волосы, на шубке нашиты гербы Тироля, а на руках дорогие кожаные перчатки. Девушка покраснелась, ей холодно, а по виду примерно те же пятнадцать лет, как и самому Бенкендорфу. Александр тут же нагибается и начинает скатывать из снега другой ком и весело говорит по-немецки.

БЕНКЕНДОРФ: Не думал, что прелестные местные девицы умеют снежную бабу катать. Ведь снег здесь в диковину.

ХЕЙДИ (*с интересом разглядывая собеседника*): Моя госпожа — тирольская аббатиса, а я ее камеристка. Мы в Инсбруке к снегу привычные. А вас каким ветром сюда занесло? Вижу кресты лютеран с православными, а еще и символы нашего ордена. Весьма странное сочетание.

БЕНКЕНДОРФ (*со смехом*): Да, я полон тайн и загадок. У вас же слишком певучий тирольский выговор для простой итальянки. Домашний учитель? Немец, я думаю... Вернее, не немец, слишком жесткие согласные на конце. Голландец, я угадал?

ХЕЙДИ (*делая невинное лицо*): Вовсе нет. Он англичанин из Бельгии. А что — так заметно?

БЕНКЕНДОРФ: Вообразите, нисколечко. Мой учитель тоже англичанин из Бельгии. Аббат Николая. Он нам часто рассказывал, как долго у него была одна-единственная ученица. Очень умная и весьма рыжая.

ХЕЙДИ (*небрежно*): Не будь вы настолько забавны, я бы просила маму, чтоб она вырвала нашему аббату язык, чтобы тот не болтал. Однако вы развеселили меня, и я готова его простить. Ваша специальность турецкий?

БЕНКЕНДОРФ (*помогая поставить один снежный шар на другой*): Должен был быть. Но с недавнего времени мне поменяли язык на персидский. А вы какой учите? Неужто русский? Приезжайте, наши колодки и дыбы самые лучшие!

ХЕЙДИ (*заразительно смеется*): Нет, что вы, я из другой части Австрии. Это в Вене людей Леопольда учат русскому, чтобы воевать против вас, а мы в Инсбруке за Иосифа, и русские по сей день нам союзники. Но если выпадет случай, обязательно доберусь до Санкт-Петербурга. Вы обещаете меня там защитить?

БЕНКЕНДОРФ: С радостью! И все же какой ваш язык? Интересно же, о чем наши тирольские братья больше всего сейчас думают...

ХЕЙДИ: А вы угадайте! Три попытки!

БЕНКЕНДОРФ: Ну, конечно же, не турецкий, ибо со столь рыжими волосами да женщине — в Турции прямая дорога в гарем... Český?

ХЕЙДИ: Téměř. Znovu.

БЕНКЕНДОРФ: Эм-м-м... Polska? У вас должно быть нынче много поляков в Вене...

ХЕЙДИ: Chyba nie, ale blisko.

БЕНКЕНДОРФ: Сдаюсь. Сербский! В смысле, хорватский, хотя это одно и то же!

ХЕЙДИ: И опять нет. Tanítok a Magyar nyelv. Мама уверена, что вот-вот Венгрия станет отдельной страной, и уже сейчас готовит меня в жены одному из их лидеров. Но они все такие старые и ужасно скучные!

БЕНКЕНДОРФ: Эм-м-м... стесняюсь спросить: а кто у нас мама?

ХЕЙДИ: Хи-хи-хи! А мама у нас — волшебница! Мы друг друга поняли?

Камера показывает молодых людей чуть сверху и сбоку. Она откатывается назад, и мы видим, что с этой точки из одной из комнат дворца на Хейди и Александра смотрят «дама в черной вуали» и аббат Николая.

Павильон. Зима. Вечер. Рим. Палаццо Орсини

4 В

АББАТ НИКОЛЯ (*с изумлением*): О-ля-ля! И что же это, позвольте узнать, забыл в Риме Сашка Бенкендорф?!

ЕЛИЗАВЕТА (*с неодобрением*): Этот нахал, который клеится к моей дочери? Вы его знаете? Что ж, ему повезло...

АББАТ НИКОЛЯ: Пока не вижу дурного.

ЕЛИЗАВЕТА: В Риме обычно нет снега, а снежную бабу катать — нужен опыт. Город захвачен французами, значит парень — француз. А я не хочу повторения моей участи для моей дочери. Стало быть, не будь рядом вас, решение для него у меня лишь одно — ближе к ночи перо в бок и в канал. Как хорошо вы его знаете?

АББАТ НИКОЛЯ: Очень хорошо. Александр фон Бенкендорф — сын марбургской аббатисы нашего ордена Шарлотты фон Шеллинг. Он мальчишка ответственный, и я не пойму, что его оторвало от управления русской таможней. (*после раздумья*) Или от сопровождения русской государыни в Баден. Зачем вы его вызвали?

ЕЛИЗАВЕТА (*изумленно*): Я его еще и вызвала? Почему вы решили, что он прибыл ко мне?

Аббат Николая: Это палаццо принадлежит вам, Габсбургам, а я у вас в гостях инкогнито. Они, когда подъезжали, смотрели по сторонам на гербы. Он искал герб Тироля и, как только увидел его, сразу спешился. Значит, он ехал к вам. А вы его — по горлу бритвою и в колодец...

Елизавета (*с горячностью*): Вовсе нет. Развратный захватчик ехал по городу, увидел красивую девочку и решил с ней побаловать. Знаю я вас... Извините, вас я не имела в виду. Впрочем, сейчас я пошлю слуг и все выясню.

Аббат Николая: Он — не француз. И вашей дочери он явно по нраву. Или вы готовите ее в монастырь?

Мария Елизавета звонит в колокольчик, а когда прибегают слуга, вполголоса ему что-то приказывает. Затем она вновь поворачивается к аббату Николая.

Елизавета: Но к делу. Георг Стюарт уже весьма стар, и весь клир беспокоит вопрос, кого он назначит новым генералом после себя.

Аббат Николая: Я весь внимание.

Елизавета: Какую вы знаете тайну, которая может быть жизненно важна для всего нашего ордена?

Аббат Николая: Орден на днях запретят, и выжить он сможет лишь там, где до него не доберутся якобинцы с безбожниками. Думаю, что всерьез мы можем рассматривать лишь Россию и Англию.

Елизавета: Настолько все плохо? Я варюсь во всем этом соку и утратила чувство пропорции, а большое и впрямь видится только на расстоянии. Не буду спорить, наша Австрия прогнила насквозь, да и Пруссия, я слыхала, не лучше. Согласна. Или Россия, или же — Англия. И что у вас есть за тайна?

Аббат Николая: Я в Брюсселе повстречал мальчика. Он был совершенно отчаявшимся. Я помог ему стать офицером британской армии, и, по моим сведениям, он числится как лучший британский офицер Индии. По крайней мере, он с двумя полками уже полностью разграбил пять султанатов и захватил три европейские колонии. И у него

при этом лишь два полка! А еще это сын Морнингтона, но самое главное — по матери он Данганнон!

ЕЛИЗАВЕТА: Данганнон?! Но это же...

АББАТ НИКОЛЯ: Все верно, ирландская ветвь Стюартов! Вообразите, старик умирает, и на нем весь род Стюартов обрывается. И вдруг мы приходим и говорим, что Стюарты не погибли. С нашей помощью один из них сможет стать самым лучшим полководцем всех времен и народов! Хороша моя тайна?

ЕЛИЗАВЕТА (*с сомнением*): Тайна-то хороша... И я понимаю, что генерал — как Стюарт — за нее, возможно, ухватится. Но что в Британии сможет сделать всего один Стюарт? В смысле — как его зовут? Морнингтон? Данганнон?

АББАТ НИКОЛЯ: Нет, нет, это только начало. Этого юношу зовут Артур. Артур Уэлсли. И все узнают еще это имя. Однако он станет лишь стягом, нашим вождем в Англии. Дело в том, что мы сможем создать в Англии целое движение!

ЕЛИЗАВЕТА (*растерянно*): Движение?! Но кто в Англии пойдет за Стюартом? За католиком Стюартом в стране протестантов?

АББАТ НИКОЛЯ: Помните, было время, когда Рим стал грудой старых обломков и лишь тенью своего бывшего величия. А потом появился папа Александр, который провозгласил Ренессанс. Сам папа был испанец из династии Борджиа, но за ним пошла вся Италия, и Рим расцвел! Вот так же и мы организуем движение ирландских католиков, за которыми у нас пойдет вся современная Англия, ибо и там никто не хочет считаться вампирами и просто сдохнуть на свалке истории!

ЕЛИЗАВЕТА (*задумчиво*): Возглавить движение ирландских католиков... Союз Рыжих... И как же будет называться это движение? Британника?

АББАТ НИКОЛЯ (*с одушевлением*): Мы хотим создать для них Ренессанс — Возрождение Англии. Ренессанс — чересчур по латыни, а англичане хотят лозунги на английском... Ascension! Возвышение! Мы создадим движение «Возвышение Англии», в котором все посты

будут у ирландских католиков! Пусть они создадут Империю, над которой никогда не заходит солнце!

ЕЛИЗАВЕТА: А раз вся верхушка «Возвышения» будет из наших католиков, мы сможем Британию... А вот это уже — вкусная тайна для ордена!

5 В

**Павильон. Зима. Утро. Рим.
Палаццо Орсини**

Пара слуг в тирольских ливреях ведут Александра Бенкендорфа по коридорам палаццо Орсини. При том что во всем здании еще виден налет былого величия, нынешняя обстановка — спартанская. Наконец юношу вводят в большую беленую комнату, в которой много света, ибо вдоль длинной стены — огромные окна. Посреди этой белой, по-медицински холодной пустой комнаты стоит длинный белый стол с двумя стульями. На дальнем стуле сидит довольно высокая дама в черном. На лице у дамы черная вуаль, и от этого не видно, смотрит она на мальчика или нет, и вообще смотрит ли, ибо первое время дама недвижна. Затем она вдруг делает приглашающий жест на соседний стул, и это так неожиданно, будто ожил манекен у портного. Бенкендорф даме кланяется и садится напротив.

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА (сухо): Зачем вы искали меня, молодой человек? Болтают про меня разное, так что в народе думают, что искать встречи со мной — все равно что искать встречи со смертью...

БЕНКЕНДОРФ (обводя рукой комнату): Всегда думал, что в покоях Смерти — темно. А здесь все кругом белое.

ЕЛИЗАВЕТА: Разумеется. Перед концом вся жизнь пролетает перед глазами за миг. И чтобы все увидеть — нужно много белого. Опять же, на белом кровь лучше смотрится. В этой комнате она красная, но чаще — черна.

БЕНКЕНДОРФ (доставая из-под плаща залитый кровью пакет): На этом пакете кровь — красная.

Если Мария Елизавета хоть как-то отреагировала, то это незаметно. Поза ее не изменилась ни чуточки. Голос звучит все так же ровно.

ЕЛИЗАВЕТА: Что это? Ваше?

БЕНКЕНДОРФ: Не мое. И не моя тут кровь. Этот пакет вам просил передать один странник. Я был по делам моей государыни в Зальцбурге. Он лежал посреди тел трех им убитых французов и умирал. Просил меня отдать его своей госпоже. Местные подсказали, что на нем ливрея госпожи Инсбрука, и вот я здесь.

ЕЛИЗАВЕТА: Занятно... Какова была его внешность?

БЕНКЕНДОРФ: Рост выше среднего, худощав, лица не узнать, сперва он оброс, а потом обморозился. Местные уверяли, что этот безумец шел по морозу через заснеженный перевал...

Дама под вуалью на миг замирает. Когда она начинает вновь говорить, кажется, что ее голос дрогнул.

ЕЛИЗАВЕТА: Возможно, это был мой старый Франц. Таких, как он, к сожалению, больше не делают. И много вы в пути этим пакетом размахивали? У вас должна быть французская виза. Они пакет вскрывали? Досматривали?

БЕНКЕНДОРФ: Никак нет. Я — личный посланник Государыни Марии Федоровны, дочери герцога Вюртембергского. У России мир с Францией, равно как и у Вюртемберга...

ЕЛИЗАВЕТА: Уже нет. Командующий Рейнско-Мозельской армией Моро на днях вторгся с севера в Вюртемберг... Впрочем, вы — русский, вас, скорей всего, назад выпустят... Значит, не проверяли... *(Дама в вуали поднимается, идет вокруг стола к Бенкендорфу и вдруг тыкает в него пальцем и шипит.)* Так какого ж черта, молодой человек, вы не явились сразу ко мне, а полезли приставать к моей дочери?!

БЕНКЕНДОРФ *(ошеломленно)*: Да я ж, ваша светлость... Я увидел, как Хейди скатывает снеговика рядом с вашим палаццо, решил ей помочь, а заодно и узнать, туда ли приехал. Как раз не хотел лишний раз вашим же пакетом размахивать!

ЕЛИЗАВЕТА: Полноте! Я разговаривала с вашим наставником — Николая. Вы получили полное иезуитское образование. Еще скажите, что не подумывали, как мою Хейди выкрасть, истерзать, изнасиловать, а потом начать присылать ее ко мне по кускам! Что вам от меня нужно?! Что нужно русской разведке от главы службы Австрии?! В глаза мне смотреть! Отвечать...

БЕНКЕНДОРФ (*с обидой*): Ваша светлость, да вы... Прямо как тетя Эля — чуть что, сразу стращать. Куда — в глаза-то, когда вы в вуали? Мне ваша Хейди сразу понравилась, я и не думал... Я привез вам важный пакет, а тут такой цирк! Да кому в голову-то придет такую красивую девчонку резать, да еще и насиловать?!

ЕЛИЗАВЕТА (*подозрительно*): Стало быть, тетя Эля... А вы что, не сдавали зачет? По методам убеждения строптивых объектов?

БЕНКЕНДОРФ: Сдавал. Сдал зачет сей с отличием. Строптивца надобно выкрасть, ну и поговорить с ним... С разной мерой воздействия. Вплоть до... ну, если не нужно будет его после народу показывать. Все сдал.

ЕЛИЗАВЕТА: А что там насчет детей? Ну дочерей или сыновей такого строптивца? Особенно если красивая? Рыженькая, да с веснушками?

БЕНКЕНДОРФ (*растерянно*): А что с детками-то? Одно дело — враг, другое — детки невинные. Они-то при чем?

У Марии Елизаветы внутри будто какой-то стержень выдергивают. Она вдруг обмякает и тяжело опирается на стол.

ЕЛИЗАВЕТА: Господи... А я чуть с ума не сошла... На минуту девку из дворца выпустила, и тут сразу вы. А на груди у вас символы ордена... Стало быть, зачет сдали? А кто принимал? Николая? (*увидев, как юноша кивает в ответ*) Ну конечно... Что еще от него можно ждать? Всегда был романтик. (*решительно кивает сама себе*) Ну и правильно. Хорошо он вас учит. Берегите его. (*собирается уходить, смотрит на пакет, почти берет его в руку, а затем будто отшатывается и говорит*) Кстати, а пакет этот теперь ваш. Отвезите его домой, а как появится где Антихрист, сразу и вскрыете.

Павильон. Зима. Вечер. Рим. Палаццо Орсини

6 в

У высокого окна древнего палаццо стоит Мария Елизавета в своей неизменной вуали и смотрит куда-то вниз. К ней подходит аббат Николя и тоже смотрит вниз. Там Александр фон Бенкендорф седлает своего коня и собирается отъезжать. Из палаццо к нему выскакивает юная Хейди и вручает юноше что-то похожее на портрет. Они недолго стоят рядом и чему-то смеются, затем юноша начинает девушку целовать. Камера переносит нас назад, на верхний этаж палаццо, где аббат Николя спрашивает.

АББАТ НИКОЛЯ: Вы загрузили, Ваше преосвященство. Мой русский ученик доставил вам дурные вести?

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА: Пока я была в отлучке, Тироль был захвачен французами. Мой замок сожгли, а моего мажордома убили...

АББАТ НИКОЛЯ (*с беспокойством*): А ваш бесценный архив?

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА: Боюсь, он утрачен. Мой мажордом пытался с ним скрыться, однако французы догнали его где-то в Зальцбурге. Живыми из него французы не вышли, архива при них не нашли... Так говорят... Кстати, у моего врага и племянника императора Франца, который контролирует Зальцбург, появился ушлый слуга. Клеменс Меттерних.

АББАТ НИКОЛЯ (*растерянно*): Но как же вы теперь без этих бумаг? Враги осмелеют. Ваша жизнь теперь в безусловной опасности!

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА (*с интересом разглядывая своего духовника*): А разве не ваши слова о том, что месть разрушает? Я отныне в отставке. Смерть моя усилит императора Франца. Кому нужно, чтобы Австрия резко усилилась? Лишь самой Австрии. Посему я вернусь домой в Инсбрук, когда там окажутся друзья моего убитого брата Иосифа. Туда идут сейчас русские, не так ли? Разве вы, старый друг, не замолвите за меня словечко перед победоносной русской армией?!

**Павильон. Зима. День. Фраскати.
Собор святого Петра**

Под своды собора из разных дверей появляются сэр Исаак и Барклай. Сэр Исаак недовольно морщится, но тем не менее приветствует своего визави.

ИСААК: Далеко пойдете, молодой человек. В вашем возрасте и так беспардонно предавать бедного несчастного старика... Ой-вэй...

БАРКЛАЙ (сухо): Боже ж мой, зачем вся эта трагедия?! Я сделал вам хорошо, а вы нос воротите!

ИСААК: Я рассказал вам секрет, а вы его выдали, и что я должен про вас подумать?

БАРКЛАЙ: Боже ж мой, я думал вы деловой человек, а вы — просто фраер. Не нужно вам ваше время, готовы тратить все свои деньги, зачем вам здесь я?

ИСААК: В смысле?

БАРКЛАЙ: Ну я думал, время сэра Исаака не так дешево стоит, однако ежели вместо гешефта вам угодно смотреть, как старых клоунов режут и вешают, кто же вам доктор?!

ИСААК: Ой-вэй... Меня, по-моему, оскорбляют!

БАРКЛАЙ: Да как же нет, ежели вы год готовы тратить на то, чтобы увидеть этих поцев повешенными?! А мне мое время дорого. И как видите, конклав сразу кончен. Время не ждет. Пойдемте, где-то здесь и наш Стюарт.

ИСААК (задумчиво): Молодой человек, вы — наглый хец, но отчего-то мне нравитесь. Да, время — деньги!

Оба друга быстро идут по собору и в приделе у огромного могильного камня видят согбенную фигуру в красной кардинальской мантии. На могиле написано «юный принц Чарли», и вся она усыпана чертополохом. Сэр Исаак и Барклай торопливо преклоняют перед могилой колени и вместе с согбенным кардиналом молятся. Затем кардинал выпрямляется. Видно, что он уже очень стар (ему семьдесят три), но глаза

его еще живы, а руки розовые. Он мельком смотрит на двух посетителей и жестом приглашает к себе приблизиться. Голос его на удивление силен и молод.

ГЕНРИХ БЕНЕДИКТ СТЮАРТ: Рад видеть вас в моей епархии. Судя по одеждам, гербам и выговору, вы мои братья — шотландцы. Что привело вас сюда в эту обитель земной скорби?

ИСААК: Наши люди из Йорка хотели просить, чтоб их благословил сам Генрих Стюарт — принц Йоркский. На правое дело... Я сам Исаак из Йорка, бедный торговец...

СТЮАРТ: Я сожалею. Мой старший брат — человек спившийся и поэтому опустившийся, лелеял эту мечту и даже звал себя королем всей Шотландии... Это у него от нашей матери. Она была гордой полькою из рода Собесских, а у всех поляков в крови тешить разбитые мечты и все прочие глупости. Стоит ли?

БАРКЛАЙ: Но вы же последний из Стюартов! Надежда Шотландии, король всей Британии!

СТЮАРТ (*смеется — смех его молодой и звонкий*): Зачем это? Нас отсюда прогнали... Нас не рады там видеть. А еще я законный наследник Модены, Савойи или Баварии. Моя бабка — Мария Моденская, моего дядю в прошлом году из Модены изгнали французы, и когда все это яacobинское безумье закончится, я могу стать моденским герцогом. Народ меня примет с радостью. Могу, но не стану, ибо нынче я епископ Фраскати, а Фраскати — больше и богаче Модены! Больше здравого смысла, друзья мои. Зачем искать счастья за морем, когда мне и тут хорошо?!

Исаак и Барклай с удивлением переглядываются.

БАРКЛАЙ: Мой хороший приятель дюк де Ришелье уверял, будто вы знаете, где спрятана корона последнего Стюарта и все его золото. Неужто ни разу не хотелось это все отыскать?

СТЮАРТ (*с изумлением*): А зачем? Искать мифическое «золото партии»? Поймите — революция в Англии случилась из-за того, что мой дед промотал все дотла! Да, у него осталась на руках пара реликвий, но поверьте, нынче мои мраморные рудники приносят мне больше

денег, чем у деда было за год со всей Англии! А за рудниками нужен присмотр, иначе нерадивцы мрамор мой побьют, поколотят.

БАРКЛАЙ (*с ужасом*): Но ведь это же исторические реликвии!

СТЮАРТ: Да какие уж там реликвии? Я проверял — по бумагам дед мой мог вывезти ценностей на выручку с месяца работы моих рудников! И на кой я за своею же месячною выручкою куда-то поеду, буду рисковать своей жизнью и стану свое время терять? А ведь я не молод...

ИСААК: Что ж, я все понял, на делового человека и смотреть-то приятно. Что ж, не будем вас тут задерживать. Кстати, говорят, что новый папа отменит ваш орден, а стало быть, и вас побоку. Не бойтесь утратить столь прекрасные рудники?

СТЮАРТ (*небрежно*): Плевать я хотел на иезуитов и орден. Собственно, и плюю. Немудрено, что их позапрещали уже почти везде по Европе. Вы поймите — за работу на орден денег мне не платят. Я епископ Фраскати не потому, что генерал ордена. Сорок лет я уже управляю Фраскати как главный библиотекарь всего Ватикана и помню, где какая книга стоит и что в ней написано! А вы мне про орден.

БАРКЛАЙ (*с интересом*): Библиотекарь... Что же вы нашли в своих книгах? Такого, чтоб стать главой ордена?!

Генрих Бенедикт Стюарт по-птичьи наклоняет набок голову и с интересом смотрит на Барклая.

СТЮАРТ: А вы умеете верно ставить вопрос... Мне интересно с вами как-нибудь побеседовать. Но прежде вы должны осознать, что вам нужно — деньги, власть или слава, и тогда я скажу, как их найти среди книг. Говори поскорей — не задерживай добрых и честных людей! Не задумывайся!

ИСААК: Ах, Ваше преосвященство... Бедному еврею всегда нужны деньги...

СТЮАРТ: Извольте. В Англии есть одно общество, верховодит там мой лучший друг — главный астроном империи Исаак Гершель. Я напишу вашу рекомендацию, и он поможет вам сыскать денег. А вы, молодой человек?

БАРКЛАЙ (*растерянно*): Я... Я бы... Меня зовут Барклай, и я хотел бы... Но я всегда был лишь мальчиком из ревельского гетто и не знал своего отца... Вы... Вы про моего отца мне расскажете?!

СТЮАРТ: С удовольствием. И ручаюсь, вы прославите его имя. Вами бы отец стал гордиться.

**Павильон. Зима. Вечер. Фраскати.
Дворец епископа**

8 в

В полутемной комнате сидят трое: вице-канцлер Ватикана Генрих Бенедикт Стюарт, Мария Елизавета и аббат Николя. Они сидят так, будто аббат только что закончил долгий доклад. Вице-канцлер, близоруко щурясь, просматривает какую-то папку с бумагами, а Мария Елизавета, как странная черная статуя под вуалью, при этом присутствует. Наконец Стюарт закрывает бумаги.

СТЮАРТ (*аббату Николя*): Что ж, аббат... Должность ваша. Теперь постарайтесь не умереть молодым... Ордену нужно преемство — у нас много дел.

АББАТ НИКОЛЯ: Слушаюсь, монсеньор!

Стюарт поднимается из-за стола, достает из шкафа бутылку и три бокала и разливает вино. Пригубив из своего бокала первым, кардинал манит к себе рукою гостей.

СТЮАРТ: Вообразите, ко мне нынче днем приходили два охотника за сокровищами. С улицы. Один из них был резидент британской разведки, некий сэр Исаак из Йорка. А другой — куратор русской таможни Барклай. И вот вы мне сейчас говорите, что орден может сохранить себя в России иль в Англии. Занятно.

ЕЛИЗАВЕТА: Зачем они приходили?

СТЮАРТ: Как и все прочие... За «золотом партии», за короной последнего Стюарта... Скушно. Но после я им задал свой обычный вопрос, и оба они были честными.

ЕЛИЗАВЕТА (*с неприятным смешком*): Неужто и эти — за властью?

СТЮАРТ: Нет. Эти понимают себя лучше прочих. Сознают, что вся власть у нас от Господа нашего и искать ее мимо церкви — путь в слуги к Нечистому. Так что убивать никого не пришлось. Нет, англичанин честно захотел денег, и я его отправил в общество Гершеля, похоже, что им и впрямь удастся понять, какие процессы идут в обществе. Они нуждаются в деньгах, и эти деньги даст им Исаак. Исааку тоже нужны деньги, он станет их слушать. Интереснее со вторым...

АББАТ НИКОЛЯ: Я знаю Баркляя. Он человек примечательный. Стоит на распутье. Может быть величайшим из гешефтмахеров, а может...

СТЮАРТ (*потягивая вино, задумчиво*): Этот молодой человек хочет быть достойным имени своего отца. Не денег, не власти... Он хочет, чтобы его отец им гордился. А тот и не видал его никогда... Думаю, мне есть о чем с ним побеседовать. (*со смешком*) В худшем случае станет нашим новым библиотекарем!

9 в

Павильон. Зима. Утро. Париж. Жандармерия

В своем кабинете все так же сидит Фуше и опять что-то пишет. В дверь раздается стук, и тут же входит растерянный Фурнье.

ФУРНЬЕ (*с возбуждением*): Ваша честь, из Монбельяра передают. Генерал Моро узнал, что против него начато следствие и ушел!

ФУШЕ (*растерянно*): То есть как?! Куда ушел? На Париж?!

ФУРНЬЕ: Никак нет, на Штутгарт. Когда вы приказали нам открыть следствие по военным преступлениям в Монбельяре, генерал сперва растерялся, а потом заявил, что все было военной необходимостью. В Вюртемберге волнения — убивают ростовщиков и банкиров, и Моро повел всю свою армию наводить там порядок. Как нам теперь продолжить следствие?!

ФУШЕ (*с усмешкой*): Никак. Сейчас он своей армией раздавит этот маленький Вюртемберг, повесит всех, кто мог бы подать на него жалобу, и вуаля! Он — победитель. А победителей-то не судят. Опять

же — правое дело. Католики должники убивают ростовщиков протестантов, а у нас в моде веротерпимость, так что война против фанатиков очень в тему... Жаль... Думаю, пора отступиться.

Фурнье (*с отчаянием*): Но, экселенц, мы же провели такую работу! А как же конфискации у его офицеров? Я присмотрел себе миленький особняк в Сен-Дени, раньше там жил маркиз...

Фуше (*со вздохом*): Забудьте, друг мой, забудьте. Армия Моро у нас лучшая. Лучше, чем армия Бонапарта, с которой тот прошел всю Италию. Все кругом удивлялись, почему Моро только лишь защищался, но вот и он пошел в наступление. Завтра он будет в Штутгарте... Что ему смогут сделать эти жалкие горцы?

Натура. Зима. День. К югу от Штутгарта. Шварцвальд

10 в

В горы течет бесконечная река из людей. На лошадях и осликах везут самое ценное. Старики, женщины и дети идут пешком, совсем маленьких несут на руках. Навстречу этой людской реке движется маленькая группка из Александра Бенкендорфа и его слуг. Они ошеломленно смотрят то на уходящих в горы людей, то на черно-багровое зарево, которое полыхает и чадит в долине, причем клубы дыма закрывают полгоризонта. Молодым людям негде проехать, ибо горная тропа узкая, и они просто спешили и ждут, пока пройдут беженцы. В толпе беженцев движение, появляется группа конных, старший из которых едет на каком-то исполинском коне, ибо сам всадник больше двух метров росту и весит за центнер.

Фредерик Вильгельм (*грозно*): Уходить, всем уходить! Почему встали? Немедленно идти в горы или я вас повешу!

Бенкендорф: Простите, мессир, но мы тут проездом. Вот наши документы. А что происходит?

Всадник с удовольствием спешивается, и лошадь даже издает такой счастливый стон, что с нее слезла такая тяжесть. Один из слуг всадника берет документы

у мальчика, а всадник тем временем внимательно гербы на груди Бенкендорфа разглядывает.

ФРЕДЕРИК Вильгельм (*с кивком*): А, вы те самые русские, которых с деньгами родителям сестра прислала. Очень кстати... Любезная Доротея никогда не забывает нас, горцев... Черт, совсем отсидел жопу на этой кляче! Уж лучше ходить пешком. Но, увы, это большой ходячий кусок вкусного мяса, и я не могу его бросить. Конину любите?

БЕНКЕНДОРФ (*растерянно*): Ни разу не пробовал...

ФРЕДЕРИК Вильгельм (*небрежно*): Коль останетесь с нами — обвыкнетесь. Да и ваши лошади, на мой взгляд, вполне. Для меня конину готовят...

БЕНКЕНДОРФ (*пытаясь перевести разговор от своих лошадей*): Ваша честь, а что это? (*показывает рукой в сторону зарева*) Французы? На границе сказали, что Моро вот-вот будет здесь.

ФРЕДЕРИК Вильгельм (*хмурясь*): Нет. Это мы. Мой приказ. У Моро — лучшая армия, десять лет уже бьет всех в хвост и гриву. И она велика, нам в бою с ней не выдержать, не будь я генерал! Однако мы в Вюртемберге, а вот это знаменитый Шварцвальд! Вы о нем слышали?

БЕНКЕНДОРФ: Нет, а что там?

ФРЕДЕРИК Вильгельм (*со смешком*): В том-то и дело, что ничего! Голые скалы и пропасти, непролазные чащи, елки, мхи да лишайники. И еще — СНЕГ! Понимаете?

БЕНКЕНДОРФ: Не очень...

ФРЕДЕРИК Вильгельм (*с гордостью*): Это — Вюртемберг! Моя Родина! У нас нет ничего кроме гор, бескрайнего леса и — СНЕГА! И сюда идет сам Моро со своей огромной армией. Но стоит ему забраться в Шварцвальд, и он там станет жрать только елки, мхи и лишайники. А еще — СНЕГ! Мы сжигаем все наши города, амбары и склады. Ему останется жрать только СНЕГ! Ну как, молодежь, насчет конины? Я угощаю!

Глаза у старшего брата Марии Федоровны совершенно безумные. Александр даже не знает, что и сказать.

БЕНКЕНДОРФ: Нам нужно в Россию, к вашей сестре. У нас важное сообщение. Да, и я бы хотел увидеться с великою герцогиней...

ФРЕДЕРИК Вильгельм (*закусив губу*): А мама у нас умерла. Нервическим истощением. Не смогла жить без отца. Это ее идея — все сжечь, лишь бы враги сдохли с голоду. Передайте сестре, что мама ее очень любила. Она даже велела схоронить ее в новеньких красных туфлях. Последняя покупка. На те деньги, что Дотти прислала. И скажите ей... Мы тут все — горцы, мы выдержим! А вот выживет ли Моро без своих устриц да лягушек с шампанским?!

БЕНКЕНДОРФ: Да как же...

ФРЕДЕРИК Вильгельм (*бешено сверкая глазами*): А вот так! Две тысячи лет назад этот лес звали не по-нашему Шварцвальд, а на латинский манер — Тевтобург! Ибо у наших предков не было городов! И мой предок Арминий вот здесь, в этом лесу и горах, дотла истребил легионы самого Августа.

Огромный Фредерик Вильгельм размахивает руками, и люди собираются вокруг своего государя послушать. И по тому, как они его слушают и как горят их глаза, похоже, что старший брат Марии Федоровны скоро станет воистину народным правителем. Он размахивает своими огромными руками, будто обнимая ими и горы, и леса, и пылающую долину, и кричит.

ФРЕДЕРИК Вильгельм: Вот здесь, вот в этом самом лесу! Раз предку моему удалось порвать на части латиносов, чем мы-то хуже?! Так и скажите сестре, что она прапраправнучка самого Арминия — истребителя галлов!

Павильон. Зима. Вечер. Рига. Дом Эльзы

11 в

В огромном притихшем доме громко тикают часы. На постах все так же стоят часовые, которые выглядят как манекены из воска. Кругом идеальная чистота и порядок. Дверь в кабинет приоткрыта, и мы видим, как в кресле сидит Эльза, которая внимательно слушает Александра Бенкендорфа. Разговор, видимо, был весьма долгий, ибо

на столе стоят недопитые чаши с чаем, ополовиненная тарелка с печеньями, а на блюдечках огрызки от яблок.

ЭЛЬЗА (*устало откидываясь на спинку кресла*): Ну хорошо. Завтра с утра, еще что вспомню — спрошу, и послезавтра в столицу. Я довольна. Теперь про этот пакет... (*Она протягивает руку к столу и поглаживает залитый засохшей кровью пакет из Зальцбурга.*) Эта самая «дама под вуалью» — Мария Елизавета... Еще раз, что именно она нам сказала?

БЕНКЕНДОРФ: Она сказала, что я должен его сохранить и открыть лишь после того, как встречу Антихриста. Велела передать привет от «Damen med slöjan». Просила не спутать. В столице я сохранить его не могу, Антихриста пока что не встретил, поэтому и привез его к вам.

ЭЛЬЗА: «Damen med slöjan»? Интересно, почему австриячка просит сказать «дама под вуалью» по-шведски? Ладно, отдыхай... А я тут еще чуть подумую.

Юноша встает и выходит. Эльза задумчиво ведет ногтем по краю пакета. Чуть ковыряет его уголок. Потом встает, кругами ходит по комнате. Затем решительно садится и, доставая нож для разрезания бумаг, бормочет.

ЭЛЬЗА: Надо открыть... Надо же — съездил мальчонка на воды! Простейшая операция прикрытия, а тут — на тебе! Сердечный привет и поклон от австрийской разведки. Интересно, что там? А у мальчишки — везение... Мне бы так...

Эльза снова опускает нож на стол, опять вскакивает, бежит вокруг стола и лежащего посреди тарелок пакета...

ЭЛЬЗА: Нет, нет! Это подстава! Хитрая игра австриячки... Она всю жизнь сидит в своем Инсбруке, у нее мозги уже... (*с горечью*) Собственно, так же, как у меня... Чем я лучше ее? Заперла себя в четырех стенах в моей Риге... Видно, месть. Так же, как у меня. И ее Инсбрук, ее замок сожгли, поэтому бумаги она хочет спрятать, а сама сидит в захваченном якобинцами городе... Да-да, вот все и сходится!

Эльза звонит в колокольчик, прибежавшие слуги быстро возвращают столу первозданную чистоту и опять исчезают. Эльза опять берет в руки нож.

ЭЛЬЗА: А я что? Я так — ничего... Я всего лишь одним глазком. Нечаянно. Когда встретишь Антихриста... Да я всякую ночь его вижу! Маленький, колченогий, только что убил мою госпожу! Точно — Антихрист.

Эльза быстро вскрывает пакет и рассыпает его содержимое по столу. Это записи на очень тонкой бумаге, их огромное множество. Эльза собирает их в ровную кучку и берет первую запись сверху. Она начинает читать, присвистывает, переводит дух, встает, достает из шкафчика очки на шелковой ленте, протирает их, надевает на нос и читает бумагу еще раз. Шепчет.

ЭЛЬЗА: Ни хрена себе! Простите за мой французский!

Огромный кабинет, ярко горят свечи, в огромной картотеке Эльзы выдвинуты многие ящички, а сама она с пером в руках мечется между огромной стопой тонких листков из пакета «дамы под вуалью» и своей картотекой и делает, делает и делает все новые пометки в своих карточках. Тишину нарушают лишь скрип ее пера и громкое тиканье часов в большом доме. Вокруг Эльзы черная зимняя ночь, которая постепенно заполняет весь кадр, и появляются слова: «Конец седьмой серии».

Серия 8

Quis custodiet

(Кто будет сторожить)

1а

1798. Натура. Весна. Вечер. Рига.

Двор дома градоначальницы

Гром выстрела. Посреди заднего двора дома градоначальницы стоит Эльза в своем офицерском мундире и маске для фехтования. На улице еще лежит снег, но вокруг нее что-то вроде проталины, заполненной черным. Эльза опускает странное длинное ружье необычной формы. Появившиеся из-за укрытий слуги его у нее из рук забирают. Другие слуги приносят тяжелую стальную кирасу. Посреди кирасы аккуратная дырка. Эльза с удовольствием сует в дырку палец, удовлетворенно кивает и говорит.

ЭЛЬЗА: Этот безумный механик был прав. Пуля прошивает любую защиту насквозь.

Сзади раздается знакомый голос. Эльза поворачивается и видит бессменного канцлера Российской Империи Безбородко, который тоже подходит к кирасе.

БЕЗБОРОДКО: Приветствую, Эльза Паулевна! Не помешал? (с интересом — как ребенок — сует в дырку палец) Вот это да! Еще теплая? Не думал, что такую толщцу можно пробить! Как это?

ЭЛЬЗА: Изобретение безумного механика по имени Конрад из Шведта. И до него хотели сделать ружье большой силы, однако... Чем больше заряд, тем сильнее нагревается пуля. Если положить много пороха — пуля в полете расплавится. А ежели свинец заменить на железо, чтоб оно не так плавилось, она становится слишком легкой.

Безбородко: Так в чем секрет? Поделитесь с нашей Империей, или вы у нас...

Эльза: Разумеется, поделюсь. Конрад научился выковывать тончайшие пластинки фольги из цинка и олова, которыми каждую пулю оборачивают. В итоге пуля при полете не плавится и сохраняет свою убойную силу. Беда в том, что цинк пока слишком дорог.

Безбородко (*с усмешкою*): Если каждая такая пуля найдет вражеского короля или маршала, мы за ценою не постоим.

Безбородко возвращает пробитую кирасу слуге, Эльза делает своим людям знак, и двор быстро пустеет. Канцлер с опаской оглядывается, а потом почти шепотом говорит.

Безбородко (*с усмешкою*): Послушайте, я — с деликатною миссией. Сколько еще государыня думает гостить... На водах?

Эльза: Я не вправе обсуждать...

Павильон. Весна. Вечер. Эстляндия. Мыза Вассерфаллен

2 а

Маленькая уютная комната. Жарко горит камин, освещая самую обычную мебель — комоды и шкафчики. Прямо перед камином — широкий мягкий диван, перед которым стоит большой стол. На столе какие-то тарелки с закуской, пузатый жбан пива и две большие кружки. На диване широко расселся наследный правитель Лифляндии Кристофер Бенкендорф, а рядом с ним пристроилась Государыня Императрица Мария Федоровна. Генерал Бенкендорф, потягивая пиво, говорит.

КРИСТОФЕР: Молодец все же Ханс. Такое пиво научился варить! Ей-богу, откроем мы свою пивоварню, вода-то здесь — знаменитая, пиво вкусное! Лучшее будет пиво в Прибалтике!

МАРИЯ (*встрепенувшись и вскакивая*): Ой, а я-то дура все позабыла, уже и разлеглась как квашня! Я же, пока ты сегодня охотился, пирогов напекла! С рыбой, с капустой, а вот с сушеной малиною! Попробуй-ка, пока теплые!

С этими словами Государыня торопливо приносит откуда-то туюсок, заботливо укрытый байковым одеяльцем, и на тарелку Кристофера пирожки оттуда выкладывает. Тот степенно берет пирожок, с явным удовольствием пробует, прихлебывает пива из кружки и с блаженною улыбкой бормочет.

КРИСТОФЕР: Ах ты моя Марья-искусница! Как же я жил без тебя?

Вместо ответа Государыня возвращается к Кристоферу на диван, сворачивается у него на коленях в клубок и разве что не мурлычет. Впрочем, вскоре раздается мурлыканье. Это большая толстая кошка начинает перед жарко горящим камином вылизываться. Звонко трещат поленья, в комнате уютно и тепло.

За

Натура. Весна. Вечер. Рига. Двор дома градоначальницы

Мы снова оказываемся посреди двора дома Эльзы. Она сперва разводит руками, а потом выдавливает.

ЭЛЬЗА (*еле слышно*): Насколько я поняла, Мария Федоровна не собиралась никогда возвращаться...

БЕЗБОРОДКО (*с отчаянием*): Твою ж мать! Этого я и боялся! В столице у нас очередная блажь, а из нее — беда окончательная. Если Марии дорога жизнь ее дочери, она должна, нет, она обязана быть с нею в Павловске! Я настаиваю!

ЭЛЬЗА (*еле слышно*): Что там? С кем? С которой из дочерей?

БЕЗБОРОДКО (*со злостью*): Обычное дело! Все наш путаник, йтить его через коромысло! Решил всем доказать, какой он там умный и как умеет с Европою разговаривать. Никому не сказал! Никому! Даже мне — его канцлеру! Мне, министру иностранных дел! Меня чуть удар не хватил.

ЭЛЬЗА (*с раздражением*): Да что же случилось-то?

БЕЗБОРОДКО (*с ажитацией*): А случилось то, что наш озорник, ити его так, ни с кем не посоветовавшись, решил выдать старшую

княжну Александру замуж! От всех в тайне хранил, а от Марьи Федоровны в первую голову. В общем, на эту Пасху уже назначили свадьбу...

Эльза (*растерянно*): Так это же... Хорошо! Александра Павловна вошла в возраст...

Безбородко (*начиная ходить по двору и с остервенением пинать талый снег*): Так вы не знаете еще самого сладкого! Вы не знаете, за кого он решился отдать свою дочь! За Карла Густава Четвертого Шведского!

Эльза (*ошарашенно*): Ох, йе... Так мы же...

Безбородко (*делая резкие жесты*): Вот именно, Эльза Паулевна! Именно — «вы же»! И вся Европа уверена, что отца Густава Четвертого шлепнули в Опере «вы же»! И поэтому никаких договоров с Швецией, пока на просохла кровь Густава, не может быть в принципе! Вся Европа знает, а наш шут, когда я ему об этом сказал, на меня глаза вылупил. Мол, все это сплетни и слухи, а молодой Густав Адольф выше этого.

Эльза: То есть... Когда это было?

Безбородко: На официальном объявлении о помолвке! Княжна Александра, конечно, от счастья расплакалась, первой побежала к портнихе подвенечные платья шить. Тут я к нему подошел и все вызнал... Знаете, кто был дуайен между Павлом и шведами?

Эльза: Какая бредовая свадьба... Наверно — Куракин? Кутайсов хоть и дурак, но не настолько же!

Безбородко (*чуть кривляясь*): Ах, милая Эльза Паулевна! Какая же вы добрая и как про людей хорошо думали! Хрена там... Я сам было ощерился на Куракина, однако и меня судьба ошарашила. Дуайеном для свадьбы своей старшей дочери наш клоун выбрал... барона Бьелке!

Эльза (*обомлев*): То есть как?! Он же этого Бьелке прилюдно «козлом»... Он же на весь мир ославил Бьелке продажным предателем!

Безбородко (*с торжеством*): А вот так! Сказал мне, что Бьелке при шведском дворе был единственный, кого он знал лично. И поэтому

для нашего циркача было нормой обратиться именно к Бьелке, чтобы устроить судьбу собственной дочери!

Эльза тяжело опирается рукой о стену дома, а другой начинает растирать себе грудь.

ЭЛЬЗА (*хрипло*): Похоже, что я уже не хочу знать, что было дальше. А вам не приходило в голову, что он просто дурак? Такой же, как и его отец! Убил мою госпожу, а потом пришел спросить, что в том этакого. Стал причиной смерти шведского короля и теперь хочет стать тестем для его сына. Ославил и оскорбил дворянина, и сразу доверил тому свою дочь...

БЕЗБОРОДКО (*сокрушенно махнув рукой*): Не знаю. Устал я... Как же хорошо было при Государыне Екатерине Алексеевне... Э-эх! В общем, давеча пришла весть...

4 а

Павильон. Весна. Утро. Павловск. Покой государыни

Кругом радость и предвадебное оживление. Посреди суеты мы видим почти бегущего в глубь дворца Безбородко. Он явно кого-то ищет. Наконец в одной из комнат он видит министра Салтыкова, который агукает с младшим цесаревичем Мишенькой и одновременно о чем-то беседует с Карловной. Безбородко к старому другу бросается.

БЕЗБОРОДКО (*с отчаянием*): Николай Иваныч, ты у нас самый мудрый, посоветуй, как сказать страшную весть?

КАРЛОВНА (*с подозрением*): Неужто убили кого? Ляксандр, не крути — сразу говори все как есть! Только правду!

БЕЗБОРОДКО (*с отчаянием*): Впрямь убили, без ножа же зарезали! Только что пришло по диппочте, что король Густав Адольф шведский...

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА (*неслышно, как мать, появляясь из-за спины Безбородко*): Он что?! Погиб? Жених мой умер?!

БЕЗБОРОДКО (*бледнея от ужаса*): Хуже того! Он женился!

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА (*растерянно*): А как же я? У меня и платья пошиты, и... Нянюшка, что ж это?! Это ж безбожно! (*начинает рыдать*).

КАРЛОВНА (*крепко обнимая и пытаюсь успокоить царевну*): Не реви! Кому сказано — не реви! Может, и к лучшему! Все они там — педерасы, прости господи! Может, господь и спас тебя от бесчестия! А на ком хоть женился-то? Известно?!

БЕЗБОРОДКО: Известно. Он взял в жены Фредерику, графиню Веймарскую, — родную младшую сестру Елизаветы Алексеевны. И она ничего не сказала нам о будущем оскорблении!

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА (*с истерической яростью*): Убью эту подлую суку! Эта гнилая, хилая мышь все знала! Вот же подлость! Мама, мамочка! Я маме пожалуюсь! Мама!

Натура. Весна. Вечер. Рига. Ратушная площадь

5 а

Мы видим, как Эльза и Безбородко почти бегут от дома градоначальницы к карете. Они в тех же одеяниях, что и в прошлой сцене, и можно предположить, что Эльза выскочила из дому в чем была, а Безбородко так и не раздевался. Эльза почти на бегу кричит вознице: «Вассерфаллен!», а выбегающей на шум охране — «Мы к Кристоферу, догоняйте!» С этими словами Эльза вслед за Безбородкой в знаменитую «черную карету фрау Эльзы» запрыгивает. Карета начинает движение.

БЕЗБОРОДКО: Этот гад на своей свадьбе шутил, что хоть таким позором отмстил русским за своего отца, и теперь Александру Павловну в жены вообще никто не возьмет.

ЭЛЬЗА (*сухо*): Ну, это другой разговор. Я уж думала девку силой обидели. Шутнику сему я эту шутку обратно в глотку забью, баденская семейка свое тоже получит. Полы в портомойне, как последняя шлюха, у меня будет мыть эта юная сука Баденская.

БЕЗБОРОДКО: Веймарская. Фредерика Веймарская.

ЭЛЬЗА (*со значением*): Это уже не важно. Шутнику — карачун, а сучке я веселую старость придумаю. И по фигу Баденская она или Веймарская. Они же не просто девку, они этой гадостью нарочно всю нашу страну оскорбили. Так что кровью у меня умоются сраная Швеция вместе с их сраным Баденом! А особенно — Веймаром! Что с Александрю Павловной?

БЕЗБОРОДКО: Обморок, потом истерика. Хотела руки на себя наложить, так Карловна ее держит связанной. Нужно, чтобы Мария Федоровна срочно приехала и дочь успокоила. Ну и...

ЭЛЬЗА (*с яростью*): Что еще он учудил?!

БЕЗБОРОДКО (*сухо*): Везде идет разговор, что нами правит круглый дурак, убийца родни и предатель. Опять же из всех казнокрадов и врагов Родины лишь один атаман Платов у нас так и сидит в крепости. Среди казаков — волнения. Все ждут Марию Федоровну...

ЭЛЬЗА (*еле слышно*): А Павла куда? Так же, как и его отца, — в Ропшу?

БЕЗБОРОДКО (*строго*): Страна не может остаться без управления... Как Государыня решит, так и будет.

6 а

Павильон. Весна. Утро. Санкт-Петербург.

Зимний дворец

Со страшным шумом и грохотом по Зимнему дворцу стремительно идет Мария Федоровна. Следом за ней бегут министры — Салтыков и Безбородко, а за ними человек сорок офицеров лейб-гвардии егерского полка ее личной охраны. А чуть сзади бегут мамки и няньки с маленькими Аней и Коленькой, которых Мария Федоровна брала с собою «на воды». Лицо Государыни перекошено яростью. Безбородко и Салтыков пытаются ее успокоить.

САЛТЫКОВ (*нервно*): Послушайте, Ваше Величество, само событие случилось еще в прошлом году! Все уже и быльем поросло! Где тот Баден?! Но, Ваше Величество, нельзя же вот так — взять и повесить жену Наследника! А в Европе что скажут?!

МАРИЯ (*с истерикой*): Нам нанесено оскорбление! Не успокоюсь, пока чертов Баден не будет стерт в порошок. Я уже и моему Фредди пожаловалась! Вот увидите — завтра же меж Баденом и Вюртембергом начнется война! Вот вам крест! Мой братец нипочем этого так не оставит!

БЕЗБОРОДКО (*умоляюще*): Ваше Величество, хоть брата своего пощадите! У него полстраны уже французами занято, а вторую половину он сам сжег! Куда ему еще и воевать против Бадена? А маркграф Баденский — милейшей души человек, весь Баден с таким маркграфом жить счастлив!

МАРИЯ (*с яростью*): Оболенский, Невельский, приказываю вешать всех, кто меня останавливает! Всех! (*С этими словами убегает с основной своей свитой в другую комнату.*)

НЕВЕЛЬСКИЙ (*Безбородке, задерживаясь и чуть обнажая шпагу*): Прошу прощения, Александр Андреевич... Вы намерены и далее препятствовать и ставить себя поперек воли Ее Величества?

САЛТЫКОВ (*бросаясь меж Невельским и Безбородкой*): Да что вы! Вы его не так поняли! (*Безбородке*) Андреич, уймись! Было бы еще за кого головой рисковать! Неужто живот отдашь за эту бледную моль баденскую? Опять же — захочет брат государыни воевать с Баденом, так тебе-то что за печаль?! Какая России с того беда или выгода?! Что ты, Андреич?! Ну, право слово, как маленький!

БЕЗБОРОДКО (*растерянно*): А?! Что? Да я ничего...

НЕВЕЛЬСКИЙ (*хмуро кивая и убирая шпагу в ножны*): Простите, Александр Андреевич, — служба! Но ведь и впрямь было тут для всей страны оскорбление. (*С этими словами сокрушенно машет рукой и скрывается за дверь вслед за остальной свитой.*)

БЕЗБОРОДКО (*всплескивая руками*): Конечно же, было, кто б спорить-то стал?! Но оскорблению уже по срокам полгода, а у нас лишь сейчас подхватились... Что я в Европе скажу, как объясню?

САЛТЫКОВ (*пытаясь успокоить приятеля*): А так и скажи. Государю, мол, было плевать. Не понял он, мол, что его оскорбили, а мы ему сию правду сказать не могли. А Государыня была в отлучке — на водах! Как приехала, так вот и сразу!

Безбородко: Так это и есть самое скверное! Если Государю Императору на оскорбление всех нас наплевать, то какой же из того вывод?

Салтыков (*протягивая свой платок Безбородке*): Вывода тут как минимум три. Во-первых, Европа перестала считаться с Павлом Петровичем. Это ясно. Во-вторых, ежели повторится история прежней Государыни с ее мужем... Я бы не хотел, чтобы мне иль тебе на ровном месте срубили вдруг голову.

Безбородко (*задумчиво утирая лоб платком Салтыкова*): Вот за что я люблю тебя, Николай Иваныч, — ты как настоящий учитель сразу разложил все по полочкам! Стало быть, говоришь, что лучше уж держаться Наследника?

Салтыков (*назидательно*): Сказал бы, если бы не было третьего вывода. А третий вывод тут в том, что Государыня прямо с вод сгоряча прискакала домой к сыну поквитаться с невесткою. Ежели она ее тут найдет — быть беде. Это значит, что Елизавету надо спасать... Кстати, мы в доме Наследника ищем жену Наследника, и меня начинает мучить вопрос, а где же Наследник?

7а

Павильон. Весна. Утро. Санкт-Петербург. Зимний дворец

Откуда-то со стороны слышен страшный шум, но в покоях Наследника струнный квартет играет приятную печальную музыку. Наследник Александр играет с Кочубеем в шахматы. Из соседней комнаты входит Нарышкина (Червинская). Она наливает себе из графина.

АЛЕКСАНДР (*не отрываясь от шахмат, небрежно*): Не ранний ли час для выпивки? Алкоголь по утрам портит нрав и фигуру.

НАРЫШКИНА (*начиная прихлебывать из бокала*): Хочу напиться. Сейчас твоя маменька отыщет, наконец, Лизку и будет ее где-то вешать.

АЛЕКСАНДР: Не где-то, а у нас с тобой в спальне. Там легче всего снять с потолка люстру, и там весьма прочный крюк.

НАРЫШКИНА (*мрачно*): Матка-боска... Еще и у нас в спальне... Лизка, конечно, будет визжать, в петле обсорется, в спальне потом будет страшно вонять... Нет, лучше напьюсь, чтоб не видеть всего этого!

КОЧУБЕЙ (*с сомнением*): Может, вмешаемся?! Спасем девицу — прямо как белые рыцари в сверкающих доспехах...

АЛЕКСАНДР: А смысл? Если мать самолично вздернет баденскую принцессу, мне царская корона уже обеспечена. В Европе никто не станет с ней разговаривать. Пусть вешает.

КОЧУБЕЙ (*деловито*): Так где она прячется? Я схожу — вашей маменьке подскажу.

АЛЕКСАНДР (*делая ход на доске*): Не отвлекайся. Шах. Она залезла под кровать к Чарторыйскому, и мы ее не смогли выманить. Если мать найдет ее у Адама под кроватью, она повесит не только Лизку, но и Адама, а он забавный.

КОЧУБЕЙ (*растерянно*): А как она оказалась у него под кроватью?

НАРЫШКИНА (*с пьяньенкиим смешком*): Лучше спроси, как Адам оказался с ней на кровати!

КОЧУБЕЙ (*бледнея*): Вы хотите сказать?

НАРЫШКИНА (*с пьяным вызовом*): Это гнилая тварь! Да, гнилая, от нее — вонь за версту. И еще смеет писать, сука, своей мамочке, что Сашка мой — импотент. Ха! Когда от бабы пахнет говном, у нормального мужика на нее и не встанет! Это ж элементарно, Вася! Ик, то бишь Витя...

АЛЕКСАНДР (*сухо*): Адам по моей просьбе оказал мне услугу. Я не хочу, чтобы его за это повесили. (*Нарышкиной*) А ты в другой раз — язык придержи!

НАРЫШКИНА (*со смехом*): Да ну, дался тебе этот Адам! Адамом больше, Адамом меньше — экая невидаль! Да мало ли у нас в Польше Адамов! И не сосчитать! А ты бы у меня опять стал холостым, взял бы меня в законные жены, а я бы родила тебе сыночка и доченьку!

Натура. Весна. Вечер. Гатчина. Плац

Грохот барабанов. По плацу маршируют солдаты, одетые в черное и белое. У края плаца стоит Павел, который своими войсками разве что не дирижирует. Командуют же полками, как ни странно, все те же Арачьев и фон Ливен, причем похоже, что опала для обоих закончилась. Правда, в отличие от прошлых лет теперь фон Ливен в нормальном офицерском мундире, а в женском одеянии щеголяет новая пассия Государя юная Нелидова. Однако она так мала и похожа на мальчика, что со стороны можно решить, что Государь одел в женские одежды очередного своего офицерика. Кроме Нелидовой за парадом наблюдают бессменные Куракин с Кутайсовым. Двери во дворец в этот миг распахиваются, и на плац вылетает маленькая взъерошенная жена цесаревича Константина Анна Федоровна. Волосы ее распраны, одежда в беспорядке. Он кидается на шею Павлу.

АННА: Папенька, там убивают! Спаси, родненький! *(отрываясь от Павла и приглаживая руками волосы)* Без вас я в сей вертеп и бандитский притон ни за что не вернусь!

ПАВЕЛ *(раздраженно отодвигая ее от себя и делая знаки Нелидовой, которая начинает дуть губки):* Кончай орать, дура! Где? Где убивают-то?

АННА: Ну ты тупой, папаша! В Зимнем — естественно! Приперлась твоя с целой армией, всех поставила на уши, а потом раком! Безбородку чуть не казнила, а теперь Лизку вешает! Та верещит у Чарторыйского из-под кровати, ее оттуда тянут, как репку, а она упирается. Ваш мужлан Пален меня из комнаты вынул в чем была и велел скакать что есть сил, пока меня не снасиловали да не повесили!

ПАВЕЛ *(с изумлением):* То есть как? Кто разрешил?! *(приходя в раздражение)* А Наследник?!

АННА: Ну ни фигя себе — ты ж деревянный по пояс! Ты своей мозгой покрути, кто же ей возразит?! У нее ж эти егеря — головорезы-насилыники! Страшные... Вот такие глазищи, вот такие усищи... А какие шпоры и ментики... Все от них по углам и зашхерились, и никто не отвечивал! А Наследник твой, прости господи, со своей Нарышкиной на выпивку играл в шахматы.

ПАВЕЛ (*растерянно*): Да это... Это черт знает что! А если бы я там вдруг оказался, она что и... меня?

АННА (*всплескивая руками*): Ну, наконец-то, ты просек фишку! (*бросаясь снова на грудь Императора*) Не допусти погибнуть во цвете лет! Они такие, заразы, красивые!

Павел с усилием снова принимается ее от себя отдирать. Нелидова тихо зеленеет, на все это глядя. Куракин восторженно восклицает.

КУРАКИН: Ах, что за девка! Огонь!

АННА (*презрительно меряя толстяка взглядом*): А вам, папаша, в вашем возрасте уже о душе пора думать, а не о юных глупеньких и хорошеньких девочках!

Нелидова взрывается. Меж тем слуги окружают Анну Федоровну и куда-то утаскивают, а Нелидова убегает за ними следом. По тому, как она стаскивает с себя пояс, похоже, что вот-вот принцессе будут, например, пороть. Издали начинают раздаваться дикие крики.

АННА (*издали, затихая*): Папаша, отпусти ты меня домой к маме! Спасите! Меня тоже ведут травить, как Шарлоту! Сатрап! Тиран, предатель! Я все, все маме про тебя расскажу!

ПАВЕЛ (*с отчаянием*): Господи, да никого же я не травил! Боже мой, что за бред?! При чем здесь егеря, девки, шахматы? Я совершенно запутался!

КУТАЙСОВ (*мрачно*): Жена твоя с вод прибыла. Видать, доложили ей, как Александра Павловна с горя на себя руки накладывает. Так царица за то, что сорвали ее с этих... (*ищет слова и чуть мнется*) ... с вод, значит... Озлилась, что малину ей обломали, и нынче невестку вашу общую вешает. Так — понятно?

ПАВЕЛ (*ошарашенно*): Ну... Так-то — понятно.

КУТАЙСОВ (*суровая*): Будь ты в Зимнем — и тебя б Марья вгорячах приласкала. Полки с ней егерские — диверсанты-разведчики. Никто поперек них не встанет. Вот и думай.

КУРАКИН (*возбужденно*): Казаки! Давайте кликнем казаков!

КУТАЙСОВ (*холодно*): Вот когда Платова с крепости выпустим да прилюдно извинимся, тогда — может быть. А пока и казаки горою за Марью. Вот о чем речь!

КУРАКИН (*возбужденно*): Ну не войну же им объявить?! Призовем на войну против Марьи, и ага! Все же эти егеря — под присягой!

КУТАЙСОВ (*загораясь*): А и то верно! Они же и впрямь диверсанты с разведкой! Павел Петрович, ведь ежели где война — они ж на нее должны пойти первыми! Так надобно нам войну, чтоб всех их... тудить и чтоб никто из них живым домой не вернулся! А как все они там помрут, можно и с Государыней — совсем иной разговор. Как идея?!

ПАВЕЛ (*возбужденно и радостно*): Точно! У нас же флот готов хоть завтра отплыть супротив французов в Италии! Вот пусть и плывут все туда егеря! И пусть командира своего захватят — Кристофера! А там иль французы надерут им всем задницу и приедут они как собаки побитые, иль... Да куда они с той Италии денутся?! Коль туда приплывешь, так обратно — не выбратся! Так и сделаем!

Император начинает с волнением бегать по краю плаца. Затем он замирает, утвердительно кивает сам себе, тыкает пальцем в Кутайсова и приказывает.

ПАВЕЛ (*возбужденно и радостно*): Да и пока не забыл. Пусть командует нашей армией в Италии этот старый клоун Суворов. Раз решили топить котят, так лучше, чтобы всех разом в один мешок — и бултых! Сделаем руками французов то, что нам тут пока не с руки... Да, и ускорьте строительство моего Михайловского замка. Подгоняйте строителей!

наряде и сам для себя играет на свирели. Судя по всему, он не один, ибо откуда-то снизу его мелодию то и дело подхватывают флейта, кларнет и гобой. От этого получается, будто фон Рапп с кем-то снизу все время на дудочках пересвистывается. В дверь на крышу изнутри дома осторожно стучат. Фон Рапп кричит, что открыто. Появляется молодой человек со светлыми волосами и серыми глазами в характерном персидском бурнусе. Он без приглашения присаживается и тоже начинает на дудочке что-то насвистывать. Инструменты внизу замолкают. Фон Рапп внимательно выслушивает очередную музыкальную фразу и с интересом произносит.

Фон Рапп: Судя по манере игры — оркестр Сан-Суси. Далекое же вас занесло, молодой человек...

Федор фон Пален: Никак нет. Оркестр в Митаве. Покуда был мальчиком, играл для Бирона Курляндского. Затем пару лет проходил школу у Эльзы. Меня прислал мой отец. Я привез для вас черного хлеба и сала...

Фон Рапп (*с интересом*): Юный фон Пален?! И который из трех?

Федор фон Пален: Федор я — самый младший. Старшие братья по военному делу пошли, а меня отец к своему ремеслу приспособил. У меня для вас просьба от Эльзы Паулевны. Вы знаете, что произошло на Гаити?

Фон Рапп (*с интересом*): Не имею ни малейшего представления. Знаю лишь, что это остров, поделенный между французами и Испанией...

Федор фон Пален: Туда докатилась французская Революция. Местные негры ее поняли очень по-своему и перебили всех белых. Весь Париж переполнен креолками, а одна из них, Жозефина Богарне, стала пассией самого Бонапарта. С ее легкой руки у Франции новая мода — передавать все свои колонии французским союзникам, чтобы те их смогли защитить и от англичан, и от Революции, но паче всего от восстания местных негров.

Фон Рапп: Очень интересно. Однако при чем же здесь я?

ФЕДОР ФОН ПАЛЕН: Персидские соседи — французские колонии в Индии. Майсур, Пондишери и прочие. Французы потеряли очередную эскадру и теперь думают, что англичане все эти колонии заберут со дня на день. Если Персия войдет в союз с Францией — Бонапарт подарит вам всех их без боя.

ФОН РАПП: О как?! А как же мы будем их защищать?

ФЕДОР ФОН ПАЛЕН: А Персия передаст все эти колонии Российской Империи, мы введем туда свои силы, и будет у нас вечный мир и всеобщая благодать.

ФОН РАПП: Ни хрена себе! И кто же придумал такую штуку, как русские колонии в Индии?

10 а

Павильон. Весна. Вечер. Рига. Дом Эльзы

В большом кабинете Эльзы по всему полу, столам и конторке разложены маленькие листочки из пакета «дамы с вуалью». По кабинету меж отдельными стопками на коленках ползают Барклай и Эльза. Хозяйка кабинета показывает Барклаю бумажки то из той, то из этой кучки, он их пробегает глазами, а потом они вместе переползают к кучке следующей. Наконец Эльза говорит.

ЭЛЬЗА: Выборочная проверка показала подлинность этих данных. Теперь я хочу посоветоваться, что мы теперь будем делать?

БАРКЛАЙ (*с усмешкой*): Большинство из этих бумаг я могу хоть завтра монетизировать. Шантаж — дело прибыльное. (*заметив, как вытянулось лицо Эльзы, и со смехом*) Однако же это пошло. (*серьезней*) Думаю, лучше всего из этих бумаг вырастить нашу агентуру в стане противника.

ЭЛЬЗА (*торопливо*): Я и сама так думала. Больше всего документов на французских товарищей. Они нам враги, я думала начинать среди них.

БАРКЛАЙ (*сухо*): Можно и с них, но я бы пока придержал французские документы. Против Франции сейчас огромная коалиция — мы, Англия, Австрия, Турция. Есть вероятность того, что с этой войною

Франция кончится. Но даже если и нет, потери у них будут огромными. Очень многие из всех этих (*Барклай делает широкий жест по листкам*) могут не пережить год или два. А это будет значить ненужную трату всех наших сил, да и средств... Пусть рассеется дым и уйдет часть листков.

ЭЛЬЗА (*задумчиво*): Об этом я не подумала. Почему-то решила, что все эти генералы с политиками — люди вечные. Хорошо, а что вы тогда предлагаете?

БАРКЛАЙ: Я бы начинал с англичан. Эти друзья тихой сапой под крики об угрозах со стороны якобинцев подгребают под себя целый мир. Это и есть наши основные противники. Опять же главные злодеи у них даже в этой войне отсидаются на острове, и поэтому всех их можно уже принимать в разработку.

ЭЛЬЗА (*нервно*): Но погодите, они же наши союзники! Они же нам дали слово!

БАРКЛАЙ (*с хохотком*): Узнаю голоса Гете и Шиллера, а также всех прочих германских романтиков. Прошу прощения, но джентльмены — это вовсе не германские рыцари! В отличие от нас, немцев, джентльмены — хозяева своего слова. Захотели — дали его, расхотели — взяли назад. В бизнесе нету друзей иль союзников — есть лишь деловые партнеры.

ЭЛЬЗА (*бледнея*): Вам лучше знать. Я все ж далека от понятия прибыли. (*чуть опомнившись*) Хорошо, предположим, мы начнем игру против джентльменов — какая тогда у нас глобальная цель?

БАРКЛАЙ (*сухо*): Пока Британия — царица морей, нам ее не достать. Стало быть, нужно отнять у Швеции Нурланд и в холодных незамерзающих Норских портах строить Флот Открытого моря. Нужно занимать стратегически важные порты на других континентах, чтобы нашим кораблям было где пополнить припасы и отдохнуть.

ЭЛЬЗА (*с изумлением*): Так где же взять эти стратегические порты?

БАРКЛАЙ: Франция, борясь с Англией, по сути утратила весь свой флот, но при этом захватила Испанию. На таможене все говорят, что Бонапарт объявил распродажу и отдает свои или бывшие испанские — любые колонии за копейки. Меня интересуют французские

порты в Индии — Маэ, Пондишери, а также порты их союзников. Майсур, например. Кроме этого интересны порты во Флориде и Мексике.

Эльза (*небрежно*): Пустые прожекты. У казны на это нет денег.

Барклай: А нам и не продадут. Мы же французам противники. Однако есть и нейтралы, причем с огромными деньгами. Например, Соединенные Штаты и к Луизиане, и к Флориде давно уж прицениваются. Мы можем предложить им что-нибудь выгодное, а они сдадут нам порты в аренду, а то и подарят, если мы обещаем их спасти против Англии. Или вот Персия — в одном переходе по морю от Майсура, иль Маэ, а вы же мне говорили, что у нас там свой человек, у которого на персидского шаха большое влияние. Почему бы персам не купить у французов для нас эти порты?

11 а

Натура. Весна. День. Санкт-Петербург.

Эзель Абвершуле

По оранжерее, усаженной розами, прогуливаются аббат Николя и Барклай в сопровождении юного Федора фон Палена. Барклай говорит.

Барклай: ...Как видите — нам срочно нужны ваши выпускники. Один, желательно двое, с хорошим знанием персидского языка. Во главе группы я шлю Федю фон Палена, но он по-персидски — ни в зуб ногой. Выручайте, Ваше преосвященство.

Аббат Николя: Увы, спецы по персидскому готовятся не в один день. Боюсь, что я не смогу вам помочь, ибо самому старшему из моих агентов для Персии — Саше Бенкендорфу — всего лишь пятнадцать. В таком возрасте я его резидентом никуда не пошлю...

12 а

Натура. Весна. День. Шираз. Крыша дивана

Жаркий день. Федор фон Пален завершил свой рассказ. Фон Рапп сидит и на ярком солнце как будто жмурится. Потом он шепчет.

Фон Рапп: Флот Открытого моря. Правь, Империя, морями... За-манчиво... Хорошо, я поговорю с Баба-ханом. Думаю, что ему идея о бескровном получении всех французских колоний посреди Индии очень понравится.

Павильон. Весна. Вечер. Рига.

Дом градоначальницы

13а

По длинному коридору рижского дома торопливо идет Безбородко. Лицо у него напряженное. На нем уже легкая, почти летняя одежда, но сам Безбородко, похоже, что-то взмок. Наконец, он оказывается перед кабинетом, охранник с поклоном перед ним дверь распахивает и... Безбородко на пороге комнаты вдруг замирает в замешательстве. У Эльзы сидит гость — новый министр внутренних дел, адъютант Наследника Александра Виктор Павлович Кочубей. По лицу Безбородко понятно, что это не тот, кого он здесь ждал или хотел бы увидеть.

ЭЛЬЗА: А вот и вы, наш дорогой Александр Андреич! Как же я рада вас видеть! А ко мне как раз вот с оказией гость из столицы, Виктор Павлович. Присаживайтесь.

Канцлер с неловкостью пожимает руку министра внутренних дел. Тому в свою очередь почему-то неудобно. И лишь одна Эльза, похоже, от этой небольшой пантомимы получает огромное удовольствие. Когда Безбородко напротив Кочубея на удобном кресле наконец-то устраивается, Эльза говорит.

ЭЛЬЗА: Итак, господа, прежде чем начать, давайте оговоримся. Все мы втроем собрались тут по нашей доброй воле и без всякого принуждения, а лишь по причине нашей любви к нашему государству и нашей ответственности за него. Уверена, что в итоге все мы что-то приобретем, при том что каждый из нас, похоже, что-то да потеряет. Но мы все идем на сие в здравом уме и трезвом рассудке, чтобы потом никто не говорил, что его заставили. Все согласны?

Кочубей: Да, Эльза Паулевна! Спасибо, что меня приняли и выслушали. Нас злые языки считают врагами, а меня порой ругают за молодость, но все, что мы делаем...

Эльза: Полноте, Виктор Палыч. Главное, что вы здесь и прибыли по своей воле. Для меня этого более чем довольно.

Безбородко: Видит бог, без вашей помощи я как без рук. Еще немного и пойду просить Христа ради...

Эльза: Все понимаю, Александр Андрейч. Сами недавно лишь стали на ноги.

Эльза начинает шуршать на столе бумажками. Видно, что и князю, и канцлеру очень хочется в них заглянуть, и оба они — как на иголках. Наконец Эльза какие-то документы в стопку собирает и говорит.

Эльза: Итак, недавно ко мне в руки попало письмо от нашей будущей государыни Елизаветы Алексеевны к ее матери в Баден. В письмо было вложено два конверта с подробными докладами — прусской и австрийской разведке... Из чего я лично сделала вывод, что милейшая Елизавета Алексеевна втайне работает на наших врагов в Берлине и Вене.

Безбородко (*с чувством*): Твою ж мать... Вот паскудница!

Эльза: Впрочем, подобные вещи случаются. Здесь мы должны брать поправку на то, что девочка выросла в Бадене в протестантской семье, а там сплошь все безбожники... Самое же важное оказалось в третьем письме. Там наша принцесса симпатическими чернилами написала просьбу своей милой матушке — прислать ей новых английских гондонов, а то старые у нее все закончились.

Безбородко (*с запинкой*): А что такое этот гондон?

Кочубей (*с легкой усмешкой*): Это так англичане произносят *guantome* — по-итальянски «напальчник». Чтобы не заразиться срамной болезнью и чтоб нежеланных детей при том не было. В Польше про них любой знает.

Безбородко: Твою ж мать... Чего только народ не придумает! Стало быть, принцесса не хочет рожденья наследника? Вот сучка...

ЭЛЬЗА: В том же самом письме она по-прежнему чернит Наследника «импотентом». Письмо в Баден вез слуга Адама Чарторыйского. Опять же под кроватью одного Адама принцесса, по слухам, скрывалась от гнева Ее Величества. Боюсь, что речь идет не о зачатии будущего Романова. Скорее, наоборот.

БЕЗБОРОДКО: Ох ты ж... Без ножа меня режете!

ЭЛЬЗА: Я после ознакомлю с подробностями. Но речь пойдет не об этом. Речь о почте. Раз у нас по почте пересылаются подобные письма, вся почта должна перлюстрироваться. По случаю нам передали один новый способ читать симпатические чернила, не разрушая письма, и я передала его моему бывшему сотруднику, а нынче начальнику русских почт фон Палену. И от него уже...

КОЧУБЕЙ (*с возбуждением*): Фон Пален стал передавать мне все, что стал находить по хищениям.

ЭЛЬЗА (*Безбородке*): Соответственно, тот же фон Пален принялся мне сообщать все любопытные письма по вашему иностранному ведомству. А вы сами пожелали, чтобы все наши усилия были объединены в единое целое.

БЕЗБОРОДКО: Да, это верно. После того, как Государь разогнал весь прежний Тайный приказ, мы как слепые кутята теперь везде тыкаемся. Эльза Паулевна, прошу вас — возглавьте...

ЭЛЬЗА (*сокрушенно*): Да я бы рада, да грехи не пускают... Видите ли, Александр Андреич, какая беда. Я вас знаю всю вечность и точно уверена, что вы нам — не враг. Посему, коль придет ко мне всякая про вас кляуза, я же ее в мусорку выкину.

БЕЗБОРОДКО (*приободрившись*): Ну так и хорошо!

ЭЛЬЗА (*с горечью*): Чего ж хорошего? Ведь почему Государь разогнал прежний Тайный приказ? Потому что воровство и лихоимство там покрывалось и поощрялось, ибо воры да лихоимцы были лучшие друзья у жандармов. Ну, вот примерно — как мы с вами. А ведь это неправильно! Я точно знаю, что вы, Александр Андреич, к примеру, России не враг. А вот могу ли я быть и относительно всего прочего тоже уверена?

БЕЗБОРОДКО (*сразу обливаясь потом*): Эльза Паулевна, вы ж меня всю жизнь знаете! Да чтоб я... Да чтоб мне провалиться!

В глазах Кочубея начинают плясать лукавые чертики. Эльза, не меняя выраженья лица, молча грозит ему кулаком. Затем все так же покойно спрашивает.

ЭЛЬЗА (*с интересом*): Кстати сказать, Виктор Палыч, а скажите-ка мне. Что ежели к вам придет ваш же кум и предложит побунтовать да порезать немного «москаликов»? Вы ведь точно же ко мне сразу с докладом на стол?

КОЧУБЕЙ (*сразу бледнея — с неловкостью*): О чем речь, Эльза Паулевна?! Как только — так сразу. Я не мой предок, русскому царю меня вешать не за что!

ЭЛЬЗА (*сухо*): Не сомневалась в вашей любви ко всем русским. Спасибо за честность... (*Безбородке*) Неужто у нас и впрямь никто не ворует?

БЕЗБОРОДКО (*сразу обливаясь потом*): Да что вы! Да никто ж не ворует! Ну, может быть, кто-то кое-где у нас порой...

ЭЛЬЗА (*с горечью*): Так я и думала. Кое-кто кое-где у нас порой... А я же ведь всех вас знаю. И люблю всех вас — по-своему. И посему сторожить вас я не смогу и не буду. Я думаю сделать так. Мои люди отныне работают лишь против врагов Империи и внешних, и внутренних.

КОЧУБЕЙ (*с одушевлением*): А на мою долю остаются все воры, казнокрады, мздоимцы и прочие. И мы с Эльзой Паулевной — не пересекаемся.

ЭЛЬЗА: У меня служат, в основном, немцы, у него — хохлы да поляки. Его поляки с удовольствием отловят любого моего немца, если тот попробует красть. Мои немцы с радостью прищучат поляка, если тот вздумает бунтовать. Мы следим друг за другом. И никакой дружбы промежду сотрудниками.

БЕЗБОРОДКО (*ошарашенно*): О как! То есть вы нарочно развели природных врагов по двум разным ведомствам?! Ловко...

Эльза (*сухо*): А как иначе? Теперь — все по-честному. Мои сторожа сторожат ваших, а ваши — моих. И еще. До этого вот момента я готова забыть все случаи воровства или участия в мятежах, как с той стороны, так и с этой. Но ежели впредь...

Кочубей и Безбородко (*оба облегченно переводя дух*): Да что вы, Эльза Паулевна! Да — никогда! Да ни за что! Да мы ничего и не думали!

Натура. Весна. Утро. Гатчина. Плац

16

Слышны негромкие ритмичные удары. Император Павел сидит посреди плаца на большом полковом барабане, поставив ногу на барабан малый. Его рисуют художники. Яркий солнечный день, тепло и радостно. Перед Императором его двор — канцлер Безбородко читает последние новости.

Безбородко: Из Германии передают. Старший брат Государыни безумный Вильгельм Фредерик и впрямь объявил войну маркграфу Баденскому «за оскорбление младшей сестры».

Куракин (*с восхищением*): Во дает! Сам с голой жопой, страну его заняла Рейнская армия, а он все равно войну объявил. Ну дела!

Павел (*с явным неудовольствием*): Вот же чертово семя... Сплошь безумцы! И что маркграф Баденский?

Безбородко (*сухо*): Баден — страна протестантов, Вюртемберг — страна католическая. Баден вступил в войну с Вюртембергом на стороне Франции. Все прежде нейтральные маркизаты и графства католиков подверглись баденскому нашествию. Германия католическая под команду Австрии объявила христианскую коалицию против Бадена с Францией.

Куракин (*со смехом*): Ага — против Бадена с Францией! Болонки и носорога! А почему не наоборот?

Салтыков (*поучительно*): Для австрийцев и всех прочих немцев баденцы изменники, а французы вечное зло. Лягушей все немцы обязаны бить и так, а вот баденцы отныне — предатели! Посему война объявлена именно супротив Бадена.

ПАВЕЛ (*задумчиво*): Понятно... Мне по нраву старый маркграф... А женушку хорошо бы и проучить!

БЕЗБОРОДКО (*сухо*): Прикажете вступить в коалицию против Вюртемберга и Австрии на стороне якобинской Франции с Баденом?

ПАВЕЛ (*встряхнувшись*): Нет, конечно же, нет. Австрия — слишком ценный союзник. К черту Баден! Мы все же дружим с Австрией и Вюртембергом... А раз уж там затевается большая война, есть куда послать нашу армию.

САЛТЫКОВ (*еле слышно*): А то, что баденцы только что оскорбили Россию и русских, значит, не в счет? Вюртемберг, истекая кровью, бьется за честь Александры Павловны, а мы, стало быть, не хотим потерять дружбу Австрии...

ПАВЕЛ (*вскинувшись*): Николай Иваныч, я тебя слышу! При чем здесь Россия? Оскорбление нанесено лично мне, зачем Россию в это мешать?

БЕЗБОРОДКО (*доставая новое донесение*): А вот еще из Франции пишут. Генерал Бонапартый отплыл из Тулона со своею Английскою армией. По слухам, намерен высадиться в Ирландии. Ему на перехват из Портсмута вышла эскадра Нельсона. Четырнадцать кораблей.

КУРАКИН (*с интересом*): А сколько у Бонапартия?

БЕЗБОРОДКО (*сухо*): Пишут, что больше восьмидесяти.

КУРАКИН (*со смехом*): И на что англичане надеются?

БЕЗБОРОДКО (*сухо*): Это нам неизвестно. Исходно Нельсон взял на защиту Ирландии четыре линейных корабля и сказал, что против французов четырех кораблей ему будет достаточно. Потом, правда, в Адмиралтействе за него испугались и послали еще десять кораблей на подмогу...

КУРАКИН (*откровенно смеясь*): Во дают! Да у нас нынче на Черном море уже кораблей столько же! Если че — дадим там вампирам просратья!

БЕЗБОРОДКО (*сухо*): Есть мнение, что бритоны увеличили флот в Средиземке с четырех до четырнадцати именно потому, что у нас

там тринадцать кораблей и фрегатов. Они не против Наполеона, они против нас — к нам плывут. Вот соединятся с турецкой эскадрой в десять вымпелов, и будет нас тринадцать против их двадцати четырех!

КУРАКИН (*начав горячиться*): Так и мы соединимся тогда с лягушатниками! Нас тринадцать, их восемьдесят, вот и аля-улю! Полетят от вампиров-то клочочки по закоулочкам!

Салтыков с Безбородкою переглядываются. Лица у обоих сумрачные. Затем Безбородко достает очередной документ.

БЕЗБОРОДКО (*сухо*): Из наших европейских посольств сообщают. Нет подходящего жениха для Александры Павловны. Девица, по словам европейцев, «ославлена». Государыня в Павловске за дочкой ухаживает и вне себя от горя и ярости...

ПАВЕЛ (*с раздражением*): Да знаю я! Знаю! Без вас тошно! И зачем вот вы, Александр Андреич, постоянно в большую мозоль так и тычете?! Найду я принца для Сашки, ей-богу найду! Вот вы, мой министр иностранных дел, вы и скажите, у кого из безземельных государей в свете нынешних пертурбаций в Европе есть перспектива?

БЕЗБОРОДКО (*растерянно*): Ну, я не знаю...

САЛТЫКОВ (*осторожно*): А может, лучше не так? Раз даже среди нас тут случилась дискуссия, за кого воевать в конфликте Вюртемберга и Австрии против Бадена с Францией, так, может, и впрямь послать той же Австрии ультиматум. Мол, пусть один из австрийских кронпринцев или эрцгерцогов берет в жены Александру Павловну, и тогда мы входим в войну на их стороне. А коль нет, так пожалуйста бритесь! У Марии Терезии было шестнадцать детей, неужто хоть один жених среди внуков ее для нас не найдется?

ПАВЕЛ (*с восторгом*): Ну вот, можете же, когда захотите! Так и пишите: будем воевать с вашей стороны, коль сыщете жениха для моей дочери!

Павильон. Лето. Вечер. Фраскати. Собор святого Петра

По темному залу собора идет Барклай. Он в походной одежде и, видимо, только приехал. У знакомого могильного камня «веселого принца Чарли» он видит согбенную фигуру кардинала

Генриха Стюарта. Барклай деликатно останавливается чуть в стороне, но Стюарт вдруг поднимает голову и манит его к себе. Барклай подходит, и кардинал говорит.

СТЮАРТ (*поднимается, опираясь на Барклая*): Рад снова видеть вас в наших краях. Какими судьбами?

БАРКЛАЙ (*нервно*): Готовлю прибытие наших войск в Италию. Квартирьерство, денежные дела... Ну, вы знаете. Подумал, раз уж я здесь проездом — что если заглянуть? У вас есть минутка?

СТЮАРТ: Да, разумеется. Хотите узнать про своего отца?

БАРКЛАЙ (*с запинкою*): Да, очень.

Генерал ордена иезуитов жестом приглашает гостя на соседнюю мраморную скамью рядом присаживаться, садится сам и начинает рассказ.

СТЮАРТ: Самого-то Барклая я, признаюсь, знал плохо. Это был верный слуга моего брата. И тот про него много рассказывал. Видите ли, Чарли был натурой увлекающейся. Все мечтал о воцарении в Англии. Тратил на это все деньги. Потом деньги кончились, а войска кормить было надобно. Но вот ведь беда — никто ему в долг давать уже не хотел... Он был невезучий — мой Чарли. И вот тогда брат решил на самое последнее дело для христианского короля. Он пошел занимать у евреев. А вы сами знаете: если бы оно вдруг стало известным, все бы от него отвернулись. Нельзя воевать за Корону на деньги ростовщиков да хриstopродавцев. И вот тогда брат придумал ездить по разным банкам и гетто под чужим именем. Попросил своего слугу, и тот дал ему свое имя. Вы хотели лучше узнать своего отца? (*кивая на могильный камень «веселого принца Чарли»*) Так вот он.

Барклай ошеломленно смотрит на огромный кусок мрамора, на котором выбиты имя, даты и все регалии. Он встает со скамьи, подходит к камню, встает перед ним на колени и трогает камень рукой. Рука его при этом дрожит. Кардинал Стюарт за его спиной говорит.

СТЮАРТ: Теперь-то ты понимаешь, почему твоя мама тебе про него ничего не рассказывала? По всей Европе англичане убивают Стюартов... Она спасла тебе жизнь...

Барклай прижимается щекой к холодному камню и просто на коленях стоит у него и молчит.

**Павильон. Лето. Вечер. Павловск.
Покои Государыни**

36

В большой и просторной комнате с широко раскрытыми окнами расположилась Ее Величество с детьми, Карловной и министрами. Государыня в хорошем расположении духа, рядом с нею ее старшие дочери — несчастная и заплаканная пятнадцатилетняя Александра и сияющая от радости четырнадцатилетняя Елена. За спиною же Государыни — за одним плечом Карловна, а за другим Салтыков, которые ей то и дело что-то нашептывают. Канцлер Безбородко заканчивает доклад.

БЕЗБОРОДКО: ...Посему, дабы сгладить при европейских дворах превратное впечатление, мне было поручено срочно сыскать жениха для второй цесаревны — Елены Павловны. По совету Ее Величества я обратился ко двору Мекленбург-Шверинскому, и там немедля дали согласие. Итак, наследник трона Мекленбург-Шверина просит у Государыни руки ее дочери!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА (*с восторгом*): Ах, маменька! Ты у меня — самая-самая! (*Бросается целовать руки матери, та с удовольствием перед окружающими крутится то тем боком, то этим.*)

КАРЛОВНА (*с радостью*): Надо же — после такого афронта и так все легко сладилось! А кто эти шверинцы?

МАРИЯ (*небрежно*): Они — родня моей маменьки. Она сама родом из Шведта, ее сестра была за нашего шверинского соседа давным-давно выдана. Прекрасные люди, мама про них всегда мне писала только хорошее. Опять же щедрые подарки — по совету Николая Иваныча — при сватовстве свое дело сделали. Все эти мелкие северогерманские княжества вечно не умеют свести концы с концами...

САЛТЫКОВ (*угодливо*): А наша-то Марья Федоровна всегда точно знает, кому чего надобно! Какой успех!

КАРЛОВНА (*с интересом*): Андреич, я не поняла там момент... Эти шверинцы — они что? Поздравляют лишь Государыню?

МАРИЯ (*столь же небрежно, но чуть неуверенно*): Их Шверин со времен Ганзы враждебен Голштинии. Верно, Иваныч? (*после утвердительного кивка придворного учителя — гораздо уверенней*) Торговые конкуренты. Посему если бы их просил наш уродец, они ему отказали бы наотрез. А мне — да в пику ему, конечно, — сердечное согласие сразу! Ума не приложу, чего он затеял этот брак с вечно враждебной нам Швецией? Они же ведь все там протестанты-безбожники!

БЕЗБОРОДКО (*под общий смех*): ...Ах, да Марья-искусница! Все-то она учла, все продумала! Как же вы, Ваше Величество, за эти годы политически выросли!

МАРИЯ (*чуть фыркая*): Так не боги горшки обжигают. Свекровка моя была великая Государыня, но и она начинала ведь с малого. И я, с помощью моего Иваныча, точно — выучусь!

САЛТЫКОВ (*назидательно*): Все верно! Главный талант Государыни в том, чтоб по ее указам всем нам — все было, а ей бы за это ничего не было!

МАРИЯ (*небрежно*): И этот ваш урок я тоже усвоила. Пусть карла мой оглашает указы неловкие, а я ими пользуюсь — и вся в белом. А карла наоборот! И его не жалко нисколечко!

Натура. Лето. Вечер. На въезде в столицу. Московский тракт

На дороге растянулся королевский поезд, в котором Государь возвращается из своего летнего дворца в столицу. Люди хмуры, ибо на улице жара и великая сушь и ехать в такую погоду с летнего дворца в раскаленный каменный город никому неохота. Вдруг в небе вспыхивает залп салюта, за которым сполохи фейерверка. Из королевской кареты появляется голова Императора Павла, который с яростью и обидой кричит.

ПАВЕЛ: Кто разрешил? Кто позволил? Я же из-за великой жары отменил все салюты матери в честь обретения Крыма! Все пожгут — ироды!

Кареты все останавливаются, и придворные с удовольствием их покидают, ибо жара и духота стоят страшные и в каретах все сопрели за путешествие. В вечернем небе в низине горит и блещет салют, люди игрою огня и света любуются, затем Куракин замечает.

КУРАКИН: А ведь это за рекой палят, в Павловске! Видать, плевать им там на царев указ! Ясно же было сказано, празднества в честь взятия Крыма в сием году отменить! Нет же...

КУТАЙСОВ (*мрачно*): Все это звенья одной цепи. Нам в Гатчине в сортир дрожжей кинули, вот взятие Крыма в нарушение царева указа празднуют. Ох, Марья... Допрыгается!

АННА ФЕДОРОВНА (*с восхищением*): А у них весело! Вон какие красивые заряды пуляют, аж жуть!

ПАВЕЛ: Виновных в ослушании моей воле — арестовать! Я приказываю! Я сказал — не будет в честь Крыма в этом году ничего, так не будет! А она...

КУТАЙСОВ (*задумчиво*): Странная вещь... В честь Крыма по указу Екатерины положено пускать салюты красные и оранжевые. А тут... Они же белым и синим стреляют! Чьи же это цвета?

КУРАКИН: И верно, стреляют цветами андреевскими! Может, это в честь нашей эскадры, что отплывает в Италию?

КУТАЙСОВ (*с досадою*): А ведь у нас главный артиллерист Аракчев... Уж в честь морячков можно было дать пару залпов! Авось пожара бы не было, а народ-то и счастлив... Все же флот наш — честь и гордость Империи.

ПАВЕЛ: Я им задам! Жара-то какая! В такую погоду даже костры разводить не положено, а тут — столько огня! Это все — нарушение! Хоть в честь Крыма, хоть ради флота...

На дороге движение. Вдоль линии карет со стороны реки во весь опор скачет всадник. Подъезжая к царю, он с коня

спрыгивает и что есть силы бежит. Мы видим, что это Аракчеев. Еле переводя дух, полковник Аракчеев отдает честь Императору и докладывает.

АРАКЧЕЕВ: Великая радость! Я только из Павловска... Великий герцог Вюртемберга Фредерик только что уничтожил непобедимую Рейнскую армию! Французы бегут! Мария Федоровна приказала делать из всех пушек салют — огнем цветов ее родины!

На лицах придворных совершенный шок. Куракин, запинаясь, бормочет.

КУРАКИН: То есть как?! Горстка нищих дикарей с гор истребила лучшую французскую армию?! Они побили самого Моро?! Не верю.

АРАКЧЕЕВ: Вести самые верные — с Франции. Моро назначен триумф за то, что тот сумел-таки вывести через чащобный Шварцвальд ядро своей армии. В Париже равняют его с самим Ксенофонтom. Все говорят, что спаслись они чудом, вюртембержцы всю дорогу за ними гнались и отставших на своих площадях как свиней резали. Жуть!

ПАВЕЛ (*с интересом*): А где? Где и как была битва?

АРАКЧЕЕВ (*разводя руками*): А вот битвы-то не было. Брат Государыни увел весь народ с собой в горы, а потом сжег Штутгарт и прочие города. Зиму-то Моро в этих разоренных городах пересидел, думал, что по весне станет лучше. А снег в этом году в горах поздно сошел. Голод, холод, цинга... По весне, как просохли дороги, Моро попытался из этого мешка вырваться, но горцы были повсюду. Они как муравьи жалили его чем могли. И тогда французы принялись отступать. Отступление стало бегством.

ПАВЕЛ (*ошалело*): Так герцог разбил пришельцев без боя?! А какие потери?

АРАКЧЕЕВ (*сухо*): Так точно. Голод, холод, болезни и отчаяние погубили французскую армию. Из Парижа нам пишут, что Моро сумел вывести с собой лишь одного солдата из каждых семи. Это разгром. В Париже объявили неделю национального траура. Зато в Павловске (*Аракчеев делает широкий жест в сторону далеких салютов*), как видите, празднуют!

ПАВЕЛ (*добродушно*): Ну, раз была такая виктория, да еще не у нас, я подарю им прощение. Все — по каретам! Продолжаем движение!

КУТАЙСОВ (*залезая в карету с досадою*): Это нам объяснили, что салют в честь Вюртемберга и потому не считается. А народ-то решит, что это в честь флота или в честь Крыма, несмотря на твой глупый запрет... А за флот или Крым... Ох, доиграешься, Павел Петрович, ох, ты допрыгаешься! Дрожжи в нашем сортире, боюсь, первая ласточка!

Натура. Лето. День. Павловск. На речке Славянке

56

Жаркий солнечный день. В речке с шумом и визгом великие княжны и прочие дети купаются. Тон веселью задает сама Государыня Мария Федоровна, которая плещется вместе со всеми, брызгается, визжит и хохочет, как большой ребенок, а все вокруг радуются. Под большим деревом в тенечке расположилось на мягких коврах с подушками старшее поколение — Салтыков с Карловной. Они покойно наблюдают за играми молодежи, и оба из кружеск что-то потягивают.

САЛТЫКОВ (*задумчиво*): ...Вот ты — умная женщина. Скажи-ка начистоту, а вдруг я не своим делом всю жизнь себя мучаю? Смотри, был у меня ученик Павел. Беда. Были ученики Александр с Константином. Оба — хуже. А теперь ученица Мария Федоровна — и все прям на лету сразу схватывает. Растет по всем наукам стремительно! Что за притча? Может, я всю жизнь был учитель для девочек?

КАРЛОВНА (*лениво*): Не-е. Это у тебя планида такая. Хороший ты учитель, Иваныч, я тебе, вот те крест, даже порою завидую. Объясняешь ты так, как мне и не снилось. Но в нашем деле не все от учителя. Тут и от учеников много зависит. Чаще-то люди как люди, а порой — хрен на блюде, прости меня господи!

САЛТЫКОВ: То есть?

КАРЛОВНА (*размахивая своей кружкой*): Машка-то — нормальная баба, а еще она хочет учиться и учится. А вот что Павел, что его сыновья — те думают себя больно умными. Ты им слово, они тебе десять. Да с подвывертом! Ты хочешь чему-то их научить, а они в ответ нороят выкобениваться. Тьфу ты, пропасть!

САЛТЫКОВ: Занятно. Я об этом подумую.

КАРЛОВНА: Тут, Иваныч, другой вопрос интереснее. Какого хрена ты к нам присоседился?

САЛТЫКОВ (*явно не ожидавший такого вопроса — растерянно*): Ну-у-у...

КАРЛОВНА: Не знаешь че отвечать? Так я тебе, Иваныч, скажу — хитропопый ты, спасу нет. Лучше всех при дворе точно знаешь, где гуще масло намазано. А стало быть, где ты, там и власть. Верный признак. Че смеешься, правду я говорю!

САЛТЫКОВ (*с лукавой усмешкою*): А может, я и есть власть?

КАРЛОВНА (*со смехом*): Гы! Да какая ты власть, прости господи! Ты это... Как ты нам за ужином давеча говорил? Народная несознанка...

САЛТЫКОВ (*с интересом*): Может быть — народное бессознательное?

КАРЛОВНА (*с радостью*): Во! Точно! Только не народное, а придворное. Ты у нас — придворное бессознательное! Куда ты, туда и весь двор! А двор — это люди, злые и добрые, умные и не очень. Всякие. Но каждый на что-то да надобен, у каждого из нас — свой маневр. Опять же у всех есть свой интерес. Как без этого? А все мы и есть наша власть! А ты у нас, как энтот... барометр. Понял, что ль?

Натура. Осень. Вечер. Санкт-Петербург. Марсово поле

После долгого жаркого дня в столицу приходит вечерняя прохлада. Взмокший от жары Государь Император жадно пьет воду на краю Марсова поля чуть в стороне от полков. Солдаты, замученные сутками муштры на жаре, то лежат вповалку прямо у составленных в козлы своих длинных ружей, то пьют из огромных бачков, а то и выстроились в бесконечную очередь у единственного отхожего места на площади. Очередь идет медленно — служивые недовольны. Царедворцы Государя от этого морщатся.

КУТАЙСОВ: Может, надо возить сюда поганые бочки? А не то опро-
стаются прямо тут — среди столицы!

КУРАКИН (*со смехом*): А может, их лучше меньше кормить?! Ведь
засрут всю столицу!

КУТАЙСОВ: И то верно! Может, лучше построим им большой плац
за городом, там служивым будет где гадить...

ПАВЕЛ (*с отчаянием*): Мы готовим лучшие части для армии!
А вы мне про говно, нужники да сортиры! Это... Это какое-то извращение!
(*с яростью*) Хорошо, я и это решу. Поставить на речке клозет,
и пусть солдаты опорожняются прямо в воду. Река все унесет и все
смоет!

*Куракин с Кутайсовым с ужасом переглядываются. Затем
Кутайсов восклицает.*

КУТАЙСОВ: Погодь, Пал Петрович! У меня же дом на Васильевском!
Так что ж, солдатское дерьмо теперь мимо моего окна поплывет?!

ПАВЕЛ (*с гордостью*): Мы вступаем в войну! Каждый из нас ради
Родины обязан чем-то пожертвовать...

КУРАКИН (*флегматично*): Тебе, Иван Палыч, как турку, нас не по-
нять! Мы ради Родины на все готовы.

КУТАЙСОВ (*с горячностью*): Я не турок! Я грузин с Кутаиси! И мы —
светлые! Это турки нас подчернили... И речь зашла о солдатском
говне, а не о моей любви к Родине!

КУРАКИН (*небрежно*): Что грузины, что турки — по мне один хрен...

КУТАЙСОВ (*с обидой*): Да я... Да мы... Я сына моего побочного в ита-
льянский поход сейчас собираю! И он никогда бы не приказал солда-
там своим срать мне под окнами!

ПАВЕЛ (*примирительно*): Ну, погорячились, Ваня... Проехали.
За то и цену. Да и Пьера своего ты хорошим сыном и воином выра-
стил. Приказываю — впредь никто не смеет звать Пьера татаринном
или турком! (*со смехом*) А тебя можно!

КУТАЙСОВ (*с горечью*): Мы — не турки! Не турки! (*со злобой*) Вот
ты, Саш, смеешься, а как говно мимо твоего дворца на Крестовском

по реке потечет да цена на него рухнет от этого, так и посмотрим, что ты тогда запоешь!

Куракин (*презрительно*): Так коль я не намерен его продавать, какая разница, сколько он стоит?

Кутайсов (*с неприятной ухмылкой*): Тебе-то, может, и никакой, а банкирам-кредиторам твоим, у которых ты дворцы все закладывал, точно будет. Цена залога упала — изволь, Сашенька, доплати недостачу!

Куракин (*с яростью*): Да какую же недостачу? Год-два пройдет, Марья клозет с реки уберет, а там... Все говно уже в море смыло. Откуда же недостача?!

Павел (*с подозрением*): Стой, тпру! С какого это хрена Марья станет мой клозет с реки убирать?! Я же ей не позволю! Что ты имеешь в виду?

Куракин делает вид, что вопроса не слышал, Кутайсов с особым вниманием начинает на своей руке ногти разглядывать. Затем тихо буркает.

Кутайсов: Я только думаю, что жарко солдатам маршировать посреди города. Вон вокруг сколько рек... Ижора, Тосна... Лучше по ним пусть после маневров дерьмо в море течет. Вот что я думаю...

Куракин (*непринужденно*): Да и то правда! Ваше Величество, так ли уж верно, что солдаты тренируются посреди города? Давайте разобьем за городом военные лагеря, и уж там... А то от большого скопления в столице вооруженных людей — недолго и до греха! Ха-ха...

Император со все большим подозрением смотрит на своих присных, то на того, то на этого. Тут к ним подходит группа богомольцев.

Игумен Онуфрий (*плачущим голосом*): Спаси нас, Царь-надежа! Ослобони ты нас от злодейства и святотатства охальников!

Павел (*растерянно*): Что?! Ходоки? Откуда вы, болезные?

Игумен Онуфрий (*торопливо*): Делегация мы! С Варлаамовой пустыни! Основаны Анной, при Елизавете стали главными по столичному богомолью! Правда, ваша матушка была уже не столь

истова, да и вы к нам никогда не заглядывали... А мы не просто так, мы — столичный филиал Троице-Сергиевой лавры! К нам всю жизнь крестный ход по Петергофскому тракту...

ПАВЕЛ (*нетерпеливо*): Понял. Понял... Кончай нудить! Чего надо? Денег? Земли? Денег нету, а земли могу дать.

ИГУМЕН ОНУФРИЙ (*запинаясь*): Речь не о деньгах... Богомолье у нас. Крестный ход. Государыня Анна и государыня Елизавета всю жизнь к нам ходили ради зачатия. А нынче богомолки все плачут, что после паломничества все они в тягости...

КУРАКИН (*хихикая из-за спины Павла*): Так чего ж плачут? Ведь за этим идут. Слышь, мин херц, у них эта самая Варлаамова пустынь — мужской монастырь. Так не просто так к ним идут богомолочки... И монахи при деле, и бабам приятно!

ПАВЕЛ (*подавляя смех*): И впрямь, в чем проблема? Бабам нужно родить, а после вашей посильной помощи они, как я понял, рожают. Так в чем беда?

Ходоки меж собой переглядываются. Кто-то смущен, кто-то начинает рыдать. Затем игумен решительно кланяется Императору и объясняет.

ИГУМЕН ОНУФРИЙ (*сухо*): Одно дело, когда оно Божьей Волей и по согласию, иное — когда ради зверства и похоти. Одно дело, когда ловят богомолка на тракте, иное — когда монахов. Спаси ты нас, батюшка! Забери ты своего безбожного сына из Стрельны, что у нас по соседству!

ПАВЕЛ (*растерянно*): Так вы из Стрельны?! И что же там натворил опять Константин?

ИГУМЕН ОНУФРИЙ (*сурово*): Бесчинствует. Ни богомолкам, ни монахам — проходу никому не дает! Мы в Синод пишем жалобу!

Павильон. Осень. Вечер. Лондон.
Особняк на Пикадилли-стрит

76

*Длинный холл, разбитый на ряд отсеков с перегородками.
В каждом отсеке столик с двумя диванчиками. Столики*

сервированы хрусталем, фарфором и серебряными приборами. На столе горят свечи, откуда-то слышна струнная музыка. Кое-где сидят влюбленные пары, но больше мест занято благообразными джентльменами, которые обсуждают акции, котировки и хороший процент. Голоса раздаются негромко и сливаются в один тихий гул. За один из столиков садится сэр Исаак, который с подозреньем оглядывается, старается забраться поглубже в угол, затем переставляет вазу с цветами так, чтобы она лучше его закрывала. Пока он так трудится, к его столику подходит старый граф Шелберн.

ГРАФ ШЕЛБЕРН (*с усмешкой*): Привет, мой друг, от внутренних органов нашей Империи — ее внешним органам! Стремитесь сохранить свое инкогнито?

СЭР ИСААК (*с неудовольствием*): Зачем было встречаться в столь людном месте? Обилие людей меня беспокоит!

ГРАФ ШЕЛБЕРН (*с интересом*): Какая печаль! Представляю, как тошно вам каждый день толкаться на бирже!

СЭР ИСААК (*морщась*): Это иное. На бирже при обилии народа никто вас не видит, а здесь... Здесь все друг друга разглядывают. И враз видно, что я — чужак!

ГРАФ ШЕЛБЕРН (*с изумлением поднимая бровь и высовывая голову в проход*): Неужто?! На мой взгляд... Что в них не так?

СЭР ИСААК (*с горечью*): Они ж немцы! Это двор нынешнего короля. А я — шотландец! Эти бандюки меня всюду преследуют. Не поверите, какого страху я от них натерпелся, пока жил в Риге с заданием!

ГРАФ ШЕЛБЕРН (*утешительно*): Ну полноте! Это же ученые! Вас, видать, напугала всем известная фрау Эльза, а у нее с этими... (*хмыкает*) ... «учеными» разногласия исторические. Кстати, я смог преодолеть ваше предубеждение к немцам и вместо вас стал ходить к этому Гершелю.

СЭР ИСААК (*хмуро*): И что там?

ГРАФ ШЕЛБЕРН (*задумчиво*): Весьма много любопытного... (*официанту*) Эй, любезный, по сто грамм нам с приятелем. Лучшего! (*Исааку*) Они в ватиканских архивах раскопали теорию, которая описывает судьбы всех стран и народов на многие лета. Очень интересно и занимательно. (*Поднимая стакан с поданным виски.*) Не волнуйтесь, выпивка за мой счет. Собственно, я даже оплатил все изыскания людей Гершеля и работы в архивах. Теперь это — страшная тайна. Поэтому мы и встречаемся здесь.

СЭР ИСААК (*с интересом, хороший виски потягивая*): Да шо вы говорите?

ГРАФ ШЕЛБЕРН: Здесь удобнее всего — в конце улицы Вестминстер эти астрономы свили гнездо, а вокруг живут богатые люди, которые их изысканья оплачивают. Не хотите присоединиться?

СЭР ИСААК (*хмуро*): Вы же сами знаете, я весьма беден...

ГРАФ ШЕЛБЕРН: Ну хорошо, хорошо. От каждого нужна лишь сильная помощь. Раз вы не можете помочь нам деньгами, помогите связями. Мы хотим вас направить в Египет.

СЭР ИСААК (*ошарашенно*): Куда?

ГРАФ ШЕЛБЕРН (*задумчиво*): Люди Гершеля рассчитали в ближайшие дни появление Антихриста. А явится он из весьма узкой зоны, в которой лежат Шотландия, Голландия, Рейнланд, Марсель или Корсика. Про Шотландию и Голландию мне неизвестно, однако французский генерал Бонапарт родом с Корсики. Про грядущего Антихриста в античных источниках сказано, что будет он непобедим на поле брани — для всех, кроме русских. В древних рукописях, конечно, нет русских, там говорится про киммерийцев, однако... В любом случае после страшных поражений генералов Жубера и Моро в Вюртемберге именно Бонапарт и есть восходящая звезда якобинцев. Он сейчас с астрономами и прочими мистиками силится разгадать тайны пирамид из Египта.

СЭР ИСААК (*хмуро*): А бедный Исаак, стало быть...

ГРАФ ШЕЛБЕРН: Я побился об заклад с самим Гершелем на сто фунтов. Вы, Исаак, под видом астронома едете сейчас же в Египет и там Бонапартия убиваете. А я получаю сто фунтов. Или он и вправду

Антихрист и убить его невозможно. (*задумчиво*) Тогда от меня сто фунтов заберет Гершель. А я буду очень, очень расстроен.

СЭР ИСААК (*растерянно*): Ну какой я астроном?

ГРАФ ШЕЛБЕРН (*ласково*): Я рад, что остальное возражений у вас не вызвало. Мы все придумали. Вы внук великого сэра Исаака Ньютона, в его честь и стали сэр Исаак. А фамилия у вас тоже Ньютон! И вы всем расскажете свои замечательные истории про то, что вы бедный и нищий еврей, и вас тоже очень интересуют загадки сфинкса и прочие тайны из пирамид! Бонапартий набрал таких чудиков целую экспедицию.

СЭР ИСААК (*с отчаянием*): А я откажусь!

ГРАФ ШЕЛБЕРН (*сурово*): Тогда, дражайший Исаак, немедля платите деньги на астрономию! И, между нами, вы тут беседуете не со старым другом, а с министром внутренних дел! А у меня в производстве дело по заговору в Шотландии. Я ясно выразился?

Натура. Осень. День. Санкт-Петербург. Михайловский замок

Кипит огромная стройка. Посреди нее весь испачканный в глине с известкой бегают государь Император. Он с удовольствием на рабочих покрикивает, подсказывает каменщикам, как правильно делать кладку, и обсуждает с десятниками, насколько прочны леса. Следом за своим повелителем по стройке идут Куракин с Кутайсовым. Они к стройке, видимо, безразличны. Вдруг у входа на стройку движение. В сторону Государя со всех ног бежит князь Юсупов. Павел то ли очень занят работой, то ли делает вид, поэтому Юсупов сперва подходит к сановникам. Кутайсов при этом демонстративно отворачивается, зато Куракин с радостью татарского князя приветствует. Тут подходит и государь император.

ПАВЕЛ (*с неприязнью*): Какими судьбами? Неужто и из Стамбула вас нынче выгнали?

Юсупов (*с видимым оживлением*): Ах, что вы, Ваше Величество! Очередная оказия! Я тут шел мимо и вдруг вспомнил, что султан давеча просил в столице узнать, куда пойдет русский флот, который вы собираете в Севастополе?

ПАВЕЛ (*с удовольствием*): Что — напугались?! Не бойсь, солдат ребенка не обидит. В Италию поплывем. Будем там бить французов!

Юсупов (*с видимым оживлением*): Какая удача! Султан будет рад, что меж нашими странами с вашим восшествием на престол сложились столь хорошие отношения. У вашей маменьки против нас были нездоровые предубеждения... Кстати о Франции. Французский генерал Бонапарт громит наши войска среди Египта, и султан желал бы его там остановить. Мы... (*осекается*) Вернее, они собирают для этого флот... Не хотели бы вы поплыть против французишек вместе?

КУТАЙСОВ (*не выдерживая*): Святой Егорий, с каких это пор мы с турками пойдем против врага плавать вместе?!

Юсупов (*вежливо*): Великий султан верит, что все наши прежние разногласия кончились с правлением вашей матушки... И он рад будет помочь великому воину и мужчине! К тому же султан помнит, как хорош на море великий Ушак-паша, и хочет, чтобы его капитаны поучились у него мастерству!

ПАВЕЛ (*задумчиво*): Султан предлагает морской союз? Весьма неожиданно... Впрочем...

КУРАКИН (*угодливо*): Чего ж думать-то? Дают — бери, бьют — беги! В кои-то веки аж турки хотят стать тебе слугами! Послушай, мин херц, даже матери твоей подобное и не снилось! Она-то все норовила приструнить турок таской, а ты возьмешь их и лаской!

ПАВЕЛ (*расплываясь в улыбке*): Как это верно! Несу я народам не меч, но — любовь! Вот видишь, Кутайсов, все меня любят! А ты, дурак, и не понял! (*Юсупову*) Правда, тут есть вопрос — за чей счет банкет? В сием походе турок кормить я не нанялся! Так что...

Юсупов (*торопливо и радостно*): Какая удача! А я как раз хотел вам сказать, что султан все траты совместного плавания берет на себя! Он всю дорогу будет оба флота кормить и даже суточные

вашим матросам оплачивать! Одно лишь условие — помогите нам выгнать Бонапартия из Египта!

ПАВЕЛ (*самодовольно*): Да это мы — в один пых! Прикажу моему Суворову, так он всех французов в Египте сожрет с кашей! Он такой...

КУТАЙСОВ (*с отчаянием*): Суворов идет маршем в Италию! Какой к черту Египет? Мы что — еще и транспорта для перевозки войск туда нынче слать будем? А откуда для того корабли взять? Весь же лес на постройку линейных кораблей с фрегатами пущен!

ПАВЕЛ (*небрежно*): А мы не сразу. Мы челночную перевозкой от одного острова да на следующий. Зайдем всю Италию, а после Сицилию, а оттуда уже и рукою подать до Африки. А там и Египет. Что ты вообще, дурак, понимаешь в международной политике?!

Натура. Осень. День. Александрия. Порт

Ослепительно жаркий день. Толчея восточного базара, крики ишаков и верблюдов. С только что подошедшего парусника, закутанный как заправский бедуин в беленую галабию, на пристань сходит сэр Исаак. На его голове странный колпак с прилепленными к нему звездами. Он такой в толпе не один, среди прочих пассажиров английского судна их еще, как минимум, трое. Как только Исаак и его спутники сходят на берег, они тут же оказываются в руках французской полиции, которая требовательно жестами указывает им путь. В конце пути под тенью навеса собралась уже целая толпа людей в штатском. Многие из них в колпаках, но кое-кто колпаки свои уже снял и бросил. По количеству брошенных колпаков можно сказать, что большинство ученых их тут побросало и куда-то уехало. Исаак покорно к толпе приближается, как вдруг видит на пристани молодого элегантно одетого человека, который размахивает табличкой, на которой написано «Sir Newton». Исаак облегченно вздыхает и к хорошо одетому человеку через толпу направляется. Однако меж молодым человеком и Исааком оказывается нечто вроде колючей изгороди. Молодой человек Исааку машет.

Бжезински (*чуть жеманясь*): Простите, не могу быть к вам ближе! Я Бжезински, мне велено вас тут встретить. Однако эти кошон, эти парвеню говорят, что ученых пускают из любых стран без досмотра, и поэтому вам нельзя встречаться со всеми прочими!

Исаак (*растерянно*): Мне сказали, что меня встретят, однако...

Бжезински (*строя глазки*): Ах, граф, какая он прелесть! А здесь такие все хамы, хамы, хамы! Фи! Но это все ненадолго. Скоро моя Польша будет Бонапартом освобождена, и тогда я покину эту ужасную жаркую и потную страну... Хи-хи-хи!

Исаак: Простите, я думал, что вы от графа...

Бжезински: Да-да, от графа Шелберна! Хи-хи! Британская разведка Его Величества — как это мило! Мне все равно, кто освободит мою родину! Работать на разведки так увлекательно! Граф написал, что вы заговорщик и пытаетесь от британской полиции спрятаться. Прятаться среди гробниц и пирамид — как романтично! Хотите, и я с вами спрячусь? Я знаю прелестную уютную пирамидку...

Исаак (*судорожно сглатывая и озираясь в поисках спасения*): Пожалуй, это все-таки лишнее...

Бжезински: А я пошутил, хи-хи. Вы не военный, а стало быть — не в моем вкусе. Да, граф писал, что вы ищете Бонапарта, который обещал вам протекцию. Так вы на днях разминулись. Он недавно со своими лучшими генералами отбыл обратно во Францию. Такой милый... Он, к сожалению, уплыл... Но обещал вернуться, хи-хи... Вы его можете обождать. Среди пирамид...

Исаак (*торопливо кивая на что-то в толпе*): Простите, всех ученых зовут. Меня ждут пирамиды и сфинксы! Прощайте!

С этими словами сэр Исаак стремительно от Бжезинского убегает. При этом он, похоже, матерится и сплевывает.

**Натура. Осень. Вечер. Санкт-Петербург.
Михайловский замок**

106

Стройка затихла. На третьем этаже посреди недостроенного дворца на табуретке перед своего рода столом

из неструганных досок, на котором кучей навалены какие-то бумаги, сидит Государь Павел и с аппетитом ужинает простой булкой, запивая ее из большой кружки, в которой плещется что-то белое. За его спиной тенями стоят Куракин с Кутайсовым. Павел с удовольствием очередной кусок булки прожевывает и говорит.

ПАВЕЛ (*небрежно*): Вот ведь как хорошо получилось! Не будь этой закавыки с солдатским клозетом, так и теряли бы мы свое время на муштре и парадах. А так пусть солдатики сами за городом ходить тренируются, а я проверю! Зато как хорошо на строительстве... Я, господа, за день так натрудился, что руки горят, ноги гудят, а в носу свербит от известки. Красота! Жаль, что замок мой скоро построится, а потом...

КУРАКИН (*угодливо*): А потом будет еще один, новый замок!

ПАВЕЛ (*одобрительно*): И то верно! Построю здесь, потом начну перестраивать мою любимую Гатчину. Все будут звать меня — Царь-строитель!

Со стороны раздается какой-то шум. Наверх к государю по лестницам без перил поднимается огромная делегация из благообразных старцев в рыцарских доспехах, вычурных ливреях и мантиях. Не доходя до Павла, посетители опускаются на колени и Павлу все кланяются. Тот оторопело посреди трапезы замирает и так и сидит с булкой в одной руке и недопитой кружкой с молоком в другой.

САВИНЬИ: Припадаем к ногам Вашего Величества и просим принять нас в России, а Вас возглавить наш орден!

ПАВЕЛ (*торопливо откладывая булку и кружку с молоком в сторону*): Подождите! Кто вы такие? Что возглавлять?

САВИНЬИ: Мы — высший приорат Мальтийского ордена, древнейшего ордена Римской церкви. Наши обители были заняты якобинцами, а земли отобраны. Нижайше просим вас возглавить наш орден и объявить крестовый поход против французов, этих нечестивцев, что разграбили наши церкви! Верните нам Мальту, Ваше Величество, и правьте нами — долго и счастливо!

КУРАКИН (*громким шепотом*): Вот она — улыбка Фортуны! Тут-то, мин герц, карта-то тебе и поперла! Утром Юсупов, а нынче эти... Весь мир тебя признает самым лучшим и сильным правителем!

ПАВЕЛ (*нервно с табуретки вскакивая и начав бегать вокруг делегации*): Погодите! Вы хотите передать мне трон, державу и скипетр Мальтийского ордена именно потому, что я — лучший?! Боже... Мне надо подумать! Это... Это же... Римская церковь сочла меня самым лучшим на свете правителем. Даже лучшим, чем моя убогая мать! Я для мальтийцев лучше, чем моя матушка! Европа считает меня идеальным правителем! Как я ждал этого...

С этими словами государь в неизвестном направлении убегает. Вслед за ним устремляются все мальтийцы с Куракиным. У дощатого стола остается Кутайсов. Он грустно садится на табурет, оставленный императором, рассеянно берет в руки надкушенную Павлом булку и его кружку с остатками молока. По тому, как кусает он булку, можно предположить, что он сильно голоден. Возможно, что за весь день на стройке они с Куракиным так и не пообедали. Кутайсов жадно жует булку, запивает ее молоком и сам с собой рассуждает.

КУТАЙСОВ: Какой странный день у нас нынче... Сперва Юсупов, а потом целый орден... (*вдруг замирает*) Стой же, ведь — нет! Все не так, как нам кажется! Не верь турку, никогда в жизни не верь! Наоборот, сперва к нам ехал орден, а их насилу обогнал турок! Точно-точно... Всю дорогу бежал и весь запыхался, а эти старые тулумбаи... (*доедает булку и хлопает себя по лбу*) А ведь все сходится. Мы плывем теперь спасать Мальту, но в нашем флоте турецких кораблей больше нашего, а транспорта и десанты у нас теперь лишь турецкие! То есть наш флот побьет лягушей, а крепость туркам достанется... И мы, выходит, для турок возьмем неприступную крепость, которую они триста лет взять пытались!

Кутайсов начинает возбужденно бегать кругами по этажу. Он что-то бормочет, сам с собою ругается, потом останавливается и про себя шепчет.

КУТАЙСОВ: Прости уж меня, Пал Петрович... Всю жизнь ты меня холил да воспитывал, а нынче назовешь, пожалуй, предателем... Однако же надобно мне об этом всем с умными людьми посоветоваться (*нервно утирает вдруг выступивший на лбу крупный пот*). Поеду-ка я в Ригу к Эльзе Паулевне. Она хоть и сука, но не допустит, чтобы мы христианскую крепость брали заради твоих хотелок для турки!

Натура. Зима. Вечер. Гиза. Пирамиды

Палаточный городок французской армии в долине пирамид. Издали слышны далекие буханья пушек. У огромной палатки разведен большой костер, в котором на жарком огне что-то в котелках и на вертелах для ученых готовится. При том что вокруг мелькают солдаты в форме, вокруг костра собрались люди штатские. Среди них выделяется сэр Исаак, который в белых бедуинских одеждах мало отличим от местных арабов. Сэр Исаак с удовольствием ковыряется деревянной ложкой в своем котелке, где явно есть что-то вкусное, и своему собеседнику приговаривает.

ИСААК: Послушайте меня, молодой человек, нас с вами не будет, наших стран, возможно, не будет, а эти пирамиды будут стоять! И то, что с ними французы вот сейчас делают, это страшное варварство! Подумать только — пристреливать свои пушки по морде сфинкса! Мой предок сэр Исаак Ньютон (а меня назвали Исааком именно в его честь!) однажды сказал: «Мы — карлики, стоящие на плечах гигантов!» А эти мужланы... они палят из пушек в самое лицо вечности. Вот что я вам скажу!

ГУМВОЛЬДТ: А я слышал, Ньютон это сказал потому, что Гук обвинил его, будто тот украл его результаты. Ньютон был высок, а Гук маленький, и рядом они смотрелись, как гигант рядом с карликом. Поэтому фраза вашего деда, что, мол, он карлик рядом с Гуком — гигантом, вызвала общий смех, и Гук был освистан. Но ваша версия мне нравится куда больше!

ДОЛОМЬЕ (*виноватым голосом*): Честно говоря, это я просил их пострелять. Я собрал великолепную коллекцию минералов, и венцом ее должны стать пробы камней, взятых из морды сфинкса. До нее

не достать, поэтому использование пушек и ядер — лучший способ получения образцов.

Фурье (*с энтузиазмом*): На самом-то деле — это замечательная задача! По столь высотным целям наши пушки еще не стреляли. Мы с Монжем, нашим главным геометром, занимались расчетами зависимости угла возвышения пушки на дальности и высоту выстрела. Редко где можно найти столь хорошо различимую и высокую цель! Стрельба по стене дома не дает такого эффекта.

Исаак (*со стоном*): Господи, послушайте себя! Что вы говорите? Это же сфинкс! Это пирамиды! Это наша с вами история! Нельзя же так! Вы же не стреляете из пушек по горгульям на Нотр-Дам! Почему же там нельзя, а здесь можно?!

Фурье (*с возмущением*): Но тут же нет никого! Пустыня кругом! А в Париже народ. Могут пострадать зеваки и прочие. И вообще... Мы тут выясняем законы природы! Мы ищем истину! Конечно, я понимаю, возможно, тут ваши предки... Но сие ваши, а не наши предки, и нам важнее наука, а не ваши религиозные мифы со сказками!

Исаак опять утыкается в свой котелок. Гумбольдт толкает его в бок.

Гумбольдт: Смотрите, что я нашел! (*показывает обломок чего-то, похожего на чернильницу*) Это была чашка для туши, которой писали на древнем папирусе. Но посмотрите на буквы! Это не иероглифы, это написано по-арамейски. А это значит, что египетский плен евреев — не сказки. Евреи некогда жили здесь, служа фараонам, — вот в этой самой долине! Я даже надеюсь, что это чернильница самого библейского писца фараона — Иосифа...

Доломье (*с интересом с другой стороны от костра*): Покажите, покажите и мне! Точно — арамейская. А мне на днях в Каире показывали совсем другой камень. В Розетте, которую местные зовут Рашидией, в ходе строительства крепости феллахи принесли большой камень, чтобы положить его в стену форта. А там были надписи на трех языках — иероглифы, на египетском и на греческом. Выяснилось, что греческая и египетская надписи совпадают! Возможно, что все три надписи — одинаковы, и тогда мы сможем прочесть иероглифы!

ФУРЬЕ (*с возбуждением*): Господа, да ведь это... Это ключ к тайнам криптографии! У меня есть теория, как, используя чисто математический метод, можно прочесть неизвестную надпись, ежели мы в целом знаем, что там написано! Идея...

Исаак встает от костра. В руках у него зажат обломок древней чернильницы. Он, спотыкаясь, идет по лагерю, затем останавливается и смотрит вверх. На черном, покрытом звездами небе на фоне огромной багровой луны виден профиль сфинкса, обезображенный французскими пушками. Исаак смотрит то на профиль сфинкса, то на обломок чернильницы в своем кулаке.

ИСААК (*еле слышно*): Спасибо тебе, Всевышний, за то, что ты дал мне силу и повод их ненавидеть... Я убью Бонапартия, когда он вернется из Франции. Я убью всех, о великий сфинкс, кто тебя изуродовал... Разве что прощу Гумбольдта. Однако же что они говорили про эту... про криптографию? Розеттский камень... Этот камень обязательно должен быть в Лондоне!

1 В

Натура. Зима. Утро. Тешин. Дорога на Вену

Пасмурно. С неба зарядами валит мокрый и липкий снег. Вокруг мало что видно. В этой сумрачной и холодной круговерти мы замечаем группу русских офицеров-разведчиков. Впереди командир лейб-егерского полка Кристофер Бенкендорф, за ним следуют его помощники Невельский и Оболенский. Впереди какое-то движение — появляется молодой князь Дмитрий Голицын, которого сопровождает Федор фон Пален.

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН: Ваше сиятельство, по вашу душу — какой-то пруссак. Сказал, что к вам лично с приветом от Эльзы Паулевны. На руке кольцо с мертвою головой — символ абвера.

КРИСТОФЕР: Проси. (*подъехавшему фон Палену-младшему*) Друзья Эльзы — мои друзья и товарищи. Что у вас?

ФОН ПАЛЕН-МЛАДШИЙ: О, герр Кристофер! Вас-то мне и нужно. У меня не послание Эльзы, а послание Эльзе. И вас оно тоже

касается. Я с конгресса в Раштатте. Там французы с австрийцами договорились поделить всю Европу. Но семья Турн-унд-Таксис упорствует... Решено их всех погубить. Это значит, что убийцы уже посланы супротив государыни Марии Федоровны и, возможно, всех ее деток...

КРИСТОФЕР (*растерянно*): Врешь! (*уже через мгновение приходя в себя*) Невель, Оболенский, слушай новый приказ! Ноги в руки и что есть сил назад домой — в Павловск. Возьмите с десятка ребят самых верных и лучших. Нашу Государыню французы с австрийцами убивать едут. А еще княжон и всех маленьких... Все ясно?

НЕВЕЛЬСКИЙ и ОБОЛЕНСКИЙ (*хором*): Так точно! Сей момент! Спасем Государыню!

ФОН ПАЛЕН-младший (*торопливо*): Передайте государыне вот это послание. (*подает письмо*) И да, договорено обо всем было в Бадене. Баден — древний враг Вюртемберга, пусть особенно опасается любых баденцев!

Павильон. Зима. Вечер. Стрельна. Бильярдная

2 в

В бильярдной так сильно накурено, что в дыму плохо видно. Кто-то играет на бильярде, кто-то что-то странно кричит в соседней комнате, как будто кого-то насилуют. На небольшом диванчике сидит цесаревич Константин. Он уже подшофе и еще пьет прямо из горлышка бутылки что-то крепкое. На лице застыло презрительно-злое выражение. К нему подсаживаются лучшие дружки — Потоцкий с Яновским.

ПОТОцкий: Что скучаем, мин херц? Ребята очередную богомолку давеча выщепили. Пойдем, может быть, позабавимся?

КОНСТАНТИН (*с усталой злобой*): Скучно, братцы... Опять же отцу кто-то про наши развлечения стуканул. Папаша сказал, если трону хоть еще одну богомолку, он самолично мне ноги вырвет. А с него станется — известный урод... Так что вы развлекайтесь, а мне нелзя. Давить и эту я уже не хочу, а раз жива будет — сможет папане пожаловаться... И тогда — амба!

Яновский: Ну так... Раз богомолка нельзя, авось жену можно? Поедем-ка в Зимний, выкрадем там твою Аньку и устроим ей брачную ночь! Мы подержим, а ты ее в любую дырку распробуешь. Она, чай, не богомолка, стало быть, ее трогать можно.

Потоцкий: И верно, мин херц! Что за дела?! Ты уже какой год женат, а жены так ни разу не пробовал. Это, пожалуй что, ненормально!

Константин (*с яростью*): Да эта саксонская пигалица и есть ненормальная! Чуть что — сразу ножом у меня перед членом размахивать! Ясное дело, что у меня все сразу — на полшестого!

Яновский (*со смехом*): Так мы ж обещали — подержим!

З В

**Павильон. Зима. Вечер. Санкт-Петербург.
Зимний дворец. Покои Александра**

В комнате уютно и тихо, где-то музыканты играют покойную музыку, Наследник Александр с меланхолическим видом из окна смотрит на темную улицу. Сзади раскрывается дверь. Входит раскрасневшаяся Нарышкина.

Нарышкина (*весело*): Дорогой, что же ты все дома да дома! А мы сейчас с Анькой так покатались с ледяной горки на саночках! Ах ты, мой бука!

Александр (*печально*): С какой такой Анькой?

Нарышкина (*весело*): Да с женой брата твоего — Константина! Она такая прикольная! Шило в жопе, не иначе. Сперва мы катались, потом играли в снежки, а затем она меня подговаривала уехать прямо сейчас в Павловск на Масленицу. Там будут чучело жечь, прыгать через костер, а еще можно флиртовать с егерями и прочее!

Александр (*холодно*): Вы тоже желаете флиртовать с егерями?

Нарышкина (*сразу сникая*): Что ты... Это все Анька, она молода, ей все не терпится. Просто в Павловске много народу, все вместе, и там вроде весело...

Александр (*сухо*): Это точно. Скоро там будет музыка, но мать ее не услышит.

НАРЫШКИНА (*растерянно*): Ты о чем?

АЛЕКСАНДР (*небрежно*): Чарторыйский давеча приходил. На ложе любви моя ему рассказала, что пришло новое известье из Бадена. Ей запрещено ехать в Павловск. Что-то там затевается.

НАРЫШКИНА (*задумчиво*): А что там? А то Анька-то туда уже намылилась. Она веселая девка, с ней гулять здорово. Чего же там ожидается?

АЛЕКСАНДР (*сухо*): У Вюртемберга и Бадена старые счеты. Баденцы давеча вкупе с французами потеряли в горах всю свою армию, а переговоры о мире с дядей Фредериком, видать, идут туго. Думаю, что его попытаются скоро убить... Это значит, что придут и за матерью. А мое наследование отцу тогда уже никто не оспорит.

НАРЫШКИНА (*с чувством*): Ты хочешь сказать, что всех там убьют?! В том числе и забавную Аньку? Алекс, сделай же что-нибудь! Анька — хорошая.

Павильон. Зима. Утро. Санкт-Петербург. Зимний дворец. Покои Александра

4 В

В большой просторной столовой завтракают Наследник Александр и жена его Елизавета Баденская. Муж и жена сидят в разных торцах длинного стола, так что расстояние меж ними не менее пяти метров, и поэтому хоть завтрак и общий, но едят они — каждый свое. В коридоре раздается ужасный шум, дверь в столовую с треском распаивается, и на пороге появляется взбешенный Константин. В руках у цесаревича пожарный топор. Он бросает топор прямо на стол.

КОНСТАНТИН (*с яростью*): Где она?! Где эта тварь?! Я сломал ее дверь, и что? Ее там не было! Где она?

АЛЕКСАНДР (*сухо и промокая губы салфеткой*): Если ты ищешь свою жену, так она поехала к нашей матери в Павловск. Там и ищи. Изволь оплатить ремонт двери.

Вместо ответа Константин с глухим рычанием выбегает из комнаты. Наследник Александр, вставая из-за стола, холодно произносит.

АЛЕКСАНДР: Отбил он мне весь аппетит. Кстати, сударыня, это хороший повод передать баденскому посланнику, что брат мой намерен отправиться в Павловск. Человек это дикий и необузданный, способен на всякое. Может руку поднять — что на юную жену, что на мать. И коль он решится на этакое — все в это сразу поверят. Кошмар...

С этими словами Наследник покидает столовую. Елизавета, принцесса баденская, пару минут сидит с разинутым ртом в совершенной растерянности. Потом вскакивает и со всех ног выбегает из комнаты.

5 В

Натура. Зима. День. Павловск. Деревянный городок

На большой площадке, расчищенной от снега и льда, разместились потешный городок Государыни. На льду речки Славянки устроен огромный каток, а в избах, срубленных некогда Кристофером, топят все печи и пекут пироги и блины. На народное гулянье собрался почти что весь двор, за вычетом разве что Императора и его ближней свиты. С огромных ледяных горок и стар и млад катаются на санках, ковриках и даже на попе, ловкие слуги подают гуляющим квас, медовуху, а то и что-то покрепче. Кругом стоят огромные самовары, и всем наливают свежий английский чай. Рядом с огромными чайниками разместился вездесущий Перец, который на весь Павловск кричит.

ПЕРЕЦ: А вот подагочки! Подходим, не стесняемся, покупаем подагочки! У нас самые лучшие — чай, кофе, крымская малиновая соль и, конечно же, — перец!

Рядом с прилавком Переца другой прилавок, за которым стоят принцесса Анна Федоровна восемнадцати лет и тринадцатилетняя Доротея фон Бенкендорф, которые тоже наперебой и вместе кричат.

Анна и Доротея: А вот кому поцелуй! Благотворительный поцелуй! Просим недорого, все деньги пойдут на похмель после Масленицы!

К девушкам подходят Салтыков с Безбородко. Салтыков, доставая откуда-то кошелек, весело спрашивает.

САЛТЫКОВ: И почему же ваш поцелуй, девицы?

АННА (*со смехом*): С тебя, дедок, фанг на желание! Поцелуй принцессы будет даден не каждому!

БЕЗБОРОДКО (*с восторгом*): Ай да озорница, ай да проказница!

ДОРОТЕЯ (*делая книксен и строя глазки учителю*): Ах, Николай Иваныч, не слушайте вы ее... Вам — все мои поцелуи задаром! Но вы же потом окажете моему человечку протекцию?

САЛТЫКОВ (*подставляя щеку Доротею*): Вот ты подлиза! Конечно, ты мне — я тебе! А что же за человечек?

ДОРОТЕЯ (*целуя и делая невинные глазки*): А я, Николай Иваныч, пока не придумала... Мне, может, по нраву, как вы целуетесь!

САЛТЫКОВ (*смущаясь и розовея*): Вот же шельма! Нашла чем поддеть старика! Вырастет же такой черт в юбке — всем нам, мужикам, на погибель! Умна, богата да из жеребьячьего рода, не девка — суший порох! Огонь!

ДОРОТЕЯ (*опять делая невинные глаза*): Да что вы... Это у нас Аня — огонь! Вот кто настоящая зажигалка!

АННА (*из-за прилавка к сановникам подбегая*): А давайте кататься с горы, да в обнимку! Будет весело!

САЛТЫКОВ (*машет руками*): Ах, увольте, увольте, я и вправду старик, мне такие веселия уже не на пользу!

БЕЗБОРОДКО (*с живостью*): Я же, пожалуй, и прокачусь. Ну, красавица, побежали на горку!?

Взявшись за руки канцлер с принцессою кататься с ледяной горы убегают. Доротея виновато гладит Салтыкова по плечу.

Доротея: Ну какой же вы старый, Николай мой Иваныч?! У вас глаза мудрые. И вообще... Седины мужчин украшают...

Салтыков (*ошеломленно*): Господи... Да кто тебя всему этому выучил?

Доротея (*пожимает плечиками*): Само получается. Другие не замечают, а я все всегда вижу. Вот Анька обидела вас ни за что, ни про что, а вы виду не подали, хоть и обиделись. Я и решила вам сделать приятное. А зачем она это сделала?

Салтыков (*с интересом*): А ведь ты, девонька, я вижу, смекалистая, однако ж пока — алмаз неграненый. Карловна ваша хороша в математике, но в женском деле понимает, как свинья в бисере. Хочешь, я из тебя истинный бриллиант выточу?

6 В

Натура. Зима. Вечер. Павловск. У забора

На Павловск быстро спускаются сумерки. За небольшой группой деревьев у железного забора павловского дворца несколько неприметных карет. Около одной из них — баденский посол в России Мартенс. Ему холодно, он то и дело греет руки и с завистью поглядывает на огромные костры деревянного городка, откуда раздается музыка и слышны веселые голоса. От забора к нему бежит тень. Это австрийский офицер по особым поручениям в России Берг. Он козыряет Мартенсу и сухо говорит.

БЕРГ: Наследник Константин со своими людьми проник на территорию Павловска.

МАРТЕНС: Это точно он? Нет ошибки? В темноте можно ведь легко спутать!

БЕРГ: Никак нет. Такого плотного и кривоногого коротышку со злым и уродливым профилем спутать сложно. Все готово. Все избы обработаны нефтяным маслом под видом покраски к празднику. Все были заняты приготовлениями — никто ничего даже не заподозрил. Наружу торчат лишь куски промасленной пакли: все вспыхнет сразу — как порох! Нужен приказ.

МАРТЕНС (*крестьясь*): Ну, с богом! Гори, гори ясно, чтобы не погасло! И да... Не забудьте напасть на Наследника Константина, на нем должны остаться ожоги, копоть и следы масла!

Натура. Зима. Ночь. Павловск. Деревянный городок

7 в

Вокруг огромного костра толпится народ. Все пляшут и поют народные немецкие песни. Веселье возглавляет сама Государыня, которая подпрыгивает со всеми в такт песне и весело размахивает большой кружкой с пивом. Возле нее царедворцы.

БЕЗБОРОДКО (*от пляски весь запыхавшийся*): Ох, батюшки святы, совсем утомили меня! Ваше Величество, не пора ли вам уже идти отдыхать? Все ж годы...

МАРИЯ (*счастливым голосом*): Ну уж нет! Кристер мой ушел на войну, а без него плясать мне невместно. Однако ж в честь праздника! Детей всех отправили спать, остались мы — одни старики! А какие уж наши годы! Может, в последний раз!

САЛТЫКОВ: Какой-то странный стих напал на вас, Ваше Величество! Спляшем еще, ведь впереди много праздников!

Вдруг отчаянные крики: «Смотрите, смотрите, избы горят!» и «Вот он бежит, вот он, ловите его!» Деревянный городок весь озаряется алым пламенем. В его грозных отсветах видна шатающаяся фигурка убегающего человека. Он маленького роста, плотен и кривоног. Полушубок на нем пылает, причем странным пятном, будто на человека плеснули маслом и подожгли. В толпе страшный крик: «Это же Константин! Константин Павлович! Что он тут делает?» И тут раздается страшный крик Государыни.

МАРИЯ: Избы горят! Там мои деточки!

Толпа бросается к горящим избам. Однако дверь в самую большую «царскую» избу заперта. Кто-то дергает ручку, но та не поддается. Вдруг одно из оконцев избы с треском вылетает изнутри, и оттуда басом кричит Карловна.

КАРЛОВНА: Принимайте княжон! Девочек ловите, ироды!

Из окна пылающей избы огромная Карловна начинает выбрасывать девочек. Их в толпе ловят на руки, сперва из окна выталкивают всех младших, потом Карловна начинает помогать вылезать княгиням постарше. Огонь же полыхает в избе все сильнее, все жарче, и по всему видно, что сама Карловна слишком крупная и в маленькое окошко не вылезет. Она же выталкивает и выталкивает на улицу девиц и мальчишек, а потом кричит: «Вроде все!» и «Топор, топор дайте!» Как раз в этот миг дверь в избу наконец взламывают, и в горящий дом бежит Безбородко. Изба полыхает уже, как большая свеча. Наконец, Безбородко с Карловной на плече из дома показывается. Одежда на обоих горит, и как только канцлер свою старую куму из дома вытаскивает, изба с огромным снопом искр к небу за ними рушится. Безбородко падает в изнеможении, а на него падает Карловна. Их одежду начинают тушить. Кто-то бежит с нюхательными солями, Мария Федоровна над своими обожженными и перепуганными дочерьми и сыновьями кудахчет, кто-то бежит и приказывает сыскать и поймать Константина. Кто-то Карловну и Безбородку откачивает. Затем слышен натужный кашель, и могучая Карловна, перхая, садится и хрипло шепчет.

КАРЛОВНА (Безбородке): Спас ты меня, милый кум... Я ты, Ляксандр, отныне до смерти водкою за мой счет поить буду. Слышь, Ляксандр, спасибо... Ты чего?

САЛТЫКОВ (стоя на коленях рядом с Безбородкою, хрипло): Тише, Карловна... Тише... Помер казак. Старый был — сердце не выдержало... А был казак — до последнего...

Павильон. Весна. Утро. Санкт-Петербург. Зимний дворец. Тронная зала

По коридору Зимнего дворца идет Государь Император со своей свитой. Вокруг — траурные ленты. Многие в свите

Государя, включая самого Павла, в черном. Лицо Павла напряжено и мрачно. Он сухо спрашивает

ПАВЕЛ: Что известно о преступлении?

ФОН ПАЛЕН: В окрестностях Павловска были задержаны две кареты с гербами Бадена. Слуги в Павловске опознали среди пойманных тех, кто готовил «царскую избу» в деревянном городке к празднику. Все думали, что они красят, а они земляным маслом снаружи бревна пропитывали. Как только мы это выяснили, к арестованным были применены особые меры воздействия. Это помогло выявить, что во главе заговора стоял баденский посланник Мартенс. При аресте он пытался бежать и был убит.

ПАВЕЛ (*с отчаянием*): Черт! Такая нитка оборвана. А кто не уследил?

ФОН ПАЛЕН: Была большая охота, и нам помогали союзники. Его почти догнали австрийцы, но он упал с лошади, сломал шею и его затоптали австрийские конники. Баден воевал давеча против Австрии, наши союзники были весьма злы на него...

ПАВЕЛ (*с досадой*): Ну как, как можно быть столь тупыми и глупыми?! Нарочно же затоптали ведь, черти! А мы теперь правды не вызнаем.

ФОН ПАЛЕН: Из показаний задержанных баденцев следует, что им велели сжечь именно Государыню. Окно, через которое можно было спастись, очень узко, а Мария Федоровна... слишком в теле. На это и был весь расчет. В сумерках они спутали ее с гувернанткой Шарлоттою Карловной. Баронесса фон Ливен — крепка, несмотря на ужасные ожоги, она сумела из огня выбраться. У Государыни же не было никаких шансов...

ПАВЕЛ (*с восхищением*): Вот везуча же моя пышка! (*с горечью*) Ну почему ей всегда и вечно везет, а мне — нет?!

Павел со свитой входит в Тронную залу. Там на возвышении стоит черный гроб, в котором виден профиль старого Безбородко. У гроба стоят Мария Федоровна и монументальная Карловна, причем Государыня держит ее за руку. Лицо Карловны искажено ненавистью, вся она бинтами,

видимо, перевязана, так как они частями заметны, а местами на ней очень странно одежда горбится. За двумя женщинами скопилась вся свита Марии Федоровны. Лица у людей строгие и печальные. В другом конце зала точно так же скопилась свита Наследника Александра, во главе которой стоит сам Наследник. Елизаветы Баденской рядом с ним нет. Павел быстро выходит в центр залы.

ПАВЕЛ (*торжественно*): Господа, сегодня мы собрались, чтобы поблагодарить нашу Шарлотту Карловну — за ее героизм. Баронесса спасала всех великих княжон и князей, рискуя своей собственной жизнью, и за это мы даруем ей титул великой княгини и права принцессы крови, с правом передавать эти титулы по наследству! Поздравим!

От всех трех свит раздаются нестройные голоса, которые вдруг прерываются сухим покашливанием Карловны. Баронесса, а теперь и великая княгиня, продолжая смотреть на царя с явной ненавистью, спрашивает.

КАРЛОВНА: Это — спасибо. А преступника карать когда будем?

ПАВЕЛ (*небрежно*): Мною проведено следствие. Доказано, что заговор сей — дело рук баденского посланника Мартенса. Однако преступник погиб, а из причин политических мы не станем его деяние афишировать...

КАРЛОВНА (*грубо прерывая царя*): Это я поняла. Нашли козла отпущения. Что будет с настоящим преступником?

ПАВЕЛ (*делая вид, что не заметил неуважения и сияясь улыбнуться*): Не понимаю, о чем идет речь...

КАРЛОВНА (*хрипло*): Все то ты понял... Пойдем, Машенька, тута правды нам не сыскать!

Даже не спрашивая разрешения у Императора, великая княгиня фон Ливен и Государыня, так и держась друг с другом за руки, поворачиваются и идут прочь из залы. За ними начинает уходить и большая часть свиты Ее Величества. Лишь Салтыков на миг остается.

САЛТЫКОВ (с сомнением): Ваше Величество, Государыня меня потом спросит... Нельзя стране оставаться без канцлера. Кого вы назначите по международным делам на место Александра Андреича?

Павел слишком ошеломлен поведением Государыни с Карловной, чтобы на это ответить. Он стоит багровый от ярости, пытается что-то сказать, но слова у него, похоже, застряли в горле, и он только руками размахивает. Наконец царю удается выдохнуть, и он вслед уходящим кричит.

ПАВЕЛ (с отчаянием): Мой сын... Ни при чем! Он был там случайно! А то, что его схватили с топором и удавкой на руках, а на лошади его был пыточный инструмент — это все совпадение! Он... Он бы не посмел убить свою мать! Он же — мой сын!

Оставшиеся люди из свит угрюмо смотрят на Императора, и по их глазам ясно, что они ему не верят. Павел начинает озираться по сторонам, долго смотрит на Салтыкова, потом на фон Палена, затем на Кутайсова и, наконец, на Куракина. Затем говорит.

ПАВЕЛ (решительно): Мой новый канцлер — Александр Куракин. (Кутайсову) Прости, Вань, уж больно ты худороден, да рылом не вышел! (Фон Палену) А тебя, тезка, я еще плохо знаю. (Салтыкову) И Сашка никогда не порол меня розгой!

С этими словами Государь стремительно выбегает из залы. Вслед за ним несетя счастливый Куракин, а за ним и прочая свита. Наследник Александр изображает рукой отставленным претендентам приветствие и выходит в другую дверь, а за ним залу покидает и его свита. Фон Пален тоже щелкает сапогами перед Салтыковым с Кутайсовым, отворачивается и начинает отдавать слугам распоряжения насчет похорон. Салтыков мерит взглядом раздавленного Кутайсова, ловко берет того под руку и говорит.

САЛТЫКОВ: Ну что ж, Иван Палыч, не нужны мы с тобой никому... Старые учитель да камердинер — кому от нас с тобой прок? А пойдемка, Палыч, да выпьем на помин души нашего Александра Андреича! Карловна нынче пышные поминки устраивает.

КУТАЙСОВ (*встряхиваясь*): И то правда. Надобно пойти и поздравить Карловну, а то все вышло скомканно.

9 в

Павильон. Весна. Вечер. Павловск. Трапезная

За небольшим столом в полуподвальной трапезной для слуг Павловского дворца сидят трое: Карловна, Салтыков и Кутайсов. Мужчины уже захмелели, а Карловна будто и не пила. И это при том, что наливает она себе больше, чем мужикам, пьет водку залпом и по сути ее не закусывает. Лицо Карловны искажено злобой, и она со все большею неприязнью смотрит на своих собутыльников. Однако по мере того как идет разговор, лицо ее то и дело разглаживается. Тогда княгиня встает, подходит к окну, из которого видны дымящиеся головешки деревянного городка, и лицо ее злобой опять перекашивает. Откуда-то сверху из большой столовой доносится шум. Видимо, и там происходят поминки. Затем кто-то спускается сверху по лестнице. Появляются Невельский с Оболенским. Карловна прямо преобразается. Она бросается к офицерам и разве что не причитает.

КАРЛОВНА: Есть Господь, истинно вам говорю. Я ему так молилась, так плакала! Услыхал, услышал меня всевышний! Откуда вы, мальчики?!

НЕВЕЛЬСКИЙ: Разведка Кристофер Карловичу донесла, что готовится злодеяние супротив Государыни. Ну он-то нас и послал.

ОБОЛЕНСКИЙ: Мы спешили, загнали кучу коней, однако ж... Поздно выехали. Вы простите уж нас, Шарлотта Карловна...

КАРЛОВНА: Да полно, полно, ребятки! У Господа на всех на нас есть свой Промысел. Раз вы сегодня к нам добрались, стало быть — такова его Воля. А я-то уж опасалась, что одной мне идти... На этих-то (*кивает в сторону Салтыкова с Кутайсовым*) надежи никакой... А к вам, мальчики, у меня дело есть.

НЕВЕЛЬСКИЙ: Какое дело? Для тебя, Карловна, мы — зараз!

КАРЛОВНА (*отзывая егерей в уголок и вполголоса*): Слышали что ль — кто преступник?

Оболенский (*осторожно*): Разное кругом говорят. Кто шепчет, что был это баденский заговор и вроде бы даже задержали юную княгиню Голицыну. Якобы она записки носила от Елизаветы Алексеевны в баденское посольство. Только у нас с Баденом мир, и опять же их принцесса — наша будущая царица... Посему это — тайна.

Невельский: А еще говорят, что на месте изловили цесаревича Константина. У того были на руках топор и удавка, и божился он, что шел убивать свою жену — Анну Федоровну. А полушубок у него обгорел...

Карловна (*хрипло*): А теперь включайте-ка голову! Какое преступление столь жутко, что в оправдание говорят, что лишь жену хотел порешить? Что страшней этого?

Офицеры меж собой переглядываются и даже не сговариваясь оба крестятся. Затем Оболенский дрогнувшим голосом шепчет.

Оболенский: Преступник готов всем сказать, что хотел жену удавить, ежели на деле...

Невельский (*хрипло*): Он родную мать пытался сжечь заживо!

Карловна: Смекаете, мальчишки... Так я думаю, что за такое должно платить равной мерой! Я завтра к вечеру еду в Стрельну. Беру с собой бочку масла — убийце моего Феденьки, значит, в подарок. Да одной-то мне неподручно. А-то айда со мной, а?

Оболенский (*с живостью*): А что, мне в Стрельне нравится! Возьмем с собой, Невель, удочки. Нас спросят — куда да зачем, а мы — да так просто, рыбку ловить!

Невельский (*решительно*): Хорошо. Я ледорубы возьму. А то рыба-то нынче верткая. А коль ее по балде пешней — так сразу можно на костер и поджарить!

Натура. Весна. Ночь. Стрельна. У причалов

10 в

У причалов дворца в Стрельне движение. В ночной темноте по серому ноздреватому снегу неслышно движутся к дворцу

тени в белом. За ними на небольшом отдалении ковыляет могучая Карловна. Ей, видно, тяжело и больно идти, мешают повязки на ожогах, но она все равно упорно идет по берегу вверх — к вырастающему из темноты дворцу. Одна из теней в белом около нее задерживается. Невельский еле слышно бормочет.

НЕВЕЛЬСКИЙ: Ты побереги себя, Карловна. Охраны на улице нет, а во дворце все перепились. Может, мы сами? Не женское оно дело...

КАРЛОВНА (ожесточенно): Самое что ни на есть женское. За Федьку мово — за расчетом пришла. И Бог мне судья!

НЕВЕЛЬСКИЙ: Ну хорошо... Мы подготовим там все... Ты в грязь не лезь, а то ожоги твои загнойтся. Иди в своем ритме. Ну давай — потихонечку...

Белая тень тает в ночи. Карловна упорно идет вверх по вязкому, хлюпающему под ногой снегу. Дворец нависает над нею черной громадой. Наконец она подходит к какой-то двери. Дверь снаружи уже заложена большим брусом и завалена хворостом. По снегу видно, что все это щедро полито маслом. Карловна по-хозяйски проверяет, хорошо ли забит в двери брус, и прислушивается. Из-за двери слышны пьяные крики и пение. Карловна еще раз любовно гладит рукой большой брус, достает из кармана кремень и огниво и начинает высекать искры. Хворост почти сразу весь вспыхивает. Карловна размашисто крестится, утирает выступившую слезу, смачно плюет и хрипло бормочет.

КАРЛОВНА: Ну... Погрейтесь тут, ироды! За Александра Андреича! И за Феденьку!

Павильон. Весна. Вечер. Лондон. Парламент. Комната отдыха

В комнате отдыха многолюдно. Парламентарии пьют что-то из широких бокалов, курят и шутят. Душа компании — премьер-министр Уильям Питт. Он сегодня в ударе.

Вдруг в комнату входит министр внутренних дел граф Шелберн. Он делает знак Питту, и они отходят от прочих чуть в сторону. Шелберн что-то Питту докладывает. Тот издает громкий возглас.

ПИТТ: Святой Господь и угодники! Русские вступают в порочный альянс вместе с персами, чтобы через тех выкупить французские колонии в Индии! Господа, что нам делать?!

ГРАФ РОЧБЕРИ: О каких колониях идет речь?

ГРАФ ШЕЛБЕРН: Точно известно про Майсур и Маэ.

ГРАФ РОЧБЕРИ: Так натравите на Майсур и Маэ нашу восходящую звезду — юного Уэлсли! Никто не сможет продать врагу то, что уже нами захвачено!

Шум в комнате. «Да верно! Давайте пошлем туда Уэлсли! После него камня на камне там не останется!»

Павильон. Весна. День. Вена. Шенбрунн. Кабинет Кауница

2 г

За столом в кабинете сидит председатель вестфальской коллегии Священной Римской Империи Клеменс фон Меттерних. Это худощавый молодой человек двадцати пяти лет. За его спиной висит огромный портрет прежнего канцлера империи — фон Кауница, тестя фон Меттерниха. Весь кабинет носит на себе следы присутствия прежнего канцлера, который умер буквально пару лет назад и успел передать дела зятю. Меттерних внимательно читает какие-то бумаги и делает пометки в своем блокноте. Раздается стук в дверь. Меттерних, не глядя, звонит в колокольчик, дверь открывается, и входит уже известный нам Берг. Меттерних вопросительно смотрит на своего особого порученца.

БЕРГ: Возможно, вы уже знаете новости. В России — провал. Люди Мартенса пойманы.

Меттерних вместо ответа лишь поджимает губы, откидывается в своем кресле назад и задумывается. Затем сухо спрашивает.

МЕТТЕРНИХ: Все выложил?

БЕРГ: Никак нет. Я успел раньше русских. Объяснил все нашу враждой с Баденом.

МЕТТЕРНИХ (*с легкой улыбкой*): А я не зря тебя среди прочих сразу же выделил... Что русские?

БЕРГ: Князь Юсупов по секрету сказал, что им откуда-то пришли сведения, будто мы в Раштате договорились с французами. И ценой была голова Государыни. Царь этому не поверил и сам едет сюда обсудить это все с императором Францем...

МЕТТЕРНИХ (*с презрением*): Один дебил едет к другому дебилу — поделиться умными мыслями... (*задумчиво и будто бы про себя*) Однако Франц может затеять и следствие. У русских до хрена денег, купят продажного лягушатника, а там в договорах — моя подпись. Неаккуратно...

Меттерних медленно поднимается из-за стола. Подходит к шкафу с напитками и наливает себе из графинчика. Затем в такой же бокал наливает и Бергу. Предлагая бокал своему офицеру, как будто случайно спрашивает.

МЕТТЕРНИХ: В последнее время у меня от перенапряжения странное чувство, будто я проговариваю мои мысли вслух. Вы ничего случайно не слышали?

БЕРГ (*залпом выпивая бокал и возвращая его Меттерниху*): Никак нет, экселенц! Разрешите идти?

МЕТТЕРНИХ: Разумеется. По возвращении, капитан Берг, вас ждет новое звание.

Берг отдает честь и строевым шагом выходит из кабинета. Меттерних возвращается к своему столу и опять начинает читать. К бокалу, для себя налитому, он так и не притронулся.

Натура. Весна. Вечер. Раштатт. У моста через Рейн

3 г

Смеркается. По дороге во Францию идет карета с французскими символами. Вдруг ей наперерез выезжают несколько конных. Старший из них, в котором мы узнаем Берга, размахивая каким-то документом, кричит.

БЕРГ: Тпру! Стой! Кто такие и почему на землях Священной Империи? У нас война с Францией!

БЮВЬЕ (*из кареты выглядывая*): Я Клод Бювье, старший дипломат на конгрессе в Раштатте! Сегодня после обеда вдруг пришла весть, что переговоры закончены, что у нас снова война, и нам приказали немедленно убираться во Францию.

БЕРГ (*с интересом*): И сколько вам было дано на все сборы?

БЮВЬЕ (*растерянно*): До конца дня! Но у нас столько документов, а сказали нам только лишь за обедом. Да вот же граница, сударь!

БЕРГ (*с преувеличенным интересом посмотрев на закат и пограничные столбы*): А я вижу, что день уже кончился, и вы не дипломаты уже, а шпионы и соглядатаи. Кончайте их, братцы!

Австрийцы внезапно выхватывают сабли и на французоз бросаются. Дипломаты ехали безоружными, и австрийцы их сразу рубят в капусту. Берг же, прыгнув с лошади, пробирается по окровавленным телам в дипломатическую карету, роется в бумагах убитых, выхватывает оттуда некий чемоданчик и приказывает своим людям.

БЕРГ: В их карете полно разных бумаг. Все они должны быть переданы нашему государю. Все — я проверю! Карету после этого сжечь!

Австрийцы начинают копаться в вещах дипломатов, Берг же ловко пристраивает чемоданчик к луке своего седла, осторожно оглядывается и растворяется в сумерках.

Павильон. Весна. Вечер. Рига. Дом Эльзы

4 г

Эльза опять сидит в своем кабинете и сверяет в картотеке какие-то записи. Легкий стук в дверь, в комнате

появляется служанка Кирстен. На ней уже офицерская форма поручика местного вермахта. Кирстен что-то докладывает хозяйке вполголоса. На лице Эльзы появляется изумленное выражение, однако она тут же повелительно Кирстен кивает. Та выбегает из кабинета, и через миг в комнату заходит Барклай.

ЭЛЬЗА (*радушно*): Нежданно-негаданно! Какими судьбами? Дума-ла, вы так и квартирьерствуете в Италии.

БАРКЛАЙ (*смущенно*): Дела политические... Деловые знакомства помогли мне получить фавор при дворе Виндзоров. Нынче я еду к нашему Государю с настоятельным предложением от англичан — сделать Суворова главнокомандующим... На это англичан уговорил Воронцов...

ЭЛЬЗА (*с интересом*): Вечный изгнанник? А теперь и враг Павла! Занятно. Слыхали последние новости? Цесаревича Константина сожгли вместе со всей его Стрельной. К сожалению, сам подонок живуч и насилу вместе с Яновским из огня выбрался. А дружок его Потоцкий сгорел. Да, сгорел, крики его долетали аж до Варлаамовой пустыни, а там монахи с прихожанками за это свечи затеплили...

БАРКЛАЙ (*смущенно*): Порою не уловлю, в чем тут суть?

ЭЛЬЗА (*небрежно*): Много кто хотел бы сжечь Константина. Его на пожаре в Павловске видели. Павел все отрицает, но многие верят, что цесаревич желал сжечь заживо свою мать. Опять же, обиды монахам из святой пустыни.

БАРКЛАЙ: Да он с ума сошел — ставить против себя и царицу, и церковь! Ему надо бежать!

ЭЛЬЗА (*с усмешкой*): Объявлено, что Константин с женой, Государь и царевна Александра едут в Вену выдавать замуж Александру за одного из младших сыновей императора. Идет слух, что ни Костик, ни жена его уже назад не вернутся. Так что торопитесь — чуть-чуть, и вы Павла в России уже не застанете.

БАРКЛАЙ (*чуть помявшись*): Я бы поторопился, да дело у меня к вам... Государственной важности.

ЭЛЬЗА (*сухо*): Внимательно слушаю.

БАРКЛАЙ (*еле слышно*): Не знаю, с чего начать... Вы знаете, что отчество у меня всегда было Богданович? Из него следует, что мой отец неизвестен.

ЭЛЬЗА: Предполагалось, что отец ваш Барклай.

БАРКЛАЙ (*закусив губу*): Я в Италии был во Фраскатти. В гостях у кардинала Бенедикта Генриха Стюарта, последнего в роду Стюартов. Он мне предъявил документы... В дни моего зачатия реальный Барклай был в Антверпене, а в Ревель под именем Барклая приезжал его брат — юный принц Чарли. Он приезжал просить в долг у евреев, и это считалось ужаснейшей тайной. У дяди моего кардинала есть все доказательства, что я мог бы стать — король Англии.

ЭЛЬЗА (*внимательно вглядываясь в лицо собеседника*): Мои поздравления. Вы хотите, чтобы я помогла вам взойти на английский престол?

БАРКЛАЙ (*виновато*): Вовсе нет. Там — иная коллизия. По дядиным словам, я пришел к нему слишком поздно. Он уже подписался под совсем иною аферой. Англичане за это будут пожизненно платить ему содержание. Он передал права генерала иезуитского ордена...

ЭЛЬЗА (*деловито*): Кому?

БАРКЛАЙ (*растерянно*): Вы не поверите — нашему наставнику иезуитского колледжа Эзель Абвершуле — аббату Николя. В обмен тот рассказал ему план, как Стюартам вернуть корону, Британии править миром, а католикам — всей Британией. Ведь сам Николя — англичанин по матери.

ЭЛЬЗА (*с интересом*): Я вас внимательно слушаю.

БАРКЛАЙ: Суть в том, что Стюарты не погибли. Они по-прежнему правят Моденой, Савойей и, самое важное, Баварией. А главное желание немцев — это объединенье Германии.

ЭЛЬЗА (*задумчиво*): Да, это так. Я сама по молодости готова была отдать свою жизнь ради этого.

БАРКЛАЙ: Однако все думают, что Германию может объединить или Пруссия, или Австрия. В то же время в Пруссии нынче правят люди, мягко говоря, странные. Они объявили свой «вечный нейтралитет» против Франции. Вся Германия, которую французы нынче насилуют, зовет их не иначе как предатели! Австрийцы — те еще сволочи, и у Николая есть доказательства, что именно они устроили всю французскую революцию, просто та пошла вовсе не так, как они думали. То есть ни Пруссия, ни Австрия сегодня не смеют встать во главе прочих немцев.

ЭЛЬЗА (*откидываясь на спинку кресла и начав грызть кончик пера, которым она делала записи*): Согласна. У Николая хороший анализ...

БАРКЛАЙ: А дальше Николай сказал Бенедикту вот что. Нынче весь северо-запад Германии под Англией, в смысле под Виндзорами, ибо они владеют Ганновером. А юго-запад — под Стюартами, ибо те владеют Баварией. Если Виндзоры и Стюарты примирятся и переженятся, то их семья будет править и Англией, и Шотландией, и Ирландией, и всюю западную Германией.

ЭЛЬЗА (*требовательно и запретительно машет рукой*): Стоп-стоп-стоп! Это невозможно, потому что этого не может быть никогда. В Англии есть законы, по которым они не могут ни делать королями католиков, ни жениться на католичках. Закон принят был именно против Стюартов, которые правят католическими Моденой, Савойей и, конечно, Баварией! Я ошибаюсь?

БАРКЛАЙ: Вотсе нет. Однако Николай пошел дальше. У него есть на примете дельный генерал из ирландских католиков, способный побить всех на свете. Если именно он остановит французов, англичанам придется смириться с тем, что он при этом — католик. Под него сделано ирландское движение «Восхождение», целью которого станет получение в стране равных прав для католиков. Когда они победят, а они победят, ибо против них безумный вампир, страна становится католической. Возможен брак меж Виндзором и Стюартом, и Англия тут же расширяется на половину Германии, а возможно, что и поглощает Германию.

ЭЛЬЗА (*задумчиво*): А иезуитский орден получает приют и возможность управлять самой сильной и могущественной страной мира...

Я понимаю, за что Стюарт сделал Николая главой ордена. Но при чем же здесь вы?

Барклай (*еле слышно*): Меня же дядя — как Стюарта — прочит в управители Российской Империи, вассала Британии. Британии католической. Меня при этом он даже не спрашивает. Я решил сообщить обо всем этом вам первой.

Эльза (*в глазах которой загораются бесовские искорки*): А вы соглашайтесь, мой друг, соглашайтесь! Я дам верных слуг, которые, если что, вам помогут. Ведь это так занимательно... Мой лучший друг, и вдруг оказывается — почти английский король! Я вам даже больше скажу — вы дружите с ними, заводите побольше знакомств. Авось вам не только роль их сатрапа достанется, а хлеще того — мы через ваши связи получим для вас трон Британии!

Натура. Весна. Вечер. Ревель. Гетто

5 г

По брусчатой мостовой старого города едет карета. У ворот старого кладбища она останавливается, и из нее выходит Барклай. Куратор русской таможни небрежно кивает служителю в пейсах и ермолке, и тот, услужливо сгибаясь и гремя ключами, торопливо бежит перед важным гостем — ему путь к могилам указывая. Однако рядом с фамильным склепом Толей кто-то стоит. Барклай с раздражением и недоумением смотрит на пришельца, а тот радостно размахивает в ответ флотской треуголкой.

Адам Иоганн фон Крузенштерн: Ба! А я думал, ты в Питере!

Барклай недоверчиво смотрит на своего двоюродного кузена (их покойные матери были родными сестрами), который облачен в форму старшего офицера морского флота. С тою важной деталью, что форма у Адама Иоганна не русская, а британская.

Барклай: А ты откуда здесь взялся? Я думал, верно служишь Его Величеству, помогаешь ему Тритона гонять...

КРУЗЕНШТЕРН: Да ладно тебе! Ты же про Фридрихсгам, верно, слышал?

БАРКЛАЙ: Ну да... Посреди, по сути, выигранной войны флот наш, под командой Нассау-Зигена, сунулся в шведскую бухту и весь полег. Не на чем стало плыть в Швецию. Но когда это было? Сколько воды утекло...

КРУЗЕНШТЕРН: Не скажи... Государыня была тогда столь раздосадована, что велела отныне иноземцам под команду наш флот не давать! А раз новых флотских у нее для открытых морей не было, так и приказали нам со товарищи отправляться служить на флоте британском. Чтобы, так сказать, получить науку из первых рук. Вот и я шесть лет верой и правдой служил Его Британскому Величеству — будь он не ладен!

БАРКЛАЙ: И что ж теперь изменилось-то?

КРУЗЕНШТЕРН: Так теперь мы — союзники. Говорят, англичане столь в этом всем были заинтересованы, что даже просят, чтобы наш Суворов был общим командующим. А соответственно, всех нас, русских, Адмиралтейство приказало вернуть в Россию. Чтоб меж нашим и британским флотом на море было взаимное понимание. Только у нас решили, что все мы — засланные казачки... И вот я без корабля и на суше!

БАРКЛАЙ: Как интересно... То есть британцы вас выучили, вернули России, а у нас вас теперь брать не хотят, потому что британскими шпионами думают.

КРУЗЕНШТЕРН: Ну да! Как-то так...

БАРКЛАЙ (*после небольшого раздумья*): Послушай-ка, кузен... А есть ли у тебя опыт командования в открытом море?

КРУЗЕНШТЕРН (*с гордостью*): Два самостоятельных плавания. (*чуть тушуясь*) Конечно, на малом шлюпе... (*опять загораясь*) Зато в Африку. Из Портсмута в Португальскую Гвинею! Опыт морского боя с французами в Бискайском заливе. Их было пять, мы одни!

БАРКЛАЙ (*ошарашенно*): Неужто всех потопил?

КРУЗЕНШТЕРН (*небрежно*): Будь я на линейном — точно бы потопил. Но у них два линейных и три фрегата, а у нас шлюп на десять пушек... В общем, не догнали они меня. (*с гордостью*) Потому что мы по парусам им бац-бац, дым поставили — и вжук! Только они нас и видели.

БАРКЛАЙ (*со смехом*): Да ты, кузен, герой! А не хочешь ли ты поработать в торговом флоте? Например, капитаном нашей Рижско-Дунайской компании. Мы расширяем наш бизнес. Как насчет путешествия из Петербурга, скажем... до Пондишери. Это французская Индия.

КРУЗЕНШТЕРН (*задумчиво*): Да я и рад бы... Только чтобы доплыть в те края... В России кораблей таких нет. У нас не строят. Нужно в Британии закупать...

БАРКЛАЙ (*заговорщицки*): Ну так... вот и купи! Компания у нас богатая — средства выделим...

КРУЗЕНШТЕРН (*загораясь*): А что? Да я — только «за»!

БАРКЛАЙ: Вот и ладно. А пока я тебя к нам в компанию оформлять буду, ты напиши-ка запрос на высочайшее имя. Мол, кушать не могу — страсть как хочу сплавать в Индию!

Павильон. Весна. Утро. Рига. Дом Эльзы

6 г

Эльза в своем кабинете за конторкою что-то пишет. Раздается тревожный стук в дверь. Эльза приказывает заходить, и в комнате появляется запыхавшаяся, красная Кирстен. Девушка явно возбуждена и взволнована.

КИРСТЕН: Только что пришел корабль из Англии. Сообщение от Семена Воронцова — срочно! Было внеплановое заседание парламента, на котором принято решение отдать приказ командующему британским экспедиционным корпусом в Индии Артуру Уэлсли любой ценой взять Майсур! Или иначе его якобы возьмут русские! Семена Романовича теперь поэтому трясут там как грушу! Он просит совета, что отвечать — вправду ли мы хотим воевать против Индии?

ЭЛЬЗА (*сухо*): Какие-то глупости... Возможно, очередная причуда нашего императора. Это — ответ.

Кирстен пулей вылетает из комнаты. Эльза подходит к конторке и достает чистый лист. На нем она пишет список: «Эльза, Барклай, Федор фон Пален, Иоганн фон Рапп, аббат Николя». Затем имя аббата Николя она обводит кружком и ставит восклицательный знак. Далее она берет чистые листы бумаги и пишет на каждом.

1. Аббат Николя — !!!

2. Барклай — английский король для России по версии последнего Стюарта.

(немного подумав, приписывает на этом листке) Какой бред! (а затем) Барклай — прагматик и циник, но вдруг при вести о том, что он сын короля у него крышу снесет??? *(и дальше) Выяснить!*

3. Федор фон Пален — слишком молод и очень любит своего отца. *(по недолгому размышлению) Хочет ли он своего отца нарочно подставить???* Узнать про отношения в доме фон Паленов!

4. Иоганн фон Рапп — застрял в Персии, возвращение невозможно? *(и затем) Ему-то какой смысл?*

5. Я.

Эльза невольно усмехается и свое имя из списка вычеркивает. Затем так же вычеркивает фон Раппа и, после небольшого колебания, фон Палена. После этого на столе у Эльзы остается лишь два листка. Она несколько раз ходит по кругу, трет виски — на лице ее видно страдание. Наконец, подойдя снова к столу, она пишет:

Больше и дольше всех с Николя была «дама в черном». Так почему она отдала свой архив случайному мальчику, а не своему духовнику, который тоже был рядом? Ведь и он тоже должен был его мне передать! Или нет???

Вскакивает и начинает звонить в колокольчик. У вбежавшего офицера спрашивает.

ЭЛЬЗА: Кирстен вернулась из порта? *(получив утвердительный кивок)* Пусть соберет мои вещи. Мы немедленно едем в Санкт-Петербург!

Натура. Весна. Вечер. Дорога из Павловска

В дорогой и удобной карете из столицы ко двору в Павловске едет министр образования Салтыков. Дорога дальняя, министр устал и клюет носом. Вдруг карета резко останавливается. Салтыков сразу же просыпается и выглядывает в окно. На полутемной дороге странные фигуры в черном. Офицер машет Салтыкову, чтобы тот раскрыл дверь. При этом сверху шум, похоже, что кто-то не слишком любезно сгоняет с кареты кучера и охрану с запяток. Салтыков сильно бледнеет, однако изображает на лице вежливую улыбку и дверцу кареты распахивает. В карету тут же садится офицер в черном плаще. Когда он плащ отбрасывает, мы видим Эльзу. Изумленный Салтыков хочет что-то сказать, но Эльза тут же прикладывает палец к губам и говорит.

ЭЛЬЗА (*очень тихо*): Прошу вас, потише! Я здесь вне закона. По приказу Павла меня должно арестовать, как только я пересеку границы Прибалтики.

САЛТЫКОВ (*с изумлением*): Но почему? Как? Зачем подвергать себя подобной опасности?!

ЭЛЬЗА (*сухо*): Вы рисковали в свое время всем — когда в Ригу прибыли. Однако это было ради интересов Империи. Теперь пришла моя очередь. После смерти Александра Андреича вы последний глас разума при дворе, и обратиться мне более не к кому.

САЛТЫКОВ (*розовея щечками со смущением*): Да что вы, Эльза Паулевна! Я лишь простой учитель...

ЭЛЬЗА: Вы учите всему Государыню, а теперь и мою протеже, дочь моей госпожи — юную Дарью. От них у меня о вас самые лестные отзывы.

САЛТЫКОВ (*лукаво*): Позвольте угадаю! Скорее, от Даши!

ЭЛЬЗА: Не буду спорить и понимаю, что вы готовите ее идеальной разведчицей. Пусть так. И раз наши дела, судя по вашим знаниям, вам не чужды, скажу лишь, что у нас всех — проблемы.

Салтыков (*серьезней*): При дворе есть лазутчик?

Эльза: Хуже того. Государыня Екатерина создала Абвершуле, чтобы готовить разведчиков. У меня есть точные сведения, что готовят их там хорошо. Но есть нюанс. Их списки и полные профили отныне под колпаком у британской разведки. Все наши будущие разведчики еще до начала заданий — уже врагами засвечены!

Салтыков (*задумчиво*): А какой смысл готовить хороших агентов, если позже придется их и вылавливать?

Эльза: Самый прямой, ежели Россия при этом станет британской колонией. Мы думаем, что наши люди работают на Империю, а все данные от них идут напрямик в Форин офис. Если их ловят, то попадется русский шпион, если нет — слава Британии! Таков план.

Салтыков (*с раздражением*): Чертовщина какая-то... Но ведь иезуиты — католики и враги англичан!

Эльза: Так и Россия враг Святого Престола, однако на нас они тоже работают! Во главе заговора создатель и директор нашей же Абвершуле аббат Николая, и ежели его взять, то все обучение развалится. Но мы не можем прерывать учебный процесс. Стране не нужны разведчики-недоучки.

Салтыков (*растерянно*): Но что ж делать?

Эльза: Нужен еще один центр обучения. Например, в Павловске. Скорее для девочек. И я знаю, кто там будет учителем. Вы согласны?

Салтыков (*нервно одергивая воротник и с чувством*): Мы, Салтыковы, всю жизнь служили России! (*решительно*) Что я должен сделать?

Эльза: Для этого я и приехала. Давайте-ка потихоньку поедем, чтобы вас не хватились, а я по дороге вам все объясню.

жарится. В то же время народу уже не столь много, как в прежний раз. Возможно, кто-то уехал, но камера на миг нам показывает огромное длинное кладбище, на котором рядами стоят свежеструганные кресты. Возможно, в лагере то ли мор, то ли эпидемия. У большого костра сидят давешние ученые и меж собой разговаривают.

ДОЛОМЬЕ: Кстати, господа, а кто видал нашего Исаака? У него были байки занятные.

ГУМБОЛЬДТ: Он назад в Европу уехал. Ему нужно было зачем-то повстречать нашего генерала, и он все ждал, когда назад приедет Наполеон. Затем отчаялся, получил аудиенцию у нового командующего Клебера — и отбыл. Возможно, он уже нынче на пути в Лондон...

ФУРЬЕ (*появляясь у костра из темноты со смешком*): Дурная примета — поминать среди гробниц о покойниках! Или вы не суеверны?

ГУМБОЛЬДТ (*сухо*): Я все время здесь мою руки с щелоком и не стесняюсь все еще раз сварить или хотя бы обдать кипятком перед едой. Поэтому нет, я не суеверен. А кто умер?

ФУРЬЕ: Клебер. Зарезан нынче фанатиком. Мне только что сказали в казармах.

ДОЛОМЬЕ: О боже! Эти мусульмане немислимы. Кричат вечно «аллах акбар!» и готовы убить целый мир.

ФУРЬЕ: Ошибаетесь. На этот раз на нем одежды были еврейские, посему его и подпустили к генералу столь близко. Но самое изумительное — то, что он крикнул!

ДОЛОМЬЕ: Если не «аллах акбар», значит обозвал Клебера иблисом — или как у них там положено?

ФУРЬЕ: Не угадали. Он, прежде чем всадить нож, закричал: «Это тебе за то, что ты разрушаешь нашу историю! Ты хочешь у нас отнять нашу память!» По-еврейски это прозвучало короче.

ГУМБОЛЬДТ: Позвольте, но Клебер... Памятники... За ним по памятникам есть один лишь приказ — он разрешил стрелять в сфинкса!

Доломье (с хохотом): Какой-то лунатик! Не думаю, что арабы с евреями этого сфинкса построили!

Ученые невольно поднимают головы вверх. На фоне огромной багровой луны обезображенный лик сфинкса выглядит отвратительно. Гумбольдт со своего места вскакивает и говорит.

Гумбольдт: Ну что ж... Мне пора! Рад был с вами со всеми поработать и познакомиться, но мне срочно нужно в Германию. И знаете, коли местные нас режут за сфинкса, думаю, пора отсюда валить. И чем быстрее, тем лучше!

Гумбольдт стремительно идет к своей палатке, когда ему в спину раздается насмешливый вопрос Доломье.

Доломье: Немец-перец — колбаса! Что, Гумбольдт, похоже, вы все-таки суеверны?!

Гумбольдт (через плечо): Да! Мне стало страшно. Дурное предчувствие... И боюсь я не людей. Я боюсь... (*показывает вверх на изуродованную гигантскую статую*) Я боюсь — мести сфинкса!

Натура. Весна. Вечер. Майсур. Лагерь близ Серингапатама

В темноте стоят рядами палатки британской армии. Возле одной из них горит жаркий костер, который отгоняет местных насекомых, которые летают тут тучами. У костра сидят британские офицеры, среди которых мы видим знакомого нам полковника Артура Уэлсли — командующего английской армией. Возле него сидит старший брат Ричард Уэлсли, лорд Морнингтон. Майор Лесли сидит у самого костра в середине и всем рассказывает.

Лесли: Все прежние разы этот дикарь бил нас наголову. А знаете почему? Некогда он выкрал в святилище местной богини смерти Кали главную святыню — Глаз Шивы. По преданию тот, при ком Глаз Шивы, станет непобедим в честном бою. По слухам, дикарь

носит его вечно с собой в своей чалме, и этот камень делает из него великого воина!

Ричард: Занятная байка... И вы этому верите?

Лесли: Дикари верят, что ихний бог Шива — великий разрушитель миров и всего сущего. Поэтому тот, у кого Глаз Шивы, — великий воин и погубитель любого противника.

Артур (*со смехом*): Занятно. Дикки, ты будешь смеяться, но я проникся этой историей. Иначе почему этот голозадый дикарь разбил уже две наши армии? Так что завтра будет не так. Я купил его советников — французских инструкторов. В миг, когда мы начнем бить в барабаны на приступ, это будет сигнал. Чертового дикаря зарежут, как простую свинью. Раз сказано, что такого нельзя победить на поле брани, хорошо... Можно зайти и с другой стороны!

Ричард: Глупости все это. Обычное дикарское суеверие.

Артур: Однако вообрази... Глаз Шивы. Глаз разрушителя всего сущего! Владелец подобного магического предмета стал бы непобедим... Как занятно...

Лесли: Не забывайте, что обладателя Глаза Шивы всегда в итоге убивают предатели!

Артур: М-да... Досадная неприятность. Но все же занятно... А ты, лорд Морнингтон, что на этот счет думаешь?

Ричард: Отстань. Я твой брат Дикки. Просто Дикки. Если меня завтра убьют, то ты станешь очередной Морнингтон. Когда ты так говоришь, когда ты всякий раз так на меня смотришь, у меня аж мороз по коже!

Артур (*со смехом*): Боишься?! А вот это — верно. Шучу...

Павильон. Весна. День. Майсур. Серингапатам

10 г

Ужасная стрельба и грохот боя. По дворцу султана Майсура стремительно идет генерал Ричард Уэлсли и кого-то ищет. У входа в тронную залу лежат два покойника. При том, что все прочие защитники города индусы, эти — явно

европейского вида и светлые. На них, кроме местных тюрбанов и накидок, форма французской армии. У обоих при этом вид удивленный, и крови чуть-чуть. Лишь дырочки на груди от выстрелов прямо в упор. Ричард вбегает в тронную залу и видит, что у входа лежит еще один человек в форме французской армии, который еле хрипит: «Предатель! Будь ты трижды проклят!» На ступенях у трона лежит зарезанный местный султан, над которым склонился Артур.

Ричард: Боже, Арчи, чем ты тут занимаешься?

Страшный грохот сражения, топот солдат, грабящих султанский дворец, и визг женщин в гареме. В темном и тихом тронном зале султана Майсура лежат три убитых французских инструктора и стоят два брата Уэлсли. Один — у ступеней трона, второй — на самом верху. Артур поворачивается, вся его форма и руки залиты кровью. Красная пелена постепенно заполняет весь кадр, и появляются слова: «Конец восьмой серии».

Серия 9

Tu felix Austria

(Ты, счастливая Австрия)

1799. Натура. Весна. Вечер. Майсур. Дорога на Маратх

1 a

По длинной, похожей на извивающуюся змею дороге в джунглях марширует британская армия. На небольшом бивуаке возле дороги сидят английские офицеры. Они слушают рассказ своего командира Артура Уэлсли.

Артур: И вот вообразите, я, весь в говне и крови, нахожу наконец этот чертов алмаз, и тут сзади раздается голос моего брата Дикки: «Боже мой, Арчи, что ты тут делаешь?» Я поворачиваюсь, а у него вид, будто он увидал пред собой привидение. Ну и мне ничего не оставалось, как сказать ему: «Спокойствие! Только спокойствие! Ничего такого. Плюшками балуюсь!»

Артур, рассказывая историю, корчит рожи, офицеры его со смеху покатываются. Затем, насмеявшись, полковник Джон Малкольм восклицает.

Джон Малкольм: Он, видать, решил, что вы хотели стырить знаменитый алмаз! Глаз Шивы!

Это вызывает новую бурю хохота у господ офицеров, Майор Лесли от восторга даже постанывает, чуть не плача:

Лесли: Ясное дело! Чертову лорду нас не понять! Сам бы без единого пенни по людям помыкался! Не ел, не пил, во всем последнем себе по жизни отказывал, чтоб накопить на офицерский патент! Ему-то, лорду, все было всегда на тарелочке с голубою каемочкой!

АРТУР (*со смеху покатываясь*): Я, братцы, совершенно забыл, что рос всю жизнь бедным, а мой брат был богат! Смотрю на него и не понимаю, откуда он, такой долдон, уродился! Я ему говорю: «Очнись, Дикки, этот алмаз стоит до хрена фунтов! А мне платят за то, что я сам с бою взял, четверть стоимости. Четверть, твою мать, стоимости! Я беден, Дикки, я тут себе коплю деньги на старость!» А он... (*гримасничает*) «Так ты не хочешь стать самым великим воителем?» Я его за это чуть не прибил!

ДЖОН МАЛКОЛЬМ: Зачем Артуру этот варварский амулет, коль он и так самый лучший воитель из всех нас, британцев?! Качать командира!

Офицеры гурьбой на своего командира набрасываются и начинают качать и в воздух подбрасывать. Артур счастлив. Он размахивает руками, и, когда его выпускают, он всех своих друзей обнимает по очереди. По всему видно, что люди любят его и во всем ему преданы. Майор Лесли с интересом у Артура спрашивает.

ЛЕСЛИ: А вот, положив руку на сердце, неужто не хотелось прибрать к рукам амулет, дающий великую силу и власть над всем сущим?

АРТУР (*со смехом*): Так я их и получил! Те самые гиней и соверены, которые мой брат отсчитал из казны за добычу алмаза, и есть амулеты, что дадут власть над всем миром! А камень?! Да на кой мне таскать с собой камень? Перед нами лежит полная несметных сокровищ — вся Индия! А значит будут у нас и фунты, и соверены, и драгоценные камни! И тогда — к черту бедность! Ведь так, братцы?!

Офицеры кричат: «Все так, Арчи!» и «Веди нас вперед!»

Павильон. Весна. Вечер. Лондон. Парламент

В небольшой уютной комнате отдыха для членов парламента за небольшим столиком сидит глава партии вигов граф Шелберн — министр внутренних дел и директор английской разведки. К нему подсаживается его выдвигенец и креатура премьер-министра Питт.

Питт: Нечасто вы нас в парламенте своим появлением балуете. Что произошло?

Шелберн: Мне нужно ваше решение по одному весьма щекотливому делу.

Питт: Ах, граф, с каких это пор вы меня на сей счет спрашиваете? Вы умны, компетентны и способны сами принять любое решение.

Шелберн: Не в этот раз. Не о судьбе нашей страны. В отличие от меня, вы грядущие перемены лучше чувствуете. Помните, мы послали нашего человечка в Египет?

Питт: Да-да. Припоминаю. Кто-то в университете вам говорил, будто генерал Бонапартье столь опасен, что этот вопрос надо срочно решать.

Шелберн: Я послал моего лучшего человека — сэра Исаака. Да вы о нем слышали.

Питт: Сэр Исаак? Все верно, я его помню. Хорошая работа в России, до того — небывалые успехи в Шотландии. Помог уговорить последнего Стюарта. Он что, еще жив, старый черт?

Шелберн: Живее всех живых. Скрипит по сей день. В Египте он опоздал. Разминулся с Бонапартье буквально на день. Но я не об этом. Есть люди, которые предсказали, что путешествие Исаака будет бесплодно.

Питт (*с интересом*): Очередная протечка в разведке? Послушайте, граф, мне все это не нравится...

Шелберн: Хуже, Ваша светлость, гораздо хуже. Его неудачу предсказали астрологи.

Питт (*с раздражением*): Боже мой, какой бред! Неужто и вы в эту чухню верите?!

Шелберн (*разводя руками*): Рад бы не верить, да только с новой теорией они пока что не ошибаются. Не то чтобы я был всего этого против...

Питт: То есть на сей раз они выдают результат? Хорошо, я покупаю. Кому выписать чек?

ШЕЛБЕРН: Этот парень давно уже умер. Некий Манилий. Жил две тысячи лет назад и, по мнению многих, писал совершенную чушь. Однако лет двадцать назад королевский астроном Гершель смог доказать, что точка прецессии постепенно смещается...

ПИТТ: Точка прецессии... Боже, какая муть! Никогда не был силен во всех этих научных мумбо-юмбо, так что опустим подробности. Скажите коротко — что нас всех ждет?

ШЕЛБЕРН: Весь мир разделится на две стороны — черную с белой. Мы, Британия, играем за Белых и всякий раз начинаем. Во главе Черных — Россия и русские, и они всякий раз будут нас догонять. В итоге лет через триста...

ПИТТ: К черту лет триста, я столько не проживу! Где ваш здравый смысл? Скажите, что будет в ближайшие годы?

ШЕЛБЕРН: В ближайшие годы, согласно Манилию, будет ужаснейшая война с современным Антихристом. Но мы победим. Верней, суждено побить его русским, а мы будем при том их союзники. А с 1833 года Британия начнет править миром. У нас будет без малого двести лет, чтобы уничтожить Россию и закончить игру. Потом те же двести лет будут у русских. Как в партии в шахматы.

ПИТТ (*задумчиво*): Что ж... Я готов купить любую теорию, если она сулит власть для Британии. Двести лет полной власти над миром... Мне это нравится. Но при чем здесь ваши попытки устранить этого лягушатника?

ШЕЛБЕРН: При том, что ему на долгие годы суждено стать нам занозой в заднице. Я решил этого избежать, однако удача была на его стороне.

ПИТТ: Мой друг, ноу проблем. Раз его суждено разбить русским, пусть русские и корячатся!

ШЕЛБЕРН: Я позаботился. Русский Суворов, по нашей просьбе, возглавит всех нас в Италии.

ПИТТ: Ну да, ну да. Теперь этот русский... Суворов... истребит в Италии Бонапарте, и дело в шляпе! Так зачем мой совет?

ШЕЛБЕРН: Я тут подумал... А вдруг, если русские побьют всех в Италии, Россия решит править миром? Согласно теории... А у царя Павла... *(многозначительно крутит пальцами у виска)* Хотим ли мы, чтоб такой человек...

ПИТТ *(небрежно)*: Вы меня поражаете! Подберите замену ему среди наследников — и вперед! Считайте, что это приказ, раз за этим вы меня вызвали.

Натура. Весна. Вечер. Ижора. Военные лагеря

3 а

Где-то в сгущающихся сумерках бухает барабан. У костра возле большой армейской палатки сидит усталый император Павел. Его верный Кутайсов помогает господину стащить с ног пыльные сапоги и надевает на царя уютные мягкие тапочки. Павел брюзжит.

ПАВЕЛ: Ну вот — последние маневры в этом году. Теперь надобно везти девок в Европы замуж. И почему вечно я? Так и руководил бы я войском, так и командовал. А тут возись с сопливым бабьем. *(приходит в хорошее настроение)* А молодцы-то у меня — все как на подбор!

КУТАЙСОВ *(угодливо)*: Именно так, все самые лучшие! Цвет и надежда нашей Империи! Статные, рослые да красивые! *(чуть замявшись)* Я вот никогда не просил...

ПАВЕЛ *(благодарно)*: Что у тебя? Ты же названный сын мне — проси чего хочешь!

КУТАЙСОВ *(с надеждой)*: Так и я, Ваше Величество, тоже сыновей вырастил!

ПАВЕЛ: Помню. Как же! Старшего твоего я этой зимой уже произвел в генералы. Не посмотрел, что побочный.

КУТАЙСОВ *(с заминкой)*: Я-то тоже... безродный из Кутаиси. Был подарен вам как презент — как игрушка. Так и живу одной вашей милостью. А вот сын мой... Он вроде из Багратионов, стало быть, роду княжеского. Так... Может быть... Подтвердите вы его княжий титул?

Павел с удивлением смотрит на своего камердинера, а потом недоверчиво спрашивает.

ПАВЕЛ: Ты хочешь, чтобы я твоего сына вдруг сделал князем?! Багратионы — заклятые враги России! Мы получили Грузию лишь потому, что верх взял их противник Ираклий! И что? Сын твой станет главой всех недовольных Россией и русскими?!

КУТАЙСОВ (*торопливо*): Что вы, что вы, Ваше Величество! Народы берут под руку не силой, но милостью. Ну дадите вы моему Петеньке древний титул, так и все прочие за ним потянутся. А вы ему поручите служить... Да вот хоть бы цесаревичу Константину! Как я служу вам...

ПАВЕЛ (*задумчиво*): А ведь прав ты, шельмец... Суворов про твоего Пьера лишь хорошее мне писал. Мол, мужик растет — настоящий огонь! И в бой, и на пьянку, и с бабами — везде первый!

КУТАЙСОВ: Именно, Ваше Величество! Приставьте вы его к Константину! И за Костею присмотр будет. Как я за вами смотрю. А хоть врут, мол, у Пьера моего пьянки-гулянки да бабы одни на уме, так и что?! Любой молодец пройти через это должен. (*негромко, в сторону*) Опять же все лучше, чем развлечения с дыбой да мальчишки...

ПАВЕЛ (*задумчиво*): Хороший солдат и уже генерал, говоришь? Пьянки, цыгане да девки позорные... А ведь дело... Чем ему мальчишек будут пенять, так уж пусть лучше с цыганками...

КУТАЙСОВ: Вот и я говорю. Одно дело, коль цесаревичу служит безродный Пьер из Кутайсовых, пусть даже и генерал, а другое — когда цельный князь...

ПАВЕЛ (*с интересом*): А как мы его происхождение от Багратионов будем доказывать?

КУТАЙСОВ (*радостно*): Есть у меня верный случай. Его имя Иван, и он точно Багратион — из побочных, у нас никогда не служил и никем не запомнен. Всей семьей давно померли. Затем персы Тифлис под нули вырезали, и все церковные книги пожгли... Теперь в Грузии кто, когда, где родился и от кого — бог весть, ибо никого живых не осталось! Вам лишь указ подписать, и ищи-свищи потом, был ли мальчик!

ПАВЕЛ (*с удовольствием*): Ну ты и шельма! Будет указ. Что это?

Около палаток движение. Из темноты подъезжает карета, из которой выскакивает взволнованный и вспотевший Куракин, который, подбегая, кричит.

КУРАКИН: Новости, мин херц, важные новости! Насилу успел, пока вы не уехали!

ПАВЕЛ (*настороженно*): Что там?

КУРАКИН (*от волнения задыхаясь*): Срочное!.. Из Лондона!.. Семен Воронцов нам доносит, что в Англии открылся великий маг и волшебник Манилий, который предсказал явление к новому 1800 году Антихриста! Антихрист сей прибудет из Франции, родом с Корсики, а имя его — Наполеон Бонапарт! И станет он непобедимым воителем!

КУТАЙСОВ (*задумчиво*): А ведь и впрямь... Бонапартий ведь не проиграл еще ни одного своего сражения...

КУРАКИН (*торжествующе*): Вот! А весть важна потому, что этот маг и волшебник вдруг вычислил, что суждено Бонапарту быть битым именно нашей русской рукой, и в итоге именно Святой Руси суждено править миром!

КУТАЙСОВ (*растерянно*): Ох, е! Так вот почему они так настаивали, чтобы всеми союзными войсками в Италии командовал наш фельдмаршал Суворов!

КУРАКИН (*возбужденно*): Все так! В этой войне лягушей суждено бить только нам — русским! Так победим!

ПАВЕЛ (*нахмуриваясь*): То есть я, послав в Италию всех неугодных, тем самым сделал из них великих героев, побивших Антихриста?! А они вернуться и опять начнут мне тут дули крутить?! Ну нет уж, надобно успеть раньше! Разбить лягушей до викторий этого престарелого недоумка Суворова!

КУРАКИН (*ликующе*): За этим я и скакал! Давайте же пошлем на врага еще одну армию! Из новых, из самых лучших генералов нашего времени! Молодым везде у нас дорога, а старикам пора и на свалку! Отдай приказ, мин херц, и мы покроем тебя вечной славой!

ПАВЕЛ (*одушевляясь*): Бросим в бой мои лучшие полки из столицы! Те, которые я сам всему научил, и на нашем поле славы — Марсовом поле — сам вымуштровал! Лягуши побегут от нас как ошпаренные. Я превзойду славу моего дяди — самого Фридриха Великого!

КУРАКИН: Так победим! Ура! Все якобинцы хороши лишь рубить людям головы да гонять тухлую австрийскую армию! На Париж!

ПАВЕЛ (*вскакивая и начиная бегать вокруг костра в мягких тапочках*): Решено! Мои армии куда лучше, чем армии моей матушки. Какой они держат строй, а стати, а выправка! Германна ко мне! Фельдмаршала Германна!

КУТАЙСОВ (*осторожно*): Может, не надо Германна? Вы же его называли вашим командующим лишь потому, что у него фамилия Германн. Мол, из этого всем очевидно, что он точно немец...

ПАВЕЛ (*с гордостью*): Да, мы — немцы! Нам суждено всех победить, потому что у нас Порядок! Орднунг унд дисциплинен! Порядок бьет класс! Именно Германна! И всех прочих! Моих самых лучших! Тех, кто умеет исполнять мои любые приказы! А вольнодумства — не потерплю!

Печатным шагом из темноты появляется генерал Германн.

ГЕРМАНН (*чеканя слова*): Ваше Величество, по вашему приказанию прибыл!

ПАВЕЛ (*с удовольствием*): Ах, какой молодец! Доложился по форме, мундир безупречен! Не то что этот фигляр Суворов (*передразнивает*) Пришел ко мне и вместо доклада стал кричать петухом! Паец! Но к делу! Соберешь весь столичный гарнизон — и в Европу. Приказываю взять Париж!

ГЕРМАНН (*сухо*): Никак нет, Ваше Величество! Сил не хватит. При движении на Париж должен оставлять в каждой крепости гарнизон, чтоб меня не отрезали. Людей по штатному расписанию для этого недостаточно.

ПАВЕЛ (*с удовольствием*): Вот молодец! По-военному четко, и все мне понятно. А куда дойдешь?

ГЕРМАНН: Если высадимся во Франции, максимум до Булони, ибо население враждебное. Если в Бельгии, то чуть дальше. Лучше всего сможем продвигаться в Голландии...

ПАВЕЛ: Решено! Значит — Голландия! Что еще?

ГЕРМАНН: Поддержка с моря. Основная эскадра с Ушаковым ушла, совсем оголять берег наш невозможно... И одного столичного гарнизона не хватает.

ПАВЕЛ: Англичан попрошу. Им с их острова туда рукою подать, а заодно и людьми, чай, помогут. А людей... Забирай гарнизоны с Карелии, Вологды и Архангельска. И с богом!

ГЕРМАНН (*вскидывая руку к треуголке*): Слушаюсь, Ваше Величество! Знамена свои или старые?

ПАВЕЛ (*растерянно*): Зачем же нам старые?! Конечно — свои!

КУТАЙСОВ (*вполголоса*): Ой-е...

Германн делает идеальный поворот кругом и, так же чекая шаг, уходит назад в темноту. Кутайсов нервно прыгает вокруг Государя и почти молчит.

КУТАЙСОВ: А может, лучше все-таки старые, а?

КУРАКИН (*небрежно*): А зачем же нам старые? На кой хрен?

КУТАЙСОВ: Так ить... По указу Его Величества все полки столичного гарнизона отныне носят мальтийскую парадную форму, и все знамена у них отныне мальтийские. А вдруг этот маг и волшебник имел в виду и флаги, и форму? А то Господь глянет вниз — увидит, что кто-то бьет французов в мальтийской форме, да под знаменами Мальтийского ордена, и решит, что это не русские?!

ПАВЕЛ (*высокомерно*): Какой же ты все же дурак, Иваныч... Раз теперь я гроссмейстер Мальтийского ордена, то и личные полки у меня отныне мальтийские. Под русским-то флагом мы воевали при матушке. А великой славой я покрою себя именно как гроссмейстер Мальтийского ордена!

Натура. Лето. Вечер. Бреслау. Поезд Павла

По широкой дороге медленно ползет целый поезд из десятков карет. Верней, это «поезд» скорей по названию, ибо все кареты движутся самым причудливым образом. Одни кареты обогнали другие и катятся вперед плотной группой, другие остановились, и пассажиры теперь вокруг них прогуливаются, а третьи идут в ногу с тем или этим полком. Тогда на таких каретах везут ружья, уставших и всякую всячину. На одной едет жена Константина Анна Федоровна. Вернее, она не едет, ибо карета ее предоставлена для всякой ерунды одного из полков, а сама Анна Федоровна бегаёт вокруг офицеров. Те зовут ее Кнопкой, и принцесса совершенно счастлива. Она то плетет кому-то веночки из местных цветов, то поет вместе хором и в целом всячески забавляется. А господа офицеры ее без меры балуют. Вдруг мимо полка едут закрытые кареты, и из одной из них раздается почти что звериный рык.

Константин: Анька, шлюха, а ты-то что тут делаешь?!

В зарешеченном окошке кареты видно чумазое лицо молодого цесаревича Константина. Один из двух конных, сопровождавших карету, около Анны Федоровны на миг останавливается. Это бывший пленный швед Боур. Он уже не носит на шее собачий ошейник, на плечах его эполеты полковника. Боур вежливо приподнимает свою треуголку и посмеивается.

Боур: Сударыня, если желаете, мы можем сделать это прямо у него на глазах. Зверь заперт в клетке и точно не выскочит!

Анна (от кареты и Боура явно отшатываясь): Да тебя тоже, урод, надобно сажать в клетку! А потом деткам показывать! Расскажи лучше, как сам-то не обгорел!

Боур (со смехом): А я, как начальник охраны наследника, в тот день сидел в собачьей будке на строгой цепи. Вне дворца! Как мне было сгореть?

Около принцессы останавливается второй верховой. Это, судя по эполетам, уже полковник Яновский. Лицо его тоже

будто чумазое, и видно, что странные пятна на его лице — следы страшных ожогов. Яновский небрежно козыряет Анне и с кривою улыбкою говорит.

Яновский: Не хотите ли к мужу в номер? Он вас заждался. Встреча будет эпической!

Анна (*запальчиво*): Вот вы ж, козлы! Кунсткамера по вам плачет, кунсткамера! Ошибки абортгов... Мало вас сожгли, недоношенные...

Яновский (*небрежно*): А вы — знаете кто? Ударить нашу собачку-охранника мерзлым поленом по голове — это, знаете ли, не по-рыцарски!

Анна (*подбоченясь*): А я и не рыцарь! Жаль не пришибла! А Боура, стало быть, можно бить лишь арапником, да промеж ног? Ах, не знала — вот незадача! В другой раз буду бить, как мой муж, — обязательно сильно и прямо по яйцам. По-рыцарски!

Боур (*со взвизгом*): Да как ты смеешь, паршивка! Мой господин бьет меня — значит любит! А поленом по голове — не любовь, то — нечестно!

Анна (*с издевкой*): Уси-пуси, цыпа-дрипа, в другой раз приложу сковородкой. Я тебя не люблю — потому сапогом промеж ног ты меня даже и не проси. Не приучена! Нет, нет и нет — я верна моему мужу любимому и посему по яйцам бить буду только его!

Боур (*с яростью*): Да я! Да мы... Убью, паскуда!

Константин (*из кареты с решетками*): Ну держись, Анька! Сука! Стерва! С живой шкуру спушу!

Господа офицеры пехотного полка, к которому прибилась юная Кнопка, со смеху покатываются. Полковник Ланской громко говорит, утирая слезу.

Ланской: Господа, прошу понежнее быть с нашей Кнопкой! Она у нас дочь полка, и защищать ее мы все будем как свою доченьку! Прежде чем ей грозить, вы перед нами должны объясниться и дать сатисфакцию.

Яновский (*запальчиво*): Хоть сейчас! Заколю любого, кто...

Ланской (*небрежно*): Вы слышали? А ну-ка расстрелять говнюка! Он, поднадзорный и даже подследственный, только что угрожал офицерам императорской армии! А мы живем по законам военного времени...

Прежде чем полковник успевает договорить, Яновский и Боур, прищипорив коней, скрываются где-то вдали в стороне головы поезда. Пехотные офицеры чуть не катаются по земле со смеху. Анна же, приободрившись, запрыгивает на подножку тюремной кареты, которая везет Константина, и начинает плевать в окошко, крича:

АННА: И тебя, гад, сперва по балде мерзлым поленом, а потом на костер! Как твоего амура Потоцкого! Горите все в аду, ироды!

5 а

Натура. Лето. Вечер. Бреслау. Концерт

На большой открытой площадке собираются гости во главе с прусским королем Фридрихом Вильгельмом Третьим. Это сравнительно стройный, меланхоличного вида молодой человек лет тридцати. Порой кажется, что он спит с открытыми глазами. По его внешности невозможно поверить, что это сын и преемник огромного и толстого Фридриха Вильгельма Второго, который успел повоевать со всю Европой, получив за это плату от Англии. Опять же по его серой внешности трудно предположить, что его отец — тот самый развратник, у которого было пять официальных любовниц. Возможно, ему неприятно быть на виду. А уж тем более ему неприятно общение с Императором Павлом, который на этом концерте выглядит как звезда вечера и всячески ухаживает за королевой Луизой — двоюродной кузиной (по матери) Марии Федоровны. Тем более что та — вылитая Мария Федоровна в молодости. Все различие меж кузинами только в том, что Луиза моложе и явно стройнее, чем жена Павла.

ПАВЕЛ: Какая для всех нас удача, что решились вы путешествовать! Нашим войскам в Берлин не по ходу, да и муж ваш... Он сразу

мне отказал наотрез, сказав, что русским в столице, по его мнению, делать нечего. Я уж отчаялся...

ЛУИЗА: А я опять, как видите, в тягости! Опасаюсь за плод. Ну вот зачем Вилли выдумал, чтобы мы ехали в этот Бреслау? Нет, я понимаю, что немецкому народу нужно меня повидать, чтобы выказать мне почтение. В прошлом году мы так уже ездили на север и на восток, осматривали наши новые земли. Эти поляки — такие разбойники!

ПАВЕЛ: Кстати, о разбойниках. Вы знаете, что во Франции пришли к власти разбойники? Они теперь угрожают всем нам. Во всем мире все страшатся французского...

ЛУИЗА: Вы не поверите, я его тоже страшусь! Этот французский грипп напал на младенчиков! Моя Александра давеча так чихала, так кашляла! Это было ужасно! И тут еще эта поездка... Вилли заладил, что в этом году мы обязаны показать себя нашим подданным на юге и западе. А я еду и думаю — на западе сейчас этот грипп...

ПАВЕЛ: Ну, на западе не только лишь грипп! Там еще и французы проклятые! Вот если бы ваша Пруссия помогла всему миру укротить сию французскую порчу...

ЛУИЗА: Да, да! Вы знаете, вся грязь и мерзость у нас происходит из Австрии! Мой Вилли это мне хорошо объяснил. Ненавижу австрийцев! Они все какие-то... Несерьезные!

ПАВЕЛ: Помилуйте, Австрия взяла на себя труд всех нас сплотить. Всех нас, немцев, перед лицом французской опасности. Ведь если бы и вы — как великие германские государи...

ЛУИЗА (*восторженно*): Да, мы самые великие германские государи! Как это верно! Вся Германия обязана служить нам! Мне Вилли так и рассказывал! Германия — прежде всего! Один Бог, один народ, один вождь! Правда, какой вождь из моего милого Вилли? Но я всегда смогу все за него! Он так и сказал, давай, Луиза, зажги! Скажи, что придет в голову, ты ж умеешь, и они пойдут за тобой! Именно так! Я должна повести за собою всех немцев!

ПАВЕЛ: Вот именно, душа моя! Вот именно! Поведите, прошу, за собою всех немцев на войну с французским Антихристом!

Луиза (*загораясь*): С Антихристом?! Я — самая христианнейшая царица Европы! Но пасаран! (*вскакивая со своего места и запрыгивая на свой стул*) Бей барабан, труби труба! Товарищи, камараден, сегодня мы пойдем в бой с самым страшным злом на земле, с порождением ада и преисподней! (*во весь голос*) Все мы на бой пойдем, и как один... Вилли, ты слышишь?! Мы все идем на смертный бой против Антихриста!

Фридрих Вильгельм (*из соседней ложи — покровительственно*): Ах, милая Лизон, ну конечно! Как только — так сразу! А пока у нас коровы не доены да наши детки не кормлены. Слышишь, по моему, Александра заплакала.

Луиза (*с ужасом хватаясь за голову*): Ой и правда, Сашка заплакала! (*со всей дури*) Фрау Фосс, вы слышали?! Моя доча заплакала!

Фосс (*издали*): Не извольте беспокоиться, Ваше Величество! Все в порядке!

Луиза (*сразу же успокаиваясь*): Слава богу! (*спрыгивая со своего стула и обращаясь к Павлу*) Ну вы сами все слышали. Вилли все объяснил. У нас коровы не доены. Пока не подоим — воевать нету смысла! Кстати, а вы пробовали наше лучшее молоко?

Павел (*в сторону и с отчаянием*): Господи, да она ж та же Машка моя, только в профиль. Небось, с годами станет такая же толстая...

Так русский царь и прусская королева мило меж собою беседуют, пока прусский король сумрачно сидит в соседней ложе с юной Александрю Павловной, которую везут выдавать замуж за австрийского эрцгерцога.

Александра Павловна (*с надеждой*): Какая замечательная погода нынче!

Фридрих Вильгельм (*оглянувшись*): Однако тепло. Даже не пришлось на отопление тратить.

Александра Павловна (*с удовольствием, что нашла тему*): И впрямь, очень нынче тепло. У вас всегда так?

Фридрих Вильгельм (*с сожалением*): Увы, нет. Обычно в это время мы много угля и дров на отопление расходуем.

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА (*с отчаянием*): Как интересно! А уголь у вас, наверно, березовый?

ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ (*поучительно*): Нет, топим каменным. Это практичнее, и от него жара больше.

Русская принцесса с тоской и надеждой смотрит на ложу, где сидит батюшка, но тот слишком поглощен своею беседою. Несчастливая царица со вздохом переводит взгляд на сцену, и разговор с прусским королем на этом заканчивается. В соседней ложе жена Константина Анна Федоровна Саксонская беседует с сестрой королевы Луизы Фредерикой.

АННА ФЕДОРОВНА: Ну ты даешь! А он что?

ФРЕДЕРИКА (*закатывая глаза*): А он принялся меня обнимать и везде целовать! Ах, представь, этот принц Людвиг Фридрих — он такой душка! Я ослабела и отдалась...

АННА ФЕДОРОВНА (*поперхнувшись*): Ты что?! Да ты, шалава, хотя б не ори об том на весь свет! Да-а, позабыла я в России про европейскую толерантность...

ФРЕДЕРИКА (*рисуюсь*): А я что? Я — вдова! Имею полное право! Тем паче, что муж мой Луи был такой кобель! Заботился о своих девках больше, чем обо мне! А я, слышь, сыскала нужную сумму, и вуаля — постылый муженек мой откинул ботфорты. Между прочим, ты, подруга, тоже счастием не сияешь. Хочешь, подкину один адресок? Вдовой станешь мигом!

АННА ФЕДОРОВНА (*косясь в сторону Павла*): Твою ж мать... А что у вас и так тоже можно?!

ФРЕДЕРИКА (*с горьким вздохом*): Разумеется, никакойный король наш шипит. Не по нраву ему, что братца так шпокнули. Все зудит на ухо Лизке, мол, отошли ее от себя, а то, мол, что люди скажут... А Лизка у нас...

АННА ФЕДОРОВНА (*с усмешкой*): Сама слышу — без балды. Это у вас явно семейное! Кстати, адресочек-то давай, запишу.

За невысоким забором площадки, где проходит концерт, стоит тюремная карета, в которой Царь Павел везет

сына своего Константина. Со стороны кареты раздаются странные звуки. Наконец с ужасным скрипом две тени, копающиеся у ее оконца, разгибаются. Решетку с грохотом выбивают из кареты ногой изнутри. Через мгновение в выбитом окне появляется побагровевшее лицо цесаревича Константина, который шипит.

Константин: Руку, козлы, подайте мне руку!

Яновский и Боур за обе руки Константина из окошка вытягивают. Он мешком из тюремной кареты вываливается и хрипит.

Константин: Ну, где моя жена, сука драная! Пора мне с ней развестись, как сие у католиков принято!

Боур: Простите, хозяин, я протестант и не в курсе, но, по-моему, католики не разводятся.

Яновский (со смехом): Еще как разводятся! Удар ножом под ребро — и готово. Пойдем, сам увидишь!

6 а

Павильон. Лето. Вечер. Париж. Конвент

По коридору Конвента идет Бонапарт. Навстречу ему с раскрытыми объятиями спешит главный жандарм. Бонапарт позволяет Фуше себя приобнять.

Фуше: Вы живы! Вы живы! О, счастье!

Наполеон: *Mea culpa!* Моя вина — друг мой, до последнего вам не верил, и вот представьте — все вдруг исполнилось. Бедный Клебер!

Фуше: Как видите, мои британские агенты работают точно. И знаете, что они мне доложили? Вы станете непобедимы на поле брани. Вам нужно всего лишь не воевать с русскими, и тогда весь мир, как спелая груша, окажется у ваших ног!

Наполеон (со смехом): Нет, нет, лобезный Жозеф! Все говорят, что по фигуре я больше похож на спелое яблоко! Люди с формой груши войны проигрывают! А я — нет, никогда! Пусть предлагают мне мир

в форме яблока, как наш пращур змей милой Еве. Иначе не приму! Ха-ха!

ФУШЕ: Ха-ха! Да хоть в форме бельгийских печенек! Однако союзники против нас собирают силы в Италии. А командовать ими станет именно русский — Суворов.

НАПОЛЕОН (*задумчиво*): М-да... Неприятная незадача. (*светлея лицом*) Однако вот и решение. Помните про этого злодея Моро, который истребил в Монбельяре всех немцев? Как по нему идет следствие?

ФУШЕ: Он уже потерял в горах всю свою рейнскую армию. Все от него отвернулись. Думаю, осудить его будет просто.

НАПОЛЕОН (*с искрою в глазах*): А что люди скажут? Безупречного генерала Моро по приказу Бонапарта-завистника осудили на смерть! И забудут все про эту погибшую армию. А Моро станет в глазах публики — отравленный гений! Этого нельзя допустить! А вот ежели его разобьют? Дадим ему армию, и пусть докажет, что дикие горцы его не разбили в Шварцвальде!

ФУШЕ: А вдруг победит? Ведь он замечательный генерал и хороший командующий?!

НАПОЛЕОН (*обнимая Фуше*): Друг мой! Не бывает диктаторов неудачных. Есть люди везучие, и есть те, кто — не очень. Суворов везучий, как черт, а Моро только что на ровном месте просрал свою армию. Это Фортуна обернулась к нему своим задом!

ФУШЕ: Да, кстати, из Англии передают... Там какие-то масоны предсказывают, что к 1800 году вы единолично возглавите Францию. И еще — русский царь Павел хочет открыть против нас второй фронт здесь, в Голландии. В Англии для этого собирают военные транспорты и малую армию.

НАПОЛЕОН (*с интересом*): И кто командиры?

ФУШЕ: Русских возглавит Германн, а помощником ему Эссен. У англичан во главе пойдет герцог Йоркский и при нем Аберкромби.

НАПОЛЕОН (*будто что-то припоминая*): Герцог Йорк — сиятельное ничто. Германн — прекрасный строитель, но не военный. Эссен — не знаю, фамилия древняя, небось такой же тупой дуболом, как

и прочие остзейские немцы. Аберкромби хорош, но будет нянькой при Йорке... *(с радостью)* Чудесно! Раз Моро мы на позор направляем в Италию, сам я буду спасать Францию тут, в Голландии. И чуёт мое сердце — это станет былинною битвой!

7а

Натура. Лето. Ночь. Бреслау. Поезд Павла

Догорает огонь в бивуаках. Напевшись вместе с пехотными, Анна Федоровна поднимается от костра и сладко потягивается.

АННА: Ну все! Пора спать, а то наш солнцезоппый рано встает. И как встанет, велит трубить да в барабаны стучать — тогда не поспишь!

ЛАНСКОЙ *(подавая принцессе шаль)*: Вы б потише, Ваше Высочество... Все же — царь-государь...

АННА: А я вовсе не про него! Я про муженька своего, который столь же колченог да коряв, как его батюшка. И оба уверены, что для всего мира солнце светит прямо с их задницы! А-ха-ха! *(убегает от костра с хохотом.)*

ЛАНСКОЙ *(сокрушенно крутя головой и возвращаясь к костру)*: Ну, Кнопка, ну, егоза! Дозубоскалит ведь, мелкая...

Ночь опускается над лагерем. В своей кибитке принцесса Анна не может уснуть, все ворочается. Наконец она вылезает из-под теплого полога, отходит чуть в сторону и присаживается на пенек.

АННА *(задумчиво)*: Вот же шлюха эта Фредерика, вот же течная сука... Заплатить деньгу — и конец. Ведь годы-то мои все уходят... Жить-то мне осталось мало, мне уже семнадцать лет! Заплачу — и вдова... А что скажут папа мой с маменькой? Как я им в глаза погляжу? Вот же чертова шлюха, совсем сон прогнала...

Сзади дикий хруст, гром и треск. Кибитка принцессы буквально разламывается от ударов тяжелого топора. В ночи раздаётся дикий рев цесаревича Константина.

Константин (*в ярости*): Где эта Анька? Где эта сука? С кем ночует? По мужикам пошла, тварь позорная?!

Анна Федоровна молнией вскакивает со своего пенька и бросается в крошечную ночь. Сзади слышны крики.

Яновский: Все ее вещи тут! В исподнем ушла, видать, до ветру! Не извольте беспокоиться, мы ее сей миг същем!

По сгущающейся темноте в густых камышах среди силезских болот в одном исподнем бежит маленькая босая женщина. За нею по кочкам, корягам, по зарослям камышей несется погоня — люди на лошадях размахивают своими факелами и кричат: «Врешь, не уйдешь!» Над болотами поднимается огромная багровая луна, и начинает жутко вить то ли какой-то огромный пес, то ли волк...

Павильон. Лето. Вечер. Вена. Шенбрунн. Тронная зала

8a

В тронной зале Шенбруннского дворца Меттерних стоит навтыяжку перед императором Францем. Тот его с неприязнью отчитывает.

Франц: Что это за цирк вы в Рапштатте устроили?! Благо никто не нашел доказательств того безумного договора, который вы с нашими врагами подписывали. Надо же — согласиться отдать Франции весь берег Рейна в обмен на венецианские области! Благодатнейшие земли в обмен на болота Венето! Кошмар! Чем вы это все объясняете?

Меттерних: Ваше Величество, мы не можем послать настоящую армию на левый берег Рейна, ибо тогда Венгрия и Богемия немедля взбунтуются. Люди Иосифа по-прежнему не любят вас, как и вашего отца Леопольда. Мы не смеем далеко отводить на запад всю нашу армию. С другой стороны, нам нужны новые земли. При движении на восток против Венеции наши армии остаются рядом с мятежной Венгрией и неподалеку от Вены.

Франц (*задумчиво*): А в этом есть свой резон.... Мне нравится. Так вы заключали этот договор с Францией?

МЕТТЕРНИХ: Сейчас важнее то, что русские вторглись в Италию. Они уже разбили французов при Требии. Царь Павел обещал восстановить там все по-прежнему. А нужно ли нам восстановление прежних порядков в Венеции? Ведь это практически уже наша провинция...

ФРАНЦ (одобрительно): Я чувствую, что несмотря на молодость у вас есть хватка вашего тестя — великого Кауница! Вы умеете задать очень верный вопрос. Но как бы нам сделать так, чтоб русские не задержались в Италии?

9 а

Натура. Лето. Утро. Лигурия. Нови. Лагерь егерей Бенкендорфа

С гор слышны барабаны. В сравнительно узкую долину тягиваются французские части. Русские и австрийцы заняли оборону. В передней линии охранения на левом фланге стоят два полка лейб-гвардии егерей Бенкендорфа. Лица у людей напряжены и сосредоточены. На командном пункте собрались офицеры, среди которых мы видим Кристофера Бенкендорфа, его прежних офицеров за вычетом Невельского с Оболенским. Их места заняли новые лица, из которых нам знакомы оба брата Голицыных. До расположения егерей, а стало быть, переднего края русских с австрийцами врагу идти еще долго, и поэтому люди смотрят вниз на надвигающуюся волну и нервно меж собой шутят. Вдруг сзади движение — через мгновение среди егерей появляется юный Федор фон Пален в австрийской форме и характерной тирольской шапочке. Он явно устал и совсем запыхался. Его срочно подводят прямо к Кристоферу.

ФЕДОР ФОН ПАЛЕН: Слава богу, насилиу поспел до сражения! Срочное известие от Эльзы Паулевны. Она закликает вас всех снять треуголки.

КРИСТОФЕР (недовольно): Что за ерунда?!

ФЕДОР ФОН ПАЛЕН: Новое изобретение одного из саксонцев. Оловянная рубашка на свинцовую пулю. Теперь подобная пуля летит

много дальше, сохраняя убойную силу. Нужно новое оружие, чтоб такой пулей выстрелить, однако и это дело нехитрое. Эльза Паулевна считает, что подобные пули и ружья появятся у саксонцев, пруссаков и, скорее, австрийцев уже к этой зиме. Стало быть, все наши офицеры отныне в смертельной опасности.

КРИСТОФЕР (*недоверчиво*): Враки! Треуголки мы носим, чтоб солдатам было легче увидеть нас в ходе битвы! Чем больше треуголка, тем лучше нас видно! А новые пули... Когда еще они на свете появятся!..

ФЕДОР ФОН ПАЛЕН: Ах так? (*обращаясь к одному из своих спутников*) Подайте мне новое изобретенье. В Саксонии ее назвали «винтовкой», ибо сила ее заряда столь велика, что затвор приходится особыми винтами затягивать. Видите там, у врага, офицера в треуголке с огромным белым плюмажем? Видать, какая-то шишка. Смотрите!

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН (*с сомнением*): Не может быть! Сейчас он остановится вне досягаемости наших ружей... Отсюда в него попасть невозможно!

Один из людей фон Палена тем временем услужливо подставляет плечо, и тот кладет на него свое непривычно длинное с виду уродливое ружье и принимается целиться. Раздается громкий звук выстрела. На той стороне офицер в огромной треуголке с большим белым плюмажем вдруг падает. Со стороны противника раздаются удивленные крики: «Это вон тот тиралец! Вон тот — в тирольской с пером, мать его, шапочке!» Фон Пален покойно опускает ружье и с легкой усмешкою говорит.

ФЕДОР ФОН ПАЛЕН: С такого расстояния они разглядели лишь мою шапочку. Теперь станут говорить, что меж австрийцами появился очередной Вильгельм Телль. В общем, я передал вам от фрау Эльзы совет, ваше право его не принять. А еще у меня от нее десяток ружей нового образца. Раздайте их меж лучших стрелков и начинайте врагов в треуголках отстреливать. Мои люди растолкуют, как новыми ружьями пользоваться.

КРИСТОФЕР: Лучших стрелков — сюда! Офицерам головные уборы снять! Надеть головные уборы простых егерей! Кого увижу в треуголке в бою, сам лично — в расход! Все ясно?!

Егерские офицеры торопливо с себя лопушистые треуголки на землю скидывают. Короткими свистками из линии охранения вызывают стрелков. Борис Голицын смотрит на это все с изумлением.

Борис Голицын: Господа, но позвольте! Ведь это ж бесчестно! Нельзя до боя стрелять в самых лучших. Мы же так перестреляем всех благородных.

Дмитрий Голицын (*толкая брата в бок*): Уймись, горячка! Подумай сам, значит нынче средь нас больше выживет! Да и что о врагах вдруг печалиться? Тьфу! Вспомни Юлена, который нас тогда предал. Неужто не охота завалить эту гниду?

10 а

Натура. Лето. День. Лигурия. Нови. Лагерь Суворова

Дикий грохот и шум страшной битвы. Суворов ходит взад и вперед по своему командному пункту. К нему со всех сторон прибегают гонцы с донесениями. Суворов их всех внимательно слушает и решительно отдает приказания. Мы видим приближающуюся откуда-то из тыла необычную процессию. В ней цесаревич Константин со связанными руками, столь же связанные его адъютанты Яновский и Боур, и с ними охрана. При виде столь странных гостей Суворов морщится и с неудовольствием спрашивает.

Суворов: А, наследник! А вы-то мне тут на что?

Присланный со связанным наследником офицер отдает отцу честь и докладывает.

Аркадий Суворов: Рад приветствовать, батюшка! Срочный и секретный приказ — принять в штат цесаревича Константина и что-то придумать!

Суворов (*нетерпеливо*): Что мне придумывать? Почему цесаревич вдруг связанный?

Аркадий Суворов: Цесаревич под следствием. Под Бреслау напал на кибитку своей жены Анны. Желал он Анну убить, та пропала без вести, а там болота... А это его соучастники. Божатся, что

не поймали, иначе бы точно. Государь из опасений, что случилось это в Европе, а значит, как в случае с Павловском, на других свалить не получится, просит срочно принять цесаревича в штат и дать ему что-то опасное!

Суворов (*ошеломленно*): Боже, стало быть, Государь на деле уверен, что цесаревич пытался и мать тогда — в Павловске... Все ясно. Развязать всех!

С Константина, Боура и Яновского снимают веревки. Суворов ходит перед ними, и желваки по лицу его все время катаются. Затем он отрывисто говорит.

Суворов: Что ж, братцы мои, у нас сейчас серьезный момент, положение качается. Один удар по врагу, и он рухнет. Приказываю вам, Константин Павлович, возглавить штрафных — и вперед, в атаку по центру. Или грудь в крестах, или голова в кустах. Все ясно?

Константин (*радостно и подбоченясь*): Так точно! Не посрамим!

Аркадий Суворов (*с ужасом*): Атака по центру?! Но это ж верная смерть! Что про нас скажут?!

Константин (*с хохотом*): Что ссышь, хлюпик?! Сразу видать — гнида паркетная!

Суворов (*с интересом*): А и впрямь, что потом люди скажут? Послушай-ка, цесаревич! А сделай-ка ты мне из паркетного молодца настоящего воина! Возьми его к себе адъютантом!

Константин: А что?! Это дело по мне! Из кого хошь бойца сделаю! Где мои люди? Играть атаку!

Суворов (*с удивлением*): Ну давай, Константин Палыч! Смой с имени весь позор и сумления! Докажи им!

Константин (*с ревом*): Команда за мной, в бой, ура!

С этим криком цесаревич и его адъютанты куда-то в бой убегают, включая сына Суворова. Суворов смотрит им вслед и шепчет.

Суворов: Что ж, с богом, Константин Палыч. Иль падешь как герой, иль война все вины твои, чай, и спишет. А заодно и мой под твоим

началом хоть чему-то, да и научится. А то уже имя Суворовых стали трепать...

11 а Натура. Осень. День. Голландия. Берген. Штаб Брюна

Гремит канонада. Во французском штабе нервическое возбуждение — русские наступают на Берген. Командующий французскими войсками генерал Брюн нервно расхаживает, как волк, попавшийся в клетку. В какой-то миг он начинает кричать.

Брюн: Что это? Что это за чертовщина? Против нас должны быть англичане и русские — а это что?! Почему они идут в наступление под мальтийским крестом?!

Данделс: Император Павел отныне глава Мальтийского ордена! Он приказал сменить русскую военную форму на форму мальтийскую. А командует ими генерал Германи, которого безумный царь объявил кашитолом ордена Иоанна Иерусалимского.

Брюн: Бред! Какой бред! Почему вы несете весь этот бред! Смотрите, там есть солдаты в русской зеленой форме, и есть черно-красные мальтийцы. И они стреляют друг в друга. У нас что тут — трехсторонняя битва?!

Данделс: Никак нет. Русские части сборные, те, что приплыли из Архангельска, — в русской форме, а те, кто из столицы, надели мальтийскую. Видно, провинциалы не в курсе, что столичные части в черном, вот и стреляют по ним... Да как хорошо стреляют-то!

Брюн (*с интересом*): Вы хотите сказать, что вон те враги, которые в центре и носят черное, это и есть парадные полки Павла?! Я о них слышал. (*кричит*) Слушать приказ — гвардию в огонь. Атака по центру! Да-да — прямо по центру! Цель — русские части, что в черном! Ура, мон ами! Вив ле Франс!

Брюн срывается с места и бежит вперед, увлекая за собой своих офицеров в атаку. Весь штаб в итоге начинает бежать в наступление. С места трогаются центральные каре — посреди поля боя начинается свалка. Через мгновение

русские части в черном начинают бежать, центр русского строя разваливается. Фланговые части русских в зеленой форме начинают откатываться в разные стороны, и французы рвутся вперед. Чуть справа от всех этих событий течет настоящая река. Это французы перед сражением раскрыли шлюзы, и теперь половина поля боя просто затоплена. На другой стороне этой рукотворной реки порядки английских войск в красных мундирах. Они пытаются помочь русским огнем со своей стороны канала, но расстояние слишком велико. Вскоре русский фланг, прижатый к каналу, выбрасывает белый флаг, весь центр позиции завален русскими телами в черной форме, а другой фланг русских просто бежит. Его не преследуют. В расположение штаба возвращаются разгоряченные французские офицеры. Они тащат с собой пленного русского командующего Германна, который одет в мальтийскую форму, и ставят его перед генералом Брюном на колени. С пленного срывают мальтийские ордена, французы топчут мальтийский крест, а Брюн с интересом у Германна спрашивает.

БРЮН: Ну что, Германн, помогли вам мальтийцы и все их мальтийские тайнства?

ГЕРМАНН (*хрипло*): Ваша взяла, моя карта бита...

Натура. Осень. Вечер. Голландия. Берген. Поле боя

12a

Огромное поле боя все сплошь завалено русскими телами в черной мальтийской форме. Прямо по телам скачет кавалькада, во главе которой Наполеон Бонапарт. Наполеон то и дело останавливается и тела людей с интересом разглядывает. Навстречу ему скачет Брюн вместе с Данделсом. Наполеон им кричит.

НАПОЛЕОН: Господа, я доволен. Похоже, что за один-единственный день мы под корень выкосили весь цвет у русских. Смотрите — на всех золотые шпоры, цепи и запонки! Зачем они шли в пешую атаку со шпорами?

ФУШЕ: Они в форме мальтийского рыцарства. Мальтийцы давно не воюют, но шпоры в форме у них обязательны.

НАПОЛЕОН (*из своего седла оглядываясь*): Даже если битва в размокшем болоте, а вы идете вперед в рукопашную?! Клянусь, эти русские — большие оригиналы! Воевать с ними станет для меня — великое удовольствие.

БРЮН: Пленные рассказали, что это были их лучшие части. Шли, как на парадах приучены.

НАПОЛЕОН (*со смехом*): Тогда я скажу, что Россия баснословно богата. Тут с одного взгляда больше золота, чем в годовом доходе всей Франции... И что — ни одного мародера?

БРЮН (*с достоинством*): По моему приказу, в этой части поля за любую цапку, снятую с трупа, мы людей сразу вешали. Сперва вы должны были все это видеть. Зрелище фантастическое. Справа, ближе к каналу — лежат солдаты обычные, но их меньше, и они все обобраны.

НАПОЛЕОН (*с улыбкой*): Кстати, Брюн, я весьма недоволен! Вы не подождали меня, несмотря на мой строгий и понятный приказ. Вы украли мою победу! Я в бешенстве!

БРЮН (*растерянно*): Но они наступали! Я всего лишь нанес контрудар! А они почти сразу же побежали! Уже потом пошла бойня, я не мог не побеждать в такой день!

НАПОЛЕОН (*с хохотом*): Да шучу я, шучу! Я рад за вас, вы сделали все отлично. И это на фоне того, как такие же русские лупцуют нас в хвост и в гриву в Италии! Так что прошу всех зарубить себе на носу, и чтоб завтра же это появилось во всех газетах. Там, где Наполеон, там победа! А где меня нет, там все мрак, тлен и горечь обидного поражения! И пусть во всех газетах это вынесут на первую полосу!

ПАВЕЛ: Не надо было нам сюда ехать! Выдали замуж Ленку мою за саксонцев, выпили, закусили — и нах... хаус. Ведь какое ж бесчестие дому Романовых... Мы отродясь своих дочерей за случайных принцев не выдавали!

КУТАЙСОВ: Это покойный гад Безбородко! Вот же хитрый хохол, вы лишь посетовали, что Александру нашу в Европе выдать не за кого. А он сразу же исполнять!

ПАВЕЛ (*с неудовольствием*): Будет теперь Сашка моя, как забытая клизма, замужем за братом государя, у которого нет шансов стать императором...

КУТАЙСОВ: Так саксонцы тоже поэтому жалуются. Выдали свою Анну за нашего Костю, а у него же ведь тоже шансов на трон нет никаких...

ПАВЕЛ: Этой нищете саксонской даже Константин не по чину. Кстати, отыскалось тело этой Аньки-то трехнутой? А то пропала она, дура, в Пруссии, а мне сына на их суд отдавать... Черт, никогда прежде чужие суды не судили членов нашей фамилии.

КУТАЙСОВ (*радостно*): Сыскалась! Сыскалась, давеча весть пришла. Она убегла хоть и босиком да в ночнушке, но были у нее колечки с сережками. Так она продала их в том же Бреслау, купила себе ботинки, платье и хлеба с сыром пожрать, да и ушла пешком в свой Саксен-Кобург...

ПАВЕЛ (*ошеломленно*): Да там же, почитай, триста верст... С ума сошла девка, одна по чужой стране, лишь с куском хлеба с сыром... Охренеть! Это какая же про нас теперь пойдет слава?.. Нет, Аньку надо срочно вернуть! Так и пиши в Саксен-Кобург: коли не вернут нам свою дочь — мы им объявим войну! Так и пиши!

КУТАЙСОВ (*разводя руками*): Так она ж не просто так, она с Костею жить не хочет! Наотрез отказалась! Мамки мне говорят... мол, сын ваш ее даже не попробовал. Он-то поначалу не с теми желаниями к ней приставал, так она в постель с ножом ходить стала. Дикая кошка! Может, ну ее?

ПАВЕЛ (*упрямо*): Ну нет, Суворов мне пишет — Константин за ум принялся. По всей армии про него слава идет! Первый в атаке,

лучший в бою. И вообрази — не берут его ни сабля, ни пуля! Настоящий Романов! Авось у него и с женой теперь сладится! Короче, пиши в Саксен-Кобург, пусть они нам Аньку срочно вернут. А не то война, и сожгу я их Кобург до одних головешек! Вообрази, он с войны, а дома ждет жена, молодая и теплая! Ведь это ж плюс?!

КУТАЙСОВ (*покорно кивая*): Так точно — плюс, Ваше Величество! А коль так, то по поводу Александры можно сказать, что она, мол, не просто так, а палатина венгерская. Точней — венгерская королева! Эрцгерцог Иосиф по титулу король Венгрии, это что-то вроде принца Уэльского у англичан. Который в реале не хозяин Уэльса, ибо нет королевства Уэльского...

ПАВЕЛ (*с радостью*): И то верно! Вот дурак ты, Ванька, редкий дурак — а ведь сумеешь же что-то мне сказать дельное! За то и держу! И верно — дочь моя старшая отныне не кто-то там, а венгерская королева!

14 а

Павильон. Осень. Вечер. Вена. Шенбрунн. Тронная зала

Из дверей тронной залы выскакивают, как ошпаренные из бани, император Франц и Меттерних. По зале идет какой-то странный и злоеющий гул, будто там только что разворошили осиное гнездо размерами с дом. Франц спрашивает срывающимся голосом.

ФРАНЦ: Клеменс, ущипните меня, я не ослышался?! Этот лунатик и впрямь назвал свою дочь «самовластной венгерской королевой»?! И, блин, твою мать, как это надо понимать?

МЕТТЕРНИХ: Думаю, что это все звенья одной цепи. Давеча тетка ваша Мария-Каролина писала, что адмирал Ушаков увел из Неаполя русский десант. Перевез их в Венецию. Сказал, что в Неаполе им из-за действий англичан вдруг опасно. И еще что-то про смерть вашего дяди Иосифа.

ФРАНЦ: В каком смысле?

МЕТТЕРНИХ: Иосиф был союзником русских супротив турок, а главными его армиями были мажьярские. Ваш отец после смерти Иосифа перешел с русской на турецкую сторону, а мажьяр пытался призать. За это они его и убили. Теперь русский царь открыто сказал, что дочь его королева тех самых венгров, которые убили вашего же родителя...

ФРАНЦ (*нервно отмахиваясь*): Павел — чокнутый. Болтает все по-чем зря.

МЕТТЕРНИХ (*сухо*): Основные армии русских стоят нынче на Подоле и Вольни против нашей Галиции. Наш корпус в Галиции зажат меж этими русскими и мажьярскими инсургентами. Обычно мы может грозить венграм со стороны Вены, но нынче Вена сама зажата меж инсургентами и армией русского генерала Суворова. Если русские вдруг начнут и им придут на помощь мажьяры, вся наша страна будет рассечена с трех сторон кадровыми армиями противника.

ФРАНЦ (*со страхом*): О боже мой! Что же делать?

МЕТТЕРНИХ: Против Кутузова бить невозможно, ибо это сразу же война с русскими. Истребить мажьяр мы не можем, ибо это начало гражданской войны посреди Австрии. Слабым звеном у врага я вижу группу Суворова.

ФРАНЦ (*с надеждой*): И каков план?

МЕТТЕРНИХ: Гибель армии Моро в Вюртемберге, равно как и наши неудачи против этого же Вюртемберга, показывают, что горы — самый страшный враг и противник. Нужно завести Суворова в горы, и пусть он оставит там всю свою армию...

ФРАНЦ (*решившись*): Хорошо! Исполняйте! Но чтобы русские так ничего и не поняли!

МЕТТЕРНИХ (*с кривою усмешкой*): Ручаюсь, они до последнего будут считать нас своими лучшими друзьями-союзниками. А потом будет поздно...

Осторожный стук в дверь. Меттерних подходит к двери, ему оттуда подают записку. Меттерних ее быстро просматривает и усмехается.

МЕТТЕРНИХ: Ну что ж, это — перст божий. Лучшие русские части были наголову разбиты в Голландии. У нас теперь есть основание отвести все наши войска из Швейцарии и Италии. Скажем, из-за угрозы наступления врага через Голландию с севера.

ФРАНЦ (*недоверчиво*): Зачем уходить? Мы сейчас заняли почти всю Италию и Швейцарию.

МЕТТЕРНИХ: Солдат надо кормить. Италия уже разорена постоянными войнами, русские солдаты не ангелы, они начнут мародерство. Итальянцы восстанут, и вся русская армия будет там перерезана. Так что стоит нам уйти из Италии, и Суворов обязан будет отходить быстрее нашего, ибо иначе из Италии ему в жизни не выбраться.

ФРАНЦ: Но ведь русский флот, эвакуировав десант, уже вернулся к Неаполю!

МЕТТЕРНИХ: А в природе существуют шторма. В сезон штормов по морю вывозить армию?! Верная катастрофа. Суворову придется уходить чрез Швейцарию. И чем быстрее мы сами оттуда выйдем, тем больше шансов, что французы успеют занять перевалы и его там прихлопнут.

ФРАНЦ: Хорошо. Но чтобы комар носа не подточил!

15 а

Натура. Осень. Вечер. Цюрих. Расположение полка Ланского

Русские солдаты с озадаченными лицами смотрят на проходящие мимо них полки австрийцев. Люди потрясены, они не понимают, что происходит. Полковник Ланской, весь багровый и в раздражении, бежит вдоль строя и пытается людей успокоить. Слышны разговоры и крики: «Измена!», «Предатели!», «Ой, братцы, что теперь будет...» По дороге движется кавалькада из нескольких старших офицеров. Полковник Ланской бросается к проезжающим и почти кричит.

Ланской: Ваше высокопревосходительство, разрешите вопрос!

Римский-Корсаков (*спешиваясь и сумрачно*): Слушаю, Иван Андреич... Что у тебя?

Ланской: Люди волнуются. Австрийцы уходят, а мы? Как же мы? Мы же здешних гор ни разу не знаем, а они все уходят! Покидают Швейцарию. Почему?

Римский-Корсаков (*сухо*): Ужасное поражение в Голландии. Наши лучшие парадные части из Санкт-Петербурга. Много убитых. Весь штаб, всех наших генералов противник взял в плен. Британцы были рядом, но не сумели перебраться через канал. А может, не захотели... Фронт рухнул. Якобинцы идут на Брюссель. Австрийская армия срочно движется туда из Швейцарии. Теперь мы тут одни. Будет тяжело...

Ланской (*хрипло*): Да как же так?! Они же нас пригласили! Как же это?

Римский-Корсаков (*понижая голос*): Я тебе, Иван Андреич, больше скажу. Австрийская армия бежит и на севере. Вюртембержцы восстали. Брат нашей Марии Федоровны побил лягушей, а теперь поднял народ и на австрийских разбойников! Мол, прогнали якобинцев Моро, прогоним и австрийских грабителей.

Ланской: Ну дела...

Римский-Корсаков: Ты людям скажи: увидят солдат в белом и голубом с эдельвейсами, чтобы не трогали. Так местные их и зовут — горные егеря «Эдельвейс». У нас с ними мир, ибо они почитают нашу Марию Федоровну. А вот австрияков — режут как скот.

Ланской: Так вот почему австрияки бегут...

Римский-Корсаков: Да, здесь, в Цюрихе, они как в мешке. Натворили дел в Вюртемберге. А теперь на юге якобинцы, на севере «Эдельвейсы», а мы — меж теми и этими, как цветок среди проруби... Эх-х!

Ланской: И что теперь?

Римский-Корсаков: Теперь мы тут будем дорогу держать, чтоб Суворов из Италии смог выйти. В общем, сам погибай, а товарища выручай. Это австрияки — козлы позорные, решили свою шкуру спасти, а нам нету выхода! Умри, Иван Андреич, а Александру Васильевичу дай время выйти...

**Натура. Осень. Вечер. Альпы.
Верхний лагерь**

На небольшой площадке в горах горит малый костер, около которого замерзшие люди греются. Со стороны подъезжает гонец. От костра поднимаются цесаревич Константин и князь Багратион. Гонец разматывает длинный шарф, лицо его обморожено. Это Кристофер Бенкендорф. Он козыряет товарищам и говорит.

КРИСТОФЕР: К дозорам на гребне с перевала дошли «Эдельвейсы». Предлагают перетащить людей через горы. Не всех. Я отправляю больных и раненых. Давайте заберу ваших.

БАГРАТИОН: Эй, слушай! Что значит не всех?

КРИСТОФЕР: Сказали, что пропустят лишь тех, кто не из свиты цесаревича Константина. У них на него вроде зуб.

КОНСТАНТИН (со смешком): А я не больной и не раненый. Со всеми выйду. А вы, генерал, видать, у них в особой чести?!

КРИСТОФЕР: Вроде так, Ваше Высочество, вроде так. Да только и я не больной и не раненый, так что от эвакуации и я отказался. Даст бог, со всеми выйду.

КОНСТАНТИН (сухо): Добре. Кристофер... Послушайте, я сожалею, что все у нас с вами так вышло. Мир?

КРИСТОФЕР: Вы прекрасный солдат, Ваше Высочество, и я преклоняюсь пред вашим мужеством и военным талантом. Однако... Мы дружим с Шарлоттой Карловной, а она — не одобрит.

КОНСТАНТИН: Вы — наш лучший разведчик. Я ценю вас. Однако и отказа я не забуду. Честь имею.

КРИСТОФЕР: Честь имею, Ваше Высочество...

КОНСТАНТИН (резко): У меня в отряде многие — больные и раненые. Вы сможете сказать... что они не мои, а... ваши?

КРИСТОФЕР: Все мы — люди русские, Ваше Высочество. У меня в Прибалтике много поляков. Выдам их за лифляндцев.

Натура. Осень. Вечер. Альпы. Нижний лагерь

17а

В небольшой ложбинке разбита палатка. Около нее на барабане сидит Суворов, который читает донесения. К нему подходят люди с докладами. Наконец фельдмаршал откладывает бумаги в сторону и резко спрашивает.

СУВОРОВ: Какие вести из Цюриха?

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН: Полное окружение. Большие потери. Но еще держатся. У Римского-Корсакова двадцать тысяч, а у Массены — все восемьдесят...

СУВОРОВ (*морщится как от зубной боли*): Гореть в аду австриякам за то, что они сделали с Корсаковым... Завели наших в горы, итить колотить, а потом бросили... Козлы! Ей-богу, козлы! (*невольно усмехаясь*) Но Александр Михайлович все ж хорош... По сей день как на привязи врага держит.

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН: Они для нас держат там мосты и проходы, Александр Васильевич!

СУВОРОВ (*сухо и отворачиваясь*): Знаю. Только там нас и ждут. А мы идем перевалами, где никто еще не бывал и не хаживал... (*глухо*) Им бы там еще б денька три продержаться, и Массена нас уже не догонит.

Громко хрустят ветки в небольшом костре у палатки. Все молчат. О том, что ждет окруженную группу в Цюрихе, никто не спрашивает.

**Натура. Осень. День. Неаполь. Палаццо Каподимонте.
Летняя веранда**

16

Над Неаполем поднимается зарево пожаров и раздаются какие-то крики. Похоже, что в городе кого-то вешают. Однако здесь, в парке, окружающем дворец, тишина и прохлада. На открытой веранде расположились за одним столом король обеих Сицилий Фердинанд, его жена, дочь Марии-Терезии (и сестра Марии-Елизаветы и Марии-Антуанетты) Мария-Каролина и почетные гости Неаполя — лорд

Горацио Нельсон и его леди Гамильтон, а также русский адмирал Ушаков. В миг очередного взрыва криков где-то на улице королева Мария-Каролина, поморщившись, замечает.

МАРИЯ-КАРОЛИНА: Эта мерзкая чернь все никак не успокоится. Фердинанд, сделай же что-нибудь!

ФЕРДИНАНД (*разводя руками*): Но, дорогая, любовь толпы — явление преходящее. Проклятые якобинцы наговорили простому люду много всего, и мы даже не можем принять гостей в Палаццо Реале, пока все не успокоится! Бунтовщики внушили народу, что мы — австрийцы, а они — итальянцы, вот народ и бунтует.

ЛЕДИ ГАМИЛЬТОН (*ехидно*): И посему итальянцев, бунтующих против австрийских правителей, должны вешать мы, англичане, при том что город освобождали русские экипажи!

НЕЛЬСОН (*небрежно — Ушакову*): Кстати, Тедди, а почему бы нашим молодцам не помочь моим парням вешать всех этих местных паршивцев?

УШАКОВ (*сухо*): Мое дело было разбить якобинцев и уничтожить их флот. Мое дело — вытеснять французов из Южной Италии. На функции палача я ни перед кем не подписывался. И лично мне странно, почему британские моряки исполняют роль палачей при восстании Италии против Австрии?

НЕЛЬСОН (*с вызовом*): Может быть, на точно том основании, на котором русский Суворов вешал поляков на землях нынешней Пруссии? Ведь Варшава нынче вроде бы прусская? Ах, запоматывал, или это был Орлов, или, может, Кутузов?..

За столом повисает зловещая тишина. Два адмирала смотрят друг на друга с крайнею неприязнью. Дабы сменить тему беседы, король Фердинанд громко кашляет.

ФЕРДИНАНД: Или вот, кстати, новая традиция появилась. Офицеры передовой линии стали снимать перед боем головные уборы. Якобы теперь их стало видно стрелкам врагов. Говорят, какой-то тиролец свалил генерала Жубера перед боем при Нови до начала сражения. Его голова лопнула как прогнившая тыква! А-ха-ха!

Нельсон: Не уверен я, что это был тирольский стрелок, ибо выстрел прозвучал с позиции русских лейб-егерей. С русскими снайперами жить — по-волчьи выть. Король уже подписал указ об учреждении шаршутеров. Это все новомодные рубашки из олова...

Мария Каролина: Погодите, я все же не поняла. Вы говорите, что это русские стреляли в Жубера? И вы в ответ на это создаете шаршутеров? Я не понимаю! Вот если бы подобные стрелки появились во Франции...

Ушаков (*холодно*): Знает кошка, чье мясо съела. Моя новая эскадра, та, что пришла на помощь Неаполю, была прислана в Севастополь вовсе не для того, чтобы бороться с французами.

Нельсон (*с вызовом*): В чем же дело? Прямо здесь, в неапольской бухте, давайте и выясним, кто лучше — герой Чесмы и Калиакры или же Абукира. Средиземка мала для двух победителей.

Ушаков: Как только придет приказ Императора, я к вашим услугам...

Леди Гамильтон: Ой, мальчики, давайте не ссориться. В конце концов, мы сегодня союзники...

Ушаков: Турецкий бей, получивший высшую награду Турции за «спасенье Египта», русскому моряку не товарищ. Таких мы при Чесме как котят...

Фердинанд: Но погодите, кто старое помянет, тому глаз вон! Вон мы при императоре Иосифе вместе с Россией плечом к плечу дрались против турок. А как умер Иосиф и взошел на трон Леопольд, мы замирились с теми же турками и принялись воевать против русских! Я сам стал турецким пашой. И что теперь?

Мария Каролина (*с сердцем*): Из-за этого урода Иосифа мне, представьте, пришлось взять грех на душу. Вы же знаете, какие мои сицилийцы семейственные. А этот боров обрек на смерть нашу общую сестру Антуанетту. И вот, представьте, просыпаюсь — а на постели лежит отрезанная лошадиная голова. (*Леди Гамильтон восклицает: «Какой ужас!»*) А затем вся Коза Ностра мне сообщает, что, мол, Иосиф нарушил закон и выступил против семейных обычаев! Ну и что? Мне пришлось дать им денег. Я же не знала, что они этого урода зарежут! И представьте, вся семья была «за»!

УШАКОВ (*бледнея*): Сударыня, вы хотите сказать, что убили старшего брата — главного нашего союзника в войне против Турции, чтобы заключить с турками мир и союз против нас?! Вы понимаете, сколько народу у нас в России погибло от этого предательства?!

МАРИЯ КАРОЛИНА (*небрежно*): Да подумаешь! Фигня — вопрос! А вы видели, какие страшные головорезы из Коза Ностры ко мне пришли?! Плевать я хотела тогда на Россию и русских! Вы — вон где, а моя Коза Ностра — вот здесь!

УШАКОВ (*поднимаясь из-за стола*): Пусть ваша Коза Ностра вас отныне тут и спасает. А нашему флоту не пристало головы класть ради добра и спокойствия прожженных предателей!

МАРИЯ КАРОЛИНА (*с яростью*): Как вы смеете?! Кто вы такой? (*Нельсону*) Немедля расстреляйте все его корабли прямо на рейде!

НЕЛЬСОН (*с шутливым поклоном*): Чуть только будет приказ — всенепрременно и с радостью! Надо лишь, чтобы наш король хоть раз на свет вышел!

ФЕРДИНАНД (*с изумлением*): Погодите, а кто же издал приказ об учреждении шаршутеров, если король у вас — того? В смысле, этого...

ЛЕДИ ГАМИЛЬТОН (*со смехом*): А это у нас в стране — по наитию. Вдруг все поняли, что нужно срочно заняться стрелковкой. И вуаля! Точно так же есть у нас мнение — сейчас с Россией не связываться. И опять-таки — вуаля! Будет приказ, Горацио сразу же пойдет на русских в атаку. А нет приказа — нет и атаки... Гармония мира не знает границ... Лучше давайте пить чай!

Натура. Осень. День. Неаполь. Пирс в гавани

В заливе тени парусных кораблей с британскими флагами. Чуть дальше на внешнем рейде такие же тени кораблей под флагами русскими. Прямо к пирсу скользит легкая шлюпка. С пирса на нее садится адмирал Ушаков, и шлюпка обратно в море отчаливает. Ушаков мрачен. Молодой капитан Эссен его осторожно спрашивает.

ЭССЕН: Разрешите обратиться, ваше сиятельство? Англичанам что-то известно?

УШАКОВ (*расстроено отмахнувшись*): Нет. На остров смогла уйти лишь колонна Аберкромби. Остальных всех — просто в кашу. Возможно, что попал в плен твой старший брат... Гамильтон сказала, что в плену оказался даже сын короля — герцог Йоркский.

ЭССЕН: Так, вроде же англичане в бою не участвовали?

УШАКОВ: В бою — нет. Но к вечеру туда добрался сам Бонапарт, всех догнал и всем поочередно навешал. Шустрый малый. Лучше скажи, чего твой брат в пехоту пошел?

ЭССЕН (*пожимая плечами*): Традиция. Один брат у нас на флоте, а другой всегда в армии. Так и служим.

УШАКОВ (*мрачно*): Не бойсь. И нас не обойдет чаша сия. Джентльмены что-то чересчур воду мутят, а турки им союзники, а не нам. Не сегодня завтра, чует мое сердце, турецкий флот уйдет с Мальты, вернется в Стамбул, закроет проливы, и будем мы здесь зимовать...

ЭССЕН: В Неаполе?

УШАКОВ (*с досадой*): В Хренаполе! Этот гад Нельсон народ пачками вешает. Нарочно их злит. Нам до дому отсель далеко, а ему в тот же Гибралтар близко. Разгорячит он сейчас итальянцев — и ходу. А на носу — шторма, флот должен в гавани прятаться.

ЭССЕН (*растерянно*): И куда же мы теперь?

УШАКОВ (*сухо*): Весь наш флот, сырой, огромный да неуклюжий, в сих краях способна принять лишь одна гавань. Севастополь. И если турки британцев послушают и Босфор перед нами закроют — будет положение у нас почище, чем у твоего брата. Тем более что Суворов из Италии вроде ушел, и что мы тут делаем теперь — мне неясно.

ЭССЕН (*с горечью*): Будем отступать, как Суворов?!

УШАКОВ (*с яростью*): Хуже того! Будем тикать как ошпаренные! Ибо нам нужен был Неаполь, нам нужна была эта бухта. Но после того, что творит тут этот Нельсон, простые итальянцы уже плюют мне под ноги! А что будет завтра, когда начнутся шторма?! Все-то

они понимают, все рассчитали британские сволочи! Гонят они нас отсюда — вот что!

Шлюпка подходит к кораблю, для адмирала спускают плотик, который веревками поднимают на борт. На борту к Ушакову тут же подбегает вахтенный.

Юрий Невельский: Быстрым парусом — срочное сообщение! Турецкий флот уходит от Мальты. Уходили нехорошо, плевались в нас, с фелюг своих нам голые жопы показывали. Кричали, что всех нас будут резать.

Эссен восхищенным взглядом смотрит на Ушакова. Тот чуть кивает и, обращаясь к команде, приказывает.

Ушаков: С якоря сниматься всем вдруг. Курс — домой, в Севастополь. По пути захватим отряд наш на Мальте. Задача — быть быстрее в проливах, чем турки. Все ясно? Вопросы есть? Вопросов нет... Ну, с богом!

Натура. Осень. День. Павловск. Ворота

Холодный, сумрачный осенний день. К воротам павловского дворца подъезжает карета. Такое чувство, будто ее встречают: сразу за воротами выстроилась целая процессия. Там и Шарлотта Карловна в окружении великих княжон с мальчиками — Костей Бенкендорфом и цесаревичами Михаилом и Николаем, и мамки, и няньки с разными фрейлинами. Впереди всех очень взволнованная Мария Федоровна, за которой вечными тенями следуют ее охранники Невельский и Оболенский, а также и новая статс-дама Государыни юная Доротея Бенкендорф. Из кареты выходит Салтыков, и государыня к нему бросается.

МАРИЯ: Ну что там? Как там? Какие вести от Кристера?

САЛТЫКОВ (*сокрушенно разводя руками*): Ничего не известно. Как в воду канул. Известно, что прикрывал наш отход, то есть стоял даже сзади нашего арьергарда. Потом был отрезан. Уже понятно,

что в Тироль он со своими егерями так и не вышел. Может, сдался со многими в плен, может, в горах где-то прячется.

МАРИЯ (*с возмущением*): Мой Кристер?! В плен?! К лягушатникам? Боже, какой позор! Нет, ни за что! Он точно засел со своим отрядом на какой-нибудь горке, и они по сей день там отстреливаются...

САЛТЫКОВ (*с горечью*): Помилуй же, матушка... Снег лег в горах... Перевалы все занесло, а он, по слухам, у нас был уже обмороженный...

МАРИЯ (*оседая в руках Салтыкова и начиная рыдать*): Господи... Он же ведь так любил на болотах гонять своих зайцев! Вот и воевал бы себе на болотах! Он же не скалолаз, он же — егерь! Черт его дернул лезть в наши горы! Это его урод мой нарочно на смерть послал! Предатель! Ненавижу! Убью говнюка!

ДОРОТЕЯ (*бросаясь на колени пред государыней*): И вовсе он не погиб. Там же рядом ваш Вюртемберг, а мы им всем пошили шарфы в ваших бело-синих цветах. Их там по этим шарфам ваши найдут и к вам в Штутгарт обязательно выведут! Я уверена!

МАРИЯ (*сразу переставая рыдать и оборачиваясь всем телом к своей юной помощнице*): Ой, и верно! Там же рядом наш Вюртемберг! А у него и наши шарфы, и мой портрет в медальончике! Его по нему наши узнают и спасут. Им же дорогу в Тироль лишь отрезали, стало быть, через перевалы к нам в Вюртемберг путь свободен! (*судорожно утирая слезы*) Я срочно брату моему напишу! Он прикажет, и Кристера с гор выведут!

ДОРОТЕЯ: И верно, коль отца в горах сыщут, так будет им премия. Дело лучше пойдет!

МАРИЯ (*начиная улыбаться и лихорадочно утираясь*): Какая же ты умная, Дашенька! Как на маму похожа — вылитая Шарло, она рассудила бы так же. И верно, пусть ищут! А не то — фиг им! Так и напишу — ясный фиг! Так и сделаю!

САЛТЫКОВ (*ядовито*): Будь при дворе столь же умные, могли бы хоть царю подсказать, что не дело ставить книжника на место фельдмаршала!

МАРИЯ (с раздражением): Глупости — на главный фронт посылать необстрелянных! Глупости — верить, что на параде люди рукопашному бою научатся. Ведь мальчишек послал, вся столица у нас нынче в трауре! Даша ездила, сама видела, она подтвердит! Куракин его — толстый жаб, всей стране приказал, чтоб ни в одной газете про конфузию в Голландии никому не писать! А вся столица-то — в крепе и в черном!

Салтыков начинает успокоительно гладить государыню по спине. Взгляд его невольно падает на юную Доротейю. Глаза девушки покойны и холодны. Похоже, что государыня и ее деньги — в надежных руках.

Павильон. Осень. Вечер. Инсбрук. Замок

Старый замок, видимо, недавно пережил пожар и вторжение. На стенах следы гари и копоти, гобелены и обои на стенах местами обгорели, местами ободраны. У огромного растопленного камина в кресле сидит Мария Елизавета в своей обычной черной одежде с лицом, закрытым вуалью. За ее спиной стол, на котором ее рыжая дочь Хейди что-то старательно пишет. Девушке скучно, и она норовит то поиграть со своим пером, то сложить из листочка бумажного голубя. Мать ее контролирует.

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА: Ты выполнила урок? Какой ответ у тебя получился в задании?

ХЕЙДИ (жалобно и делая большие глаза): Ах, маменька, что-то у меня не выходит. Никак ничего не придумаю. Да и зачем нам, девицам, алгебра? Я же не стану училкой?!

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА (строго): Математика нужна для дисциплины. Если бы я раньше занялась математикой, я бы стала королевой Франции.

ХЕЙДИ (сварливо): Если бы ты раньше занялась математикой, Луи французский даже не сделал бы тебе предложение! Я читала о нем, он был редкий козел и любил только глупеньких!

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА (*резко*): Я не была глупенькой! И потом фавориткой у Луи была мадам Дюбарри, а она точно не была глупой. Развратною сукой была, а глупою — нет! Решай-ка лучше задачу...

Хейди (*с интересом*): Mam, а что ж дурного-то в том, чтобы слыть развратною сукой? Зато она пожила хорошо. А ты заперлась навсегда в этом замке и... Я даже не знаю, кто мой отец! (*мрачно*) У Дюбарри был Луи, и роди она дочь — та точно бы знала, от кого она родом!

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА (*в замешательстве*): Я говорила тебе. Это был заезжий певец. Фокусник. Очень красив, потому что в нем цыганская кровь! Я же тебе все рассказывала!

Хейди (*с досадой*): Ой, не свисти, мам. Рыжий цыган... Самой не смешно? Где ж это ты рыжих цыган-то увидела? Они ж родом с Индии... (*грустно*) Коли он был цыган, у меня был бы дар к музыке... А я лишь рисую. (*задумчиво*) Рыжих много на севере — в Бургундии да в Лотарингии... А в соседних Бельгии да Голландии полно живописцев. (*с интересом*) У него, наверное, есть жена и детишки, а ты не хотела бы его выдать?

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА: Чего это на тебя такой стих нашел? Да какая же тебе в этом разница? Неужто красавца заметила? Кто он?

Хейди (*радостно*): А я не знаю еще! Они все такие молодые, высокие, статные — прямо как тот самый мальчик, который в Риме к нам приходил, ты его помнишь?! Вечером в Ратуше будут танцы! (*жалобно*) А ты заставляешь меня сидеть с математикой!

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА (*покачивая головой*): Ах, вот откуда у нас ветер дует! Ты хоть понимаешь, что все эти русские офицеры Суворова баб год почти что не видели?! Они-то в лепешку перед тобой расшибутся, чтоб ты бы им соответствовала. А потом? Ты останешься с пюзом, а они уедут в Россию. И что ты тогда станешь делать?

Хейди (*с горячностью*): А что мне сейчас делать?! Все мои сверстницы давно уж на выданье, а у меня впереди только старость! Да — сраная математика! Ибо они — ясно кто, а я лишь якобы твоя камеристка! Незаконная! А вот пойду в Ратушу, а потом рожу себе радость и буду любить ее так же, как ты меня!

Госпожа Тироля, наследная принцесса австрийская поднимается со своего кресла, подходит к дочери, а та чуть отшатывается, будто ожидая удара. Однако мать лишь обнимает свою юную дочь и ласково целует ее. На глазах у эрцгерцогини горькие слезы. Она гладит дочку по волосам и почти шепчет.

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА: Ну хорошо. Собирайся на танцы. Однако все ж хоть у тебя и нету отца, но есть — мать. Коль отыщешь кого — сперва явитесь ко мне на смотрины. Он и мне обязан понравиться.

ХЕЙДИ (с радостным взвизгом): Ой, ты моя самая лучшая мамочка!

С этими словами рыжая девушка кидается к матери, душист ее в объятиях и бежит куда-то. Видимо, к танцам готовится. Эрцгерцогиня понимающе покачивает головой и идет назад в свое кресло. В этот миг раздается осторожный стук в дверь, и в залу заходит новый мажордом Хайнц. Он держит на подносе некую бумагу, которую вместе с подносом подает госпоже. Мария Елизавета как-то искоса смотрит на Хайнца, садится в свое кресло, не принимая письма, и бормочет.

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА: Твое лицо — как раскрытая книга. Вижу, что очень дурные вести. Расскажи на словах, врачи запретили мне любое волнение.

ХАЙНЦ: В префектуру поступила жалоба от двух девиц, что работают прислугой при постоялом дворе «Элефант». Согласно протоколу, вчера вечером их уговорили зайти в номера русские офицеры. А там... (замявшись) В общем, девицы подали жалобу.

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА (с изумлением): Девки с постоялого двора?! Да они небось за свою жизнь повидали все — от Рима до рыма! И они жалуются? Что случилось?

ХАЙНЦ (сухо): Согласно медосмотру, русские... (мнется) надругались над ними, будто над мальчиками. А потом еще по живому телу ножами их резали. Вензель — «К» и «Р».

Герцогиня сидит в кресле будто окаменелая, лишь рука ее прижата к лицу — к тому месту, где под вуалью у нее страшный шрам. Затем она почти что шипит.

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА: В острог всех преступников! На кол их посадить. На кол!

Хайнц (сухо): В этом-то и заминка. Главным зачинщиком в сием преступлении стал русский принц. Потому и вензель — «Константин» и «Романов». Мы не можем задержать сына и наследника нашего основного союзника!

Мария Елизавета с места судорожно вскакивает, мечется по залу, а потом с ужасом кричит.

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА: Найдите Хейди! Срочно сыщите Хейди! Не пускать ее на бал — ни за что! Гюнтера и Франца ко мне!

Хайнц бросается куда-то из зала, такое ощущение, что весь замок сразу приходит в движение. Мария Елизавета быстро и судорожно пишет какие-то письма, запечатывая их своим личным перстнем. В залу вскоре вбегают два молодых человека, один из которых очень похож на погибшего Франца, просто лет на двадцать моложе. Вслед за ними вбегает и Хайнц.

Хайнц (радостно): Поймали! На пороге словили, собиралась уже куда-то там выйти! Что с ней прикажете? Наказать? Выпороть?

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА (отмахиваясь): Не ваша печаль. Просто пусть в комнате посидит, а ты с ней. И следы, чтоб чужие к нам не пришли. (одождав, пока Хайнц убежит исполнять, и поворачиваясь к Францу) Отец ведь брал тебя с собой исполнять мои щекотливые поручения?

МОЛОДОЙ ФРАНЦ (прищелкивая каблуками): Именно так, Ваша светлость!

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА: Прекрасно. С этим письмом (вручает письма слуге) как можно быстрее едешь в Швейцарию. Не забудь белый флаг. Дорога там перекрыта французами. Требуй, чтоб сыскали жандарма. Покажешь жандарму вот эту пуговицу (передает пуговицу)

и попросишь передать письмо лично главному жандарму — Фуше. Срочно! Кроме того, проси двух французов — обязательно в форме, чтобы те вернулись с тобой назад — сюда, в Инсбрук. Все ясно?

Молодой Франц: Так точно!

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА: Ну с богом! (*подождав, пока убежит Франц, и лишь после этого обернувшись ко второму молодому человеку, который пришел вместе с Францем*) А что, дом свиданий у старого Шульца все так и работает? Я же приказывала это гнездо разврата закрыть!

ГЮНТЕР (*тщедушный молодой человек — с явной неловкостью*): Они ж на отшибе! Почти что за городом! И потом... У них же — особый профиль. Второго такого борделя нет в Инсбруке...

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА (*небрежно*): Что, и сам туда тоже похаживал? Прискучили девочки? Мне без разницы. Идешь сейчас к Шульцу, пусть готовит лучшие комнаты, побольше шнапса и мальчиков, что повыносливей. Эти русские невероятно жестоки. Однако я заплачу за все сверху.

ГЮНТЕР (*облегченно*): Слушаюсь! Все будет в лучшем виде!

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА: Затем найдешь среди русских людей наследника Константина и скажешь им, что есть особое место — как раз по вкусу их предводителя. И отведешь их всех к Шульцу.

ГЮНТЕР (*с интересом*): А что потом?

МАРИЯ ЕЛИЗАВЕТА (*сухо*): И — все.

По площади от Нового замка идет огромная толпа. Во главе ее брат Марии Федоровны герцог Вюртемберга Фредерик Вильгельм, за которым следом идет Кристофер фон Бенкендорф. По обе руки от Кристофера князя Голицыны — Борис и Дмитрий. Вокруг вперемешку с полупьяными немцами идут прочие русские егеря. На всех русская зеленая форма с черными элементами. У каждого в одной руке — кружка

с пивом, в другой — бело-синие шарфы в цветах Вюртемберга, которыми наши офицеры размахивают. При этом они хором кричат.

ЕГЕРЯ:

И на танцах, и в походе
Егеря всегда в почете.
Ворог будет вновь разбит,
Снова Кристер победит!
Бир цу хир, бир цу хир,
Выпьем, братцы, мы — за мир!
Синий ветер, белый снег.
Не забудем Вюртемберг!

Последние русские части вышли из окружения.

**Павильон. Осень. Вечер. Зимний дворец.
Покой Александра**

66

По коридору идет князь Кочубей. Под мышкой у него какая-то папка. Князь подходит к комнате Наследника, негромко стучит. Вдруг из-за двери голос Павла: «Кого там опять черт принес?» Князь от двери ошеломленно отскакивает и даже не знает, что делать. Дверь сразу распаивается. На пороге стоит небольшой молодой человек с подвижным лицом. Он, чуть гримасничая, приглашает князя войти и говорит голосом Александра.

ГОЛИЦЫН: Запаздываешь, Витенька!

Кочубей с опаской заглядывает в комнату. Там на небольшом диванчике сидит Наследник Александр, который, чуть усмехаясь, манит к себе рукой Кочубея. При этом он говорит Голицыну.

АЛЕКСАНДР: Спасибо, Александр Николаевич. Я позже вас вызову.

Голицын с легкостью вытаскивает из покоев. Кочубей с изумлением спрашивает вслед.

КОЧУБЕЙ: Это еще что за клоун?

АЛЕКСАНДР: Не поверишь — князь Голицын, забавный выдумщик. Мы с ним росли вместе.

КОЧУБЕЙ (*поежившись*): И откуда он тогда взялся? Что-то я его у нас не видал.

АЛЕКСАНДР (*со странным смешком*): А где у нас при дворе были все, кто не прочь торговать своею жо...? (*Передразнивая Кочубея, крутит руками.*)

КОЧУБЕЙ (*с охренившим видом*): Ты что?! Приваживаешь к себе всю свистобратию Константина?!

АЛЕКСАНДР (*пожимая плечами*): Когда отец в железзах забирал его на войну, с этого корабля побежали все крысы. В том числе и сей Сашка... Пришел, предлагал странное. Обещал раскрыть тайну трех карт и загадки философского камня.

КОЧУБЕЙ (*с фырканьем*): О господи! Ты что, ударился в мистику?

АЛЕКСАНДР (*небрежно*): Говорит он забавно. Но тут важнее другое. Он изумительно подражает чужим голосам. Ради этого я его принял.

КОЧУБЕЙ: Не понимаю — на кой черт?

АЛЕКСАНДР (*тихо*): Когда Николаич сказал голосом моего отца, ты ведь от двери-то отпрянул. Хоть и знаешь, что отец нынче в Австрии. Ведь поверил, не так ли?

КОЧУБЕЙ (*смущенно*): Каюсь, было не по себе.

АЛЕКСАНДР: Вот я и подумал: подошел кто-нибудь к моей комнате, а оттуда два голоса — твой и мой. А на деле там сидит лишь Сашка и на два голоса меж собой разговаривает. А мы с тобой, милый друг, тем временем у отца в Гатчине иль у матушки в Павловске. Хватятся потом — кто был да где, а у нас свидетели, что были мы с тобой в этой комнате. Чуешь?

КОЧУБЕЙ (*хрипло*): Погоди, но этому содомиту невозможно довериться! На другой день он с нас станет что-то да требовать...

АЛЕКСАНДР (*со значением*): Стоп. Ты же у меня главный в полиции. Если у тебя нету духу по-тихому придавить в углу слабосильное чмо, ты так и скажи. Работа в полиции — дело грязное.

КОЧУБЕЙ: Ты хочешь сказать, что мы сперва в Гатчину или (*с сильной запинкой*) в Павловск, а как вернемся — этого чудика в мешок да в Неву?

АЛЕКСАНДР (*сухо*): А ведь я не ошибся в тебе, Виктор Палыч. Кстати, где твой доклад по казнокрадам и взяточникам? Что нового, какие еще у нас появились сторонники?

Кочубей торопливо передает свою папку Наследнику, и тот с интересом начинает оттуда бумаги рассматривать.

Натура. Осень. Вечер. Окраина Инсбрука. У борделя

76

На самой окраине города, в каком-то темном закоулке под самой горой притаился небольшой дом. Сейчас там идет какой-то праздник или, может быть, торжество. Слышны гогочущие пьяные мужские голоса и писклявые да визгливые голоса, похоже, мальчиков. На улице уже сыро и холодно, но окна в странном доме все нараспашку, и поэтому голоса всех вокруг хорошо слышно. Почему-то совсем не слышно голосов женщин, а окрестные дома будто притаились и вымерли. В густой тени возле дома прячутся какие-то смутные фигуры. Это французские офицеры, рядом с ними крутятся знакомые нам Хайнц, Гюнтер и юный Франц. Все они тоже надели французскую военную форму. Старший группы у Гюнтера спрашивает.

ВЕБЕР: Боже, я больше не выдержу! Сейчас пойду в дом и начну всех стрелять! А этих мерзких юнцов порочных в первую голову!

ГЮНТЕР (*меланхолично*): Пока слышны голоса — стало быть, сонное зелье еще не подействовало. А русский принц — что медведь! Пока не заснет, коль войти туда — он сам вас уестествит и замучит. Я уже сдуру заходил ненароком... К счастью, не до конца все ж замучили...

ВЕБЕР (*нервно отодвигаясь от Гюнтера*): Твою ж мать... А зачем... Зачем у них окна открытые? Ведь на улице сыро да холодно!

В ответ долгая тишина. Затем Хайнц со вздохом бормочет.

Хайнц: Когда мы до появления русских эту хату готовили... Ну, петли промазывали, чтоб ничего этой ночью не скрипнуло, да меняли старые половицы — чуть не угорели вконец. Там траву какую-то жгут благовонную, чтоб дерьмом меньше пахло... Так что там воздух такой, что аж мутит...

ВЕБЕР (*мрачно*): Ну вот, сперва здесь замерзнем, потом там невесть чем со всей дури надышимся, а потом еще и борова этого на себе тащить до границы. И пальцем ни одного содомита не тронь! Твою ж мать... А я мечтал служить милой Франции!

Павильон. Осень. Утро. Зимний дворец. Тронная зала

По Тронной зале идет Император Павел. Он в дорожных сапогах, одежды его сильно помяты, лицо у Государя усталое. За ним торопливо переваливается с боку на бок Курайсов. В Тронной зале государя ожидают канцлер Куракин и руководитель секретариата и начальник почт фон Пален. Государь сумрачно кивает обоим и, взбираясь на высокий трон, садится и говорит.

ПАВЕЛ (*с досадой*): Ну вот, отдали двух дочек замуж и сына — в солдаты. Пустые хлопоты предальной дороги. Насилу успел на мою же коронацию великим магистром Мальтийского ордена. Зачем ездил?! (*Куракину и фон Палену*) Ну что тут? Рассказывайте!

КУРАКИН (*странно разводя руками*): Да вот... Жена Наследника разрешилась от бремени. Не знаем теперь, что и делать...

ПАВЕЛ (*небрежно*): Да, читал твой доклад. Еще одна девка. Куда мне их — солить что ль? (*с неудовольствием смотрит на обоих министров, затем настораживается*). Ну что тут-то не так?! Вы меня, прям, уморите!

ФОН ПАЛЕН (*вытянувшись по стойке смирно*): Осмелюсь доложить — волос у цесаревны неправильный. Рано иль поздно это всему миру откроется.

ПАВЕЛ (*с непониманием*): То есть как?

Фон Пален (*по-военному рапорту*): Согласно данным теории наследственности Менделя, у родителей с темными волосами может появиться ребенок с волосом светлым. Но у светлых родителей не может быть темных детей. Ваш сын и его жена — светлые, однако Елизавета Алексеевна родила темную девочку. Будет скандал.

Павел от неожиданности на троне подпрыгивает. Затем он вскакивает с места и начинает метаться по зале, явно не зная, что делать. Затем нервно дрожа рукой, он указывает перстом куда-то вверх и кричит.

ПАВЕЛ: Да это... Это черт знает что! Позвать сюда немедленно Наследника!

Все люди в зале приходят в движение. Кто-то стремится ускользнуть с глаз Государя подальше, кто-то убегает в поисках Александра, кто-то начинает обсуждать новость. Вскоре одна из дверей в залу распахивается, и из нее появляется Александр. Павел со всех ног бежит к сыну.

ПАВЕЛ: Боже мой... Мне сообщили вот только что. Я разведу тебя — как только смогу!

АЛЕКСАНДР: В смысле?

ПАВЕЛ: Ну... Я так понимаю, что ты очень страдаешь. Неверность жены...

АЛЕКСАНДР (*небрежно*): Я страдаю лишь от того, что от нее дурно пахнет. Конечно, я понимаю, что подбирали мне ее братья Румянцевы, которым запах сей родной и привычный, но меня-то от него постоянно воротит.

ПАВЕЛ (*судорожно*): Да, я и сам заметил... Я за это буду наказывать! Где Румянцевы?

АЛЕКСАНДР (*сухо*): Ты сам их вернул! В ссылку же бабушка их отправила именно за то, что они мне сосватали Лизку, а брату — Аньку. От первой смердит, а вторая больна на всю голову!

ПАВЕЛ (*нервно*): Я — исправлю! Я все исправлю! Вот...

АЛЕКСАНДР (*прерывая отца*): А зачем? Мой младший брат Николай столь же не похож на тебя, как моя дочь на меня. Ты по поводу Николая никогда не шумел, почему же я-то должен позориться? Я не буду спать с Лизаветой! Она на всю Европу развонила, что я бессилён. Пришлось просить Чарторыйского подменить меня.

ПАВЕЛ (*растерянно*): Но эта девочка... Она же нынче наследница...

АЛЕКСАНДР (*пожимая плечами*): Иль она, или мой милый брат Константин. Я бы ставил на Костика. А ты, папочка?!

Павел силится что-то сказать, но у него перехватило дыхание, и он лишь молча раскрывает и закрывает рот. Наследник кивает отцу, небрежно приветствует прочих собравшихся и покойно уходит назад — видимо, на свою часть дворца. Вслед за ним торопливо идет и его свита. Канцлер Куракин философически замечает.

КУРАКИН: Тут на все Божья Воля. Или цесаревича Константина в бою пуля найдет, или он сам самолично... Божий суд — дело правое! А разводиться-то нет! Оно — не по-нашему! Уж какая Наталья у тебя верхивостка была, а и то без развода все сладилось!

ПАВЕЛ (*с горячностью*): Да я!.. Да с Натальи по моему приказу и волос бы не упал... (*с неожиданным подозрением смотря на Куракина*) Ты?! Да как ты посмел?!

КУРАКИН (*с достоинством*): А я не стыжусь. За дело сие четверть века провел в ссылке, зато избавил тебя, мин херц, от постылой! Ты только моргни, и эту девку приبلудную — сей миг...

ПАВЕЛ (*отшатываясь*): Да ты что?! Это ж... Невинное дитя...

КУРАКИН (*с пресным лицом*): Мне-то что... В том разе Костика еще не было, вот и пришлось мне ради любви к тебе, непутевому, брать грех на душу. А нынче, раз у тебя нормальный сын есть, пусть он сам вернется и дело решит. Раз у тебя, мин херц, кишка-то тонка...

ФОН ПАЛЕН (*щелкая каблуками*): Какие еще приказы, Ваше Величество?

Павел, который до этого с открытым от изумления ртом смотрел на Куракина, переводит свой ошарашенный взгляд на фон Палена и, похоже, не понимает, что тот от него сейчас хочет.

Натура. Осень. Утро. Кронштадт. Причальная стенка

96

Серое холодное утро. Моросит мелкий дождь. На причале стоит сэр Исаак в дорожном плаще и кормит чаек. Откуда-то со стороны таможни к нему на рысях подбегает Абрам Перец, который в совершенном восторге от встречи.

ПЕРЕЦ: Ах ты, боже мой, какими судьбами?! Вот уж не ждали! Вот уж радость так радость!

ИСААК: Я тут буквально на один день, молодой человек. Проездом. Проверял, как доставлен в Россию товар. Товар сдал — и назад. Я зачем же вас вызвал, дай бог памяти... Ах, вот. Вы все еще поставляете малиновую соль ко двору? У вас вроде был Наследник Александр покупателем...

ПЕРЕЦ: Точно так! Он и по сей день покупатель!

ИСААК: А матушка его, Государыня Мария Федоровна, она соль не берет?

ПЕРЕЦ: Ах, божечки мои! Мне по секрету сказали, что лучшая подруга ее Эльза Паулевна не советует иметь со мною дел. Вот и не берут-с!

ИСААК: Ах, фрау Эльза — это голова! Хороший совет, должен сказать. У нашей Эльзы всегда была голова на плечах... А сохранились ли у вас все расписочки о средствах, которые мы пару лет назад подарили Наследнику через друга его Кочубея?

ПЕРЕЦ: Есть, конечно, как не быть! Все есть!

ИСААК (*делая знак кому-то на корабле*): Прекрасно. Так я вам сейчас передам очередные подарки для князя, а вы, молодой человек, проследите, чтобы он их у вас принял. Вы меня поняли?

ПЕРЕЦ (*задумчиво*): А если?

ИСААК (*сухо*): Тогда скажите ему, что если ему больше не надо подарочков, то все его расписки завтра же будут на столе Павла. И вот еще... В прошлый раз я привозил вам одного человечка из Риги.

ПЕРЕЦ (*торопливо*): Как же, как же. Фон Палена Петра Алексеича. Он по сей день живет у меня. Совсем даром!

ИСААК (*с ухмылкой*): Ну и славно! Если вдруг пойдет что не так, все валите на него, как на мертвого. Мол, деньги все пришли к вам из Риги. От нашей милейшей Эльзы Паулевны. Я ей должен.

Осень. Утро. Рига. Дом и задний двор градоначальницы

В спортивном зале в подвале дома градоначальницы оживленно. Пары молодых людей и девиц отрабатывают друг на друге приемы ножевого и кулачного боя. Вдоль стены идет в своем неизменном черном мундире Эльза фон Витгенштейн. Она внимательно смотрит за тем, как идут занятия, то и дело указывая молодым людям и девицам на их ошибки. Ее окликают. Эльза оборачивается, делает знак и вслед за гостьей выходит на улицу. На заднем дворе кругом уже лежит снег. Гостья откидывает назад капюшон своего плаща, и мы видим, что это бывшая служанка Эльзы Кирстен. Только теперь у нее тоже офицерская форма и капитанские знаки различия. Кирстен вся взмокла и явно взволнована. Эльза на миг кладет руку девушке на плечо, чтобы та успокоилась, а потом спрашивает.

ЭЛЬЗА: Ты быстро обернулась. Я тобою довольна. Что случилось? Письмо князя было совершенно паническое.

КИРСТЕН: Князь Кочубей будто не в себе. К нему приходил Абрам Перец и угрожал передать какие-то расписки времен Екатерины самому Павлу. Про расписки не поняла, князь сказал, что вы про них знаете. Перец требует от князя, чтобы тот снова взял у него деньги, а деньги якобы дал ему Пален — от вас. Князь перепугался, ибо вы и

сами могли отдать ему эти деньги. Мол, зачем сюда путать Палена? Он напуган и просит от вас объяснений!

ЭЛЬЗА (*с сухим смешком и будто про себя*): Ну, наконец-то! Боялась, что они не решатся. Однако же... Достал он их все-таки! (*обращаясь к Кирстен*) А когда пришел Перец?

КИРСТЕН: В конце октября.

ЭЛЬЗА (*возбужденно прищелкивая пальцем*): А числа двадцатого от нашего сэра Исаака в столицу прибыли новые станки для заводов. Видно, на том же корабле пришли деньги... Это — британская разведка! Есть!

Эльза начинает возбужденно ходить кругами. Кирстен преданно следит взглядом за своей госпожой. Наконец, Эльза замирает и начинает говорить.

ЭЛЬЗА: Тебе нужно срочно вернуться назад в Петербург. Князю скажи, что деньги взять нужно. В обмен на расписку пусть просит Переца вернуть ему корешок, на котором будет указана сумма. Забери корешок и передай его Палену. Петру Алексеевичу скажи, чтоб нагнул Переца — мол, сумма на корешке не совпала с той, которую ему послал Исаак. Пусть покраденные деньги с этого поца стребует. А заодно допросит с пристрастием, как там и что. Поняла?

КИРСТЕН: Так точно. (*чуть мнетя*) А откуда вы знаете, что сумма не совпадет и что деньги прислал Исаак? Я научиться хочу.

ЭЛЬЗА (*со смехом*): По наитию. Я знаю Исаака и его манеру сваливать на других. Например, на нас с Паленом. И я знаю Переца! (*серьезней*) И еще... Узнай у князя, не готовится ли чего против Марии Федоровны. Если британцы хотят убить Павла, корона перейдет или ей, или ее сыну. А наш Алекс тот еще гад...

Осень. Вечер. Зимний дворец. Тронная зала

116

Посреди Тронной залы огромный помост, на котором поставлен небольшой столик. Вокруг столика полукругом в несколько рядов поставлены кресла. Все кого-то ждут. Ожидание, похоже, затягивается. Царь Павел, сидящий

в первом ряду, то и дело со своего места вскакивает, снова садится и объясняет всем извиняющимся голосом.

ПАВЕЛ: Ну уж простите его! Задержался. Бывает. Это великий маг и волшебник — Пинетти! Я нарочно выписал его из Германии. А заодно он с оказией привез к нам и невестку мою Аннет, а то загостилась она у родителей. Вообразите — безумная девка, босиком из Силезии по болотам к себе на родину в одном исподнем ушла. Я всегда слышал, что кошки домой возвращаются, но чтобы юная девица... Фантастика!

Рядом с Государем со скучающим видом сидит Наследник Александр, а по другую руку — юная Анна Федоровна. Она, как обычно, оживлена, крутится на месте, как юла, постоянно со всеми кокетничает и болтает без умолку. Быть в центре внимания ей явно нравится. Двери в залу вдруг раскрываются, и входит странный человек в черном, весь как будто изломанный, с гримом печального Пьеро на лице. В руке у мага и волшебника клетка, в которой трепещет крыльями маленькая птичка — ласточка. При виде волшебника Анна Федоровна визжит от восторга и бьет в ладоши.

АННА (с восторгом): Папаша всем нашим грозил, что объявит войну, если я не вернусь! А мы — ни в какую! А потом Пинетти сказал, что у него хороший контракт, и я сама подорвалась. Прикиньте, месяц в одной карете с магом-волшебником! Найдется что моим внукам рассказывать!

Наследник Александр с интересом и оживлением смотрит то на невестку, то на мага-волшебника, и на лице его сперва выражение ироническое. Затем он критически мерит взглядом развеселую Анну и скукоженного мага-волшебника, презрительно фыркает и снова утрачивает интерес к представлению. Государь же кипит.

ПАВЕЛ: Позволь объясниться, друг мой! Ты сам назначил представление на семь, а сейчас уже восемь! Это как же, твою мать, все прикажешь понимать?

ПИНЕТТИ (загробным голосом): Прошу прощения, Ваше Величество, но на моих часах ровно семь. А на ваших?

Люди начинают проверять часы. Похоже, что у всех на часах и впрямь семь. В это время начинают громко и гулко бить большие часы Тронной залы. Ударов и здесь ровно семь. Анна Федоровна с визгом подскакивает на своем месте и кричит.

АННА (с *ажитацией*): Маг! Маг и волшебник! Он мне этот фокус уже который раз показывает. Да только я не пойму, в чем секрет! Шарман! Ей-богу, шарман! Столь прикольного мага у нас никогда не бывало в Саксонии!

ПАВЕЛ (*раскланиваясь вместе с магом и с гордостью*): Да что там ваша Саксония... Сплошной хлев! Все настоящее волшебство случается лишь у нас здесь — в России!

Тем временем маг достает из клетки несчастную ласточку и прямо на глазах у зрителей у себя в руках давит. Слышен хруст костей, и текут капли крови. Затем маг всем мертвую птичку показывает и говорит.

ПИНЕТТИ (*загробным голосом*): Жизнь... Вот настоящее таинство! Но лишь тому, кто осмелится продать душу змею великому, дарована тайна жизни! Жизни вечной! (*Анне Федоровне*) Милая фройляйн, по старой дружбе — окажите мне помощь!

Анна с готовностью вскакивает и подбегает к волшебнику. Тот передает ей окровавленное и бездыханное тельце ласточки. Анна Федоровна берет тельце дрожащей рукой, глаза ее совершенно безумные и восторженные. Она явно знает, что будет дальше и сама к магу и волшебнику всем телом тянется. А тот начинает делать загадочные пассы руками и бормочет.

ПИНЕТТИ (*загробным голосом*): Именем Астарты и Вельзевула заклиная тебя, Царь мира сего, верни жизнь этому невинному существу! (*Анне*) Вы юны и невинны, лишь в вас есть мистическая энергия жизни и молодости! Вдохните же ее в это мертвое тело! Прошу вас!

Анна Федоровна осторожно начинает дуть на тельце недвижной птички, и та вдруг начинает шевелить крыльшками. Затем ласточка легко с руки Анны вспархивает

и начинает кругами летать по зале. Зрители издают восхищенные возгласы, Анна Федоровна визжит от восторга. Наследник Александр опять оживился и с интересом смотрит на мага-волшебника.

126

Осень. Ночь. Зимний дворец. Покои Наследника

Двери в комнату Наследника с треском распахиваются, и слуги во главе с князем Кочубеем втаскивают человека с мешком на голове и связанными руками. Князь стаскивает с головы пленника мешок, и мы видим, что это Пинетти. Маг просительно протягивает связанные руки вперед, чтобы и на них веревки разрезали, однако откуда-то со стороны слышен голос цесаревича Александра.

АЛЕКСАНДР: Это — лишнее. Виктор, останься. Остальные пусть выйдут.

Комната быстро пустеет. Александр подходит к магу-волшебнику и пальцем отколупывает грим то тут, то там на его лице. Затем сухо произносит.

АЛЕКСАНДР: В сущности — дурной балаган. Вы можете произвести впечатление лишь на Аньку — саксонскую деревенщину. А потом цирк уехал... Куда вы после того, как батюшка по своему обыкновению утратит к вам интерес?

ПИНЕТТИ (*нормальным человеческим голосом*): Он очень хорошо заплатил. Могу не работать лет пять. Могу купить домик. Всегда мечтал купить свой собственный дом...

АЛЕКСАНДР: А вы мне по душе. Особенно, когда не кривляетесь. Я подарю вам дворец, если вы навсегда останетесь в России. На моей службе.

ПИНЕТТИ (*со смешком*): Нет, что вы! У вас мерзкий климат. Боюсь, что год придется отогреться после этой поездки. Я мечтал об Италии...

АЛЕКСАНДР: Италия нынче в руинах. Кругом бандиты и воры. Получите денег, приедете туда — и все это до первого головореза

из подворотни. А у нас все в порядке. Дадим вам охрану. Пожизненно. Домик в Крыму. В бывшей генуэзской колонии. Приличное содержание. Соглашайтесь.

Пинетти (*с интересом*): Заманчиво. Я сам генуэзец и много слышал про бывшие наши колонии. Говорили, что это — суший рай на земле. Свой домик, и садик, и виноградная лоза под окном... Что мне надо делать?

Александр (*со странной ухмылкой*): То, что вы уже сделали. Всего лишь продать мне свою душу...

Пинетти (*нервно, размахивая связанными руками*): Но погодите. Мы же рациональные люди! Я не думал, что вы во все это поверите!

Александр (*задумчиво*): Поверил... Тайна жизни, величайшая из всех тайн. Я своими ушами слышал, как хрустнули кости, я видел текущую кровь, я наблюдал недвижимое мертвое тело. Я точно знал, я понимал, что все это — фокус, и все же... Ваша иллюзия была совершенна!

Пинетти нравится похвала, он пытается развести руками, Александр делает жест, и Кочубей одним взмахом ножа разрезает веревки на руках у волшебника. Тот с удовольствием растирает запястья и говорит.

Пинетти: Дом в Крыму, огромное жалование, собственный виноградник... Все это тянет больше, чем только на ласточку. Насколько я понимаю — вы хотите, чтобы я создал иллюзию смерти значительного лица. И чтобы все, кто его якобы мертвым увидел, в его смерть поверили. Не так ли?

Александр (*кивая*): Я сразу понял, что могу на вас положиться.

Пинетти: Мне нужно знать имя. Для хорошей иллюзии нужна серьезная подготовка. Рост, вес, особенности фигуры, все имеет значение.

Наследник Александр и князь Кочубей меж собой переглядываются. Затем Наследник, решившись, бормочет.

Александр: Мне нужно будет создать иллюзию смерти моего отца. Ненадолго.

Пинетти чуть с изумленьем присвистывает. Однако по его виду он все же не столь удивлен. Он лишь говорит.

ПИНЕТТИ: Да... Это стоит дома на теплом море... Однако, как человек разумный, подозреваю, что пожизненное содержание после этого у меня будет недолгим. А?

АЛЕКСАНДР (*сухо*): Вы продаете мне душу, как уже ее продали. Причем — князю Тьмы. Вам остается в меня только верить. Кроме того, у меня для вас после будет еще одна работа. Такая же.

ПИНЕТТИ: Я весь внимание. Кого еще?

АЛЕКСАНДР: Ежели после смерти отца — настоящей ли, мнимой ли — моя мать не угомонится... Мне нужно будет, чтобы вы создали точно такую же иллюзию смерти моей милой матери.

На сей раз Пинетти всерьез потрясен. Он явно не может более смотреть в глаза Наследнику. Маг бормочет.

ПИНЕТТИ: Никогда поверить не мог, что кто-то посмеет проделать это в отношении женщины. Однако же — дом в Крыму... (*решившись*) Тут плата выше. Раз речь о женщине — платою возьму только женщину.

АЛЕКСАНДР (*хмыкнув*): Я уж было подумал, что меж нами есть что-то общее. И на что вам эти дуры?

ПИНЕТТИ (*пожимая плечами*): Дуры не дуры, но в глазах одной из них я увидел все то, что дает моей жизни смысл... Одним взглядом она дарит мне жизнь...

Александр с Кочубеем с изумлением переглядываются. Затем Наследник, будто не веря себе, спрашивает.

АЛЕКСАНДР: Это ты про Аньку что ль? Дурочку с переулочка?! Да бери ее хоть в подруги, а хочешь в наложницы. Она будет счастлива сбежать хоть в Крым, хоть куда, лишь бы подальше от моего брата! Ну, по рукам?

Маг и волшебник Пинетти бьют по рукам с Наследником Александром, и со стороны видно, что два этих странных, сутулых, будто изломанных человека похожи друг на друга, как отражения в зеркале.

Натура. Осень. День. Павловск. Парк

Сырая, глубокая, холодная осень. По посеревишему парку, по мягкой опавшей листве идут трое. Мария Федоровна, которую сопровождает верная Доротея Бенкендорф, беседует с Александром Николаевичем Голицыным (умеющим говорить на разные голоса). Государыня раскраснелась и щебечет в совершенном восторге.

МАРИЯ: А потом — вы представляете, милый друг, — они всех-всех наших вывели. Шли по горло в снегу, через закрытые перевалы, но все вышли! А я и не знала! Пишу брату, мол, если моего Кристера через горы не выведешь, вот я тебе! И мирись уже с Петером Людвигом, мы все ж одна семья. Не самая большая и не самая знатная, но у нас Турн-унд-Таксисов — особая гордость! И он же твой кредитор! Мирись, пока не рассердил ты меня!

ГОЛИЦЫН (*подмигивая*): А они-то что, матушка?

МАРИЯ (*со смехом*): Какая я тебе «матушка»? Молода я еще!

ГОЛИЦЫН (*широко раскрывая глаза и прижимая к груди руки*): Вы моя государыня, а я раб ваш, а посему вы для всех для нас — матушка! Ведь звали же Екатерину Великую не иначе как матушкой?

Мария пихает в бок Доротею и смеется.

МАРИЯ: Вот же змей, вот — подлиза! Без мыла ж в любую щелку пролезет!

ДОРОТЕЯ (*желчно*): А я слышала, что обязательно с мылом. И не он, а к нему в щелку — юрк! У них в Пажеском это принято. Пусть лучше покажет те новые штуки, которым его ваш сын научил!

МАРИЯ (*краснея со стыда*): Ну ты даешь! Не здесь же, на улице, — тут люди кругом!

Доротея на миг смотрит с изумлением на государыню, а потом сама краснеет и заразительно смеется.

ДОРОТЕЯ: Ой, простите, Ваше Величество! Я имела в виду не того сына, а этого. Константин-то, он — да. Он — научит. Но я имела в виду Александра. Спросите его, что Александр с него хочет!

Мария смотрит на статс-даму свою с подозрением. С еще большим подозрением глядит на Голицына, а потом практически у него требует.

МАРИЯ: Колись, гулена. Нам все известно. Соврешь — спущу шкуру! Что нужно Сашке?

Голицын с опасением косится на Доротю, а та повелительно кивает, мол, лучше признаться. И чтобы было понятнее, делает неприличный жест рукой, будто снизу несчастного на кол насаживает. Голицын сразу покрывается потом и бормочет.

ГОЛИЦЫН: Клянусь, Ваше Величество, ничего в том нету предосудительного... Всего лишь Наследник велел голос тренировать. Чтобы, значит, если кто услышит, подумали, что вместо меня в комнате то ли он, то ли князь Кочубей, то ли муж ваш, то ли...

МАРИЯ: То ли — кто?

ГОЛИЦЫН (*со страхом взглянув на Доротю*): То ли — вы, Ваше Величество... (*падает на колени и пытается схватить государыню за ноги*) Не велите казнить! Все расскажу, как на духу! Вот истинный крест! Это не я, это они — ироды!

ДОРОТЕЯ (*толкая Голицына в грязь и нарочно наступая ему сапогом на руку*): И кого ты сейчас назвал иродом? Неужто Наследника? Раз ироды, значит много их. А там, кроме Кочубея, может быть или Наследник, или сам Государь Император! Что — пора кричать «Слово и Дело»?!

МАРИЯ (*поблднев лицом с отвращением*): Ну и гнида же ты! Такое нужно лишь только затем, чтобы все подумали, что... (*начиная трястись*) Боже мой... Мой сын! Мой старший сын! Ты слышала, Дашенька?

ДОРОТЕЯ (*с неприятным смешком*): А вот кликнем мы сейчас ребят — Невеля с Оболенским, а потом что останется поместим в банку и в Кунсткамеру отдадим. Людям на изумление!

ГОЛИЦЫН (*катаясь от боли в грязи, но не смея столкнуть со своей руки сапог Дарьи*): Нет, не надо в Кунсткамеру! Все, все расскажу! Век верою и правдою служить буду! Всем на свете клянусь!

ДОРОТЕЯ: Каждую неделю, сволочь, каждую божью неделю прибываешь сюда на доклад! Все, все, что происходит в стане Наследника, докладываешь Марии Федоровне! В моем присутствии! Все ясно?!

ГОЛИЦЫН (*рыдающим голосом*): Да как же... Как же я это объясню?

ДОРОТЕЯ (*снимая наконец сапог с руки у несчастного*): Скажи, что после чудесного спасения Крестера в мистицизм ударилась Государыня. А ты учишь ее открывать третий глаз! Свободен!

Голицын торопливо вскакивает и куда-то бежит по дорожке дворцового сада. Мария с сомнением глядит ему вслед и с интересом спрашивает.

МАРИЯ: Даш, и как же так ловко у тебя получается?! Где выучилась?

ДОРОТЕЯ: Всю жизнь жила с тетей Элей. (*с гордостью*) Я, если что, и на дыбу вешать могу, и с иглками знаю, как справиться!

Павильон. Осень. Ночь. Лондон. Дом Воронцова

1 в

Маленькая комнатка под самой крышей. Обстановка в доме уже стала новой, и здесь не так видна бедность. Старый Семен Воронцов сидит у окна и пишет письмо. Буквы складываются в слова, и мы слышим, как раздаётся скрипучий голосок Воронцова и видим картины.

Здравствуй, дорогой кузен мой, Александр Васильевич! О победах твоих мы здесь в Лондоне зело наслышаны. Вся страна аж гудит и твое имя славит. Британская корона готовит триумф в твою честь, будет огромное празднество. Приезжай, милый друг, если сможешь. А коль не сможешь, так пришли хотя б свой портрет, чтобы он вместо тебя в парламенте лавровым венком был увенчан. Здесь у нас все совершенно уверовали, что Наполеон Бонапарт вот-вот себя объявит Антихристом, а в каких-то книгах предсказано, что одолеет его лишь маршал русский. Так что после всех твоих викторий в Италии — на тебя вся надежда! Ты уж не подведи, не посрами же Русь-матушку! А через твою великую славу и всем нам — твоим родным, да и близким прибыток!

Кстати, о Бонапарте и деньгах. Давеча сменяли джентльмены своего пленного герцога Йорка на некую сумму. А после и выяснилось,

что Наполеон велел передать, будто помимо Йорка у него в плену и наш — Константин Павлович. И если царь Павел не захочет его из плена забрать, может он англичанам понадобится. Надо это приватно доложить государю, ты же вхож ко двору...

2 В

Павильон. Осень. Утро. Зимний дворец. Покои Павла

Государь сидит за столом, жадно завтракает и при этом второпях читает газету. За его спиной верный Кутайсов, который ловко меняет блюда и норовит подложить своему царю самое вкусненькое. Требовательный стук в дверь, и, не дожидаясь позволения, в столовую входит фон Пален. Лицо его бледно. Павел с оторопью на него смотрит.

ПАВЕЛ: Что произошло? Что за спешка? Я... Мы завтракаем!

ФОН ПАЛЕН (*отдавая честь*): Как начальник императорских почт — по вашему приказанию перлюстрирую все письма для лиц подозрительных. Только что перехвачено письмо от Семена Воронцова его кузену генералиссимусу Суворову! (*подает вскрытое письмо Павлу*) Вы должны это видеть!

Павел быстро выхватывает письмо Воронцова из рук фон Палена. Читает его и сперва болезненно морщится. Видно, ему не по нраву первые строки. Потом он вдруг письмо от себя резко отбрасывает и подскакивает на месте.

ПАВЕЛ: Но как это?! Как?! Они же... Костя сам писал письмо мне из Инсбрука! Он же вышел с Суворовым! Где, как, почему он в плену?! Почему мне о том не доложено?! Немедленно послать в Инсбрук — все выяснить. И гонцов к Бонапарту, пусть передо мной объяснятся!

3 В

Павильон. Осень. Вечер. Зимний дворец. Малая тронная зала

В небольшой тронной зале толпа. Здесь Государь и Государыня Мария Федоровна, Наследник Александр и все основные министры: Куракин, Салтыков, Кочубей и фон Пален. Однако рядовые министры, вроде Барклая, похоже, не позваны.

Также нет и принцесс Елизаветы и Анны. Обстановка накалена. Государь сидит как на иголках. Раскрывается дверь, и в залу вбегает Кутайсов с какой-то бумагой, которую он торопливо читает практически на бегу.

КУТАЙСОВ (*возбужденно*): Пришел ответ Бонапарта! Все скверно!

ПАВЕЛ: Не томи! Доложи, насколько там скверно.

КУТАЙСОВ (*лихорадочно*): Наполеон подтвердил, что это была спецоперация его жандармерии. Наследника с друзьями заманили в бордель, опоили и цесаревича выкрали. У всех его дружков с мундиров срезали подвеск... тьфу ты! Как их там?! Аксельбанты! Скандал!

САЛТЫКОВ (*сумрачно*): Все ясно... Пошли по бабам и перепились, видать. Эх, молодость...

КУТАЙСОВ (*нервно сглатывая*): Да если бы, Николай Иваныч! Это был — бордель для мужчин...

ПАВЕЛ (*с нервным смешком*): Так и что? Все бордели у нас для мужчин. Для женщин пока не придумали!

КУТАЙСОВ (*хрипло*): Там сказано, что цесаревич, натешившись, любил вырезать ножом свой вензель на... этой... на копчике, чтобы, мол, всякий раз выбирать... ну, этого... нового мальчика. Бонапарт написал, что готов предъявить трех проститутов с этими... с вензелями... Чтoб судьбы могли сличить почерк...

Мария Федоровна в своем кресле начинает тихонько поскуливать. Салтыков же Государыню обнимает и всячески успокаивает. Государь сидит с разинутым ртом. Министры меж собой перешептываются. Лишь один Наследник Александр с отсутствующим видом разглядывает свои ногти. Наконец Павел приходит в себя.

ПАВЕЛ: Ну и что?! Сам Фридрих Великий сиим увлекался. Да и Густав шведский отметился. И вообще — этим баловались и Юлий Цезарь, и Александр Македонский. Думаю, великим воителям это простительно.

КУТАЙСОВ (*мрачно*): Это не все. Затеялось следствие, которое вел сам Фуше, а он известный заплочных дел мастер. И цесаревич

у него под присягою рассказал, что всему этому он у вас, своего отца, выучился.

ПАВЕЛ (*подпрыгивая и с взвизгом*): Нет! Это — грязная лжа! Мальчика пытали, под пыткой наговорят и на свою мать...

КУТАЙСОВ (*понутив голову и еле слышно*): Наполеон дальше пишет, что и этому у него есть доказательство. Свидетельство очевидцев, как вы вместе уединялись с Христофором фон Ливеном и вдвоем по ночам... музицировали. А еще есть показания — якобы после смерти Екатерины вы дали волю своей темной страсти и... (*мнетя*) содомским способом (*почти шепчет*) ...саму Государыню. Мол, весь Зимний все это слышал.

Мария Федоровна принимается рыдать в голос, вместе с нею начинает плакать и Салтыков. Наследник Александр наконец отрывается от созерцания своего маникюра и громко говорит Кочубею.

АЛЕКСАНДР: Вот это — поворот! И эти люди пеняли мне, что я подослал Адама к моей Лизке!

ПАВЕЛ (*судорожно*): Ложь! Все это — ложь! Я объясню... Марья, да прекрати ж ты выть, подтверди ты мою невиновность!

МАРИЯ (*слезами захлебываясь*): Козел! Урод! Ненавижу! Что мои братья про меня теперь скажут?! А что подумают наши горцы?! Убить тебя мало, сквернавца!

САЛТЫКОВ (*утирая слезу с укоризной*): Ах, Ваше Величество, я ж учил вас, что можно делать все, ежели без последствий!

ПАВЕЛ (*с отчаянием*): Так я ж... это... я ж ничего и не делал!

САЛТЫКОВ (*громко сморкаясь в платок*): Да кому это теперь важно?! (*от его слов Мария взывает еще раз*) Нужно немедленно дать Наполеону все, что тот просит. Немедля! И пусть все оно останется тайной. А было — не было... Неинтересно уже!

Павел пытается дернуться к Государыне, но та от него и руками и ногами начинает отмахиваться. Тогда Павел делает сперва пару бесцельных кругов по зале и вдруг опять светлеет лицом.

ПАВЕЛ: Ну так и что ж?! Требования-то невелики и разумны. Война с французом все равно уже кончена, так что можно и к примирению. Выплата денег за пленных — для Европы традиция. Вон джентльмены своего Йорка выкупили, и что? И мы выкупим. А вот вечный союз... (*торжествующе*) А вот тут — нет. Шалишь! Такие союзы могут заключать лишь равный с равным. Я, к примеру, Государь Император, а он — тю, голь перекатная! Так и напишите ему, мол, совсем мы готовы, стоим тут, уже в лыжи обутые, но союз заключим лишь между равными. Во как!

Павильон. Осень. Вечер. Париж. Конвент

4 в

В небольшой уютной гостиной за столом сидят Наполеон и Фуше. На столе какие-то напитки, закуска, бокалы, тарелки и вилки. На скатерти при том — три прибора. Такое чувство, что старые знакомые собрались выпить и закутить, а теперь лишь ждут третьего, который по каким-то делам срочно вышел. Вдруг открывается дверь, и в гостиную быстро входит Талейран, размахивающий каким-то письмом. Он в совершенной ажитации, подпрыгивает как на иголках и подает письмо Бонапарту с поясным поклоном. В глазах Наполеона начинают плясать веселые чертики. Он раскрывает письмо, его быстро проглядывает, бьет по нему свободной ладонью и с торжеством говорит.

НАПОЛЕОН (*Талейрану*): Ну что ж, Франсуа Анри, я доволен. Русский карлик сделал все, как вы и предсказывали. Отныне вы мой глава дипломатии на всю жизнь. (*Фуше*) А вы, Жозеф, отныне мой вечный жандарм. (*с удовольствием*) И, что характерно, не пришлось воевать, не пришлось кому-то руки выламывать, русские сами все сделали!

Наполеон вскакивает, достает из ведерка бутылку шампанского, разливает ее на три бокала, раздает по бокалу каждому из гостей. Затем, поднимая свой бокал, он с чувством говорит.

НАПОЛЕОН: Итак, господа, на кону будущее нашей милой Франции, Европы и всего мира. У нас есть возможность заключить с Россией

союз. Вечный союз, по которому мы сможем за бесценку получать ее неисчислимые ресурсы. На сием пути остается одно лишь препятствие. Русский царь — Император Павел поставил условие, что союз он будет заключать только с равным. С болью в сердце и сгибаясь под тяжестью огромной ответственности, памятуя лишь о благе нашей страны, я принимаю решение — стать Императором и тем самым сравняться с русским Павлом, чтобы выполнить его изуверское требование!

С этими словами Наполеон поднимает свой бокал с искристым шампанским высоко вверх. Талейран и Фуше падают перед государем своим на колени и хором кричат.

ТАЛЕЙРАН И ФУШЕ (хором): Вив ле Франс! Да здравствует Ваше Величество!

Бонапарт милостиво чуть опускает свой бокал, чтоб друзья его, стоя на коленях, могли до него своими бокалами дотянуться. Все чокаются и пьют, а потом Бонапарт смачно разбивает свой бокал об пол вдребезги. Вслед за ним разбиваются бокалы и Фуше с Талейраном. Наполеон расправляет плечи и мечтательно говорит.

НАПОЛЕОН: Ну что ж... Перед вами все чисто прошло. Осталось лишь, чтобы все так же легко получилось перед Национальным собранием.

5 В

Натура. Осень. Вечер. Вюртемберг. Егерский бивуак

С неба сылет мелкий снежок, который у земли превращается в капли. Кругом сыро, мокро и грязно. Два лейб-гвардии егерских полка Бенкендорфа стоят на границе Вюртемберга и ждут разрешения на начало перехода в Россию. В большой офицерской палатке трое — Кристофер фон Бенкендорф и его адъютанты — братья Голицыны. Борис нервно спрашивает.

БОРИС ГОЛИЦЫН: А вдруг опять все сорвется? А вдруг опять проволоочки?

Дмитрий Голицын: Уймись, горячка... По слухам, на переговорах определяют статус баденских земель, занятых нашими. Этих краев он не коснется. Кристофер Карлович, все верно?

КРИСТОФЕР: Верней не бывает. У нас теперь с французом союз, прости господи. Бонапартий, как стал Первым консулом — так сразу извинился пред Вюртембергом, а поганого Моро сдал под суд. Теперь и Вюртемберг им союзник. А Баден — как родня нынче шведов, пруссаков и англичан — значит, в немилости. Теперь Франция и Вюртемберг его делят. Вот и вся проволочка.

БОРИС ГОЛИЦЫН (*с чувством*): С ума сойти! Война была меж Францией и Баденом, с одной стороны, против Австрии с Вюртембергом — с другой. Теперь Франция и Вюртемберг, как победители, делят Баден, а Австрии подарили Венецию. Мне одному кажется, что все это плохо пахнет?

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН (*со смехом*): Вот такие они, извивы европейской политики! Вюртемберг наступал по рогам лягушам с австрияками, и при этом он бедный и взять с него нечего. А Баден хоть почти не дрался ни с кем, но богат. Так кого проще делить? Вот тебе в двух словах вся суть Европы и ее дипломатии.

БОРИС ГОЛИЦЫН (*с горячностью*): Но это же подло! Пойми ж ты, это подло!

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН (*со вздохом*): Это — Европа. Они веками тут все так живут. Традиция...

БОРИС ГОЛИЦЫН (*с чувством*): Твою ж мать...

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН (*пожимая плечами*): Смотри на это все проще. Мария Федоровна родом из Вюртемберга, и значит, Вюртемберг — это наши. Баденцы же нас оскорбили намеренно. За это и платят. Сказано ж — Россией управляет Господь! Значит, кто с нами — у того и нос в табаке, а кто против нас — так и года не проживет.

БОРИС ГОЛИЦЫН: Теперь, значит, Господь на стороне якобинцев? Раз они теперь нам товарищи? А как же все павшие, что остались в Италии?! Как же ребята из корпуса Римского-Корсакова? Помнишь Ланского Ивана Андреича?! Он же до последнего от француза Цюрих удерживал! С ним-то как?

КРИСТОФЕР (*чуть кашлянув — мрачно*): Вы про Иван Андреича-то — не громко. Это нынче дело подсудное.

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН (*с удивлением*): То есть как подсудное?

КРИСТОФЕР (*нехотя*): Мне по секрету передали от герцога... Пришел, мол, от наших запрос. Ежели среди наших войск пойдет разговор про группу Ланского — все пресекать, а имена говорунов сообщать Императору Павлу.

БОРИС ГОЛИЦЫН (*ошеломленно*): Что за бред?!

КРИСТОФЕР (*чуть помявшись*): Ну... В общем, дочка из Павловска написала. Мол, Петербург после разгрома наших в Голландии весь в трауре, и Государь приказал, чтоб... В общем, официально объявлено, что наши потери в Голландии — три тысячи человек. Одних офицеров. А рядовых... Мол, офицеры командовали мальтийцами, ибо на всех убитых была мальтийская форма. Ведь у рядовых нету знатной родни, и потому, в отличие от офицеров, никто их не ищет.

БОРИС ГОЛИЦЫН: Кошмар! Да это же ни в какие ворота! Так это что ж получается, если бы мы здесь, в Вюртемберге, погибли, так и нас тоже записали посмертно мальтийцами или там этими... алеутами?

КРИСТОФЕР (*сухо*): Ну какие мы алеуты? Когда нас отрезали, то по приказу Царя нас сразу всех записали лифляндцами. И раз мы лифляндцы — не русские, то и нас, согласно его приказу, в потерях могли не учитывать...

БОРИС ГОЛИЦЫН (*ошарашенно*): Нас?! Лифляндцами?! Да мы же... Мы ж — Рюриковичи! Димон, скажи!

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН (*хрипло*): Что ж... Раз Царь приказал нас списать как нерусских, значит и мы можем к нему отнестись — как нерусские. Вот что я думаю. (*будто встряхнувшись*) Но речь-то шла о Ланском...

КРИСТОФЕР: А с ним вообще катавасия. В походе он повздорил с людьми цесаревича. Те написали на него жалобу, а Константин ее подмахнул, не читая. Так говорят. На деле, может, и прочел — мне неизвестно. Кляуза дошла до Царя, а тот на радостях, что его сын выказал себя великим воителем, ее удовлетворил. И разжаловал

в рядовые нашего Ивана Андреича. Пока приказ шел, Ланской с полком попал в окружение и, похоже, погиб, так и не зная, что он уже рядовой.

Кристофер замолкает. Видимо, ему дальше неохота рассказывать, однако оба адъютанта смотрят на него выжидательно. Поэтому генерал нехотя произносит.

КРИСТОФЕР: Раз приказ не удалось передать, то, по мнению государя, Ланской — дезертир и пропал без вести. А с ним и весь его полк якобы дезертировал. Так что не было у нас потерь в Цюрихе, а было лишь до хрена дезертиров. И вдовам их пенсии не положены.

БОРИС ГОЛИЦЫН: Опа-на! Да это ж... Да это ж предательство!

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН (*сухо*): Доберемся до дома, я приду к маменьке, и из своих средств вдовам пенсию выплатим. А как же иначе?

БОРИС ГОЛИЦЫН: Да это понятно! Но в остальном-то...

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН (*обрывая брата*): Уймись, горячка! Уймись! Да всем уже все давно ясно. Не будем подводить Кристофера Карловича. Нам бы теперь лишь до дому добраться, а там и посмотрим...

Павильон. Осень. Вечер. Павловск. Покои Государыни

6 В

В покоех Государыни Мария Федоровна рыдает на небольшом диване, а Шарлотта Карловна и Доротея ее успокаивают. Раскрываются двери, и входит Салтыков.

САЛТЫКОВ: Все, все понимаю, Ваше Величество! Положение у нас стало отчаянное. Армия гудит, как разбуженный улей. Только что дрались с французами, от их рук поганых poleg весь юный цвет нашей нации — и вдруг мы оказались союзниками. Согласен с вами — это ужас!

МАРИЯ (*на миг прекращая свой рев*): Да все это — фигня! Что про меня мои братья скажут — вот где самый-то ужас! Раз Пауль на все уступки пошел — получается, что он все признал! Теперь все решат, что я и впрямь дозволяла ему... меня... а-а-а!

САЛТЫКОВ: Полноте, мы им все объясним!

МАРИЯ: Да как же им объяснить?! У нас же горская гордость! Получается, что я их опозорила! Теперь ведь они придут и своею рукою меня зарежут, как и положено по горским обычаям! А-а-а!

Такое ощущение, что Салтыкова аж бросает в пот при мысли о десятках горцев, которые придут в Павловск резать свою сестру. Возможно, он знает рассказ Саши Бенкендорфа о том, что творилось в Штутгарте после убийства отца Марии Федоровны. Или не раз потом успокаивал Августа, который с той поры заикается. Так что Салтыков начинает бегать вокруг Марии Федоровны испуганной наседкой и лишь руками как крыльями всплескивает.

САЛТЫКОВ: Ну, погодите... Ну почему же сразу с ножами? Право слово — у нас же не каменный век. Да и что тут дурного, если муж и жена решат вдруг побаловать... (*У Марии от этих слов очередной припадок рыдания.*) Ох, черт... Я понял, у вас в горах сие не приветствуют... (*радостно*) Да вот и ответ! Раз вы были против — стало быть, ничего не было, и все это сплетня!

МАРИЯ (*слезами захлебываясь*): Да как же не было, когда он меня... Этот урод... Он меня изнасиловал! Я ж им сама о том написала! И о том, что у меня от этого родился Мишенька!

КАРЛОВНА (*всплескивая руками*): Ты, мать, даешь! Не могла сразу сказать?! Раз Мишка родился, стало быть, что?! Стало быть — не было ничего! Хорош уж рыдать!

Мария Федоровна сперва заплаканными глазами лишь хлопает, потом на лице ее сквозь слезы проступает улыбка.

МАРИЯ: И правда, чего я?! Я же братьям все так и писала! (*чуть подумав*) Но ведь еще же есть Христя! А раз есть Христя, попробуй докажи теперь, что он... (*ищет слово*) ...что я (*опять плачет*)...

САЛТЫКОВ (*растерянно*): Да, Христя... Христя...

ДОРОТЕЯ: Давайте я докажу, что все ложь! Выйду замуж я за Христофера и всем скажу, что он нормальный мужик. Кому поверят: извращенцу под пыткой, который всех своим дерьмом готов мазать, или законной жене?

КАРЛОВНА (*охая и крестясь*): Да ты что, девка! Окстись! Хрися — мой крест. Мне одной и позориться. Тебе-то зачем всю свою жизнь портить?

ДОРОТЕЯ (*с усмешкою*): А я не задаром. Государь даровал вам титул Великой княгини — принцессы крови. Титул передается только меж женщинами. Дочери у вас нет, стало быть, после вашей смерти его унаследует одна из невесток. Так завещайте мне этот титул, а за это я отныне пригляжу за Христофером. Ну как?

Карловна на мгновение задумывается. Глаза ее принимают хитрящее выражение, и она с готовностью протягивает свою огромную ладонь юной девушке. Они бьют по рукам, после чего Карловна со смешком говорит.

КАРЛОВНА (*с интересом*): А не продешевила ль ты, девка? Мы Гаугребены — долгожители. А у тебя и мамка, и бабка — все рано померли.

ДОРОТЕЯ (*небрежно*): Мама от яда, а бабушка под пыткой. Не будь того — вопрос, сколько бы они прожили. А коли ждет и меня яд или пытка, так на кой мне ваш титул?

МАРИЯ (*перестав плакать*): Ой, Дашенька, спасибо, конечно, но ты хоть понимаешь, какой это крест?! Этот Хрися — он же не успокоится!

Карловна поворачивается к царице и радостно восклицает.

КАРЛОВНА: Ну, слава богу, больше не плачешь? А у меня к тебе, Марья, важный вопросец имеется. Взяла я новую кухарку — из ваших. И сготовила она нам сосиски на ужин. А может, и не сосиски, а даже колбаски. Я что-то не разберу. Но ты ж у нас в вашей пище-то дока, сразу и поймешь — положили ли специи...

Глаза у Марии Федоровны в ответ разгораются, и она с интересом спрашивает.

МАРИЯ: А с чем их намерены подавать?

КАРЛОВНА (*подхватывая Марью за талию и выводя прочь из комнаты*): Конечно же, с тушеной кислой капустой!

МАРИЯ (с одушевлением): А пиво будет?

КАРЛОВНА: Ваше пиво — из Вассерфаллена. Из личной пивоварни Кристофера. И надоть, чтоб и колбаски-сосисочки были пиву под стать. А вот тут — закавыка!

МАРИЯ (судя по голосу, удаляясь в сторону кухни): Ну как ты не понимаешь? Колбаски от сосисочек отличить очень просто...

Салтыков плотно затворяет дверь за ушедшими Марией и Карловной. Лицо его мрачно. Он оборачивается и говорит.

САЛТЫКОВ: Ну хорошо... Хоть это дело сладилось.

Какое-то время Салтыков о чем-то раздумывает, а потом негромким голосом почти на ушко Доротее бормочет.

САЛТЫКОВ: Однако... Слишком много наших в этой войне полегло, и как бы Государь наши потери не преуменьшал, родные погибших все помнят. Союз с Францией рано иль поздно взорвет всю Империю. А царя...

ДОРОТЕЯ (деловито): Насколько я поняла, если Император разорвет этот ненужный нам договор, Бонапарт его изваляет в дерьме — показаниями самого цесаревича. Мало того, вместе с ним будет изваляна и Государыня...

САЛТЫКОВ (задумчиво): А этого мы допустить не можем. У нас в стране не может быть то ли царь-извращенец, то ли сын его, на отца с матерью всякую мерзкую грязь подписавший. С такого бесчестия и началась французская революция. Или революция в Англии. Это значит, что царь Павел не смеет разорвать союз с Францией.

ДОРОТЕЯ (с интересом): Простите, учитель... Вы хотите сказать, что каждый день этого богопротивного союза приближает нас к бунту. Но если Павел разорвет его — это тоже приведет к бунту. В чем же выход?

САЛТЫКОВ: Что ж... Пожалуй, у всех нас осталась лишь последняя опция избежать народного бунта или военного мятежа...

Учитель и ученица смотрят друг на друга, и по их лицам видно, что они и без слов друга поняли.

Павильон. Зима. Утро. Зимний дворец. Покои Павла

В покоях Павла посреди огромной комнаты — небольшой помост, на котором в костюме гротескмейстера Мальтийского ордена стоит Государь. Его рисует художник Боровиковский.

Боровиковский: Голову чуть повыше, Ваше Величество! Постарайтесь придать вид себе героический и возвышенный. Народ должен знать о великом покорителе всей Италии и самих гор! Да, да, все отлично!

ПАВЕЛ (*сварливо*): И так знаю, что все отлично! Наши виктории беспримерны. А то, как суворовские соколы перелетали через Альпы... Сам Ганнибал не сумел перейти горы лучше!

Боровиковский: Да-да, Ваше Величество... Прошу вас — вот тут устремите взор ваш чуть вдаль. В те неведомые края, где еще не ступала... Отлично! Не устали? Можно отдохнуть на минуточку, а я пока разотру опять краски...

ПАВЕЛ (*сходя с постамена*): Так и есть! Виктория моя была беспримерна! И если бы не всякие трусы и дезертиры с предателями... Почему, ну почему же все меня предают? Англичане — предатели, австрийцы — предатели, и даже у нас...

Дверь в покои с треском распахивается, и пороге появляется взмокший от бега канцлер Куракин.

Куракин: Мин херц, тут только что открылся такой пердимонкль — ты не поверишь! Все кругом — одни жулики, да предатели! Одни иуды вокруг!

ПАВЕЛ: Видишь, мы вообще-то тут делом заняты!

Куракин: Прости, мин херц, дело срочное. Помнишь обстоятельства, при которых враги выкрали твоего сына?

ПАВЕЛ: Ну да... В общих чертах. Там был... (*мнетя*) какая-то пивнушка, насколько я понял.

Куракин: А помнишь, кто был участник? Ну — с кого французы срезали аксельбанты?

ПАВЕЛ: Да, мне докладывали. Яновский, Боур и этот... Аркадий Суворов. А что?

КУРАКИН: А почему же там не было нашего Пьера? Ну Пьера, сына Кутайсова, который нынче стал по твоему указу зваться «князь Багратион»? Они же всегда вместе с Костей везде куролесили! В войсках так и говорили, что они нынче не разлей вода, — и в бой вместе, и вместе на выпивку!

ПАВЕЛ (*явно смутившись*): Ну... Насколько я понимаю у Пьера и моего сына чуть разные вкусы. Одно дело битва, иль вышивка, и другое... (*снова смущается*) А при чем здесь все это?

КУРАКИН: Все верно, мин херц, все верно. В такие места Пьер и впрямь не ходок. Кутайсов его верно вырастил. Ответь мне тогда, а почему же там был Суворов?

ПАВЕЛ (*растерянно изображает руками странные жесты*): Наверно, он с моим сыном — тоже...

КУРАКИН: А вот и нет, мин херц, вот и нет! Аркадий Суворов тоже в подобном никогда не замечен!

ПАВЕЛ (*хмурясь*): Так зачем тогда он пошел в это место срама и похоти?

КУРАКИН: Вообрази, только что из Англии сообщили! Суворов старший все это время был английский шпион! Поэтому-то англичане и настояли, чтобы он был над всеми союзными войсками генералиссимус. А потом — на войне, этот чудаковатый дед приревновал твоего великого сына к своей воинской славе и приказал опорочить!

ПАВЕЛ (*с возбуждением*): Так и знал. Чего еще было ждать от старого лунатика — маразматика?!

КУРАКИН: Именно! А чтоб никто не почувал — приставил к Костику своего сынка, и тот нарочно Костика сдал в полицию! Да только вместо тирольской полиции появилась французская и — вуаля! Измена, мин херц!

ПАВЕЛ (*с яростью*): Суворова старшего немедленно под арест и в острог! Я не допущу военный мятеж!

КУРАКИН (*радостно*): Побегу и отдам твой приказ!

В этот миг дверь в комнату опять отворяется и вбегает столь же возбужденный Кутайсов. Они с Куракиным в дверях сталкиваются и толкаясь животами пытаются пройти первым. Более крепкий Кутайсов выигрывает, заталкивая Куракина назад в комнату.

(с обидою): Как смеешь, холоп! У меня государево поручение! Иду Суворова арестовывать.

От этого Кутайсов явно впадает в растерянность, впрочем, это не мешает ему с силой схватить Куракина за грудки.

КУТАЙСОВ: Да ты — предатель! Изменник! Да ты что, сука, делаешь? Да они же поднимут тебя на штыки! И нас заодно за один только волос с головы Александра Васильевича! (*Павлу*) Ваше Величество, нельзя Суворова арестовывать. Что б ни натворил. Иначе бунт случится такой, что утро стрелецкой казни потом будет казаться нам детским утреником!

ПАВЕЛ (*отрывисто*): Этот Суворов, этот гнусный паяц, он давно выказывал мне свое полное неуважение. Я говорю, что он продан! Я хочу, чтобы этот попрыгун был английским шпион, и он у меня будет английским шпион!

КУТАЙСОВ (*с отчаянием*): Ваше Величество, вы не представляете что уже творится в войсках! А Петя мой мне все написал. Да будь Суворов хоть сто раз шпион, поместите его лишь под домашний арест. И по-тихому! А не то — будет буча!

ПАВЕЛ (*все равно с раздражением*): Будь по-твоему. Под домашний арест. Но все равно он будет мной разоблачен, осужден и повешен! Паяц! Изменник! (*чуть успокаиваясь*) Что у тебя? Чего прибежал?

КУТАЙСОВ (*с тревогою*): Англичане взяли вашу Мальту.

ПАВЕЛ (*с яростью*): Кто разрешил, кто позволил? Про Суворова все сходится — английский шпион, но где был этот гребаный Ушаков?

КУТАЙСОВ (*растерянно*): Так ведь.... Шторма же. Флоту спрятаться некуда, вот и ушли они в Севастополь. Насилу успели, а то по пятам турки гнались. Аккурат за ними закрыли Босфор.

ПАВЕЛ (*истерично*): За сдачу врагам моей Мальты — Ушакова разжаловать! Сослать его! Да хотя бы на Каспий! Подумать только — сдать врагу мою Мальту! Кругом измена с предательством, ни на кого нельзя положиться! Что за страна?! Что за народ?!

Снова распахивается дверь в залу. Огромной толпой входят мальтийские рыцари.

САВИНЬИ (*с презрением*): Мы сделали вас, государь, гроссмейстером нашего ордена, а вы... Вы сдали нас врагу и, возможно, за деньги. Все кругом говорят, что и Суворов и Ушаков по вашему приказу за нашей спиной обо всем с англичанами договаривались! Будьте вы прокляты! (*смачно плюет под ноги Павлу*) Предатель! Изменник!

С этими словами глава мальтийского ордена разворачивается и уходит из залы, а вместе с ним и все его мальтийские рыцари. Павел в наряде гроссмейстера Мальтийского ордена стоит, как громом пораженный. Затем он начинает бежать за мальтийцами с криком.

ПАВЕЛ: Погодите! Вы все неправильно поняли! Я вам сейчас все объясню!

Вслед за господином из залы выбегают и Куракин с Кутайсовым. В этот миг Боровиковский наконец отрывается от мольберта и кричит.

БОРОВИКОВСКИЙ: Господа, а как же парадный портрет?!

Павильон. Зима. Утро. Павловск. Курительная

В большой, просторной курительной комнате посреди комнаты в кресле сидит Эльза фон Витгенштейн. Кроме нее собрались Салтыков, Барклай, Кочубей, фон Пален, монументальная Карловна. Запись беседы ведет Доротея. У дверей на часах стоят Александр Бенкендорф, а также Невельский и Оболенский. Государыни, княжон и всех прочих не видно. Эльза чуть откашливается и сухо произносит.

ЭЛЬЗА: Ну что ж.... Пожалуй начнем.

Барклай (*осторожно поднимая руку*): Позвольте узнать, государь отменил свой указ на ваш арест вне пределов Лифляндии?

Эльза: У государя сейчас иные заботы. Нет не отменил, но это не важно. Время не ждет. Поэтому я и приехала.

Кочубей: Да все вроде бы уже утряслось...

Эльза: Все верно. Я и сама стала привыкать к такому порядку. В сущности, когда у вас под рукою (*кивает в сторону Карловны*) служба по подбору кадров во все дворцы, (*кивает в сторону Баркляя*) таможня, (*кивает в сторону фон Палена*) почта, (*кивает в сторону Кочубея*) полиция, (*кивает сама*) разведка и контрразведка, а самое главное (*кивает Салтыкову*) есть центр принятия всех решений — менять что-либо вроде уже и не надо. Пусть идет, как идет.

Кочубей (*с интересом*): А что изменилось-то?

Эльза: Войска из Европы назад возвращаются. А между тем отставлен уже Ушаков и под домашний арест посадили Суворова. Это после всего, что они для страны, для всех для нас сделали. Армия зла. Очень зла. А без Ушакова с Суворовым у нас на них нету влияния. Мало того, среди служивых вовсю идет разговор, что царя надо свергнуть. А на место Павла армия прочит цесаревича Константина, поскольку тот прекрасный командующий.

Салтыков: О Господи...

Эльза: Я тут должна в пояс поклониться нашему Николаю Ивановичу. У него был заказ вырастить успешного интригана-политика, который смог бы удержать трон. Он его вырастил. У него была задача вырастить великого генерала, который при этом не смог бы подсидеть своего старшего брата. Он и его тоже вырастил. Мои поздравления.

Салтыков (*явно тронутый словами Эльзы*): Я — всего лишь учитель. Делал, что мог...

Эльза: Однако, именно сейчас пришел тот период, про который один великий римлянин как-то сказал: «В основе власти только закон. Но коль закон не работает — сгодится и армия!»

Салтыков (*с интересом прищурившись*): К нынешним временам эта цитата точно и к месту. Однако сам великий Помпей при том плохо кончил.

ЭЛЬЗА (*с чувством*): Надеюсь, что ваш ученик Константин про то слышал и не забыл урок. Он хороший солдат, но в политике дитя малое. Тем не менее из верных рук доложу — нынче он ощутил поддержку в войсках и хочет свергнуть отца, дабы самому стать Императором.

БАРКЛАЙ: Все мы хорошо знаем, кто такой Константин. Он пойдет воевать. Десять лет, и в России после этого мужиков не останется. Равно как не осталось мужиков в стране Ричарда Львиное Сердце, Генриха Пятого, или нашего Ивана Грозного. Все они были военными замечательными.

ЭЛЬЗА: Все так. И если мы не хотим, чтобы армия сама возвела Константина на царство, мы должны успеть раньше. Есть ли иные кандидатуры, кроме той, что нами обсуждалась тут ранее?

ФОН ПАЛЕН: Единственной альтернативой может быть — государыня. При верном наставлении из нее вышла бы царица хорошая. Однако она чересчур импульсивна. Это — опасно. У Наследника нет этих черт. Он коварен, но предсказуем. С ним проще сработаться.

ЭЛЬЗА: Хорошо. Три кандидатуры — два цесаревича и государыня. Кто желает, чтоб голосование было тайным? Все против. Ставлю на голосование кандидатуру Наследника. (*Все собравшиеся один за другим поднимают руку*) Единогласно. Решение принято. Ваши предложения по самой операции.

КОЧУБЕЙ: Любой ценой нужно вытащить из под ареста Суворова. Против него Константин не пойдет. Время выиграем.

ЭЛЬЗА: Принято. Александр Васильевич попал под арест только из-за того, что его сын был с Константином в тот самый день.

ФОН ПАЛЕН: Можно младшего Суворова сделать козлом отпущения. Мол, действовал, но один. Тогда Суворова точно выпустят.

САЛТЫКОВ (*с сомнением*): Но что тогда станет с Аркадием?

ЭЛЬЗА: Я отвечаю за безопасность страны. Моя задача уменьшить ущерб. Лес рубят — щепки летят. (*фон Палену*) Спасибо, Петер, ваше предложение принято.

НЕВЕЛЬСКИЙ (*от дверей*): Позвольте мне. Я лишь охранник, однако же... Нужен будет доступ в Зимний или этот... как его? Михайловский

замок. Два начальника охраны — Белыми командует Хрисия, а Черными — Аракчеев. Не готов обсуждать что-то с Хрисей, а вот Аракчеев... Он был вторым человеком у Павла, а потом вдруг впал в немилость. А я к нему присмотрелся. Человек он тяжелый и мстительный. Может выгореть...

ЭЛЬЗА: Принято. Поговорите с Аракчеевым.

БАРКЛАЙ: Обязательно нужен будет козел отпущения. Чтобы было на кого свалить. Предлагаю на сию роль Платона Зубова. Никому он из наших не нравится. Редкостный фанфарон. Потерял все после смерти Екатерины и до смерти ненавидит Павла.

ЭЛЬЗА: Принято. Кандидатура на закланье прекрасная.

САЛТЫКОВ: Со своей стороны — предложил бы привлечение Кутайсова. Он очень умен, хоть и безроден, а сын его Пьер, *(с усмешкой)* то бишь, князь Багратион в войсках весьма популярен и может вставить словцо. Кутайсов на сына имеет неограниченное влияние.

ЭЛЬЗА: Хорошо. Принято. Со своей стороны — предлагаю использовать известных британских агентов, чтоб вся история выглядела враждебным нам заговором *(фон Палену)* Надеюсь на вас, Петр Алексеевич. И на ваших хороших знакомых — сэра Исаака и Перца. В таких делах всегда лучше — когда вперед лезут подобные характерные морды.

ФОН ПАЛЕН: Будет исполнено.

КАРЛОВНА *(громко)*: Ну, с Богом. Заодно и за Феденьку моего поживаемся.

В углу быстро скрипит пером Доротея. Ее брат Александр стоит у дверей на часах. Тайный совет продолжается.

Натура. Зима. Утро. Павловск. Аллея парка.

По расчищенной дорожке посреде сугробов аллеи парка в Павловске прогуливаются министр образования Салтыков и министр внутренних дел Кочубей. Ясное, морозное утро. Кочубей Салтыкову докладывает.

Кочубей: Я давеча имел беседу с Суворовым в его Кобрине. Думаю, мне удалось его успокоить.

Салтыков: Это замечательно. А теперь расскажите и мне, чтобы и я сумел успокоиться.

Кочубей: Один из секретарей нашего лондонского посольства разговаривал слугу Воронцова, который сызмальства Аркадия Суворова нянчил. Тот божится, что хоть Аркадий имеет необычайную слабость характера, но ни разу со своим полом не баловал. Куракин из этого и раздул версию.

Салтыков (*хмурясь*): То бишь — много шума из ничего. Вполне в духе Куракина. А что в итоге?

Кочубей: А по сути — сам Павел ненавидит Суворова и во всем ему люто завидует. Ну, а Куракин лишь только пожелал угодить своему повелителю.

Салтыков (*с чувством*): Твою ж мать... Ох, Сашка... Вечно готов на все — лишь бы предвосхитить все желания Императора. Ну погоди, дуралей — не долго тебе осталось угодничать! А что ж Александр Васильевич?

Кочубей (*разводя руками*): Сперва фельдмаршал, вестимо, расстроился. Даже сказал, что нету противоядия супротив Императора. Я его успокоил. Сказал, что верный человек уже в Инсбруке и точно привезет доказательства, которые снимут с него все обвинения!

Салтыков: А он что?

Кочубей: К моему удивлению, генерал впал в задумчивость, пробормотал что-то про позор и бесчестие и спросил, верно ли, что его невинность прямо зависит от того, извращенец ли его сын?

Салтыков (*задумчиво*): Ай-яй-яй... Очень нехорошо. Он прямо это спросил?

Кочубей: Так точно. А потом сразу сказал, что устал и ему пора спать...

Павильон. Весна. Утро. Зимний. Покои Павла.

10 в

На помосте посреди своей комнаты в костюме гротескмейстера Мальтийского ордена стоит Император. Позирует. В углу у мольберта колдует художник Боровиковский. Стук в дверь. Входит Кутайсов.

КУТАЙСОВ: Ваше Величество, срочное сообщение. Фельдмаршал Суворов просит предъявить ему обвинение или вашей аудиенции!

ПАВЕЛ: У меня совсем нету времени. Как видишь, я занят. А по поводу дела скажи ему — идет следствие. Как только все выяснят, видит бог, предъявят ему обвинение!

КУТАЙСОВ: Но он настаивает! Просит вашего письменного разъяснения, хочет знать, в чем именно он виновен.

Павел в раздражении топает ножкой. Потом сбегает с помоста, бежит к художнику, выхватывает у того из папки листок картона и на нем что-то пишет. Протягивает картон своему камердинеру и приказывает.

ПАВЕЛ: Вот — письменный мой приказ. Доставь к нему лично и вручи, как ценный пакет!

С этими словами Государь обратно на свой помост возвращается и снова принимает положение «возвышенно-героическое». Кутайсов разглядывает картон. На нем написано крупными буквами: «УЙМИСЬ, СТАРЫЙ ДУРАК!»

Натура. Весна. День. Бреслау. Мост через Одер

11 в

По мосту через замерзшую реку грохочут сапогами егеря Бенкендорфа. Путь в Россию — неблизкий, но все люди рады, ибо их ждет родная сторонка. У съезда с моста на лошадях офицеры. Кристофер и князя Голицыны меж собою беседуют.

БОРИС ГОЛИЦЫН: ...И тогда, вообразите, фельдмаршал им заявил, что сам Павел ему выписал пропуск. А там — вы не поверите — было написано: «Уймись, дурак», но никто из полиции не стал проверять. Так и пропускали всю дорогу от Кобрина до столицы!

Кристофер (*с одобрением*): М-да! Весьма сильный пропуск!

Борис Голицын: Я бы сам, господа, не поверил! На моей памяти такие кунштюки выкидывал лишь Пинетти, который показывал охранникам пустую бумажку и убеждал их, что это его документы. Но то был маг и волшебник, а это же — сам Суворов!

Дмитрий Голицын: Ты погоди, лучше скажи нам, чем же все закончилось? Зачем он ехал в столицу?

Борис Голицын: А потом все было странно. Генералиссимус поставил свою карету напротив Зимнего и объявил, что должен получить аудиенцию у Государя Императора. Но тот был шибко занят и, по слухам, весь день для своего парадного портрета позировал. Так что Александр Васильевич так и просидел в холодной карете напротив Зимнего восемь часов и весьма застудился. Его даже прибыл забирать зять — академик Хвостов, а Суворов артачился. Но потом, говорят, совсем слег. Воспаление легких...

Кристофер (*мрачно*): Значится, Государь наш восемь часов сряду позировал, чтобы нарисовали его — героически, а воистину великий старик при том мерз на холоде... Поня-я-тно...

Дмитрий Голицын (*сухо*): Понятнее — не бывает!

12 В

Павильон. Весна. День. Рига. Дом градоначальницы

Дом Эльзы похож на растревоженный улей. По дому движется множество молодых людей и девиц в черной форме. В каждом кабинете видны шкафы и стеллажи с картотеками. Все что-то ищут, друг с другом беседуют и передают какие-то бумаги. Посреди всего этого рукотворного хаоса идет Эльза. Она в своем обычном черном мундире, который ей прекрасно идет. К ней все время подходят ее подчиненные, она их выслушивает и дает очередные задания. Среди этой толпы мы видим взмыленную, бегущую откуда-то Кирстен.

Кирстен: Ваше приказание выполнено! Я успела задержать Федю фон Палена! Он уже возвращается. Какие еще приказания?

Эльза (с чувством): Ну слава богу! Ты хорошо поработала, девочка! Пока — отдыхай, попей пива и выпись. Я тебя вызову.

С этими словами Эльза резко поворачивается и идет к себе в кабинет. Там у дальней стены висит огромный портрет Шарлотты, вокруг которого горят свечи. От этого стол со свечами вокруг портрета чем-то очень похож на алтарь. Эльза опускается на колени перед портретом своей госпожи и со слезами на глазах тихо шепчет.

Эльза: Что же... Ты ведь все знаешь. Я всего лишь хотела уменьшить ущерб. Спасала отца, отдав на заклятие сына. А отец все решил иначе. Я знаю, Шарло, ты бы и сама отдала свою жизнь ради Сашки или же нашей Дашеньки... Право родителя — свято. Стало быть, я, раз не сумела спасти родителя, должна теперь о сыне его позаботиться...

**Павильон. Весна. Вечер. Лондон.
Дом Воронцова**

13 в

«Вечный лондонский сиделец» Воронцов откинулся в мягком кресле перед журнальным столиком в своей крохотной комнатке. Раздается стук в дверь. Слуга приносит свежую корреспонденцию на подносе. Воронцов небрежно перебирает ее, а потом с восклицанием достает и судорожно раскрывает одно из писем. Из него выпадает эскиз будущей картины и записка. Воронцов начинает читать, и мы слышим голос Аркадия Суворова.

Здравствуйте, дорогой дядя мой, Семен Романович! Все никак не могу написать, ибо был на войне да в походе. Однако, как лишь прибыл с войны я в столицу, сразу же побежал до художников, чтобы те запечатлели для Англии лик моего папеньки. Сам Александр Васильевич на днях, к великому нашему горю, от воспаления легких помре, так что прибыть в Лондон на чествование он не может. Вместо него посылаю первый эскиз будущего большого портрета, на котором папенька изображен командующим в дни нашего перехода чрез высокие Альпы. А в остальном все обычно...

Дрожащими пальцами Семен Воронцов поднимает карандашный набросок, на котором Александр Васильевич Суворов изображен с поднятой треуголкой где-то на перевале над пропастью. Рука Воронцова дрожит, он роняет листок и начинает рыдать. Сквозь его всхлипы лишь слышно.

Воронцов: Господи... Господи, горе-то какое... Кто ж... Кто ж теперь-то остановит Антихриста?!

Камера опускается на карандашный набросок с силуэтом Суворова, на который падают горькие слезы русского дипломата. Рисунок все приближается, и на нем появляются слова: «Конец девятой серии».

Серия 10
Aut Caesar
(Или Цезарь...)

**1800. Павильон. Весна. День. Вена. Шенбрунн.
Коридор**

1 а

По длинному коридору Шенбруннского дворца идет император Франц. Вслед за ним торопится Меттерних. Император не в духе и непрерывно брюзжит.

ФРАНЦ: Ах, Клеменс, меня уже тошнит от всех этих ваших идейк и фокусов! Вы уговорили меня повернуть фокус с русскими, и что теперь? (*возмущенно пыхтит*) Русские вышли из коалиции и стали французским союзником!

МЕТТЕРНИХ (*негромко*): Зато более нет угрозы, что ваш брат Рудольф с его русской женой теперь в Будапеште отделятся...

ФРАНЦ (*небрежно*): Чепуха! Меня любят мои венгерские подданные! (*чуть подумав*) И все же за эту русскую Александрой вы лучше присматривайте! (*со злостью*) И если что — надобно принять меры! Любые!

МЕТТЕРНИХ: Я слышал вас, Ваше Величество...

ФРАНЦ: Теперь эти горцы! Не вы ли мне говорили, что приструнить их будет просто. Мол, простая полицейская операция...

МЕТТЕРНИХ (*с достоинством*): Я — политик. Я не могу отвечать за полицейские операции. Тем более такие бездарные! Если вам сие будет угодно, я, разумеется, готов возглавить полицию...

ФРАНЦ: Ах, ну да... Это мне говорили не вы. Но все же эти проклятые горцы, которые служили нам так верно, нынче дерут нас и в хвост,

и в гриву. Говорят, что они боготворят Бонапарта и намерены отойти к Франции! А как же нерушимость европейских границ?! Как же международное право?

МЕТТЕРНИХ (*осторожно*): Но ведь это вы, Ваше Величество, первым издали указ об аннексии Венецианской республики... Бонапарт теперь говорит, что лишь к вашей инициативе присоединяется. Мол, все устаревшие границы в Европе пора перекраивать.

ФРАНЦ (*морщась*): Венеция принадлежит нам по праву! И потом... Нам всегда нужен был выход к морю. Объясните это всем, Меттерних! Мы за право и правду! А право принадлежит сильным, то есть нам, а не этим французским выскочкам!

МЕТТЕРНИХ (*сухо*): Россия объявила о вечном союзе с Францией. Сама Франция скорее слаба, однако Россия давеча изничтожила великую Турцию. Что будет, когда русские решат прийти на Балканы? Да, например, с нашей стороны?

ФРАНЦ (*с яростью*): Этот союз — дикий бред, химера, рожденная сознанием двух карликов! Не будь любого из них, и союза не будет! Позаботьтесь об этом, Клеменс! Я вам приказываю. (*доставая надушенный платочек*) Кстати, когда кончите с колченогим, и о дочери его позаботьтесь! Никто не смеет отнять у меня мою Венгрию!

2а

Павильон. Весна. Вечер. Вена. Шенбрунн. Кабинет Меттерниха

Меттерних что-то пишет у себя в кабинете. Тихий стук в дверь. Молодой канцлер не спеша дописывает, встает, рассеянно гладит свою собаку, которая лежала у него под ногами, наливает из графина два бокала вина, ставит их на стол и сам идет открывать. В кабинет входит полковник Берг. Меттерних без лишних слов подходит к столу, берет два бокала и, протягивая один из них Бергу, небрежно бормочет.

МЕТТЕРНИХ: Хороший портвейн. В прошлый раз он вам понравился. У меня к вам щекотливое дело. Даже два. (*чуть подумав*) А еще точней — три. Готовы?

БЕРГ (*со смешком*): Как было сказано у Шекспира в «Короле Лире» — «Я не мычу, не ем овса. Что в силах человека обещаю!»

МЕТТЕРНИХ (*с хохотком*): Что вы, что вы! На сей раз никого душисть не придется. (*задумчиво*) Во всяком случае, не Корделию. У вас остались контакты с нашими друзьями во Франции?

БЕРГ: Так точно. Вандейские роялисты. Ненавидели последнего Людовика, но обожают монархию. По их словам, Мария-Антуанетта, в отличие от Людовика, хорошо умерла. Теперь они всем телом и душою за Австрию!

МЕТТЕРНИХ: Превосходно. Отправляйтесь-ка к ним, и... Император увидел во сне смерть Наполеона. Это — во-первых. Во-вторых, у меня есть приказ разобраться с русским царем. Что вы думаете?

БЕРГ: Русские нам все ж союзники. Наполеон может умереть, это враг, но с русскими...

МЕТТЕРНИХ: Все верно. А потому — прежде чем отъехать во Францию — сыщите-ка мне русского министра по культуре. Этого... (*чуть морщит лоб*) князя Юсупова. Он в основном турецкий шпион, но и наш тоже. Подскажите ему, что на Дону цветет заговор и что Австрия беспокоена возможным в тех краях усилением Турции.

БЕРГ (*со смешком*): Понял. Проявлю максимальное беспокойство.

МЕТТЕРНИХ: Положусь на ваш вкус и врожденное чувство меры. Сразу же уезжайте. Не дайте Юсупову получить какие-то уточнения. И наконец — вот еще. У вас был друг... Какой-то масон...

БЕРГ (*со значением*): У меня таких много. На любой вкус.

МЕТТЕРНИХ (*поднимая со стола некую бумагу и зачитывая фамилию*): Пусть напишет любое письмо в Черкасск на имя полковника Евграфа Грузинова. Это бывший телохранитель Павла, заместитель Кутайсова. Он давеча написал в один венский журнал свой проект по созданию очередного города солнца в стане донского казачества...

БЕРГ: Что должно Грузинову написать?

МАТТЕРНИХ (*небрежно*): Неважно. Главное — там же симпатическими чернилами, что планы Грузинова по отделению от России

донского казачества в Стамбуле одобрены. И дальше нужно случайное нагревание или нечаянно пролитая жидкость... Вы меня поняли?

3а

Натура. Весна. Утро. Михайловский замок. Стройка

Работы на строительстве Михайловского замка кипят. Посреди стройки ходит важный Кутайсов, который на рабочих то и дело покрикивает. Ему явно нравится ощущать себя важным и что люди во всем его слушают. И надо сказать, что работы под его началом идут споро и весело. Посреди шума стройки возникает движение, и появляется руководитель полиции — князь Кочубей. Он с Кутайсовым кланяется, подходит ближе, отзывает личного секретаря Павла чуть в сторону и говорит голосом заправского заговорщика.

КОЧУБЕЙ: Ты уж прости, Иван Палыч, но тут у меня какая-то чертовщина. Помнишь братьев Грузиновых?

КУТАЙСОВ (с интересом): А что с ними? Там их штуки четыре или даже пять. Грузины, которые стали казаками. Я сошелся со старшим по случаю. (воодушевляясь) Вообрази, есть в столице хинкальная, и вот я как-то раз...

КОЧУБЕЙ (с напряжением): Старшего звали, часом, не Евграф?

КУТАЙСОВ (с довольной улыбкой): Точно. Евграф. Я его даже рекомендовал в охрану самого Императора! А как пел, а какие хинкали он делал!

КОЧУБЕЙ (с неожиданной злостью): Дались тебе эти хинкали! Пропадешь же, дурак, ни за понюх табаку! Значит — брата, такого же грузина, на работу взял во дворец... Э-э-эх, Иван Палыч! (чуть подумав — и хрипло) Ты это... Про то, что знал Евграфа, забудь. Не знал ты его никогда!

КУТАЙСОВ (растерянно): Да как же не знал-то, коли я сам написал ему во дворец мою личную рекомендацию?!

КОЧУБЕЙ: Эх, е... Что же ты натворил, Палыч... И что было дальше с этим Грузиновым?

КУТАЙСОВ (*пожимая плечами*): Прогнал я его. Он же, гад, стал поносные слова говорить про моего благодетеля! И то царь сделал не так, и — это! Я ему и сказал, что всем на свете перед Государем обязанный, и коли Евграф не извинится, ей-ей, прогоню я его со двора. Ну и... Пришлось расстаться. А что там?

КОЧУБЕЙ (*задумчиво*): Значит, ты сам его и прогнал? А это ведь — хорошо... А дела... Выясняем. Посылаю я в Черкасск аж двух генералов — Репина с Кожиным во всем разобраться. Ты понимаешь, люди фон Палена с почты перехватили письмо... Может, и ерунда...

КУТАЙСОВ (*настороженно*): Ничего себе ерунда, коль шлешь ты за Евграфом аж двух генералов полиции! Да их у тебя всего три! А ну-ка, Виктор Палыч, как есть все рассказывай.

КОЧУБЕЙ (*отмахиваясь*): Не могу! Прости, служба! Я бы и рад, но в деле оказались и люди фон Палена, а он чуть что, все в Ригу докладывает. Так что дело это теперь не замять... Но тебе я все расскажу, как только что-то мы выясним!

Павильон. Весна. Вечер. Зимний дворец. Бал

4 а

Огромные залы Зимнего дворца залиты огнями тысяч свечей. Такое чувство, будто сегодня при дворе собрался весь свет. Многие кавалеры и дамы все же носят на себе черные ленты в знак траура по погибшим, однако общее настроение у всех явно приподнятое. Завершена большая война, и хоть почти в каждом столичном доме есть павшие в ходе несчастливого нападения на Голландию, но сегодня, наконец, первый бал, и все дебютантки на паркет выведены, а уцелевшие на войне кавалеры из Европы наконец-то вернулись. Посему праздник в разгаре. Молодежь посреди зала кружится в танцах и флиртует направо, а старики сидят вдоль всех стен и на своих детей издали радуются. В таком тихом углу стоит камердинер Павла граф Кутайсов и жадно смотрит на танцующих. К нему будто случайно подходит Салтыков.

САЛТЫКОВ: Здрав будь, Иван Палыч! Кого вывел-то?

Кутайсов в ответ как зачарованный смотрит на пары и невольно шепчет.

КУТАЙСОВ: Как он красив... Истинный князь!

Салтыков следит за взглядом товарища и замечает.

САЛТЫКОВ: И впрямь, хорош. А то все — Пьер да Пьер. А вот он уже и не Пьер, а цельный князь Петр! А с кем это он? Ба, да это же великая княжна Мария Павловна! Как она смотрит... Что за пара!

КУТАЙСОВ (*с дрожанием в голосе*): Вообрази, князь и княгиня Багратион! Красота! А то, что у ней была оспа, — все пустяки, Иваныч! С лица воду не пить.

САЛТЫКОВ (*с искренним интересом и уважением*): А высоко ты метишь! Неужто есть шансы?

КУТАЙСОВ: Так ведь даже для Елены и Сашки женихов в Европе насилу нашли. Чего уж там для младших девок надеяться?! А с изьяном особенно. Авось начнут выдавать их и нашим. А Петька-то мой — всем орлам орел. Лучший генерал был в Италии. Главное, чтоб царева опала на него быстрее кончилась...

САЛТЫКОВ (*с изумлением*): Погодь, какая опала?! За что?

КУТАЙСОВ (*пожимая плечами*): Да все тянется та дурная история. Государь в гневе, что Петька мой не был в борделе с Костиком. А как ему объяснить, что по мальчикам у цесаревича общий интерес есть с Яновским, а тот поляк!

САЛТЫКОВ: Не вижу связи...

КУТАЙСОВ: Петя у меня — старший, я его в грехе прижил. Вот и отдал в войска рано, чтоб никто при дворе в наших лицах не видал сходства. Иначе какая была бы жизнь пацана, если бы все ему тыкали, что отец его — парикмахер? Пусть царский — но парикмахер. А в армии он пошел и при Суворове хорошо вперед двинул. Не то что мой сын законный (*с досадою рукой машет*).

САЛТЫКОВ (*утешающе*): Планида такая. Бывает. Что поделать, коль один сын — боевой генерал, а другой, извиняюсь, художник. Так звезды легли...

КУТАЙСОВ (*с досадой*): Эх, дорого бы я дал, если бы они иначе легли! Был бы у меня законный сын боевой генерал, так и вопроса бы не было. А тут — все навыворот. В общем, под Суворовым всю юность дрался Петька с поляками и нынче их на дух не переносит. А вся свита цесаревича — польская. Вот и выходит: как в бой — так с цесаревичем Петька и дружки его, Толстые да Долгорукие, а как в бордель — так поляки позорные. А как царю объяснить? Он кричит, что я, мол, его личный денщик, так и Петька мой обязан быть денщиком цесаревича.

САЛТЫКОВ (*задумчиво*): Стало быть — нет дружбы промеж людей цесаревича? Вояки ненавидят поляков, а те... Занятно. А фамилии-то какие — Толстые да Долгорукие... И что же, их всех по приказу Павла тоже отставили?

КУТАЙСОВ: Да, всех прогнал скопом. Всех лучших полковников да генералов Суворова. За то, что по мужикам не пошли да с мальцами не баловались. Поляков-то Константин отстоял... Одна у них шобла...

САЛТЫКОВ (*с улыбкой*): Ну, спасибо тебе, Иван Палыч. Успокоил ты меня. Стало быть, Константин предпочел поляков своих — Толстым с Долгорукими. Очень, очень забавно!

Та же самая зала с другой стороны. У стены в глубоких креслах — Государь Павел и Государыня Мария Федоровна. За спиной у Марии верной тенью — Доротея фон Бенкендорф. Похоже, что Павел только что сел в свое кресло, ибо он то так, то этак на нем устраивается. Государыня же вся взмокшая и довольная, похоже, что она танцует без передыха. Вот отошла на миг присесть, и сразу к ней подсел Павел. Царь делает девушке знак, чтобы та отошла. Доротея делает, было, шаг в сторону, но Мария Федоровна тут же хватает ее за руку и жестом приказывает остаться. При этом Государыня смотрит на мужа своего победительно. Тот в ответ говорит с раздражением.

ПАВЕЛ: Почему, ну почему любой наш разговор вы норовите обратиться в перепалку?

МАРИЯ: Затем, что я хорошо знаю вас, змееуст. Вы любое мое слово любите извратить, а от своих собственных слов отказываться! (*Доротее*) Дашенька, прошу тебя, запоминай все, что он скажет. А лучше — записывай. А то он опять все как-нибудь вывернет!

Доротее кивает в ответ и тут же достает из кармана грифель с тетрадкой. Лицо у Павла становится ошалелое. Затем он просто машет рукою и говорит.

ПАВЕЛ: Вы в курсе, что про нас сказал сын, будучи под французскою пыткой?

МАРИЯ (*с чувством*): Еще бы! Сквернавец и лжец, вам под стать! У вас обоих и душа черна одинаково, и даже внешность подобная! Уроды!

ПАВЕЛ (*сразу вспыхивая*): Это такой же ваш сын, как и мой! Знаю я, как лично пытала людей ваша маменька! Ваш племянник от этого по сей день писается! Эта звериная в нем жестокость от вас, а не от нас — Романовых!

МАРИЯ (*пытаясь вскочить*): Даша, ты слышала?! Он оскорбил мою маменьку! И... И обидел племянника! Да пошел ты, урод... Идем, Дашенька!

ПАВЕЛ (*пытаясь удержать Марию на месте*): Да погодите, сударыня. Я к вам по делу. Нас обвинили в том вместе, и нам из этого надо выпутываться!

МАРИЯ (*давая себя удержать*): Вот и выпутывайтесь, милостивый государь! Я тут при чем? Отпустите руку, мне больно!

ПАВЕЛ (*сразу отпуская жену*): Мы обязаны показать всему миру, что у нас мир в семье и все у нас хорошо! Вы обязаны перебраться жить со мной в Зимнем!

МАРИЯ (*с чувством*): Да пошел ты! Да как ты посмел! Да из-за тебя... У меня ж теперь из-за того, что ты со мной сделал, детей быть не может!

ПАВЕЛ (*торопливо*): Нет. Вы меня не так поняли. Я помню наставления своей матери. У меня опять в фаворитках — Гагарина.

Я о том, что мы всей семьей должны сделать вид, что живем дружно и счастливо...

Мария Федоровна в ответ от возмущения в кресле своем аж подпрыгивает. Она даже дергает за рукав Доротею, чтобы та ее поддержала. Однако девушка в ответ делает странное лицо и шевелит пальцами, будто деньги подсчитывает. Мария Федоровна в ответ непонимающе на нее смотрит, а потом светлеет лицом и восклицает.

МАРИЯ: Хорошо! Вернешь мне Кристофера! Это мой начальник охраны и телохранитель. А не ты!

ПАВЕЛ: Ни за что!

Мария Федоровна с места вскакивает и хватает Доротею.

МАРИЯ: Тогда что ж... Адью! Пиши мне письма, дружок. Отныне я живу в Вассерфаллене!

ПАВЕЛ (*со стоном*): Ну хорошо. Но чтоб ни в Зимнем, ни в Михайловском замке и ноги его не было!

МАРИЯ: Пиши указ. Назначить Кристофера фон Бенкендорфа комендантом моего Павловска. Тогда приеду я к тебе в уродский твой замок. А в Зимнем не буду жить ни за что! Дурные воспоминания, понимаешь ли!

ПАВЕЛ (*с отчаянием*): Так Михайловский замок еще недостроенный!

МАРИЯ (*торжествующе*): Вот и достраивай! А мы пока с Кристофером живем в Павловске. Как выстроишь, так и пиши, стучи, кричи, телеграфируй!

ПАВЕЛ (*растерянно*): А что, у вас в Павловске уже есть телеграф?

МАРИЯ: А как же! Оптический. Встал перед воротами Павловска в солнечный день, достал зеркальце и зайчиком мне в окно — бздынь, бздынь! Я отвечу!

Пока Павел думает, что сказать, в зале происходит движение. Будто шорох пролетает вдоль стен, судя по тому, как все старики вытянули шеи в одну сторону — с дальнего конца что-то в толпе к царственной чете приближается.

Первой появляется Карловна, которая бросается к Марии Федоровне и начинает тянуть ее за собой со словами.

КАРЛОВНА: Ну все, мать, погуляли и ладно. Будет у нас в Павловске бал для своих — там и потанцуешь! А пока нам пора, а то время позднее, а ты легко устаешь! Пора, пора домой — баньки!

Мария Федоровна упрямится и свою гофмейстрину не слушает. Она пытается вырваться из рук Карловны.

МАРИЯ: Нет, нет, погоди! Похоже, что тут сейчас будет что-то и впрямь интересное! Вы и так держали меня взаперти! Вот сейчас...

*Толпа в этот миг как раз перед государями раздвигается. Расстроенная Карловна в отчаянии машет рукой и за спиной своей госпожи как бы прячется. Перед родителями появляется **цесаревич Константин**. Вид у него удивительный. На голове у **наследника** взбит огромный то ли кок, то ль завитой парик, украшенный блестящими цепочками то ли с настоящими бриллиантами, то ли с бисером. На **наследнике** кроме этого парадный мундир, увешанный орденами и медалями за победы в Италии. При этом форменный китель **наследника** сделан из прозрачной кисеи, через которую его чисто выбритая и напомаженная грудь явно просвечивает, а на ногах — короткие кавалеристские сапожки, покрытые, видимо, сусальным золотом. Довольно к этому прибавить сильно уродливое лицо Константина, которое он пытался улучшить помадами и румянами, да огромные на том лице бородавки, которые тот присыпал то ли мукой, то ли пудрой, и становится понятно, почему Государь с Государыней при виде сына просто безмолвствуют. Наконец, слегка озадаченный столь холодным приемом, Константин натянуто улыбается и говорит.*

КОНСТАНТИН: А вот и я, дорогие папаша и мамочка. Прямо с войны и из плена. Здравствуйте!

ПАВЕЛ (растерянно): А... Зачем ты это надел?!

КОНСТАНТИН: Как зачем?! Это все — боевые награды мои. Заслуженные потом и кровью! Ведь ты же об этом лишь и мечтал? Так ведь?

МАРИЯ (*Карловне*): Ой... Это как понимать? Я ж на войну его хоть немного нормальным отправила!

КАРЛОВНА (*мрачно*): Видать, в плену головкою трекнулся. (*Константину*) А в тебе, убивец, давно стыда нет, но что ж ты мать-то, да при людях... (*с чувством плюет Константину под ноги и, поворачиваясь к Государыне, протягивает к ней руку и говорит*) Пойдем, домой пойдем, Манечка...

Глаза у Марии Федоровны совсем округляются. Потом округляется рот. Наконец она говорит только «ой» и, хватая Доротею с Карловной под руки, объявляет.

МАРИЯ: Поздно уже. Нам пора в Павловск! Где, где все мои девочки?! Мы собираемся!

Танцы сразу же прекращаются. Государыня с совершенно безумными глазами бежит по зале в поисках своих дочерей. У одной из портьер она видит Салтыкова. Чуть дальше Кутайсова, и, проследив его взгляд, обнаруживает счастливую Марию Павловну среди зала в объятиях князя Петра. Видимо, они только что завершили свой танец и о чем-то там разговаривают. Государыня подбегает к своей юной дочери, хватая ее за руку и восклицает.

МАРИЯ (*князю Петру*): Как вам не стыдно? Она ж еще совсем маленькая! Распустились тут! (*Кутайсову — в угол*) А ты сына-то придержи! У меня уже есть один сын — страшный клоун, не хватало мне еще дочерей отдавать за цирюльников!

МАРИЯ ПАРВЛОВНА (*вырываясь из рук матери и упирая руки в бока*): Маменька, я уже взрослая. В мои годы вы уже Сашку сосватали, а Ленку и вовсе выдали под венец! И князь Петр — он генерал! Благородного роду! А никакой не цирюльник!

МАРИЯ (*с угрозой и точно так же, как дочь, упирая руки в бока*): Ах ты, сквернавка! Родной маме перечить?! Да я тебя точно так же в монастырь постригу, как и меня хотели постричь! Живо одумаешься! (*вдруг на дочку напрыгивает и начинает таскать ее за волосы*) Ты у меня станешь шелковой!

МАРИЯ ПАВЛОВНА (*начиная рыдать с ужасом*): Нет! Не надо меня в монастырь! Не надо! Мама, мамочка!

МАРИЯ (*с известною радостью*): Поговори у меня! Ну-ка, быстро — марш со мной в Павловск! Дома поговорим. Я тебя научу, как мать слушать! Второго уroda в доме не допущу! Это все вольтерьянство и вольнодумство, что было заведено у свекровки! Отняли сына и там испортили, но уж тебя-то я выучу! Вот тебе я — ужо!

С этими словами Мария Федоровна почти насильно тащит упирающуюся дочь к выходу. Ей помогает Карловна. При виде этого Екатерина Павловна сама торопливо бежит вслед за учительницей и за матерью. Доротья, проходя мимо князя Петра, тихо бормочет.

ДОРОТЯ: Простите нас. Дурной день. Вы, князь, оказались просто не в то время и не в том месте. Благодарите своего господина — нашего цесаревича. И все же не забывайте нас. Великая княжна вас запомнила.

БАГРАТИОН (*тихо*): Я не волен над нарядом наследника.

ДОРОТЯ (*со смешком*): Разве? А Государь зовет вас не иначе, как его камердинером... Наверное, я ослышалась.

БАГРАТИОН (*вспыхивая*): Я боевой генерал!

ДОРОТЯ (*с кривою усмешкой*): Так докажите! Что ж, не прощаюсь.

Камера переносит нас в угол, где стоит Кутайсов. Около него — взбешенный Павел. Он злобно шипит.

ПАВЕЛ: Ты что творишь, пес?! Берега попутал?! Своего безродного сына хотел в царский род подложить?! Сгною обоих, собаки вы беспородные!

КУТАЙСОВ (*с отчаянием*): Он же царского роду! Багратион! Прекрасный генерал! Отличный воитель...

ПАВЕЛ (*с яростью*): Прекрасный генерал и лучший воин — это мой родной сын Константин! И не было в роду Багратидов ни разу

воителей, потому и просрали они свое царство! И раз сын твой — боевой генерал, так и значит оно, что не Багратион он ни разу!

КУТАЙСОВ (*крило*): Так ведь... Боевой генерал! Самый лучший!

ПАВЕЛ: А что с того? Ты-то цирюльник! Куафер, если точно! Тупейный художник! И сын твой законный такой же художник. Там, в художниках, вам и место! А мне, Царю, выдать дочь за сына цирюльника... Да ты, видать, трехнулся!

КУТАЙСОВ (*еле слышно*): Так кто же узнает... Я, может быть, куафер и ваш камердинер, а сын-то мой — князь!

ПАВЕЛ: Глаза разуй! Ты себя в зеркале видел? Так еще раз посмотри, а рядом своего Пьера поставь. Одно у вас лицо, хоть ты толст, а он — худ. И никакого сходства с Багратами... Так что забудь! Пока народ тебя видит, все точно знают, чей твой Пьер сын. И чтоб ноги его отныне не было в Павловске!

Камера возвращает нас в другую часть залы. Там собравшиеся друзья утешают князя Петра. При этом они все считаютя равными, хоть Багратион лет на двадцать своих друзей старше.

Князь Михаил Долгорукий (*Багратиону*): Да полно тебе кукситься, брат! Всем известно, что Государыня у нас немного с приветом. Зато княгиня Марья как на тебя смотрела! Как смотрела — красавица! Я искренне тебе, брат, завидую. Однако здесь уже, пожалуй, все кончилось. Может быть, куда-нибудь тронемся?

Граф Федор Толстой: А давайте, братцы, к цыганам! Там как раз настоящего медведя привезли! Да и девки красивые по весне прикочевали с югов. Наберем шампани да водки! Будет весело!

БАГРАТИОН (*будто от дурного сна встряхиваясь*): Да и впрямь... Почему б не к цыганам? Только мне сперва с батеею попрощаться. Скажу ему, чтоб не ждал и двери на ночь закрыли.

Князь идет по зале, где опять заиграла музыка и кто-то снова танцует, но многие начали расходиться, и находит отца, который стоит все в том же углу. Лицо Кутайсова бледно, а вид как у смертельно усталого и больного человека.

Видно, насколько «вечный» Кутайсов уже стар. Багратион с беспокойством и заботою у отца спрашивает.

БАГРАТИОН: Батюшка, вам нездоровится? Да забудьте вы все! Я давно уже все забыл. А вот...

КУТАЙСОВ (*хрипло*): А ведь и впрямь... Да вот и ответ! Да, сынок, что-то мне нездоровится. В глазах все двоится, и в голове такое вот — нехорошее головокружение. Опять же колени...

БАГРАТИОН (*с готовностью*): Так давайте я вас домой отвезу!

КУТАЙСОВ (*отрицательно мотает головой*): Да что ты... Это так — минутная слабость! (*куда-то за спину сына указывает*) К тому ж вон дружки тебя твои ждут... Небось собрались куда-то вы, а я вам мешать...

БАГРАТИОН (*смутившись*): Ну да, пригласили нас в одно место... Надо бы за молодняком присмотреть.

КУТАЙСОВ (*радостно*): А ты иди, иди с ними, Петенька. Мальчики они все хорошие, из лучших домов. Ты ж там с ними, как с равными. А я... Мне письмо пришло из нашей усадьбы в Рождествено, надо крышу чинить, а то протекает, да птичник новый делать пора! Плохо там без хозяина. Ехать мне надобно. Вот как дома все дела сделаю, так и вернусь. А ты пиши мне! Все как есть напиши! Ум-то хорошо, а два лучше. Хоть издали, а все одно — помогу! (*подталкивая сына к товарищам*) Ну беги ж, неслух, беги к дружкам — пока молодой!

Багратион нехотя оставляет отца, а тот смотрит на него вслед и украдкою крестит. Потом граф Кутайсов решительно поворачивается и начинает куда-то идти, приговаривая.

КУТАЙСОВ (*еле слышно*): Ну и ладно. Петька мой дружен нынче с Толстыми да Долгорукими и за великими княжнами ухаживает. Такой, как я, ему отныне обуза. (*со смехом*) А и впрямь — у меня и здоровье не то, да и Рождествену нужен присмотр. Буду жить в Москве... А Петька мой... Ей-ей — будет у меня Петька фельдмаршалом! Подумать только, фельдмаршал — Багратион Петр (*с гордостью и значеньем*) ИВАНОВИЧ!

**Натура. Весна. Ночь. Санкт-Петербург.
Цыганский табор**

Молодые люди — Толстой с Долгоруким, сопровождаемые более старшим Багратионом, появляются в таборе. Тут же от костров раздаются заборные песни.

Позавидуют нам люди,
И повалят всей гурьбой.
К нам приехал, к нам приехал,
Михаил Петрович, дорогой!

Гостям подносят большие чарки водки, цыганки пляшут вокруг, трясут грудями и звенят монистами. Молодые люди счастливы, а с ними счастлив и их дуайен — князь Петр.

Ай да, шатрица рогожитко,
Андэ шатрица чай бидытко!
Ай данну дану данай. Дра да ну данай...
Эй, ту тернори да не ломайся,
Сыр пхэнава дуй лавэ собирайся...

Откуда-то выводят огромного медведя, и кто-то кричит: «А кто смелый тут, с медведем танцевать?» Молодые люди робеют, смотрят на князя Петра, и тот, как боевой генерал, легко выходит в цыганский круг и в обнимку с медведем делает пару танцевальных па. Все вокруг кричат и смеются. Молодые князь Долгорукий и граф Толстой визжат и улюлюкают от восторга, славя князя Петра. Тут откуда-то раздаются грозные свистки, и в круге появляется разъяренный городской.

Городовой Полувотко: Кто разрешил? Кто позволил? Нет у вас разрешения живых медведей водить по столице! (Багратиону) А вы кто? Молодая шпана — это ладно, их давно знаю, а вас, господин хороший, впервые здесь вижу. Должон отвести вас в участок. В связи, так сказать, с нарушеньем общественного порядку в столице! Па-прашу!

Михаил Долгорукий: Спасем командира! (Багратиону) Поддержка медведя! Федька, давай!

Багратион что есть силы стискивает медведя в объятиях, ибо по нему видно, как ему страшно, что медведь вдруг из рук вырвется и помнет юных «панычей», а те на городского вместе напрыгивают, к медведю притискивают и начинают его к медведю — спиною к спине — быстро привязывать. Городовой от страха орет, но вырваться не решается, дабы не помять и не покалечить двух юных охальников, а те и рады стараться. Цыгане все разбежались и пытаются не смеяться, чтобы от городского им не попало. Затем князь Михаил кричит князю Петру.

Михаил Долгорукий: Отпускай!

Багратион медведя из рук выпускает и сразу подальше отпрыгивает. Медведь с городовым стоят связанные спиной к спине. Медведь дико и страшно ревет, городской уже не кричит, а тихо блеет от ужаса. Молодые повесы от души над этим смеются.

6а

Натура. Весна. День. Павловск. Аллея парка

По парковой аллее, покрытой молодой весенней зеленью, под руку прогуливаются Государыня с Карловной, а Доротея бежит перед ними даже немного спиною вперед и с упоением рассказывает.

Доротея: ...и вот вообразите, медведь ревет, городской от страха орет, ребята хохочут, цыгане поют да звенят на гитарах, а наш Пьер медведю в руках лапы зажал и так будто играет с ним в ладушки. Веселие было комическое! (*серьезней*) Потом, известное дело, набежали люди Кочубея, всех задержали, а ребят наших закатали в кутузку. Толстые с Долгорукими сунулись, но Государь осерчал, сказал, что всех троих судить будет, в рядовые разжалует и сошлет в Сибирь!

Карловна (*с интересом*): Это кого ж это он? Я, прости, не упомянула.

Доротея: Ну, нашего Пьера, сына Кутайсова, вы и так знаете. Потом мой кузен четырехродный Мишель Долгорукий...

МАРИЯ (*с живостью*): Михал Петрович? Сын кузины моего Кристера — Анастасии Симоновны?

ДОРОТЕЯ: Именно он — наша родня через фон Лаптевых. А еще Федыка Толстой, ну, Федор Иванович...

КАРЛОВНА (*небрежно*): А, этот шельмец... Так он из флотских — с нами не дружен. А чеж не пришел хлопотать сам Кутайсов? Он-то за Пьера горой...

ДОРОТЕЯ: А это самое интересное. Нет нигде Иван Павловича. Сказался больным и отъехал в Москву. Уехал, даже не доложив Государю. В общем, тот теперь рвет и мечет!

КАРЛОВНА: Да, дела! Чтоб проныра Кутайсов и вдруг бросил все и без позволения Императора сбежал в Москву... Чтой-то неладное...

МАРИЯ (*с внезапной решимостью*): Ребят из тюрьмы надо вызвать. Вон что с сыной моим в тюрьме гады сделали!

КАРЛОВНА: Так что ж тут поделывать, коли есть государев приказ?

МАРИЯ (*топнув ножкой*): Есть государев приказ, а есть приказ Государыни! Так и скажите, пусть выбирают — слушаться им меня или этого уroda поганого. А коли в миг не поймут, ты, Дашенька, намекни им, что, мол, Пьер ухаживает за моей Марьей, а кузен твой Мишель — за моей младшей Катькой. Тогда они ребят мигом выпустят! А ты привезешь их к нам в Павловск!

КАРЛОВНА (*с интересом прищуриваясь*): Погодь, мать, а не ты ли намедни при всех орала, что Пьер — сын цирюльника? И что ноги его теперь тут не будет?

МАРИЯ (*немного смущаясь*): Ну и что, что орала, подумаешь! Я, бывало, и не такое ору. Но спасать ребят надобно. Всем ведомо, что мы с карлюю на ножах, так пускай решат, что он их засадил в околоток нарочно. Чтобы мне насолить.

КАРЛОВНА (*с восторгом*): Ну ты даешь, мать! Ай, хитра! В войсках тебя за такое на руках носить будут! А уж как благодарны будут тебе Толстые да Долгорукие! Погодь... Пьер, значит, на словах Машкин, а Мишель — Катькин. А чей же Федыка-то тогда? Что ли, Анькин? Так ей, прости, семь лет от роду...

МАРИЯ (*немного смущаясь*): А ничей. Мне он — никто, опять же из флотских. Ну его. Пуцай в Сибирь едет. Я тут подумала — коли всех оттуда забрать, уродец мой перебьет всех тюремщиков. Я же не сука — подводить тех, кто мне служит! Предавать да подставлять людей — привилегия карликов!

7а

Натура. Лето. Вечер. Михайловский замок. Стройка

Строительство замка практически замерло. Тут и там видны кучки рабочих, которые то бесцельно слоняются по лесам, то что-то пьют, то играют то ли в домино, то ли в карты. Посреди этого безобразия как потерянный бродит Государь Император. Откуда-то снизу на леса к нему поднимается канцлер Куракин. При виде своего царедворца царь приободривается.

ПАВЕЛ: Ну наконец-то хоть кто-то да есть! А то я все обязан делать сам и один! Нужно срочно приказать, чтобы прислали еще песку, хороших гвоздей и красной краски!

КУРАКИН: У тебя Кутайсов хозяйственный, пусть он по гвоздям и краске приказывает! По моей части исключительно дела государственной важности! Ты уж извини, мин херц, но это — не мой крест!

ПАВЕЛ (*с возмущением*): А чей — мой что ли?! Да ведь и я худародным ремеслам не обучен! И потом здесь надо лишь приказать, а меня тут не слушают!

КУРАКИН (*с изумлением*): То есть как же не слушают? А ты их тогда — плеткой!

ПАВЕЛ (*мрачно и с легким отчаянием*): Да я плеткою уже пробовал. Только хуже. Ты понимаешь — если плеткой, то они делают все так, как приказано. В точности. Только получается вкривь и вкось... Не так, как у того же Кутайсова. Не пойму, в чем прикол. Ведь все, все точно так же, как и он делаю, а почему-то не получается...

КУРАКИН (*с изумлением*): Так верни Иван Палыча. Вон как при нем все быстро строилось... Авось не все еще смогли запороть... (*осекается*) то есть улушить!

ПАВЕЛ (*угрюмо*): Сам сделаю. Ты в курсе, что с меня он потребовал? Нет? И не надо! Шиш ему — черномазому. Я и сам справлюсь! (*с подозрением*) А ты чего на стройку пришел?

КУРАКИН (*с готовностью*): А у меня дело государственной важности. Ты ж ведь, царь-батюшка, давеча выгнал из страны англичского посла Вентворта?

ПАВЕЛ (*самодовольно*): Да — выгнал! Англичане напали и отняли у меня Мальту. Так я заключил нарошный союз с Пруссией и Швецией супротив англичан и только что подключил к нему Данию. Хрен им, а не северная торговля, пока они не вернут мою Мальту!

КУРАКИН (*мнется*): Значит, именно об этом и есть доклад государственной важности. Англичане велели сказать, что объявят России войну, ежели мы от Индии их не отступимся! А пока они напали на Данию.

ПАВЕЛ (*растерянно*): То есть как? Где мы и где Индия? Да они чокнулись. Вот уж воистину чокнутая страна во главе с чокнутым вампиром правителем. Решились воевать с нами, Пруссией, Швецией и Данией одновременно! И какой флот? Кораблей двадцать?

КУРАКИН (*еле слышно*): Нет. Девять. Всего лишь девять кораблей подошли к Копенгагену.

ПАВЕЛ (*со смехом*): Девять?! Небось датчане настучали им по ушам? Вот ведь убогие...

КУРАКИН (*хрипло*): Огнем этих девяти кораблей целиком разрушены пять береговых батарей, охранявших вход к Копенгагену. У датчан одних убитых пять тысяч. У англичан потерь не было. Дания капитулировала. Теперь они не британские корабли, а наши через свои проливы пускать не хотят...

Над стройкой повисает полная тишина. Немногие рабочие на лесах, что к разговору с интересом прислушивались, исчезли как по мановению волшебной палочки. Павел стоит бледный как смерть и открывает и закрывает рот, будто рыба, выброшенная на берег. Тут Куракин бьет себя рукою по лбу и почему-то радостно восклицает.

Куракин: Да, и чуть не забыл! По итогам столь быстрой и кровавой виктории шведы с пруссаками уже перешли на британскую сторону. Супротив нас... Теперь у нас снова есть повод! Воевать против немцев со шведами — любимая забава нас, русских!

Павел как-то очень странно смотрит на своего канцлера, и почему-то глаз у Императора начинает подергиваться. Он пытается что-то сказать, ему сводит челюсть, и Павлу приходится самому себя бить по лицу, чтобы оно вновь его слушалось. Затем он восклицает.

ПАВЕЛ: Надо срочно, немедленно послать к Бонапарту нашу особую делегацию. Во главе нее... Во главе поставьте финского дурака — Магнуса Йорана Спренгтпортена. Он спит и видит, лишь быть насолить шведам!

Куракин: Сей момент, мин херц, сей момент!

ПАВЕЛ: Пусть Спренгтпортен уговорит Бонапарта, что нужно срочно воевать с англичанами, пруссаками, шведами и датчанами, чтобы те с нами опять задружились, а наши корабли смогли выйти в Балтику. И пусть мне вернут мою Мальту! (*чуть подумав*) Да, и выясните, чего это они говорили про Индию?!

8а

Натура. Лето. Вечер. Павловск. Ворота

В вечерних сумерках у ворот в парк Павловска кто-то копается. Когда камера приближается, мы видим, что это князь Багратион и юный князь Долгорукий. Со стороны парка к ним подбегают великие княжны — Мария с Екатериною. Девушки с интересом наблюдают за молодыми людьми, которые усердно взламывают замок на воротах и всякий раз приседают пониже, когда перед воротами проходит патруль.

МАРИЯ ПАВЛОВНА: Ой, мальчики, как интересно! А что вы делаете?

БАГРАТИОН: Мишелю отсюда нужно срочно бежать, а не то он может опоздать на корабль!

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА: Боже, Мишель, вы уже нас покидаете?! Ведь нам с вами было так весело!

Михаил Долгорукий: Я — свитский офицер, и могу или служить Государю, или быть при посольстве. Государь зол на меня. Так что мне теперь шхериться всю жизнь по углам либо же оправдаться! Посему мне нужно в Париж по делу — срочно!

Мария Павловна (*Багратиону с огорчением в голосе*): Ах, Пьер, стало быть, и вы нас покинете?

Багратион: Я — полевой генерал, я не свитский. Пока нет войны, я — совершенно свободен.

В этот миг замок, наконец, с щелчком открывается, и молодые люди огромную цепь, которая скрепляла створки ворот, торопливо разматывают. Юный князь Долгорукий в открывшуюся щель ловко проскальзывает, поворачивается к друзьям и говорит Екатерине.

Михаил Долгорукий: Душа моя, куда бы не занесла меня жизнь, я всегда о вас буду помнить!

Екатерина Павловна: Боже всевышний, я тебя никогда не забуду!

Натура. Лето. День. Стрельна. Палаточный лагерь

9 а

Гремят барабаны. К причалу стрельнинского дворца пристаёт парусник. Самого дворца, правда, нет, он, видимо, ремонтируется, ибо весь в лесах, под которыми видны почерневшие и обуглившиеся стены и торчащие из них головешки. Рядом с дворцом разбит бивуак, дымят полевые кухни. Перед главной палаткой на полковом барабане сидит цесаревич Константин. Он в обычном мундире, однако его завитой, похожий на хвостик луковки, затейливый с позолотой парик с разноцветными бусинками и позолоченные сапожки создают некий образ. Константин со своего барабана на моряков в канале покрикивает и при этом прихлебывает из большой граненой бутылки нечто, видимо, крепкое. Рядом с ним его адъютанты — Яновский, Боур и Аркадий Суворов.

Константин: Ну что, нашли мою сучку Аньку? Пора бы мне с ней развестись!

Аркадий Суворов: Никак нет! Пропала, неизвестно куда.

Константин (*с раздражением*): Ты как со мною, смерд, разговаривать? На колени вставай и глаголь... — экселенц! Так во всех цивилизованных странах принято. Или просто — хозяин!

Яновский (*с интересом*): Это кто ж и кого называл экселенц? По слухам, это у них так лишь в тайной службе именуют начальников. Значит, чтоб без имен и без титулов.

Константин (*нехотя*): Так жандармы обращались к своему главному пауку. Его звали Фуше. А про Наполеона они все говорили не иначе как — хозяин. Сразу видать, Фуше и Наполеон — люди у них уважаемые. Вот и вы должны отныне звать меня или экселенц, иль хозяин. (*к Суворову*) Ну, понял, что ль?

Аркадий Суворов (*торопливо припадая на колено*): Так точно, экселенц! Так точно — хозяин! Я всех при дворе обежал. Знаю лишь, что Елизавета Алексеевна Баденская вдруг припомнила, что ваша жена ей показывала свой новый купальный наряд и сказала, что на теплое море едет купаться и дом новый присматривать. Но куда — не сказывала!

Константин (*задумчиво*): Похоже, в Италию куда-то сучка намылилась... (*аж подскакивая*) И верно — в Италию! Туда как раз собирался этот... Маг ее и волшебник Пинетти! Которому она помогала при фокусах. А ну, сыскать мага, а там и Анька недалеко!

Яновский (*скучным голосом*): Уже проверяли, Ваше Высочество. Помер маг. На пути из России простудился и помер. Захоронили его под Смоленском. Хладный труп его человек сто, как минимум, видели. И жены вашей вокруг него не было. Не с ним она, видать, к морю уехала.

Константин (*раздражаясь*): Черт знает что! И маг умер, и вообще... все концы опять в воду. Что за хрень?

Натура. Лето. Утро. Таганрог. пляж

Большое раскидистое дерево у самого берега, под которым сидит маг и волшебник Пинетти. Он смотрит чуть вниз — на то, как из моря, подобно Афродите из пены морской,

выходит принцесса Анна Федоровна. На девушке тонкая белая купальная рубаша, которая, облепив, делает ее похожей на античную статую. Пинетти не выдерживает ожидания, поднимается на ноги и бежит к морю, вбегает в воду, легко маленькую принцессу подхватывает и начинает кружить над водой. Та смеется, в своего мага водой плещет и кричит.

Анна: Господи, как хорошо! Мне здесь нравится!

Пинетти: А может, лучше в Крым-Иstanbul? Ну тот, который греки зовут Феодосией?

Анна *(со смехом)*: Ну нет уж! Слишком грязно и полно чурок! А здесь нормальный, чистенький город, почти как в Европе. Опять же — целых пятнадцать консульств. И все ходят друг к другу в гости. Ни за что не соскучиться. Решено — только здесь. Мы будем жить в Таганроге!

Пинетти: Но ты же помнишь? По договору ты обязана то и дело появляться в Санкт Петербурге...

Анна *(со смехом)*: Самое дурацкое из условий, которое я когда-либо слышала! А тебе было приказано умереть! Я обхохоталась на твоих похоронах!

Пинетти: Не такое дурацкое. Пока ты жива, муженек твой не может с тобой развестись. А стало быть, жениться во второй раз и нарожать кучу наследников. С точки зрения нашего благодетеля — весьма мудро!

Анна *(с непередаваемой гримасой)*: Благодетеля?! Да этот мерзкий гадюк сто крат хуже моего уroda! Мой дегенерат только с виду, а у братца его, «благодетеля» — все уродство в душе!

Пинетти: И все же... Все же... Он нам весь этот праздник жизни оплачивает. Так что придется тебе, душа моя, где-нибудь к октябрю в столицу поехать. *(видя, как Анна расстроилась)*. Ну, не куксись. Я сам тебя отвезу.

Анна *(с изумлением)*: А тебе-то зачем?! Ведь ты ж для всего мира умер!

ПИНЕТТИ (*загадочно*): У меня есть заказ на еще одно выступление. Самое важное в твоей и моей жизни. Вся ваша семья будет в сборе. Все у всех на виду, и вот тогда-то и нужно будет представить — чтоб еще кто-то умер...

АННА (*с легкой усмешкою*): Я согласна — при условии, что сыграет в ящик не один лишь мой свекор, но еще и мой благоверный!

ПИНЕТТИ (*растерянно*): Кто тебе сказал? Откуда ты вызнала?!

АННА (*с улыбкой вешаясь на плечи приятелю*): Ну-у-у... От общения с магом и сама становишься — немножко волшебницей!

Над морем поднимается жаркое южное солнце. Под его лучами по колено в воде стоят двое и сладко целуются.

11 а

Натура. Лето. День. Павловск. Парк

Яркий солнечный день. Посреди парка веселится группа молодых людей. Чуть в стороне за густыми кустами — большие качели. На них князь Багратион качает великую княжну Марью Павловну, а та смеется и кокетничает.

МАРИЯ ПАВЛОВНА: Ах, князь, как хорошо, что вы здесь! С вами так стало весело! А как дела у Мишеля? Моя сестра Катенька без него в такой горести...

БАГРАТИОН: Мишель молодой, сердце его пока ветрено. А я уже стар, очень стар, и сердце мое похищено главной красотой Павловска... (*заметив, что княжна слушает его затаив дыхание*) Я пленен вашей мамой!

МАРИЯ ПАВЛОВНА (*с игривым смехом*): Все вы шутите, князь... Вас ее охранник с одного раза разрубит напополам! Они, лифляндцы, такие... А вы на ее вкус — чересчур легки и subtilны. Опять же — а вы гирию выжать-то сможете?

БАГРАТИОН: Отчего ж нет?

МАРЬЯ ПАВЛОВНА: Да не просто так, а как в стихике про Луку написано. Я слыхала — у мамы с Карловой о том зашел разговор, так она сказала, что Кристер — может. А вы?

БАГРАТИОН (*чуть смутившись*): Не читал стихов про Луку. А что там?

МАРЬЯ ПАВЛОВНА: Хи-хи-хи! Значит, Дарья права! Вы с нами не просто так. Она так и сказала, вы, мол, княжны, такому доверитесь, а он вам подушку на лицо раз — и все! Костика же готовили в султаны для Турции, а там принято истреблять всех побочных наследников. К тому ж ему отныне все чернявые служат. Вы, князь, чернявый, его генерал и единственный, кто у нас тут устроился. Значит, вы и есть тот шпион, который с подушкой.

БАГРАТИОН (*темнея лицом и начиная говорить с сильным акцентом*): Я — не шпион! Я... Я служил при Наследнике — это так! Со мной были и Толстые, и Долгорукие! Но война кончилась, и они говорят: слушай, ты — друг, но пить-гулять с тобою нам... как это? Западло! Мы князя... А ты... черный варвар! Будем мы с тобой на людях пить, так другие князя нам потом руки не пожмут! А приватно — пожалуйста!

МАРЬЯ ПАВЛОВНА (*с чувством*): Вот же гады! Но ведь вся молодежь у нас не такая! Нам, Пьер, на твой цвет кожи — поверь, все равно!

БАГРАТИОН (*чуть успокаиваясь и присаживаясь к великой княжне на одну доску качелей*): Да знаю я. Извините, Ваше высочество. Я теперь князь — и мне не с князьями иль графами гулять отец не велит. А из русских князьев со мною на равных лишь те, кто моложе. А в молодых кровь дурная играет. И вот я здесь, а ты говоришь мне — шпион!

МАРЬЯ ПАВЛОВНА: Так это не я! Это — Дашка! Она у маменьки главная здесь наушница!

БАГРАТИОН: Ненавижу!

От большой группы молодежи нарастающий шум. К Марии и Багратиону бежит юная княжна Екатерина, которая со страхом кричит.

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА: Убили! Убили маленькую княгиню Марью Александровну — дочь Наследника! Подушку на лицо, и удавили прямо посреди Зимнего! Невинного ребенка убили!

МАРИЯ ПАВЛОВНА (в ужасе бросаясь к Багратиону в объятия): Ах боже мой, все так, как Дашка пророчила! Они убивают всех лишних наследников. Как положено в Турции! Подушкой!

БАГРАТИОН (с горячностью): Я спасу вас!

Под обнявшимися молодыми людьми доска качелей с громким хрустом разламывается. Багратион ловко, как кошка, успевает извернуться в падении, и великая княжна в итоге падает на него, оказываясь совершенно в объятиях. Лица их оказываются столь близко, что можно подумать, что они лежат под сломанными качелями и целуются. На треск и грохот появляется прочая молодежь. Немая сцена.

16

**Натура. Лето. День. Санкт-Петербург.
Михайловский замок**

В Михайловском замке все такой же бардак, и работы идут весьма странно. Теперь рабочие снаружи красят стены в красный и черный — цвета Мальтийского ордена. Выглядит это мрачно, однако принимающий работу Государь рад. Он потирает руки.

ПАВЕЛ: Вот сейчас! Скоро уже! Как закончат работы, привезу сюда Марию с детьми, и заживем мы здесь счастливо! Я все исправлю!

По лесам и помостам к Государю карабкается вверх его канцлер Куракин. Он возбужден, взволнован и пыхтит.

КУРАКИН: Ах, мин херц, прекрасные новости! Мальта не пала! Вы все еще самовластный правитель Мальтийского ордена!

ПАВЕЛ (с восторгом): Я так и думал! Так я и знал. Стало быть, англичане так и не взяли этой... как ее... Ла-Валетты?

КУРАКИН (небрежно): Ну, Ла-Валетту они все же взяли. Они не взяли цитадель Ла-Валетты! А пока она держится, у нас есть все шансы Мальту спасти! И Бонапарт так же думает!

ПАВЕЛ (насупившись): А мне-то что с того, о чем думает Бонапарт?

КУРАКИН: Он нам написал, что ежели мы спасем для него всю эту Мальту, он признает вас мальтийским гроссмейстером и передаст нам остров без боя.

ПАВЕЛ (*радостно*): Тогда мы сразу же и прогоним англичан с Мальты! Как и планировали. А в чем заминка?

КУРАКИН: Да дело за малым, мин херц. Просто французы пока что опять бьют турок с бриташиами в Египте, и раз мы теперь французам союзники, Турция нам закрыла Босфор. Мы б могли приплыть в помощь Мальте, но для этого сперва надо взять Царьград-Константинополь. Может, пойдем, сходим очередной войною на турка?

Павел ошалело смотрит на своего премьер-министра, затем крутит головой.

ПАВЕЛ: Погоди... Люди еще с той войны не опомнились. А тут — война за Стамбул... Не, не стоит того эта Мальта! Впрочем, а давай-ка пошлем туда новый флот из Санкт-Петербурга! Великие герои всегда идут — в обход. Ежели б я сразу же это понял, не было бы затеи взять сходу Париж... А теперь мы пойдем другим путем! Так и отпиши своему французскому императору.

КУРАКИН (*задумчиво*): А ничего что датчане по английскому приказу нам перекрыли Проливы? (*увидав взбешенный взгляд Павла*) Так точно, Ваше Величество! Только Бонапарт пока что не император!

ПАВЕЛ (*растерянно*): То есть как? А с кем же я тогда подписал этот договор?!

КУРАКИН (*поучительно*): Он пока что только лишь Первый консул, а императором его сможет сделать один только папа. Вот когда Бонапарт по новой опять захватит Италию — лишь тогда папа и назовет его императором. А пока — нет. Всего лишь консул.

ПАВЕЛ: Ну, раз не император, то и договор о союзе надо срочно расторгнуть! Я сказал, что подпишу договор только с равным, а не всяким там — парвеню!

КУРАКИН (*моргая глазами*): Стало быть, и деньги теперь можно Бонапарту не слать? Ну — выкуп за Костика? Тем более что он его уже выпустил...

ПАВЕЛ (*облегченно*): Конечно! Договор я подписал с императором. Деньги положены императору. Станет императором — вот и пошлю ему денег! Так ты ему и напиши. Кстати, за что там опять требуют линчевать моего Костю?

КУРАКИН (*пожимая плечами*): Темное дело. Его адъютант Яновский, со слов слуг, был на половине Наследника. Аккурат когда кто-то придушил малолетнюю принцессу Марью подушками. Может, случай? Однако Елизавета Баденская нынче бьется в истерике. Требуется, чтобы вы повесили Константина.

ПАВЕЛ (*сумрачно*): И сколько было этому плоду греха?

КУРАКИН: Год с месяцем.

ПАВЕЛ: Если бы года не было, тогда да — смертный грех. А раз год с небольшим, стало быть, пожила вдоволь. Между нами — не пристало наш трон оставлять подлякам! Ну, хоть кто-то в семье рассчитался с байстрючкойю.

КУРАКИН (*с готовностью*): Именно так, Ваше Величество! Так, может, и я? Все плоды Машкиного греха, Аньку и Кольку — того?

ПАВЕЛ (*с яростью*): Нет, чтоб понять, — это другое! И она тебе — не Машка, а Государыня Императрица!

КУРАКИН (*радостно*): Все понял, Ваше Величество! Государыня! Я все понял!

Натура. Лето. День. Павловск. Парк

Посреди парка в Павловске примечательная картина. В тени деревьев сидят на скамеечках великая княжна Марья Павловна и Доротея фон Бенкендорф. Руки у обеих расставлены, и на них разноцветная шерсть. Напротив девушек в креслах сидят Государыня Мария Федоровна и огромная Карловна и с рук у девушек клубочки наматывают. На лице Марьи Павловны страдальческое выражение, ибо старшие женщины в работе своей явно не торопятся. Марья Павловна чуть не со слезами говорит.

МАРИЯ ПАВЛОВНА: Ну, мам?! Ну что — скоро?!

МАРИЯ (*небрежно*): Как только, так сразу. Ты — наказана.

КАРЛОВНА (*сурово*): А куда тебе торопиться? Хахеля твоего мы отседа отвадили. Ишь! Как вам в голову-то пришло устроиться при всех на качелях!

МАРИЯ ПАВЛОВНА (*со слезами в голосе*): Но — мам... Ничего ж не было!

МАРИЯ (*коротко*): Ничего и не будет. Замуж выдам. За первого... (*чуть подумав*) князя иль принца — не менее.

МАРИЯ ПАВЛОВНА: Так Пьер и есть князь!

КАРЛОВНА (*назидательно*): У них в Грузии под каждым кустом князь! Без порток! Что с того, что Пьер — князь?! Он новодельный, и средств нет!

МАРИЯ ПАВЛОВНА: А-а-а! Мам, так он — генерал, и все будет.

МАРИЯ: Вот пусть сперва все и будет. А то получится, что все будет, но из твоего приданого! Знаем мы! Плавали!

МАРИЯ ПАВЛОВНА (*плаксивым голосом*): Так ничего ж не было... Всего-то лишь — немножко поцеловались да обнялись!

На миг на полянке затишье. Мария Федоровна и Карловна смотрят друг на друга круглыми глазами. Затем обе одновременно — Мария пунцовеет, а Карловна грозно багровеет — поворачиваются к принцессе. Та лишь закрывает глаза и начинает жалобно всхлипывать. За миг, в который должна бы разразиться гроза, слышен покойный голос Доротеи.

ДОРОТЕЯ: А я недавно об этом книжку прочла. Там сказано, что большая любовь всегда начинается с поцелуев с объятиями. Равно как и великое преступление всегда начинается с чего-то помельче. Сперва подобные люди кошек топят да вешают — и потом лишь детей. Вот я и думаю, а что ежели за смертью маленькой Марьи стоит нечто большее?

Лица у Карловны с Государыней постепенно принимают свой прежний вид. Женщины явно не хотят друг на друга взглянуть, и Государыня наконец хрипло спрашивает.

МАРИЯ: Что ты имеешь в виду?

ДОРОТЕЯ: Мария Александровна — незаконная. Поэтому смерть ее никого не встревожила. На месте том был, по слухам, Яновский, вот все и решили, что цесаревич Константин по своему обыкновению убийствует.

КАРЛОВНА: Ясный день, он убийца! Ему-то — раз плюнуть. А ребеночек стоял меж ним и тронном...

ДОРОТЕЯ (*сухо*): Возможно. Тем более что в это легко всем поверить. Но кто видел Яновского? Слуги говорят, что лишь его слышали...

МАРИЯ (*встрепенувшись*): Никто не видел, но слышал...

ДОРОТЕЯ: И я о том, Ваше Величество. Просто сперва значения не придала. А нынче до меня дошел слух, что Мария Нарышкина в тягости. Так если бы Наследник Александр вдруг захотел признать этот плод, получилось бы, что его дитя будет лишь вторым после Марьи от Елизаветы и Чарторыйского...

Государыня с Карловной переглядываются. Лицо у царицы начинает по-предательски чуть дрожать, она почти плачет.

МАРИЯ: Но нет... Что вы! Сашенька мой — хороший мальчик! Тихонький и красивый как ангел!

КАРЛОВНА (*с сарказмом*): Ну да! То, что красив, — так этого у него не отнять. Однако ж не ты ли, мать, мне рассказывала, что у обоих сыновей твоих — безобразие при зачатьи заложено. У одного оно на лице, а у второго — в душе. Костик-то твой страшен как черт, однако солдаты на него не нарадуются. Че-то не слышала я, чтоб хоть кто-то был без ума с твоего прелестного ангела...

МАРИЯ: Да нет! Что ты... Сашенька...

КАРЛОВНА (*мрачно*): Дело девка говорит. Костик твой головку бы ей расшиб об притолоку. Ну или по горлу ножом. А подушкой

в колыбели невинное дитя... Не, мать, Константин, конечно, урод, но не настолько же!

Лицо у Марии Федоровны начинает предательски трястись, и она почти шепчет: «Отняли! Испортили!» В этот миг вновь слышен холодный и рассудочный голосок Доротей.

ДОРОТЕЯ: Простите, что прерываю. Я имела в виду вопросы практические. До малолетней принцессы Марьи добраться было легко. Через коридор перейти. Возможно, что убийца боялся. Но все случилось, и он теперь готов и на большее. Он защищает свой трон. Ему нужно оправдание своим действиям. Поэтому он решил убивать незаконных. А незаконных вокруг еще двое. Маленькая Анечка и столь же маленький Коленька.

Мария Федоровна бросает в сторону свой клубок шерсти и аж на месте подпрыгивает. Она начинает метаться, бормоча: «Никому нельзя верить! Он же всех купит!» В этот миг слышен опять покойный голос Доротей.

ДОРОТЕЯ: И Аню, и Колю можно точно доверить как вашему начальнику охраны Кристоферу, так и моему брату Александру. Саша может жить прямо в детской. Равно, как и все его латышские кузены. Они скорее умрут, чем отдадут сестру или брата преступникам!

КАРЛОВНА: Дело говорит девка! Надобно выдернуть всех их из колледжа!

Мария Федоровна вместо ответа вскакивает и убегает к своему дворцу. Вслед за ней устремляется Карловна. Мария Павловна перестает всхлипывать и благодарно бормочет.

МАРИЯ ПАВЛОВНА: Спасибо, Даш! Я уж боялась, они меня просто порвут... А ты отвлекла их внимание. Как думаешь, я могу отойти? А то Пьер меня у забора, наверно, заждался.

ДОРОТЕЯ (с легкой улыбкой): Конечно! Я прикрою вас, Ваше Высочество!

Павильон. Лето. Вечер. Рига. Кабинет Эльзы

В своем кабинете сидит Эльза и пишет письмо Салтыкову.

...А еще вот такая история. Мария Федоровна забрала молодого Сашу и всех его кузенов для охраны младших детей к себе в Павловск. Теперь мальчишки останутся недоучками, ибо они еще не освоили целых два года программы колледжа. Прошу вас взять завершение образования моего племянника, а также всех его кузенов на себя. Платить за них буду вдвое. Одна цена за Сашу, а вторая за семь его кузенов. Воспринимайте их, как его части тела. Ноги, руки, глаза, уши. А уши учить наукам для ног вовсе не обязательно...

Павильон. Лето. Вечер. Зимний дворец. Покои Павла

Павел сидит за столом в своем кабинете. Стол, как всегда, завален бумагами. В руке у Павла перо, он собирался писать то ли записку, то ли указ, однако что-то опять отвлекло его внимание, и он нечто разглядывает над собою на потолке. Наконец он звонит в колокольчик и говорит прибежавшему на вызов Куракину.

ПАВЕЛ: Странное дело, ты не приказывал вставить в потолок новый крюк? Вон видишь, его почти не видно под люстрой, однако давеча его, похоже, повесили. Интересно, зачем? Да такой большой — думаю пудов шесть точно выдержит. А это вес целого тела, а не лишь одной люстры. Да еще в моем кабинете...

КУРАКИН (*с изумлением*): Не знаю, мин херц. Очень странно. Свежий крюк в твоём кабинете — будто кто-то тут собрался повеситься. Может, это причуда Кутайсова? Обиделся на тебя и решил учинить тебе каверзу. Входишь ты к себе в кабинет, а он тут башмаками покачивает.

ПАВЕЛ: Да не! Кутайсова он не выдержит. Все же он толстый. Да и рост у него — хоть куда. Коль петлю совсем короткую сделать — все равно ноги его на столе стоять будут. Тут повеситься смог бы лишь кто-то сильно короче и легче Кутайсова...

Государь и его канцлер смотрят друг на друга, и в глазах у обоих вдруг рождается понимание. Павел невольно хватается за Куракина и почти шепчет.

ПАВЕЛ: Не! Ванька же мне всегда был преданный! Как же так?!

КУРАКИН (*задумчиво*): И все ж именно в его ведении были все дела по дворцу. Он распоряжался, куда и какой крюк вкручивать. Опять же внезапно все бросил и ну отсюда бежать, будто знал, что вот-вот что-то будет... Весьма подозрительно!

ПАВЕЛ (*лихорадочно цепляясь за своего канцлера*): Так и есть — кругом лишь враги! Я еще его отругал, мол, что-то он слишком уж губу раскатал. Пожелал сына своего сделать князем и женить на моей Машке. На царской дочери! Я отказал, а он — в отместку — вон что!

КУРАКИН (*хрипло*): Мин херц, тебе отседа пора бежать что есть мочи! Все тут наняты Кутайсовым. Если он твоей крови ищет, здесь все — враги да предатели! Обложили!

ПАВЕЛ (*нервически*): Точно! Сегодня же перееду в Михайловский. Пусть там и не все готово и печи не топятся, однако же лето. И у меня теплые одеяла есть. Выдержу... Вот же Ванька, вот же гад, а я его как сына родного — с руки кормил, графом сделал, а он — вона как!

Государь вместе с канцлером в чем были стремительно выходят из комнаты и натываются на бегущего к ним со всех ног князя Юсупова, который падает перед обоими на колени и кричит что есть сил.

ЮСУПОВ: Не велите казнить, это не мы, ей-богу, не мы! Это все страшный грузинский заговор!

ПАВЕЛ (*растерянно*): Кто это — не мы? Какой еще заговор? (*осознание вдруг посещает его, и он тычет Куракину в грудь*) Точно! Так и есть! Кутайсов — грузин! Стало быть, точно есть какой-то грузинский заговор!

ЮСУПОВ: Не мы, в смысле — слуги Блистательной Порты! Вся эта хрень, что случилась в Черкасске, — это заговор братьев Грузиновых! Они, лишь они решили отложиться от России всем донским казачеством и построить на Дону город Солнца! Без русских!

А мы — представители Блистательной Порты — были против. Вели-те, чтоб люди Кочубея немедля освободили нашего консула! Он в том доме был совершенно случайно!

ПАВЕЛ (*с яростью стуча Куракина кулаком по груди*): Так я и знал. Так и знал! Братья — не зря Грузиновы! Видать, оба грузины и подчиненные этого предателя и негодяя Кутайсова! Все сходится! И точно был заговор, они же и вделали крюк!

КУРАКИН (*с восхищением*): Точно! А то что ты их уже хрен знает когда прогнал, так это они все — для отводу глаз! А сами все время с прочими слугами списывались, и вообще...

ЮСУПОВ (*рыдающим голосом*): Но вы же отпустите нашего черкасского консула? То, что Грузиновы желали отложиться всем Доном от России в пользу Османской империи, — лишь совпадение! Они плели заговор в пользу персов. Честное слово! А консул — самого султана племяш, и если с головы его упадет хоть бы волос — у меня отнимут патент на торговлю!

ПАВЕЛ (*небрежно отмахиваясь*): Да отпустим, отпустим, тут поважней дело есть! Надобно этих Грузиновых жестоко пытаться, пока не сознаются и на этого вора Кутайсова не укажут! А потом всех сажать на кол! Уничтожить! И Кутайсова в первую голову! А потом и сына его — свежего князя до кучи. Не хватало еще, чтоб у меня внуки были чернявые да носатые!

КУРАКИН (*радостно*): Послушай, мин херц, а давай-ка Кутайсова мы сюда позовем и сами обо всем и расспросим! С пристрастием! Я в свое время такую интересную книжку читал — «Философия в будуаре». Так там столько всего интересного про пытки и всякое! Всегда мечтал хоть что-нибудь да на ком-то испробовать! Так на Ваньке Кутайсове это я с удовольствием!

ПАВЕЛ (*нервно*): Да, вот именно! Надобно Кутайсова сюда в Тайный приказ и обо всем допросить! И всех его присных! А то ни на кого в охране не могу положиться!

КУРАКИН (*с восторгом*): Вспомнил! Мин херц, есть у меня верный человек. Мой двоюродный брат Петька Талызин — генерал-лейтенант Преображенского полка! Давай ты поставишь своею охраной

в Михайловском преображенцев, а Талызина у них старшим. За него головой поручусь!

ПАВЕЛ (*задумчиво*): Стало быть, Петра Талызина и преображенцев, а людей Кутайсова — побоку... Интересно! А ведь ты прав — свою охрану то и дело стоит менять!

Павильон. Лето. Вечер. Санкт-Петербург. Салон мадам Шевалье

56

В салоне открывается дверь, и появляется князь Юсупов. Он с интересом оглядывается. Салон представляет собой набор кресел и то ли журнальных, то ли карточных столиков, обитых разноцветным бархатом, а также пару широких оттоманок. На столиках следы мела и ставок, в воздухе запахи дорогого табачного дыма и благовоний. Однако все сейчас чисто и убрано. Раскрывается дверь, и в комнату вливается мадам Шевалье — известная оперная дива того времени. Она молода, с виду ей чуть более двадцати, и очень красива. Дама с интересом оглядывает Юсупова и произносит, говоря себе в нос с французским прононсом.

ШЕВАЛЬЕ: Ах, дорогуша, мне тебя не представили, боюсь, ты слишком рано. Игра у нас только после моего выступления — вечером. Тогда и...

ЮСУПОВ: Прошу прощения, мейн либе фрау, я не представился — князь Юсупов. Кстати, министр культуры этой варварской Российской Империи! Нет, что вы, я не для игры в карты. Я тут... Мне в Вене посоветовали именно у вас искать мастера по венским стульям. У меня, знаете ли, комплект из двенадцати...

ШЕВАЛЬЕ (*сразу меняя тон с томного французского на холодно-профессиональный немецкий*): Так бы сразу и сказал, дорогуша. А то всякий раз, как вижу столь богатого папика, изображаю из себя французскую фифу. А я все ж таки родилась в Граце, и мне так не хватает немецкого!

ЮСУПОВ: А мне не хватает турецкого, но кого волнует чужое горе?! Итак, барышня, я приведу вам одного графа. Между прочим,

с большими деньгами. Фамилия его — Кутайсов. Можете вить из него любые веревки, ибо человек он горячий, а жена его снулая и тише воды — ниже травы.

Мадам Шевалье понимающе усмехается и закуривает длинную папиросу, вставляя ее в дорогой длинный мундштук. Предлагает закурить князю и, когда тот берет папиросу и пытается закурить, дает ему в рот свою, а сама достает свежую. Выглядит это весьма интимно, и глаза князя от этого разгораются. Однако он берет себя в руки.

ЮСУПОВ (*слегка охрипнув*): В общем, суть дела проста. В Черкасске нынче разоблачили грузинский заговор в турецкую пользу, и мне надо знать все по этому поводу.

ШЕВАЛЬЕ (*со значением и опять томно и по-французски*): Знаешь, дорогуша, а перед вечерним выступлением в опере у меня еще полно времени... Так что прежде чем погружаться во все эти наши шпионские страсти, не угодно ли проделать тест-драйв?

ЮСУПОВ (*краснея*): Вы о чем? Я не могу никуда ехать, мне нужно...

ШЕВАЛЬЕ (*подходя к нему вплотную*): Прежде чем брать себе лошадь, разве ты не хочешь на ней разок прокатиться? В Англии это называют тест-драйв (*выпускает струю дыма прямо ему в лицо*)...

Павильон. Лето. День. Париж. Тюильри. Гостиная

В залу для аудиенций входит русская делегация. Впереди — предводитель финляндского дворянства Йоран Спренгтпортен, а за ним его юный помощник Мишель Долгорукий. Русские послы входят и по сторонам с изумленьем оглядываются. В зале, похоже, никого нет. Один лишь пустой царский трон посреди комнаты — и ни души. Пока русские так осматриваются, раскрывается боковая дверь и появляется Наполеон Бонапарт в сопровождении Талейрана. На Наполеоне почему-то не королевская мантия, а самый обычный мундир, который смешно оттопыривается у него на животике. Русские Наполеону кланяются, но он небрежно им говорит.

НАПОЛЕОН: Нет, нет, без ложного пиетета. Я, судя по всему, пока что не император...

СПРЕНГТПОРТЕН: Ах, что вы, Ваше Величество. Вы, конечно же, Император Французской империи, и мы от лица России рады приветствовать вас, как нашего основного союзника.

НАПОЛЕОН (*небрежно указывая Талейрану на Спренгтпортена*): Кто он? По виду — швед. Мне он нравится.

ТАЛЕЙРАН: Это Йоран Спренгтпортен. Главный борец за финскую независимость. Екатерина Великая пожаловала ему Карелию и права на Финляндию, коль он ее отымет у Швеции.

НАПОЛЕОН (*задумчиво*): А Швеция вечный союзник Англии с Пруссией, а нынче и Бадена... Да, Талейран, этот Йоран мне положительно нравится. (*обращаясь к Спренгтпортену*) Эй, Йоран, если я освобожу тебе чего ты там хочешь, обещаешь верность и преданность этой... Финляндии?

СПРЕНГТПОРТЕН: Несомненно, мессир. Но при одном лишь условии. Вы истребите весь шведский род совершенно. Ибо они убили моего старшего брата, и у нас теперь... вендетта.

НАПОЛЕОН (*с видимым интересом*): Ну ты даешь! А ты, блин, смотрю, горячий финский парень! Почти такой же, как все наши на Корсике! Они за родного брата всему миру обязательно пасть порвут! (*после недолгого раздумья*) Решено, коли договоримся — никому из шведской королевской семьи больше не жить. Найду им своего короля. Кого-нибудь из моих генералов. Ну что — по рукам?

СПРЕНГТПОРТЕН: Как самовластный правитель Карелии и Финляндии я, конечно, согласен! (*протягивает Наполеону руку*) Однако как русский генерал я сперва должен...

НАПОЛЕОН (*с неприятным смешком*): Вы уже ничего не должны. Тебя, горячий мой финский парень, твой король предал. Он отправил тебя в плен и на плаху! (*с интересом заглядывает в глаза Спренгтпортена*) А вот каково это — знать, что твой государь тебя отправил на позорную казнь? Каково быть этим, как его... Розенкранцем! Или — Гильденстерном?

СПРЕНГТПОРТЕН (*вспыхивая*): Не понимаю я ваших шуток, Ваше Величество!

НАПОЛЕОН: Ну какие тут шутки?! Я веду большую войну. Мне деньги нужны. Я взял в плен вашего цесаревича. Мне за него была обещана контрибуция. Я, как честный человек, доверился вашему царю, думая, что и он — честен. Вернул ему сына. Сына он получил, а платить деньги нынче отказывается. Вместо этого — вас прислал, чтобы я со зла отрубил вам головы. Талейран!

ТАЛЕЙРАН (*Спренттпортену сухо*): Вы были жалованы прежней императрицей Карелией и Финляндией. Возможно, что, отправляя вас на верную смерть, русский царь решил вернуть казне обе эти провинции. (*Долгорукому столь же сухо*) А вы, молодой человек, считаетесь беспутным повесой и женихом великой княжны Екатерины Павловны. Возможно, что русский царь хотел бы избавить себя от вашего сватовства.

Русские послы оба бледнеют и меж собой переглядываются. Наполеон с огромным интересом жадным взглядом следит за ними. Затем, довольно потирая руки, он восклицает.

НАПОЛЕОН: Впрочем, господа, поймите же меня правильно — я не варвар! Мне всего лишь нужны те самые деньги, кои за пленного цесаревича всею вашей страной мне были обещаны. А кто их платит — царская казна или, скажем, Карелия и Финляндия вкупе с домом князей Долгоруких, мне, в общем, не важно (*неприятно посмеивается*).

СПРЕНГТПОРТЕН (*холодно*): Моя Карелия — нищая. А под Финляндией ныне понимают лишь Выборг с окрестностями.

НАПОЛЕОН: Это-то я понимаю! Равно как и то, что и Долгоруким сумму сию самим не осилить (*выжидательно смотрит на собеседников*).

МИХАИЛ ДОЛГОРУКИЙ (*напряженно*): Так мы теперь ваши пленники?!

НАПОЛЕОН (*с добродушной улыбкой*): Что вы! Ну какие вы пленники?! Вы теперь мои гости! Я покажу вам Париж! Лувр! Версаль! Крыши Монмартра! Ах! Думаю, что вам надобно написать письмо

вашей маме. В Европе война, ребенка одного из дому выпускать очень страшно. Не дай бог — поймают, замучают, изнасилуют. Ужас!

СПРЕНГТПОРТЕН (*с усмешкой*): Боюсь, что моя мама давно уже умерла...

НАПОЛЕОН (*живо к нему поворачиваясь*): А ты удиви меня, горячий финский парень! Сбрось иго этой ненавистной вам Швеции! Дай прикурить стоящей за ними Британии! Так победим! Душою я с вами!

**Павильон. Лето. День. Санкт-Петербург.
Михайловский замок. Тронная зала**

76

Недостроенная тронная зала непривычно пуста. Собственно, в ней только двое — сам Государь Император и его канцлер Куракин. Куракин зачитывает доклад.

КУРАКИН: А еще из Выборга передают. Наш посол во Франции — граф Иоран Спренгтпортен давеча выступал перед местным дворянством и призвал к народному восстанию в Финляндии, к войне со Швецией до последнего, и коль Россия им не поможет, то тогда им придется отложиться от Российской Империи.

ПАВЕЛ (*нервно и вскакивая*): Что это? Мятеж?! Но это же совсем рядом с моим Петербургом!

КУРАКИН: Ну это ежели мы им не поможем. А коль поможем, тогда не мятеж, а самое что ни на есть народно-освободительное восстание!

ПАВЕЛ (*с горячностью*): Когда восстание идет поперек моей власти, это и есть самый настоящий мятеж! Приказываю утопить его в крови!

КУРАКИН: Офицерство после поражения в Голландии обезлюдело. Под рукой остались лишь немцы. Позвать, что ль, Петра Христианновича да жену его Эльзу Паулевну? Вот у них есть огромная армия...

ПАВЕЛ (*нервно и судорожно*): А вот этого не надо! Ну зачем ты всю дорогу поминаешь про Эльзу?! Она так глядит на меня, будто я невеста что за овином... Ладно, поможем мы финнам, а стало быть, мятежа не было. (*вдруг с изумлением спрашивает*) Стой! Погоди! Почему это мой посол во Франции оказался вдруг в Выборге?!

Куракин: А его Наполеон домой отпустил. Вместо него в Париж уехала жена князя Петра Петровича — княгиня Долгорукая. А князь Петр со всею родней ушел в отпуск. А за ним и Толстые нынче все в отпуске. По слухам, все они во дворце Долгоруких сидят, видать, тебя, мин херц, свергать собираются.

Павел ошалело смотрит на своего канцлера. Затем с изумленьем бормочет.

ПАВЕЛ: Зачем? Зачем же меня-то свергать?! Я же — хороший! Что я им сделал? Что они говорят?

Куракин: Сам князь-то молчит, будто воды в рот набрал. Лишь родню слушает да пьет горькую без просыху. А княгиня — та говорила. Много чего про тебя, мин херц, говорила, прежде чем во Францию собралась. На три усекновения головы, два повешения и одно посажение на кол. Люди подсчитывали. А еще больше она про самого князя сказала. Мол, не мужик ты и никогда, значит, не был. Сказала, плюнула и в Париж укатила.

ПАВЕЛ: То есть как в Париж? Для чего?

Куракин (*разводя руками*): Я так думаю, что раз князю сказала, что тот, мол, не мужик, стало быть, в Париже у нее жиголо какой есть. Эти французы в любовных делах — доки! Вот и поехала, значит, развеяться...

Павел растерянно крутит головой. По его лицу видно, что он не верит Куракину, однако и спросить совета ему теперь не у кого. В очередной раз невольно взглянув за свое же плечо и не найдя там взглядом Кутайсова, Павел жалобно бормочет.

ПАВЕЛ: А где ж учитель-то мой, Салтыков? (*с надеждой в голосе*) Верно — болен?

Куракин (*с видимым безразличием*): Может, и болен. У него теперь синекура при Павловске. Учат всему дочку Кристера Дашку. Платят ему за то деньжищи неслыханные. Коль желаешь, мин херц, могу послать за ним в Павловск.

ПАВЕЛ (*с радостью в голосе*): Ну конечно же! Ты пошла обязательно! У меня к нему вопросец имеется. (*задумчиво*) И с чего ж это соседка княгиня Долгорукая вдруг к врагу в Париж-то намылилась? Видать точно, какой-то тут заговор!

**Павильон. Лето. Вечер. Москва. Дом Долгоруких.
Гостиная**

86

В гостиной большого московского дома Долгоруких за длинным столом сидит руководитель почтового ведомства фон Пален. Он по своему обыкновению при параде, в включающем строгий мундир, треуголку с огромным плюмажем, которую он крутит в руках, орденскую колодку и даже сапоги со звенящими шпорами. Из этого можно заключить, что визит его почти что официальный. Вот в гостиную открывается дверь, и появляется генерал Петр Долгорукий. У него скверный вид, возможно, что у него запой, ибо лицо его имеет нездоровый оттенок, а форма помята, и даже крючки на ней неровно застегнуты. Увидав гостя, князь кивает ему, пожмает руку, садится рядом и громко кричит.

Князь Долгорукий: Эй, Ванька, Петрушка, подайте, что ль, квасу! Да с мочеными яблоками! (*фон Палену*) Извини, Петр Алексеевич, что заставил вас ждать...

Фон Пален: Вы уж меня простите, Петр Петрович, что я явился столь рано. Однако же — служба... Срочный пакет от Государя Императора на имя московского наместника Растопчина. (*Подает пакет, лицо его при этом мрачно и скорбно, будто он подает некую завернутую в бумажку кашку.*)

Князь Долгорукий (*отмахиваясь от пакета, как от мухи*): Так я ж не Растопчин! Я-то на кой?

Фон Пален: Растопчин, как узнал, что там, сказался больным. А затем пришел ему фельдъегерский приказ ехать с посольством во Францию, так он побежал его исполнять со всех ног. Нынче в его отсутствие я обязан передать его вам как предводителю московских дворян.

Князь Долгорукий (*потирая затылок*): Что там в приказе? Ведь знаешь поди! Небось даже царские писули почитываешь!

Фон Пален: Пришлось. Сперва мы это не делали, но Государь нас потом отругал. Сказал, что враги могут к нему в его письма вкладывать поносные записки или прочие пасквили. Велено проверять почту всю.

Князь Долгорукий: Ох, е... А он еще не велел вам царские штаны проверять — вдруг туда кто насрал?

Фон Пален (*с осуждением*): Вот вы смеетесь, а у меня есть на сей счет письменное распоряжение Императора. Раз он уверен, что в конверте с его личным письмом, запечатанным его личной печатью, враги способны пересылать нечто, его безусловно порочащее, мы обязаны его же письма вскрыть и прочитать!

Князь Долгорукий (*с интересом*): И много ли было у вас таких писем? (*крутит рукой*) Порочащих да поносных?

Фон Пален (*без тени улыбки*): Призыв к цареубийству там содержится в каждом.

Князь Долгорукий (*задумчиво*): Вот даже как? Занятно... (*Взгляд его становится неожиданно острым и трезвым.*) Дык что там в растопчинском приказе-то?

Фон Пален: Там приказано взять в железа вашего соседа Ивана Павловича Кутайсова, пытать с пристрастием, доказать его главой грузинского заговора, а потом посадить при стечении людей на кол. Ну что, как следующий за Растопчиным, — будете открывать сей приказ?

Князь Долгорукий (*крестясь*): Свят! Свят! Что ты, Петр Алексеич! Что ж ты из меня ката-то делаешь! Иван Палыч — хороший сосед. Пусть граф самосейка, однако же сына своего он воспитал правильно, я его в бою видел! Что ж там за катавасия, что вот так сразу на кол?!

Фон Пален (*сухо*): Князь Багратион и великая княжна Марья Павловна нашли меж собою общий язык. За это именно Иван Павлович и стал в опале. Ибо, как вы и сказали, он граф самосейка. А на кол, чтоб никому более было неповадно...

Князь Долгорукий (*с возмущением*): Так Марья Павловна... Она ж после оспы! Он что ж, хочет девку закрыть в монастырь, так что ли?! Да Пьер Кутайсов был лучший наш генерал всей кампании! Беда! Иван Палыча спасать надо.

Фон Пален (*наклоняясь к князю и полушепотом*): Приказ сей продиктован Куракиным. Стало быть, Ивана Павловича надо спасти, а врага его — уничтожить. И вот что умные люди мне посоветовали...

Натура. Вечер. День. Михайловский замок. Строительные леса

96

Государь Император нервно ходит взад и вперед по лесам своего замка. Замок выглядит страшной угрюмой черно-красной громадиной. Глубокие рвы и каналы, его окружающие, создают ощущение окруженной врагами крепости. Государь явно кого-то ждет.

ПАВЕЛ (*с отчаянием в голосе*): Сейчас вот сюда приедет Николай Иваныч и все рассудит. Уж он-то все узелки враз распутает и все разложит по полочкам! Ну почему, почему я отпустил его в Павловск?! Вон у жирного коlobка сколько помощников, почему ж я никого не сыщу?!

Звук приближающихся голосов и шагов. Несколько человек явно говорят с раздражением, а им что-то извиняющимся тоном отвечает Куракин. Вот гости уже появляются. Это Салтыков с Кочубеем. Оба явно возбуждены, мрачны и суровы. Куракин растерян.

САЛТЫКОВ (*с ажитацией*): Ваше Величество, в вашей свите явный саботаж и провокация! Я не смел приходить, в надежде что все само вдруг решится, однако же молчать уже невозможно! В войсках волнения и заговоры! В Карелии — бунт! Войско Донское кипит, вот-вот будет взрыв! Ваши люди еще и Москву взбаламутили! Князь Долгорукий мне все написал. Петр Петрович — честный генерал, твердая опора вашего трона. Зачем же вы его толкаете на путь мятежа и восстания?!

ПАВЕЛ (*с изумлением*): Я?! Да вы что — сговорились все что ль? Я-то здесь с какого бока?

САЛТЫКОВ (*с гневом*): А кто же отрекся платить за своего сына выкуп?! Ваше Величество, Долгорукие и Толстые все хором скинулись и послали деньги за младшего сына Долгоруких, которого вы отправили в Париж на верную гибель! Москва гудит!

ПАВЕЛ (*растерянно*): Но французы сами же виноваты! Они не соблюли процедуры. Я же честно им так и сказал, что пока их Наполеон не стал императором, никаких...

САЛТЫКОВ (*с гневом и яростью*): Ваше Величество, вы меня слышите? Вы обманули доверие противника и на место сына сдали младшего Долгорукого! И теперь Долгорукие и Толстые — в долгах как в шелках! Они заплатили за вашего сына! Это как называется?!

ПАВЕЛ (*с твердостью*): Я ничьего доверия не обманывал и младшего Долгорукого никуда не слал. Он сам туда навязался! (*обращаясь к Куракину*) Сашка, скажи им! И не смей со мной в подобном тоне вот так разговаривать. Знай свое место!

САЛТЫКОВ (*с отчаянием*): А что ты мне, царь-батюшка, сделаешь?! Чего еще, блин, не сделал?! По всей стране уже бунт. На Дону казаки в один голос вопят, мол, царь-то — не настоящий! Ты же сам всю страну бросаешь в новую пугачевщину!

КОЧУБЕЙ (*нервно*): Позвольте, я, Ваше Величество. Генералы Репин и Кожин, по вашему приказу разбиравшие дело Грузиновых, и впрямь нашли заговор. Враги желали создания на землях донского казачества при поддержке турок и персов враждебной России республики. Заговор был раскрыт, ваш приговор приведен в исполнение. Казаки взбунтовались. Прошу указаний.

ПАВЕЛ (*растерянно*): Так я ж — ничего не приказывал!

Салтыков и Кочубей смотрят сперва друг на друга с оторопью, а потом вдвоем на Куракина. Тот торопливо стягивает голову в плечи и, отрицательно мотая головой, украдкой тычет пальцем в сторону Павла. Оба министра теперь смотрят на Государя, и взгляд у обоих, мягко говоря, иронический. Павел нервно сглатывает.

ПАВЕЛ: Да точно вам говорю! Никакого такого приказа и не было! Просто у меня в тот день вышло непонимание с Кутайсовым. Я и сказал, что всех грузин надо на кол. Так это же грузин, не казаков!

САЛТЫКОВ: Что — и нашего Иван Палыча на кол?! Ну-ну, Ваше Величество...

ПАВЕЛ (*испуганно*): Нет, что вы! Это была лишь фигура речи! Чтоб я да Ваньку моего на кол?! Да ни в жисть! Я же без него извелся в конец!

САЛТЫКОВ (*почти со стоном*): Так кто же отдал тогда приказ для Растопчина?! Там же прямо сказано — Иван Палыча пытать и посадить на кол! С вашей печатью и подписью!

ПАВЕЛ (*растерянно*): А я что?.. Мне его Сашка Куракин пытать посоветовал, ну я и — вгорячах... Я ж не хотел! А вы мне вернете Кутайсова? Мне ж вот этот дворец до холодов достроить (*бьет себя ребром ладони по горлу*) вот же как надо! А иначе Машка ко мне не приедет и воссоединенье семьи у нас не получится. Понимаете?!

Натура. Осень. Вечер. Зимний дворец. Внутренний двор

106

По двору Зимнего дворца быстро идут Кочубей с Салтыковым. Оба они возбуждены.

САЛТЫКОВ: Я все понимаю, дорогой Виктор Палыч, однако ждать более невозможно! Это вышло уже за все рамки! Вчера он хотел посадить на кол милейшего Иван Палыча, сегодня пожелает казнить меня, а завтра и вас! Нужно срочно и во всем открыться Наследнику!

КОЧУБЕЙ: Так видит бог, я не против! Однако же у Наследника в голове свои тараканы, и как бы не пострашней, чем отцовские! Вы же их не видали, а я вместе с ним сызмальства...

Оба вдруг замирают, будто налетели на невидимое препятствие. Навстречу ним идут Наследник Александр и Александр Голицын. В руках у обоих огромные веники. Александр радостно восклицает.

Александр: А вот и Витек! Как я рад, что не забыл ты нашу традицию! (*Салтыкову*) В свое время у нас было заведено — по вторникам всей честною компаниею ходить в баню! Однако же для хорошей компании нам всегда нужно четверо! Из прежней компашки остались только мы с Витькой, а теперь к нам добавитесь и вы вместе с Николаичем! (*нагибается к Салтыкову и говорит ему заговорищским шепотом*) Это хорошо, что теперь со мною мой домашний полицей и учитель, а то этот (*кивает на Голицына*) слишком уж норовит в парной ко мне прижаться поближе! А он очень потный! И вообще — что люди подумают!

116

**Натура. Осень. Вечер.
Зимний дворец. В бане**

За крепко сбитым дощатым столом в простынях сидят Наследник Александр, Александр Голицын и Кочубей с Салтыковым. Перед ними стоят огромные кружки размером в английскую кварту с чем-то жидким. Туда еще и Александр Голицын сверху что-то льет из бутылки, приговаривая.

Александр Голицын: Я вас научу, неумехи, как париться! Это самый настоящий медовый настой на молодых шишках! С ног сшибает почище пива со шнапсом, как это заведено у вас в Павловске! Но сие продукт, известно, не русский, а тут наши родные шишки! А?!

Народ прихлебывает из кружек настоек и похваливает. За тем Салтыков осторожно так говорит.

Салтыков: Ваше Высочество, а ведь у нас к вам есть дело! Вообразите, что вы плывете на корабле, капитан у которого обезумел...

Александр (*разрумянившись, возможно, слегка навеселе*): А, вы об этом? Что ж это всех вас тянет именно в баню с подобными разговорами? В прошлый вторник Никита Панин... Вообразите, он тоже говорил про безумного капитана и предлагал этому самому капитану парик дустом посыпать.

Кочубей: Каким это дустом? Зачем дустом? А не проще ножом или там дубиной по парнику?

АЛЕКСАНДР (*небрежно*): А он крови боится. Не хочет рук замарать. Обещал принести дуст и рассказывал, как мы с Николаичем будем отцу парик подменять, чтобы нас не схватили.

АЛЕКСАНДР Голицын (*под чей-то, видимо, панинский, голос подделываясь*): Только вы уж, Ваше Высочество, осторожнее, а не то план провалите, и вас ославят отцеубийцею! (*своим нормальным голосом*) А я его спрашиваю, мол, а сам-то че? Вот и взял бы на себя труд подменить парик Императору. А этот... (*опять голосом Панина*) Мне сиим мараться невместно! Я ваш мозговой центр, и меня надо обещать от бесчестья!

Народ катается по лавкам со смеху. Кочубей, насмеявшись, чуть не плачет от восторга.

КОЧУБЕЙ: Господа, я слышал про какого-то Панина, однако близко не сталкивался. Откуда этакий фрукт у нас взялся?

АЛЕКСАНДР (*морщась*): Известно откуда. Когда папенька стал царем, он решил, что все, кого бабушка гнобила, — ему друзья и сторонники. Так назначил он Никиту себе вице-канцлером...

Наследник вынужден прерваться, потому что Салтыков начинает дико хохотать. Кочубей с надеждою произносит.

КОЧУБЕЙ: Погодите вы ржать. Лучше расскажите. Я тогда был в опале, видать, пропустил. Так что же он сделал?

САЛТЫКОВ (*с рыданием*): Он сидел на заседаниях и все слушал. Вроде даже записывал. А затем пришел к Павлу и предложил в России принять Конституцию. По ней Государь передавал всю власть в стране «самым лучшим» в количестве семи человек, среди которых из наших русских был лишь только сам Панин. И не было Павла.

КОЧУБЕЙ (*с изумлением*): Так кто же был там?

САЛТЫКОВ: Известно кто. Папа Римский. Маркграф Баденский. Император Франц. Безумный король Георг и так далее. Ибо, по словам Панина, для успеха в России действительно нужна иностранная оккупация.

КОЧУБЕЙ (*растерянно*): И он подал такой проект Павлу? А ничего, что мы — русские — сперва будем драться?

Александр (*саркастично*): Конечно, подал. И чтоб не дрались, Никитос папеньке предложил «всех вредных для России людей» тотчас уничтожить. И сойдет, мол, тогда на Россию «великая благодать»! Папахен все это прочел, охренел и по обыкновененью спросил: «А как же я? А чего это меня нет среди семи лучших!»

После очередного дикого взрыва хохота опять немного рыдающий со смеху Салтыков произнес.

Салтыков: А на это Панин ему отвечал, что много над этим думал и пришел к выводу, что для успеха России надобно первыми истребить всех Романовых. Вместе с Голицыными, Долгорукими, Толстыми и дальше по списку.

Александр (*хихикая*): Тогда папенька встал и сказал вице-канцлеру.

Александр Голицын (*вскакивая и прерывая своего господина голосом Павла*): Ну вот я и понял, почему тебя твой папаша всю жизнь держал под замком на цепи. А бабушка велела из страны к бесу выгнать!

Александр (*презрительно*): Этот хрен с той поры теперь все бродит по Европе, как призрак монархизма. Да еще выдумывает адские планы, как истребить моего папеньку, который его якобы оскорбил и унизил. Однако где-то раз в месяц послушать его надобно обязательно. Это здорово спускает с небес наземь.

Салтыков (*одобрительно*): Хорошо, что вы к подобным прожектам столь верно относитесь. Однако мы не предлагаем вам посыпать парик отца дустом. Откроюсь вам, у нас тут было собрание, и мы решились бороться за то, чтобы вы быстрее получили корону и стали для нас Императором.

Александр (*с интересом*): Было ли ваше решение окончательным и готовы ли вы идти до конца?

Салтыков и Кочубей (*хором*): Так точно — Ваше Величество.

Александр (*помолчав, серьезно*): Ну, хорошо. Кто участники? А то Панин плел мне про каких-то корнетов да вахмистров...

САЛТЫКОВ: В собрании участвовали мы с Виктор Павловичем, фон Пален, Барклай, Эльза Паулевна и наша Карловна.

АЛЕКСАНДР (*задумчиво*): Полиция, разведка, таможня, почта и дворцовые службы. Но нет пока армии... А во главе знаменитая Эльза. Это интересно. Я готов слушать подробности.

Натура. Осень. Утро. Михайловский замок. Леса

1 в

В Михайловском замке все так же продолжается местное сонное царство. На верхних лесах сидит Государь Император и с тоской смотрит вниз на работников, которые неторопливо движутся, как вареные. Вдруг внизу раздаются какие-то крики. Крики усиливаются, слышны ругань и звуки громких шлепков с зуботычинами. Павел с интересом смотрит вниз, и вот к нему поднимается Иван Павлович Кутайсов в сопровождении крепкого мужичка в генеральской форме. Мужичок поочередно наскакивает то на одного, то на другого рабочего, раздает им лецей и пощечин — и работа начинает кипеть. Лицо Павла рдеет от счастья, он бежит к своему любимому слуге и кричит.

ПАВЕЛ: Как я рад, что ты опять со мной и вернулся! Мы ведь быстро теперь все закончим и сделаем! А кто это тут с тобой?

КУТАЙСОВ (*сухо*): Это генерал Павел Васильевич Голенищев-Кутузов. Прислан мне в помощь по решению московского главы князя Долгорукого. Человек, как видишь, суровый, однако незаменим, когда дело надобно сделать срочно.

ПАВЕЛ (*с восторгом*): Вот именно такой мне и нужен! (*с опаской*) А ты-то что? Привез его и уехал?

Кутайсов как-то необычно чуть сверху смотрит на Государя, манит его в сторону, а отозвав, шепчет, почти что шипит господину.

КУТАЙСОВ: А это уже от вас зависит, Ваше Величество! Кто на меня опалился за то, что мой сын за его дочкой ухаживал?

ПАВЕЛ (*извиняющимся тоном*): Так и ты пойми меня, Палыч! Она же царская дочь, и невместно... (*с упреком*) А ты уж и сразу в амбицию... (*с чувством*) Знал бы ты, как же мне тебя не хватало. Этот Куракин такой идиот, он такого тут уже наворочал!

КУТАЙСОВ (*немного сварливо*): Слухами земля полнится... Ну — не знаю, не знаю...

ПАВЕЛ (*на миг задумавшись*): Хочешь, дочь твою выдам замуж за Зубова? Сей мамкин хахаль у меня сейчас сидит под надзором где-то в глуши, и он сейчас единственный светлейший князь без семьи. Твоя дочь ему как раз будет впору!

По лицу Кутайсова пробегает какая-то странная улыбка. Он бормочет себе под нос: «Зубов... Все, как и было обещано... Боже мой, боже мой!» А затем с очевидным неудовольствием произносит.

КУТАЙСОВ: Мы, Кутайсовы, и этот — прости господи... Мою прелестную дочь, маленькую принцессу — и ловеласу-развратнику? Ни за что!

ПАВЕЛ (*горячась*): Помилуй, Иван! Да — мамкин жиголо, да — ловелас и сатир, с этим не спорю. Однако Зубов — светлейший князь, и внуки твои станут князи. Светлейшие! Что не так?

КУТАЙСОВ (*с коротким вздохом*): Ладно, Ваше Величество, уговорил! Остаюсь. Согласный я на Зубова. Но пусть он тотчас сюда едет. И от дочи моей — ни на шаг!

Павильон. Осень. Вечер. Санкт-Петербург. Салон Шевалье

В салон оперной дивы вваливается шумная толпа ее поклонников и сразу же затихает. Затем появляется сама дива, толпа перед ней расступается. Оказывается, что посреди салона на оттоманке в небрежной позе сидит граф Кутайсов и по-хозяйски пьет кофе из чашечки. При виде Кутайсова мадам резко бьет в ладоши и восклицает.

ШЕВАЛЬЕ: Прошу прощения, господа, этим вечером все отменяется. Уходя, не забываем здесь свои вещи!

Уже через мгновение салон пустеет, мадам запирает за ушедшими дверь, а затем поворачивается и встает перед гостем, уперев руки в бока. Кутайсов не спеша допивает свой кофе, ставит пустую чашку на столик и очень спокойным и холодным голосом говорит.

КУТАЙСОВ: Ну что, опять взялась за свое? Опять робберные столы, опять гулянки до утра, опять очередная собачья свадьба, переходящая в случку?

ШЕВАЛЬЕ (*с яростью*): А ты кто такой, чтоб меня тут учить?! Сдристнул, слова мне не сказав, а теперь появляется, мол, любите меня семеро!

КУТАЙСОВ (*небрежно*): У меня возникли срочные дела дома — в Москве. Не потащу же я тебя с собой? У меня — семья. А ты кто?

Встает с оттоманки и начинает снимать с себя длинный кожаный ремень, а потом наматывает его себе на руку.

ШЕВАЛЬЕ: Опять — двадцать пять! Оставил меня совершенно без содержания, а ведь мне, заметь, кормить твою дочь! Скажи еще, что не знаешь, как и чем я на жизнь зарабатывала!

КУТАЙСОВ: Так это когда было? А нынче у тебя моя дочь, а ты моя содержанка!

ШЕВАЛЬЕ (*с яростью*): Ах, скажите пожалуйста, что за паца! Раз твоя содержанка, так и — содержи, а то в Москву усвистал. К своей тюте! Что лыбишься? Все знают, что к тюте. Ко мне князь Юсупов заходил, так и сказал, что жена твоя — тряпка! Большие деньги сулил, ежели я тебя к себе в постель заманю!

КУТАЙСОВ (*приходя в хорошее настроение*): А ты и рада стараться! Небось, обещала заманить к себе самого аж Кутайсова?

Шевалье подходит к комоду, достает свои длинные папироски, раскуривает одну, вставляет ее в длинный мундштук, а затем, подходя к любовнику, ему папироску протягивает. Тот в ответ за папироскою тянется, но мадам Шевалье

со значением смотрит на его руку, на которую Кутайсов намотал уже ремень. Кутайсов с улыбкою ремешок с руки сматывает и небрежно бросает его на оттоманку. Мадам Шевалье прикуривает новую папироску от своей собственной, сама ловко вставляет ее в губы Кутайсова и, небрежно пыхнув дымом ему прямо в лицо, со значением шепчет.

ШЕВАЛЬЕ: Ну... Так мы же не подведем ожидания князя Юсупова?! Он на меня так надеялся!

(Затемнение)

В широкой кровати спальни салона Шевалье лежит усталый, довольный и взмокший Кутайсов и курит длинную дамскую папироску в том самом дорогом мундштукке. У него на груди притихла мадам Шевалье, которая тоже весьма потрепана, но довольна. Она берет из руки Кутайсова свою папироску, через мундштук ею затягивается и сонным млеющим голосом спрашивает.

ШЕВАЛЬЕ: Кстати, князь Юсупов мне сказывал, что у тебя были какие-то проблемы с нанятыми тобою грузинами. Смешно — по фамилии Грузиновы. Какой-то меж ними на Дону возник заговор. Я за тебя беспокоилась...

КУТАЙСОВ *(небрежно)*: Ах, это? Да какая-то загадочная фигня. Старый мой знакомец Евграф Грузинов по молодости переобщался с масонами. И с ними всю жизнь переписывался. А еще он был зол на нашего государя и благодетеля...

Сонный голос Кутайсова сменяется скрипом пера по бумаге, через который слышен голосок князя Юсупова...

...через нашего агента Кобылу удалось понять суть проблем на Дону. Установлено, что казачий полковник Евграф Грузинов составлял заговор по отложению всего Войска Донского от Российской Империи — то ли к Турции, то ли к Персии. Однако генералы Репин и Кожин буквальный приказ Императора о «посаждении всех грузин на кол» не исполнили, ограничившись тем, что просто запероли всех преступников насмерть, что и привело к возмущению всего офицерства. Ибо пороть по обычаю только лишь нижние чины полагается.

Возмущение планировали подавить тем, что генералы Репин и Кожин были разжалованы, как превысившие свои полномочия. Сие разжалование возмущение казаков не пресекло, но повлекло дополнительно волнения среди армейских. От греха было решено казаков с Дона убрать. Посему царь Павел направил их в индийский поход совместно с французами...

**Павильон. Осень. Вечер. Лондон.
Ресторан на Пикадилли**

3 В

В уже знакомом нам ресторанчике за столиком сидит сэр Исаак и пьет горячий шоколад с булочкой. К нему за столик откуда-то грузно плюхается глава британской разведки граф Шелберн.

ШЕЛБЕРН: Рад видеть вас, старый ворчун! Что вы знаете про Оренбург?

ИСААК: Не так сразу, молодой человек... Не так сразу! Судя по названию, это таки где-то в Прибалтике — к примеру Шлиссельбург или Динабург, ну или это одна из крепостей Екатерины на восточной границе. Например — Екатеринбург. А по какому поводу интересуемся?

ШЕЛБЕРН: Этого я и боялся, этого и боялся... По сообщению от нашего человека в Зимнем, безумный царь Павел послал всех донских казаков в поход против нас в Индию из того самого Оренбурга. Вы же знаете, стоит врагам завести речи об Индии, и у нас в Сент-Джеймском дворце все сразу подпрыгивают и волокут меня за шиворот к карте, чтобы я им показал, где же тот Оренбург.

ИСААК (*задумчиво*): Общайте меня... Кстати, участвуют ли в походе яицкие казаки, или, как их сейчас называют, казаки уральские? Если так...

ШЕЛБЕРН: Насколько я понял, одни лишь донцы. Ни яицких, ни кубанских казаков в приказе Павла не упомянуто.

ИСААК: Ой-вэй... Про те края карты русских по сей день страшная тайна... Сдается мне, что Оренбурга не может быть на Урале, иначе

бы пошли и казаки уральские, и на Кавказе — тогда бы не обошлось без кубанцев. Однако меж Уралом и Кавказом совершенная Терра Инкогнита... А ведь это как раз где-то аккурат против Индии! Ой, гевальт!

4 В

**Павильон. Осень. Вечер. Вена. Шенбрунн.
Кабинет Меттерниха**

Меттерних сидит за столом и что-то пишет. Вдруг без стука с грохотом распахивается дверь в его кабинет и бежит взбешенный император Франц. Он бросается к столу Меттерниха и в сильнейшей ажитации дико кричит.

ФРАНЦ: Что вы натворили?! Что вы, Клеменс, опять натворили?

МЕТТЕРНИХ (*с холодным интересом*): Да, кстати, а что я на этот раз натворил?

ФРАНЦ: Вам было приказано чем-то занять русского карлика, чтобы тот отстал от моей милой Венгрии! Насколько я понял из доклада Юсупова, вы устроили ему восстание на Дону, и что из этого вышло?!

МЕТТЕРНИХ (*с вежливым интересом*): И что из этого вышло?

ФРАНЦ (*с яростью*): Не смейте повторять за мною мой же вопрос! Или я точно найду у вас еврейские корни! (*Меттерних в ответ тихо и с интересом спрашивает: «А у меня есть еврейские корни?»*) В итоге русский урод, чтобы занять донцов, которых вы, Клеменс, ВЫ взбаламутили, направляет их в Индию! А там же несметные богатства! И все это — в союзе с французами! С французами, Карл! Тьфу, Клеменс!

Меттерних вместо ответа встает из-за стола и вальяжно подходит к висящим на стене картам. Находит нужные, снимает их с крючка и выкладывает на стол. Указывает на них и объявляет.

МЕТТЕРНИХ (*менторским тоном*): Я бы все же говорил не «когда», но «если», ибо он их пока что не захватил. А почему? Что-то ему мешало. (*задумчиво*) Эти богатства не захватил даже Петр Первый,

а тот был великим воителем. Итак, вот у нас Россия, а вот Индия. Проводим меж ними черту...

Франц (*с жадным интересом*): Ну что, что там?!

Меттерних (*в глубокой задумчивости*): На карте меж ними огромное белое пятно. Совершенная Терра Инкогнита... Мили и мили абсолютнейшей неизвестности... (*с раздражением*) Оказывается, мы даже точно не знаем, где южная граница России в направлении на Индию! (*снова задумчиво*) А откуда будет поход?

Франц (*с раздражением*): Из какого-то Оренбурга! У меня его нет на карте! (*с угрозой*) Клеменс, сделайте что-нибудь, или я вас на улицу выкину!

Меттерних (*будто не слушая*): И все же, я думаю, что есть важная причина, по которой Петр Первый на Индию не пошел... Ах, вот оно — вспомнил. Тесть мне как-то рассказывал, что Екатерина у русских долго воевала на юге с кайсаками и просила у нас наши легкие пушки.

Франц (*с интересом*): И мы ей помогли?

Меттерних: Разумеется, нет. Любые враги, мешавшие русским, нам всегда были на руку. Впрочем, она все равно в итоге истребила их совершенно... Возможно, что эти кайсаки и закрывали путь на юг в годы Петра...

Франц (*с раздражением*): Черт возьми, Клеменс! Почему вы все это не выяснили?! Ну почему я должен все делать за вас?! В общем так, еще один такой же прокол — когда вы не знаете, где именно южная граница у русских, — и вы уволены! Я не шучу! Черт знает что!

**Павильон. Осень. Вечер. Париж. Тюильри.
Кабинет Бонапарта**

5 В

Наполеон стоит перед дверью своего кабинета и беседует с маршалами. Появляется Фуше. Вид его потрясенный.

Фуше: О, мессир! Я преклоняюсь пред вашим талантом и стратегическим гением! Вы безусловно — великий дипломат и правитель!

НАПОЛЕОН (*небрежно*): Да, дорогой Жозеф, я велик! (*генералам*) А вы аплодируйте, господа, аплодируйте! (*снова поворачиваясь к Фуше*) И что?

ФУШЕ: Мои люди только что перехватили донесенье австрийцев. О, как это мудро! Мы под вашим руководством выступаем вместе с русскими — в Индию!

МАРШАЛЫ (*хором*): Против англичан в Индию? Превосходно! Мы — в восхищении! А как мы туда попадем?

ФУШЕ: По словам австрийцев, русские ждут прибытия нашего корпуса под Оренбург! Оттуда, по словам русского императора, — три месяца до родины слонов!

НАПОЛЕОН (*одобрительно*): Господа, я рад! Наши люди проявляют смекалку и принимают удивительные решения! Мы отберем у нашего заклятого врага Индию и лишим их основного дохода! Кстати, а кто возглавляет поход и где же расположен сей Оренбург? Какие у нас людские ресурсы, денежные средства и боевые припасы? И самый главный вопрос — кто за все это будет платить?

6 В

Павильон. Осень. Ночь. Санкт-Петербург. Зимний дворец. Кабинет Павла

Павел сидит за своим столом и старательно пишет письмо Бонапарту. Камера повисает у него за плечом, и мы видим текст письма, который превращается в живые картинки. Слышен голос Павла, который их комментирует.

«Дорогой брат мой, к превеликому сожалению я нынче зажат врагами со всех сторон. Турки перекрыли для моих флотилий Босфор, а на Балтике злобные англичане всюду щемят данов и шведов, моих лучших союзников, и никак не дают моему флоту через датские проливы к большой воде выйти. Прошу тебя замириться, наконец, или победить проклятую Австрию, и тогда твое войско сможет пройти через их города по Дунаю в Черное море, а оттуда прибыть в Таганрог. От Таганрога до Оренбурга всего лишь месяц пути — я сверялся по карте. Коль пришлешь ты мне свой корпус, мы за три месяца от Оренбурга до Инда дойдем, и все взятое там — пополам! Никаких

припасов с собой не бери, ибо лошадей мы возьмем у калмыков, а путь наш лежит через земли, полные риса, быков и слонов, а также богатые туземными фруктами. Прощу тебя — быстрее побеждай или замиряйся с австрийцами, а я пока в путь моих казаков пошлю...»

Павел на миг отрывается от своего письма, с удовольствием его перечитывает и бормочет.

ПАВЕЛ (*мечтательно*): Там одна только сложность — надо взять Бухару да Хиву, но с французскими новыми пушками на железных рессорах — сие дело плевое! А потом — Индия и все ее богатства с сокровищами... Затем англичане поймут, как они меня предали, от горя заплачут и вернут мне мою Мальту...

Государь на мгновенье задумывается и восклицает.

Ба, да у меня по сиим южным варварам и спец есть! (*начинает названивать в колокольчик и громко кричит*) А ну-ка выпустить ко мне из крепости этого бунтовщика и непокорца Платова!

Павильон. Осень. День. Санкт-Петербург. Зимний дворец. Кабинет Павла

7 в

Павел стоит в своем кабинете в задумчивой позе, когда вводят в железзах атамана Платова. При виде кандалов на руках и ногах арестованного Государь возмущенно кричит.

ПАВЕЛ: Почему? Зачем? Немедленно — снять!

Атамана торопливо расковывают и, пока тот растирает затекшие руки и ноги, Павел ему говорит.

ПАВЕЛ: Ну что, дорогой мой... (*растерянно замолкает*).

КУТАЙСОВ (*приведя Платова, тихонько подсказывает*): Матвей Иваныч...

ПАВЕЛ: Да! Милейший Матвей Иваныч, я вижу, что засиделись вы у нас что-то в столицах. Пора бы и повоевать!

ПЛАТОВ (*с нескрываемой иронией в голосе*): И то верно, царь-батюшка! Засиделся я в гостях у тебя, век не забуду!

ПАВЕЛ (*с неловкостью*): Но и ты же меня пойми. Прямое нарушение моего приказа... и прочее... Ну да кто старое помянет... В общем, простил я тебя — совершенно! (*более уверенным голосом*) А теперь к делу. Отправляю я все ваше донское казачество в поход против Индии. Задача проста — пройти от Оренбурга до Инда, оттуда свернуть в сторону Ганга и воевать только лишь с англичанами. С прочими же надо только дружить и принуждать к миру, если придется. Мимоходом по дороге возьмете Бухару, чтоб китайцам она не досталась, ну и в Хиве освободите сто тыщ наших пленных, кои некогда были туда в рабство угнаны. А идти приказываю я вам налегке, ибо пушек у меня для вас нет, да и пехоты не дам, ибо она за твоими быстрыми молодцами как пить дать не угонится! Все понял?

ПЛАТОВ (*весело и зычно*): Так точно, Ваше Величество! Пушек и штыков в сей поход нам не брать — обойтись только саблями. А сколько сабель положите для завоевания Инда, Ганга, Бухары, Хивы и так далее?

ПАВЕЛ (*Кутайсову*): А сколько у нас под ружьем-то донцов?

КУТАЙСОВ: Двадцать три тысячи сабель.

ПАВЕЛ: Ну, стало быть, двадцать три тысячи, а больше, я так думаю, не понадобится! Ну, атаман, с богом. А приказ донскому старшине — атаману Василию Орлову я уже выслал. Там все — в подробностях!

ПЛАТОВ: Рад стараться, Ваше Величество!

С этими словами атаман пытается браво сапогами для Императора щелкнуть, но на ногах у него тюремные опорки с протертыми подметками, и поэтому сапогами щелкнуть не получается. В итоге атаман вскидывает руку в тюремной робе к непокрытой всклокоченной голове, и на его заросшем бородою лице сияет улыбка. С этой улыбкой бравый казак так и выходит из кабинета. И лишь по дороге на улицу атаман дает дорогу всем своим чувствам.

ПЛАТОВ (*с чувством*): Стало быть, я у него в тюрьме загостился — твою ж мать! Пять лет, пять сраных лет за то, что спас десять тысяч наших от лютой погибели — твою ж мать! И стало быть — загостился! Двадцать три тысячи сабель — твою ж мать, и пройти с ними

с боями и принуждая к миру — всю Индию! А еще по дороге взять неприступную Бухару — твою ж мать, да освободить в Хиве сто тысяч невольников — твою же дивизию! Вот спасибо, Ваше Величество, век не забуду твоей доброты! Ну да мне б только выбраться с Петропавловки, добраться до Дона, а оттуда — выдачи нет!

Наконец атаман выскакивает из дворца на улицу, полной грудью вдыхает морозящий, зябкий и мокрый ноябрьский питерский воздух, от чувств рвет на себе полуистлевшую нательную рубаху, с чувством целует свой крест и кричит.

Платов: Да здравствует Государь! Мы выступаем на Индию и будем всех побеждать!

Эхо: ...ждать! ... дать! ... мать! ... мать!

Павильон. Осень. Вечер. Зимний дворец. Покои Александра

8 в

За журнальным столом сидят Наследник Александр и министр внутренних дел князь Кочубей и вместе чертят какие-то схемы. Александр что-то разясняет товарищу.

Александр: Итак, повторим. Наша проблема в том, что за меня все министерства и специальные службы, но пока что нет армии.

Кочубей: Армия повсеместно бухтит, но хочет на престол Константина. Она его в бою видела. Мы знаем, кто такой Константин, и поэтому должны успеть раньше — до того, как армия возьмет дело в свои руки.

Александр: И что из этого следует?

Кочубей: Ежели я вас верно понял, надо дать царю ложный след. Он должен думать, что основная угроза — от армии, и именно на нее обрушить репрессии. Для этого вы желаете создать ложный заговор и во всем обвинить нашего записного либерала Панина.

Александр: Все верно. И пока отец будет грызть брошенную ему кость, совсем другие военные помогут нам и все сделают. Но вот, слышишь условный стук? Однако он — Панин!

Дверь в комнаты Александра распахивается, и на пороге появляется странный молодой человек, которого по выражению лица можно принять за дебила.

ПАНИН: Ах, как я рад, Ваше Величество, что вы согласились на все мои поставленные вам условия! Так победим!

АЛЕКСАНДР: Прошу тебя, не надо так громко. В Зимнем все стены имеют уши. Ты смог найти нам сторонников в армии?

ПАНИН: Да! Я уговорил возглавить мятеж свежеприбывшего генерала Бенигсена! Теперь дело будет!

КОЧУБЕЙ: Почему ж Бенигсена?! Его же в войсках почти что никто не знает. Да и характер у него на редкость мерзкий и склочный...

ПАНИН: Так он же немец! Только что из Германии! А у немцев — порядок! А на русских, тьфу, нельзя положиться! Точно провалят все дело!

АЛЕКСАНДР (*с доброй улыбкой*): Это ты молодец! Как точно все рассчитал, да и человека во главу заговора выбрал верного. Немец-то — своего не упустит!

ПАНИН (*с горячностью*): Нет! Нет! Это я глава заговора, а Бенигсен лишь исполняет мои указания. А еще я, как вы и приказали, сыскал в столице несносного Зубова, и хоть он и хамил мне и говорил всякие ужасы, я и его привлек в свергатели тирана! Мы будем как... как — убийцы Гишпарха! Этот... Как их...

КОЧУБЕЙ (*дружески подталкивая Панина к выходу*): Аристокитон и Гармодий. Известные афинские пидарасы. Не думаю, что Платон Зубов такого звания заслуживает. Он все же — по женщинам. Ну, продолжайте набирать нам сторонников!

Дверь за Паниным наконец-то захлопывается, и Кочубей с улыбкой поворачивается к своему господину. Александр тихонько в своем кресле тоже посмеивается.

КОЧУБЕЙ: Ну нет, это даже не юмор, а какая-то пасквиль! Ваш батюшка не настолько дурак, чтоб принять всерьез такой балаган!

АЛЕКСАНДР (*промакивая платочком глаза*): Ты думаешь? А на мой взгляд, они — два сапога пара. Ну что ж, дорогой мой министр. Считай, что получил ты сигнал. Заговорщики Панин, Бенигсен и Зубов уговорились погубить моего отца Императора. Действуй. Нужно, чтобы мой отец во все вот это — поверил.

Натура. Осень. Вечер. Париж. Улица Сен-Никез

9 в

Крохотная короткая улочка на пути из дворца Тюильри в Оперу. В этой улочке столь же крохотная подворотня, в которой примостилась телега, накрытая какими-то тряпками. У телеги стоят полковник Берг и два француза — де Сен-Режан и де Лимоэлан. Берг дает им последние указания.

БЕРГ: Господа, вот место исполнения возмездия. Первого консула необходимо унять. Иначе его войска окончательно сомнут имперские армии в Тироле, Вюртемберге и Баварии. Победенные примут республиканскую сторону, и мой государь не сможет более помочь вашему делу. От вас все зависит.

ДЕ СЕН-РЕЖАН: А ваша адская машина точно сработает?

БЕРГ: Оставьте сомнения. Это результат совместной работы лучших венских механиков и швейцарских часовщиков!

ДЕ СЕН-РЕЖАН: Прекрасно! А когда ее заводить?

БЕРГ: Один из вас стоит здесь. Второй выходит вон на тот поворот, с которого виден дворец Тюильри. Как только карета Первого консула двинется, он машет платком, а второй дергает рычаг. Машина сработает в тот миг, как карета с этой телегой поравняется. У нас все рассчитано!

ДЕ ЛИМОЭЛАН: Решено. Я подам знак.

ДЕ СЕН-РЕЖАН: А я нажму на рычаг. Мы спасем Францию!

БЕРГ: Вся Европа с надеждой смотрит на вас!

**Павильон. Осень. Вечер. Париж. Тюильри.
Комната для совещаний**

В комнате для совещаний сегодня людно. Министры и генералы сидят вокруг большого стола, во главе которого стоит стул, похожий на трон. Вокруг него энергично расхаживает Бонапарт. Министр иностранных дел Талейран его спрашивает.

ТАЛЕЙРАН: Русские просят дать ответ касательно совместного похода на Индию. Судя по уверениям царя Павла, это путешествие для всех нас станет легкой прогулкой.

НАПОЛЕОН (*с раздражением*): Однако турки, пока мы с ними воюем в Египте, не пропустят нас через Босфор, а чертов кретин Христиан Датский умудрился чуть не сдать свой Копенгаген британцам! Нам не попасть в Россию через северные либо южные проливы! Остается лишь один путь — замирение с Австрией. Недоумок Моро уж год не может добить австрийские гарнизоны в Тироле с Баварией. И пока они держатся, австрийцы не подпишут выгодное для нас перемирие. Передайте Моро, что я недоволен. Черт побери — я взбешен!

ФУШЕ (*осторожно*): Может, уже пора арестовать этого подонка Моро — за саботаж и предательство?

НАПОЛЕОН: Да, так и сделаем, но пусть он сперва закончит свои дела и возьмет, наконец, все эти тирольские и баварские крепости!

ТАЛЕЙРАН: С Моро все понятно, но что мне отвечать русскому царю Павлу?!

НАПОЛЕОН: Напишите ему, что как только — так сразу. Я немедля пошлю к нему корпус, лишь добью Австрию! Да! И выясните, наконец, где у них Оренбург?! Я считал по карте курвиметром, даже при самом стремительном марше одной кавалерией получится, что граница у русских уже южнее Тегерана. Какая-то чертовщина... Выяснить, где этот Оренбург! И мне доложить! Срочно!

Павильон. Осень. Вечер. Санкт-Петербург. Зимний дворец. Кабинет Павла.

В кабинете Павла собрались его приближенные. Князь Кочубей докладывает Императору, а кроме них в комнате присутствуют Салтыков и Кутайсов.

КОЧУБЕЙ: ...Из этого можно сделать вывод, что в войсках заговор, возглавляемый Паниным, а главные подручные его — Платон Зубов и Бенигсен!

ПАВЕЛ (*с отчаянием в голосе*): Но почему, господи?! Старший Панин был в свое время единственным, кто требовал отдать мне скорей трон, незаконно занятый моей матушкой! За это я их и ценил — весь клан и Паниных, и Куракиных!

КУТАЙСОВ (*сухо*): Однако же зря. В мое отсутствие старший Куракин тут все развалил, видно, он тоже в сговоре с Паниным. Видать решили они — чем хуже, тем лучше! А еще меня, самого верного из ваших слуг, пытались посадить на кол! Сразу видно — преступники!

САЛТЫКОВ: И я бы не забывал, что помимо старшего Куракина, которого вы сделали канцлером, есть еще его брат Андрей — обер-прокурор всей Империи. А еще есть Степан Куракин — отставной генерал. Боюсь, что ниточка сия далеко тянется...

ПАВЕЛ (*чуть не навзрыд*): О боже! Все иноземные посланники, все судейские, и еще армия, и все это — враги народа Куракины! Обложили меня, обложили! Всех, всех под арест! Всех в отставку! (*Принимает решение.*) Итак, слушайте мой приказ — Никиту Панина под арест и зверски пытать, пока не сдаст всех поделщиков! Сашку Куракина — под арест! Андрея Куракина с прокуратуры снять и тоже под арест! А первого под арест — моего подлого сынка Александра! (*чуть подумав*) И Костика туда же, до кучи. Раз он столь любезен армейским, а заговор произошел в армии, ясно, куда ветер дует. Прочих армейских — Бенигсена и Зубова — от всего отстранить. Я их сам буду допрашивать. Так мы не озлобим хоть армию... (*чуть побегав по комнате, совсем мрачно*) А самой первой под замок запирайте-ка моего толстого колобка. Дети для нее — свет в окошке, не верю, что мои сыновья что-то делали без благословения своей мамки!

**Павильон. Зима. Утро. Санкт-Петербург.
Зимний дворец. Покои Наследника.**

Громкий стук молотков, что-то всерьез заколачивающих. В своей комнате на диванчике в небрежной позе сидит Наследник Александр. Рядом с ним в его ногах совершенно заплаканная Мария Нарышкина. Перед Наследником в неловкой позе стоит генерал Петр Талызин, командир Преображенского полка — двоюродный брат Куракиных.

ТАЛЫЗИН (*смущенно*): Вы уж простите нас — служба... Я бы сам ни за что не стал двери у вас замуравывать...

АЛЕКСАНДР (*небрежно*): Да что вы, генерал, делайте свое дело. Мы же не можем мнения Государя оспаривать!

ТАЛЫЗИН (*мрачно*): Так точно...

АЛЕКСАНДР (*с легким вроде бы интересом*): А как братья ваши? Что им тоже сейчас все двери в домах... опечатаывают?

ТАЛЫЗИН (*хрипло*): Никак нет... Всех в острог... И канцлера Сашку, и прокурора Андрея, и даже Степку... А его-то за что, Ваше Высочество?! Он же был боевой генерал, да уж почитай двадцать лет как на пенсии!

АЛЕКСАНДР (*будто бы между прочим — Нарышкиной*): Полно реветь. Сырость мне развела... Иди-ка и поплачь себе в спальне. Без тебя тошно!

Нарышкина покорно встает и уходит в спальню, плотно закрывая за собой дверь. Наследник делает жест, приглашающий Талызина присесть к нему на диван. После секундного колебания генерал присаживается на краешек дивана Наследника.

АЛЕКСАНДР: Думаю, что у отца — нервическое расстройство. Надо ему помочь. А то ж ведь опять стукнет ему моча в голову, и поведут тогда всех ваших братьев на плаху...

ТАЛЫЗИН (*чуть не со стоном и подаваясь всем телом к Наследнику*): Да за что ж их, Ваше Высочество! Да, знаю я — небольшого ума у нас Сашка, но Андриюху-то моего за что?! Судил он всех честно

и правильно, не нажил палат каменных, верный слуга Царя и Отечества. За что ж его арестовывать?! А Степан?! Боевой генерал, прошел все турецкие, да что же это выходит, Ваше Высочество?!

АЛЕКСАНДР (*с видимым сожалением и разводя руками*): Как видишь, у меня нет ответа на сей вопрос. Я сам в совершенно отчаянном положении. Думаю, что у отца наступило размягчение мозга... Ведь ты слышал — он вернул Платона Зубова, того самого, кто соблазнял мою бабушку. Нынче же этот прелестник и жиголо каждый вечер с отцом о чем-то толкуют и шепчутся. Я думаю, что моего отца всем нам надо спасать!

ТАЛЫЗИН (*с готовностью*): Я — всей душою, Ваше Высочество! Мы обязательно спасем Государя Императора от тлетворного влияния Зубовых!

АЛЕКСАНДР (*чуть прикрывая глаза и как будто с усмешкой*): А еще отец все последние дни каждый вечер что-то обсуждает с проклятым немцем Бенигсеном. А тот жужжит ему в уши!

ТАЛЫЗИН: Не извольте беспокоиться. Этот немец для всех нас чужой, его не послушают. Лишь бы царь назад вошел в разум и вернул ко двору моих братьев. Для того — я все для вас сделаю!

АЛЕКСАНДР (*чуть усмехаясь*): Ну, хорошо... Тогда давай решим с тобой так... Для начала — проведи-ка ко мне сюда одного человечка. Я дам его адрес.

**Павильон. Зима. Вечер. Лондон.
Сент-Джеймский дворец**

3 г

В небольшом уютном зале для заседаний кабинета министров народа больше обычного. Председатель собрания — глава партии вигов граф Шелберн стучит молоточком по гонгу.

ШЕЛБЕРН: Джентльмены, премьер-министр!

Присутствующие одновременно встают и кланяются появившемуся Уильяму Питту — премьер-министру и главе партии тори, личному другу и ученику Шелберна.

Питт: Господа, сегодня у нас совместное заседание. Опасные времена требуют нашего единения! В такие дни мы должны быть выше интересов наших двух партий. Пора признать — Англия практически в изоляции. Из всех союзников в мире у нас осталась лишь Пруссия, да и та объявила вооруженный нейтралитет, а ее королева Луиза под сильным влиянием кузины — русской царицы Марии Федоровны. Нам нужны новые сторонники. И они у нас есть! Это наши католики, прежде всего — ирландцы...

Нарастающий шум в зале. Крики: «Позор!», «Мы не простим всех этих изменников!» и «Смените Питта, он засиделся!»

Граф Шелберн (*вполголоса своему другу и ученику*): Я говорил — это предложение не ко времени!

Питт (*шипящим голосом*): Проявляя веротерпимость, мы откроем двери к переговорам для всех иноверцев. Даже для русских! А иначе мы так и будем куковать лишь со шведами да пруссаками!

Крики: «Убрать Питта! Он желает продать нас католикам!», «Прислужник римской блудницы!», «На костер еретика!»

Граф Шелберн (*возвышая голос*): Господа, сэр Уильям служил нам верой и правдой на посту премьера почти двадцать лет! И я, как глава оппозиции, не считаю его изменником и еретиком!

Крики: «Снимите и Шелберна!», «Глава теневого кабинета тоже — продан!»», «Кончайте войну!», «Русские казаки идут от Оренбурга на Индию! Допрыгались!», «Надо срочно замирииться с Францией!» и «Война проиграна, Наполеон победил! Выньте же свои головы наконец-то из задницы!» Топот ног, свист и улюлюканье. Министр внутренних дел смотрит на премьера и невесело улыбается.

Граф Шелберн: Боже, как же они боятся потерять свои привилегии пред католиками... Но дом, разделенный в себе, — да разрушится. А для победы над Антихристом нам нужны силы всех верующих...

Питт (*еле слышно*): Ну... Мы хотя бы попробовали. (*с горечью*) В Писании сказано — сперва силы Тьмы будут сильны и станут царствовать безраздельно...

Павильон. Зима. Вечер. Лондон.
Ресторан на Пиккадилли

В маленьком, уже знакомом нам ресторанчике сидит глава британской разведки и с удовольствием что-то потягивает из бокала. На диванчик напротив опускается сэр Исаак.

ИСААК: Прошу прощения, молодой человек, однако вы вызвали меня раньше времени!

ШЕЛБЕРН: Время. Странная штука — то его бесконечно много, а то оно улетает как дым. Вчера еще мы были молоды и хотели сделать мир лучше, а нынче... Двадцать лет — немалый срок! А будто все это было вчера!

ИСААК: Однако — лы хайм! (*участливо*) Что? Настолько все плохо? Из-за похода русских на Индию?

ШЕЛБЕРН (*небрежно*): Полноте! Этот поход — совершенная ересь, химера, одна из тех, что сейчас правят миром. Нет никакого похода — я убежден. А правительство падет сегодня иль завтра лишь потому, что маленькие людишки все думают, что смогут отсидеться на маленьком островке, когда над всем миром власть захватит Антихрист! Посему сегодня они не готовы поделиться своими малыми, в сущности, привилегиями. А без этого мы не можем найти союзников среди Европы, а без союзников мы — крохотный островок в преддверии большой бури...

ИСААК: Ой-вэй... А вы умный человек, граф... Наших у вас в роду не было? (*с интересом пихает графа под бок*) Послушайте, я уже послал людей к русским прояснять про этот поход. С чего вы решили, что походу не быть?

ШЕЛБЕРН (*жестом приказывая официанту снова наполнить его бокал*): Потому что у любой химеры есть особое свойство. Пока она возникает в больном воображении королей — нашего или русского, она всегда выглядит привлекательно. Однако стоит ей встретиться с суровой реальностью — и фьють, ее будто не было!

ИСААК: И что же у нас станет суровой реальностью?

ШЕЛБЕРН (*с удовольствием прихлебывая из вновь наполненного бокала*): Я давеча получил доклад от персидских союзников. От них до Индии пять месяцев пути кавалерийской колонны. И все это дорого баснословно, ибо меж ними и Индией — горы, пустыни и джунгли. Они же говорят, что на севере Индии есть дорога на Самарканд, но по ней караван идет девять месяцев. Девять месяцев!

ИСААК (*присвистнув*): Девять месяцев... Ой, гевальт! И сколько же с собой брать припасов для такой экспедиции?

ШЕЛБЕРН: Вот и я изумился, а потом подумал: что если похода и нет, а все это химера?! Кто у русских имеет интересы во Франции?

ИСААК (*немного растерявшись от столь резкого поворота темы*): Э-ээ... Панины, у них патент на торговлю со времен Елизаветы. Конечно, Куракины, которые поднялись при мадам Помпадур, и, пожалуй — Голицыны...

ШЕЛБЕРН (*с восторгом*): В точку! Все ж вы наш лучший спец по России. Но политический интерес существует лишь до тех пор, пока его поддерживает экономика! Экономика — вот она реальность, а все остальное — химера! Теперь смотрите — безумный царь Павел заключает союз с Францией, но Панины и Куракины у него под арестом, а из всех Голицыных лишь Александр-«маленький» сейчас при дворе, и это — фанфары и туш! — советник Наследника. Так кто ж в России получает выгоды от союза с Францией?

ИСААК (*с восхищением*): Таки, пожалуй, — никто!

ШЕЛБЕРН (*с торжеством*): А сие и значит, что в России победили химеры! И все, что они там нахимерили, не совпадает с реальностью! Вот прошлая царица была у них реальна! А ее сын — фиг!

ИСААК (*с интересом*): Что вы имеете в виду?

ШЕЛБЕРН: Россия при Екатерине дралась всю жизнь с турками. При власти были Орловы и друг их Потемкин. А интересы Орловых с Потемкиным все были в Австрии да вокруг балканской торговли. Теперь в Австрии убивают Иосифа, а на престол восходит враг для России — Леопольд. И тут же в России умирает Потемкин, пропадают Орловы, а поднимается Рига с Барклаем, которым нужна зерновая монополия, и появляются Зубовы, готовые с нами поделить Персию.

То есть люди, смотрящие на нас или Пруссию. А еще министром культуры назначают князя Юсупова — недобитого турка, чтоб турки знали, что вражда с ними кончена. Вот это была реальная царица и женщина! А ее сын в сравнении с ней — карлик...

ИСААК (*задумчиво*): Верно ли я услышал все то, что вы мне сказали, молодой человек?

ШЕЛБЕРН (*с улыбкой*): А я ничего не сказал. Лишь то, что любая химера гибнет от встречи с реальностью.

Павильон. Зима. Вечер. Санкт-Петербург. Зимний дворец. Покои Наследника

5 г

Темный зимний вечер. В покоях Наследника будто три бесплотные тени стоят у окна, и неверный зимний отблеск от огромной луны и от снега делает их будто синими. Это Наследник, командир Преображенского полка Талызин и маг и волшебник Пинетти. Наследник шепчет.

АЛЕКСАНДР: Что ж, давайте повторим наши роли. Все должно быть не здесь, но в новом дворце, замке Михайловском. Легче будет все контролировать. Итак, в феврале мы всею семьей туда вселяемся.

ПИНЕТТИ: По проекту замок окружен рвом, однако к февралю Нева вся замерзнет, и рвы останутся водой не заполнены. Под правым разводным мостом есть решетка, которая остается открытой. Через нее по дну рва в замок зайдет моя группа. Через нее же из замка мы вынесем груз...

ТАЛЫЗИН: Мои люди должны не прийти к пересменке с семеновцами. Будет небольшой перерыв, буквально минут десять-пятнадцать. Время достаточное, чтоб вошли люди Зубова. После этого преображенцы перекрывают все входы и выходы. Разумеется, про решетки под мостами в глубине рва мои люди не в курсе.

ПИНЕТТИ: Как только преображенцы занимают позиции, мы спускаемся в ров с дальней стороны, которую не охраняют гвардейцы. Идем по дну рва, прижимаясь к внутренней стенке, закрывающей нас от охраны изнутри. А снаружи охраны нет. Попадаем через

решетку в замок, поднимаемся по сточному желобу в туалетные. В правом крыле они еще не работают, ибо нет труб — они придут лишь с открытием навигации. Из общего туалета в правом крыле идем к комнатам Государя. Там будут уже люди Зубова. Остается царя усыпить и тело его вынести через туалетные комнаты...

Талызин: Мои люди не должны обращать внимания на любой шум или крики. Когда люди мага покинут ров, с улицы мы услышим удар гонга. По этому удару мы входим в комнаты, где скрываются Зубовы, — и концы в воду.

Александр (*трещотка*): Ну с богом... Я с моей стороны постараюсь объяснить матери, что отец, верней человек, который будет лежать и походить на отца, испытал что-то вроде удара, от которого на два года сознание покинуло бабушку. А удар, мол, случился со страху — от того, что он увидел входящих к нему братьев Зубовых... (*с испугом*) А вдруг он заговорит?

Пинетти (*сухо*): Да он будет как овощ. Никогда не проснется. Специальной иглой я сделаю прокол в его мозге. Будет дышать, под веками глазами водить, но в себя не придет. Да даже ежели и придет — он же простой мужик, обликом лишь похожий на Государя! Не расскажет ничего и никому.

Александр (*с чувством*): Надеюсь... Очень надеюсь на твое мастерство! А пока сей живой труп будет убеждать всех, что отец мой не умер, мы за то время отца в тихом месте подлечим. А я пока буду править от его имени.

6 г

Натура. Зима. Вечер. Париж. Улица Сен-Никез

И опять три темные фигуры притаились в тенях — на сей раз крохотной улочки на пути из дворца Тюильри в Оперу. Берг дает последние указания.

БЕРГ: Итак, господа, отвага и мужество — вот ваш удел в эту ночь. В восемь начало оперы. Зверь отбывает из Тюильри всякий раз в семь. Плюс-минус. Поэтому внимательно следим за тем, когда

поедет первая карета. Первая карета — Бонапарт, вторая — его мадам. Не перепутайте! Ну с богом!

Фигуры расходятся. Де Лимоэлан идет на угол, чтобы подать знак, де Сен-Режан идет нажимать по знаку на рычаг адской машины, а Берг садится на коня и быстрее лани отправляется в Вену — от греха.

**Павильон. Зима. Вечер. Париж. Тюильри.
Комнаты Жозефины**

7Г

Посреди комнаты сидит Наполеон в полном параде. Перед ним у зеркала крутится Жозефина, примеряющая то шарфик, то шляпку. Бонапарт нервничает.

БОНАПАРТ: Дорогая, нас ждут! Я должен перед спектаклем всем воссиять и получить мои почести! А ты опять...

ЖОЗЕФИНА (*задумчиво*): Ты прав, дорогой, я опять себе совершенно не нравлюсь! Смотри, как у меня растет попа! Я купила для нее новое платье, и все прахом...

БОНАПАРТ (*с напряжением*): Дорогая, мне нравится твоя задница! Я в восторге от твоей задницы! У тебя самая лучшая задница! Не могла бы ты побыстрее — нас ждут!

ЖОЗЕФИНА (*с гордостью*): Я знаю, что у меня самая лучшая задница! Государю положено самое лучшее! (*упавшим голосом*) Увы, сегодня она мне почему-то не нравится... (*делая небрежный жест*) А к черту! Выброшу это платье и куплю себе новое! А сегодня я иду в старом! (*вызывая модисток*) Зизу, Мими, помогите мне сменить платье!

БОНАПАРТ (*с рычанием*): О боже! Это еще десять, а то и все пятнадцать минут!

ЖОЗЕФИНА (*решительно*): Ах, Бони, ты у меня почти император и должен иметь все самое лучшее! Сегодня все лишь на тебя будут смотреть... и на меня капельку, ведь я все равно что оправа для твоего гения! А ведь ты же не хочешь, чтобы твоя оправа была не самая лучшая?!

Натура. Зима. Вечер. Париж. Тюильри. Лестница

По лестнице дворца Тюильри со всех ног бежит Бонапарт.

БОНАПАРТ: Жози, догоняй! Меня ждут! Уже семь сорок — я опаздываю, черт побери! (*бормочет, сбегая по лестнице*) Я выйду из кареты и двину по паркету, на голове моей известный всем *bicorne!* (*кучеру*) Гони в Оперу, будто за тобой черти гонятся!

Наполеон по сути на ходу запрыгивает в свою карету, даже не дожидаясь охранников. Он кричит.

БОНАПАРТ: Быстрее! Не ждите их! Они много весят! Я не успею выступить перед оперой!

Мы видим, как где-то впереди на углу человек, похожий на де Лимоэлана, начинает отчаянно размахивать платком, а карета Первого консула при этом только лишь набирает и набирает ход. Она несется по булыжной мостовой с такой скоростью, что огненные искры вылетают откуда-то из-под нее, как только она налетает на что-то железное. Карета вихрем пролетает поворот на улицу Сан-Никез — впереди уже Опера... Страшная вспышка и грохот. Кажется, что саму камеру, через которую мы видим происходящее, только что ударили и подбросили. Истошный хрип лошади, странный скрип и скрежет. Мы видим, что карета Наполеона от взрыва по сути разорвана и вся ее задняя половина отсутствует. Одна из лошадей кареты пала и бьется в предсмертных судорогах. Домов на улице Сен-Никез больше не существует. Сам Бонапарт, оказывается, сидел на переднем сиденье и смотрел в это время назад — на карету своей жены Жозефины, и теперь его лицо все покрыто слоем пыли, известки и какими-то красными пятнами. Его половина кареты со скрежетом останавливается. Бонапарт выходит из обломков и озирается. Кругом крики и стоны. По всей улице разбросаны ошметки чьих-то тел в мундирах полиции и наполеоновской гвардии. К государю подлетает вторая карета, из которой появляется Жозефина. Ее лицо кусками стекла изрезано, однако женщина первым делом бросается к Бонапарту и начинает его оцупывать.

ЖОЗЕФИНА: Боже, на тебе кровь! Бони, ты ранен! Ты ранен, я тебя спрашиваю! Отвечай или я убью тебя, несносный мальчишка!

БОНАПАРТ (*хрипло и как во сне*): Не знаю. Не думаю.

ЖОЗЕФИНА (*пытаясь ободрительно улыбнуться*): А ты меня напугал... (*кривится от боли, машинально вытаскивает из своего лица кусочек разбившегося стекла и, показывая его Бонапарту, смеется*) Вот! Похоже, что всех нас спасла моя задница! А-ха-ха-ха! (*У нее начинается истерика.*)

Павильон. Зима. Утро. Лондон.
Сент-Джеймский дворец. Лестница

9г

На лестнице в зал заседаний графа Шелберна догоняет премьер-министр Питт.

ПИТТ: Один лишь вопрос, коллега. Он совершенно бессмысленный, но все же спрошу. Вчера в Париже пытались — мы? Только честно!

ШЕЛБЕРН: Никак нет, ваша честь. А почему же вопрос-то бессмысленный?

ПИТТ: Да потому, что нас с вами на пару сейчас всем парламентом начнут мешать с грязью. Если мы, то почему облажались? А если не мы, так почему не пытались?

Павильон. Зима. Утро. Санкт-Петербург.
Зимний дворец. Покои Павла

10г

По кабинету бежит Павел, который хаотично свои вещи в разные лари и сундуки складывает. Вслед за ним бежит верный Кутайсов, который жалобно вскрикивает.

КУТАЙСОВ: Ах, Ваше Величество, в Михайловском же еще ни отопление толком, ни канализация до конца не работают! Ну куда мы поедем?! Зима на дворе!

ПАВЕЛ (*лихорадочно собираясь*): Ну нет, это — знак! Явный знак. Массонские козни! Бонапартий масонам хвост-то прижал, вот они сразу

и вызверились! А я их некогда вокруг пальца обвел с Прибалтикой-то. С ним не сумели — за мною придут! Я знаю! Я чувствую. Будто аж клубок змей в этих стенах. Нет! Уезжаем сегодня же и живем отныне в Михайловском! И всех арестантов — обоих сыновей с женами и мою клушку — со мной туда тоже. Коли взорвут, так пускай сразу всех, и меня, и тех, кто моей страны жаждет! Фига им! Без бою — не дамся! (*смеется с истерикой*)

11 г Павильон. Зима. Утро. Вена. Шенбрунн. Покои Франца

В кабинет императора входит Меттерних. Государь мертвенно бледен. Он пытается не смотреть на своего канцлера, а затем говорит.

ФРАНЦ: Итак, вы все-таки облажались. Французы нас бьют на всех фронтах в хвост и в гриву, завтра ваши люди сознаются, что взрыв на улице Сен-Никез — наших рук дело, и тогда точно от меня полетят клочки по заколочкам! Вы уволены!

МЕТТЕРНИХ: Слушаюсь, Ваше Величество! Разрешите идти?

ФРАНЦ (*визгливо*): С чего вы, Клеменс, решили, что я вас отпустил? Вы чересчур много себе начали позволять. В Пруссию поедете — полномочным послом. Любою ценой, повторяю — любою ценой надо затащить этих деревенских баранов в альянс! Вы меня поняли?

МЕТТЕРНИХ (*с поклоном*): Так точно, Ваше Величество!

12 г Павильон. Зима. Утро. Рига. Кабинет Эльзы

Раннее утро. На улице еще темень, хоть глаз выколи, однако Эльза уже за своим рабочим столом. Перед нею светильник с горящими свечами, чашка горячего кофе и булочка. Эльза что-то пишет, то и дело сверяется с какими-то справками, прихлебывает из чашки и ест свою булочку, затем продолжая писать. Осторожный стук в дверь. Эльза, не поднимая головы, хлопает рукой по звонку, в комнате появляется верная Кирстен.

КИРСТЕН: Ваша светлость, Михаил Богданович привел важного гостя...

Эльза легко поднимается, делая знак помощнице. Они вместе из-за стола поднимают большой складной короб, который, опускаясь на стол, сразу скрывает собой и все бумаги Эльзы, и ее кофе с булочкой. Сверху остаются лишь горящие свечи. Хозяйка кабинета встает перед своим столом и делает приятное выражение лица, а затем знак для Кирстен. Та выходит из комнаты. Через мгновение двери опять открываются, и мы видим, как на пороге появляется сэр Исаак, сопровождаемый Барклаем. Эльза издает приветственный возглас.

ЭЛЬЗА: Однако здравствуйте! Какими судьбами?! Я уж и не чаяла вас увидеть, решила, что старею и где-то да обмишулилась...

Лицо Исаака принимает слегка изумленно-довольное выражение, и он с интересом оглядывается.

ИСААК: Май фейгеле, вы меня-таки смогли изумить! Ведь до последнего дня я ничего не планировал, да и... думал плыть прямо в Санкт-Петербург...

ЭЛЬЗА (*со странным смешком*): Чтобы быть записанным на таможне в Кронштадте?! Пфуй! Нет, дорогой Исаак, — вы знаете, да и я знаю, что там пишут всех... А вот на мосту в Нарве пишут лишь мои люди, и если вы сумеете меня улестить, никакой пометки нигде не останется.

ИСААК (*всплескивая руками и с горечью в голосе*): Ой-вэй, как несправедлив этот мир! Будь мы сравнимого возраста — какие бы умные могли быть наши дети!

ЭЛЬЗА (*с чувством обнимая Исаака*): Полноте, старый лис! Будь я даже покорною девственницей, а вы сам Антиной, у нас не могло быть детей. Зачем нам двоим те, кто никогда не унаследует ваших связей?

ИСААК (*задумчиво*): Позвольте, ваш ум говорит мне о том, что, возможно, и в вас есть капелька нужной крови... Я мог бы...

ЭЛЬЗА (*отмахиваясь*): Если честно, что стало причиной вашего появления? Граф Шелберн решил, ибо его ждет падение? И все что случится — уже будет записано не на его счет?

ИСААК (*делая невинный вид*): Вы о чем, либе мадель? (*меня выражение лица*) Иногда, попадая сюда, я будто опять у своих: можно ничего не сказать, ибо и так — все и всё тут давно поняли.

БАРКЛАЙ (*сухо*): Простите, что вмешиваюсь в ваши ухаживанья. Сколько?

ИСААК (*всплескивая руками*): Ой-вэй... Я-то думал, что вы тут будете счастливы! Я оказываю услугу, и это мне...

ЭЛЬЗА (*с сарказмом*): Если бы я захотела, то пять лет назад наши егеря не просто всю его охрану выпороли б, но и повесили его самого на первом плетне! Рост бы позволил! Но тогда народ считал бы его невинно затравленным гением, и я дала ему править. Я позволила ему всем показать, какой он, в сущности, фрукт. И вот-вот в Петербурге будет костер, толпы народа станут кричать: «Распни его!», и хозяйка моя будет наконец-то отомщена. Зачем же мне в этом ваши услуги?!

ИСААК (*сухо*): Может, затем, что я спасаю всех вас от Революции?!

БАРКЛАЙ (*уверенно*): Фигня. Сперва случится военный переворот, армия приведет наверх Константина, а тот зальет все вокруг кровью.

ИСААК (*с восторгом*): Вот видите!

БАРКЛАЙ (*с иронией*): Желаете повоевать с Россией под Константином? Кроме вас ему побеждать уже некого. А он хороший командующий.

ИСААК (*невольно передернувшись*): Да я слыхал про все эти слухи... Ой, гевальт... какой варвар!

БАРКЛАЙ (*с усмешкой*): Но вернемся к нашим баранам. Сколько?

ИСААК (*сухо*): Бессрочная монополия на зерно, лес, мед, деготь и пеньку. Подъем всех наших закупочных цен на десять процентов. На другой день после акции.

БАРКЛАЙ (*делая сложную гримасу*): И все? Да столько не подают даже нищим на паперти! Вообразите, что сотворит с Англией Константин, когда туда высадится.

ИСААК (*дрогнувшим голосом*): Снижение кредитной ставки для вас на...

БАРКЛАЙ: Пять.

ИСААК (*с возмущением*): Побойтесь бога, молодой человек! Креста на вас нет! (*чуть успокоившись*) Три.

БАРКЛАЙ (*со смехом*): И впрямь, на мне креста нет. Хорошо — три! И наконец, самое главное...

Исаак издает жалобный стон, а Барклай, отворачиваясь от него и вплотную подходя к Эльзе, смотрит ей прямо в глаза и почти шепчет.

БАРКЛАЙ: Думаю, что пришел тот момент... Вы со мной?

ЭЛЬЗА (*со странной улыбкой*): Я будто опять молода и снова на том самом франкфуртском митинге. Завтра у нас выступление, и я сама написала все лозунги... Возможно, что этого митинга не пережить ни мне, ни вам, но это будет — славная охота... И мы попытаемся!

Год назад. 1800. Павильон. Рига. Кабинет Эльзы

13г

Наплывом на лица Барклая и Эльзы наползает другая картинка. Эльза в своем обычном наряде поднимается из-за стола, когда в кабинет ее входит Барклай. Эльза раскрывает ему объятия, но Барклай всего лишь церемонно целует ей руку.

ЭЛЬЗА: Какими судьбами в нашу глушь?

БАРКЛАЙ: Новый проект. Я решил перевести управление таможенной из столицы к вам в Ригу. Здесь идет главный грузопоток, и потому мое место — здесь. Я уверен...

ЭЛЬЗА (*со смехом*): Здесь лишь товары, но все решения там — в Петербурге. И не говорите, что приехали, так как по мне вдруг соскучились. Не поверю.

БАРКЛАЙ (*с чувством*): Можете ругаться, но именно это я и скажу. Скучно. В самой таможене — рутинная заеда, а в Павловске... Там одни дела частные. Сидят днями и обсуждают, как у кого уродилась греча, да идет ли новое платье для Марьи Павловны, да от кого без брака залетела княжна Шереметева. Одна отрада — Шарлотта Карловна

все устраивает для детей изумительные свои опыты... Вы смогли бы засунуть вареное вкрутую яйцо в бутылку из-под морса?

ЭЛЬЗА (*на миг задумавшись*): Если только по частям. А что?

БАРКЛАЙ: И я так же думал. А она меня изумила. Конкретно! Изумила, да и пригорюнилась: ну зачем мне яйцо в бутылке? Как мне его потом съесть? Вот и отчаялся. Решил переехать жить к вам! Примете?

ЭЛЬЗА (*с чувством*): Ну, конечно! Мне вас так не хватало! Петр Христианович мой как с войском натешится, так наденет лучший наряд — и к святошам. Сидит у них до ночи за кружкой пива и обсуждает в подробностях Творенье и внешние приметы Антихриста! Жуть!

БАРКЛАЙ (*недоверчиво*): Шутите? Неужто есть люди, готовые таким заморачиваться?

ЭЛЬЗА (*всплескивая руками*): Петр у меня прекрасный мужик, хороший отец и генерал, которого все люди слушают. И при всем при этом у него, бедного, святоши сызмальства мозги напрочь вывихнули. Хорошо хоть — не буйный!

БАРКЛАЙ: Спасибо за то, что предупредили. Во всех вопросах религии обещаю быть тише воды. А в остальном?

ЭЛЬЗА (*небрежно*): А в остальном... Рутинка... (*вдруг резко вскидывает голову и пристально смотрит Барклаю в глаза*) А теперь, Мишенька, всю правду как на духу! Зачем я тебе понадобилась?

БАРКЛАЙ (*бледнея и отшатываясь, но при этом не сводя с Эльзы глаз*): О боже... Я... Я спать не могу... Из головы никак не идет то, что я и есть последний из Стюартов. Я... Я мог бы стать королем всей Британии... (*с жаром*) Помоги же мне, Эля! Лишь ты одна у нас это сможешь!

ЭЛЬЗА (*с изумлением*): Ты и впрямь в это веришь... (*в глубокой задумчивости*) Наш человек на троне Британской империи! Заманчиво... Однако... Я-то, со своей стороны, попробую все, ибо оно на благо нашего государства, но... Снаружи короля можно посадить только на штыках. Основная поддержка может быть лишь изнутри...

БАРКЛАЙ (*с горячностью*): А я и об этом подумал. Сэр Исаак наследил в наших краях по английским понятиям на три вышки. И он, как и я, — член шотландского тайного заговора!

Эльза (с *невольным смешком*): Сэр Исаак — шотландский националист?! Позволь я запишу эту хохму! В последний раз я так смеялась, когда обнаружила среди польской ложи националиста Москальского, а в секретной ложе армян человека по имени Израэлян. (*Лицо ее вдруг будто окаменевает, и она ошеломленно смотрит на Баркляя.*)

Павильон. Зима. Утро. Рига. Кабинет Эльзы

14г

Мы опять в кабинете Эльзы, и камера крупно показывает нам, как пристально смотрят друг на друга Барклай и Эльза. Затем они оба решительно поворачиваются к ожидающему Исааку.

БАРКЛАЙ: А теперь — главное из условий. Оно касается только вас, а не всей этой братии из Сент-Джеймса. Мы поможем вам устранить безумного царя Павла, если и вы поможете нам в устранении безумного короля Георга.

ИСААК (с *задумчивым интересом*): Не скажу-таки, что идея дурна... Око за око... Мне нравится! А какой в том смысл?

БАРКЛАЙ (с *нарочитой небрежностью*): Помните нашу с вами поездку к последнему Стюарту? Из первых рук доложу, что дядя мой раскрыл мне секрет моего рождения. Я — незаконный сын принца Чарли! Именно я и есть — последний Стюарт!

По лицу Исаака сложно понять, как именно он воспринял эту новость. Однако в глазах его загораются лукавые огоньки. Он с самым невинным видом осторожно тыкает Баркляя пальцем в плечо, потом в бок и говорит.

ИСААК: Господь Саваоф! Как же я вас сразу не признал! А я всегда говорил, молодой человек, что вы — пацанчик не промах! Далеко пойдете, ой вэй, чтоб я так жил после! (*будто вдруг что-то вспомнив*) Однако документы ваши потребуют полной проверки. Не то, чтобы я им не поверил, однако вопрос о том, кто был ваш отец...

ЭЛЬЗА (*внезапно прерывая Исаака*): Вы не поняли. Мы обращаемся к вам, сэр Исаак, а не к безумцам в Шотландии. В этом деле важней не то, кто был отец у Михаила Богдановича, а то — кем была его мать!

В первый миг на лице Исаака растерянность. Он явно не сразу понимает, о чем идет речь. Потом странная блуждающая улыбка возникает на его лице, и он каким-то чуть ли не воркующим голосом Барклаю бормочет.

ИСААК: Помните Рим? Вы еще угостили меня чашечкой ароматного кофэ... Ах, какой-таки был этот кофэ! И мы с вами обсуждали тогда наших матушек, а потом речь зашла о Стюартах... Интересная штука жизнь! Сегодня мы говорили о Стюартах, а все вернулось на круги своя... Объясните же мне, молодой человек, зачем мы так долго ходили вокруг да около?!

Покачав головой, сэр Исаак поворачивается к Эльзе и говорит.

ИСААК: Наш человек на троне Британской империи. Заманчиво... Я-таки думаю, что хватит стране жить под вампирами! Пора взглянуть вперед — в светлое будущее. Что хорошего принесли нам безумные немцы из крохотного Ганновера? Уверен, эта страница в нашей истории может быть перевернута!

15 г

Натура. Зима. Утро. Черкасск. Казачий круг

Огромное скопление людей. Войсковой атаман Василий Орлов зачитывает приказ.

Василий Орлов: ...кроме того выступать всем казакам тотчас. Припасов с собою не брать, пополнять провиант и фураж у местных жителей да обращать их в свою веру. Печать, подпись — Царь Павел. Дата. *(обводит глазами казачий круг)* Все ясно...

ПЛАТОВ *(вполголоса)*: Куда идем-то, Василь Петрович?

Василий Орлов *(неопределенно указывая куда-то в пространство)*: Согласно приказу — к первому марта должны выйти к Волге. Дальше — пересечь реку по льду — и на Оренбург. А оттуда уж в Индию.

ПЛАТОВ *(с беспокойством)*: К Волге... То бишь сперва через безлюдные Сальские степи, а потом — через Голодную степь?! В феврале?! Без припасов?! А этой зимой снега больше обычного выпало...

ВАСИЛИЙ ОРЛОВ (*с досадою в голосе*): Матвей Иванович, да шел бы ты — нах! Без тебя тошно! (*звучно*) Ну, братцы, слушай мою команду! Алга!

Казачи начинают движение. Перед ними бескрайняя белая степь. С неба тихо и медленно падает снег.

Натура. Зима. Утро. Лондон. Сент-Джеймский дворец

1 д

Из дверей дворца выходят усталые и помятые бывший премьер-министр Питт и бывший министр внутренних дел Шелберн. Питт с удовольствием потягивается и говорит.

ПИТТ: Все кончено! Наконец-то я вволю выплещусь! Двадцать лет, эти волшебные, эти ужасные двадцать лет власти, и наконец — сон и покой... Что за счастье!

ШЕЛБЕРН: И то правда! А я завтра же в поместье засяду, наконец, с удочками! Красота! (*чуть подумав*) Тут главное, однако же, чтоб сэр Исаак покойно доехал до Санкт-Петербурга.

ПИТТ (*небрежно*): Полноте! Если кто-то где-то вдруг неожиданно умрет, что же нам за печаль? Ведь я ж буду спать, а вы (*смеется*) будете сидеть с удочкой!

**Натура. Зима. Утро. Санкт-Петербург.
Внутренний дворик Михайловского замка**

2 д

Холодное зимнее утро. Низкое небо будто нависло прямо над замком. Посреди двора стоит Мария Федоровна с Доротеей и Шарлоттой Карловной. Государыня жалуется.

МАРИЯ (*разрумянившись от холода и возмущения*): Вот все, практически все у него сделано через жопу! Дом сырой, кругом сквозняки! А запах говна!.. Все говорили: ах, у вас будет канализация! Хрена там! Стоят переполненные корыта с дерьмом, которые из дворца нельзя вытащить! Видите ли, трубы они к нам не провели, а придворные коридоры для ношения вонючих ведер ими не предусмотрели! Так и зарастем, так и утонем в нем — на хрен!

ДОРОТЕЯ (*кутаясь в шарф*): А что бы вы, Ваше Величество, сделали?

МАРИЯ (*задумчиво*): Я бы приказала сколотить самые обычные кабинки на улице. (*с ожесточением в голосе*) Сейчас на улице много суше, теплее и чище, чем в этом склепе! Пусть на улицу все походят, чем всем вместе дышать этой гадостью!

КАРЛОВНА (*одобрительно*): А и то! Век жили без этой... канализации, и еще сто лет проживем! (*Марии*) Я распоряжусь, чтоб с концами заколотили все эти кабинеты поганые?

МАРИЯ (*решительно*): Да, и немедля. И пригласите золотарей, чтобы прежде все это «золото» там дочиста вычерпали! А то превратили царский дворец невесть во что!

ДОРОТЕЯ (*осторожно и вкрадчиво*): Тут еще дело... Мой брат Александр обязан охранять жизнь и здоровье младших наследников... Однако же в замке сыро и холодно, белье прямо на детишках отсыревает. В общем, все младшие уж простужены и сильно кашляют. Брат просит вашего дозволения забирать всех детей из их комнат и на ночь переносить в нижнюю кухню. Их кровати можно поставить на теплые печи, где обычно готовят. Печи остывают по трое суток...

МАРИЯ (*с чувством*): Ах, Дашенька, всегда ты обо всем позаботишься! Да, конечно! А они там не угорят? Не обожгутся?

ДОРОТЕЯ (*приседая в книксене*): Наши латышские кузены уже смастерили специальные подставки к кроваткам. Будут приносить наследников прямо в кроватках и ставить их на печь. Получится, как на русской печи... Ведь вы же ночевали на такой, как я помню?

На лице Марии Федоровны возникает улыбка. Ей явно нравится какое-то воспоминание. Она по-матерински целует шуструю девушку и говорит.

МАРИЯ: Хорошо, что твой брат за все за это ответственный. А как старшие девочки?

ДОРОТЕЯ: В их комнатах тоже дубак. Во всех углах не лед, так плесень. Всякий раз, как Карловна подымается к вам, они вылезают из кроватей и с одеялами приходят на кухню. Там весело. Читают друг другу стихи, поют песни, играют в шарады, а потом спят, прижавшись спиной к теплой печке...

МАРИЯ (*с ужасом*): Пряма на голом полу?!

ДОРОТЕЯ (*торопливо*): Нет, что вы. Наши латышские кузены — большие умельцы. Они для них уже склотили такие деревянные лежаки. Ночью их расставляют вокруг кухонных печек...

МАРИЯ (*успокоенно*): Ну слава богу! (*Карловне*) А ты и далее делай вид, будто не знаешь вообще ничего! Мои детки устроены, и слава богу!

С этими словами Мария Федоровна величественно поворачивается и продолжает движение. Карловна же делает незаметный шаг чуть в сторону и ловко хватая девушку за руку, оттаскивая ее чуть подальше.

КАРЛОВНА (*строгим голосом*): Что значит — там у них весело?! Для кого они читают стихи да поют песни! Живо! Начистоту! (*с хитринкой в глазах*) С чего это у тебя такой вид, будто жалко тебе, что ты в комнате с нами, а не с ними?!

ДОРОТЕЯ (*невинно*): Так мне же тоже в замке сыро и холодно. К этим печам со всех сторон люди сходятся. Слуги, кухарки, офицеры охраны...

КАРЛОВНА (*ошеломленно*): Гвардейские офицеры?! Ох, ё... А потом все ложатся спать ближе к печке вповалку...

ДОРОТЕЯ (*с вызовом*): А вы хотите, чтобы великие княжны подхватили воспаление легких и умерли?! В этой сырости выжить можно, лишь ежели всем вместе греться!

КАРЛОВНА (*растерянно*): Да я че? Я — ниче! Бежать нам всем надобно из этого замка, вот что я говорю. Холод, сырость и плесень. Не дай бог подхватит кто воспаление... (*сумрачно*) иль принесет в подоле. Ты это... главное... Машку, прошу, не тревожь! Сами все это безобразия прекратим! Поняла?

**Павильон. Зима. День. Санкт-Петербург.
Михайловский замок. Покой Наследника**

Зд

В комнате очень сыро и холодно. Наследник сидит весь в одежде, к тому же в одеяло закутанный, и пьет горячий чай из большой кружки. Похоже, что жарко натопленный

камин почти не дает тепла, ибо при каждом дыхании изо рта Наследника вырывается клуб пара. Раскрывается дверь, и без стука входит князь Кочубей. Наследник, не отрываясь от чтения, меланхолично спрашивает.

АЛЕКСАНДР: Что привело тебя на этот последний, холодный круг ада?

КОЧУБЕЙ (*с усмешкой*): Ежели последний круг ада по Данту уготован исключительно для предателей, немудрено, что здесь в замке так холодно! Ведь вся страна считает вашего батюшку не иначе как предателем!

АЛЕКСАНДР (*откладывая книжку с кислою миной*): Оставь свои шутки и пошлости. Это уже вчерашняя тема. Нынче он у нас не предатель, а покоритель. И не чего-то там, а самой Индии! Скоро у нас на столах будут ананасы, папайя и манго! Дело только за тем, чтоб они оттуда доехали... Ты пробовал папайю или манго?

КОЧУБЕЙ (*со смущением разводя руками*): Да вот как-то мне не пришлось. Я больше по кислым щам или моченым яблокам.

АЛЕКСАНДР (*сухо*): У тебя есть здравый смысл. А я вот сам купился на новизну, выписал груз папайи и манго, чтобы понять, стоит ли игра свеч.

КОЧУБЕЙ (*с интересом*): И каков вкус?

АЛЕКСАНДР (*пожимая плечами*): В дороге все сгнило. Так что вкуса не знаю, а запах в итоге стоял самый мерзкий. Лучше бы я сразу согласился на моченые яблоки... (*откидывая часть одеяла в сторону*) Кстати, зачем пожаловал?

КОЧУБЕЙ (*чуть помявшись*): Думал, что вам нужно знать... Ваша матушка за свой счет наняла бригаду золотарей, которые все туалетные комнаты в замке очистили и прочными досками забили. Теперь клозет у нас во дворе — в виде рва, а над ним сарай с кабинками...

АЛЕКСАНДР (*от неожиданности из своего одеяла выскакивая*): Вот объясни, что не так с этой женщиной?! Я рассчитывал, я планировал, а она в один раз забила дверь в туалетную комнату! Как, объясни,

как теперь в замок попадет мой волшебник и как мы батюшку теперь через дырку в полу сможем вынести?!

Кочубей (*растерянно*): То есть как? Через какую дырку в полу? Там же говна было по самую прорезь...

Александр (*отмахиваясь*): Да это ж не важно! Тут важен принцип, чтобы все рассчитать, все учесть! А она со своими золотарями да дурацким сортиром! Ну почему, почему она всю жизнь встает у меня на пути?!

Кочубей (*чуть изменившимся голосом и как-то по-новому оглядывая своего господина*): Так что ж теперь делать?! Прикажите, и я открою клозеты в правом крыле. Скажем, что вам бегать во двор до ветру — зазорно...

Александр (*с досадой*): Так же нельзя! Все сразу поймут, что с клозетом тем был у нас умысел... Давай лучше... (*Пару минут в задумчивости кругами ходит по комнате, затем с просветлевшим лицом восклицает.*) Мы не будем выносить папеньку из дворца через дырку в полу! Пусть маг придумает снадобье, папенька его выпьет и падет как подкошенный. Все подумают, что он — умер...

Кочубей (*осторожно*): А не проще... чтоб он... сразу... И потом — вдруг он пить не захочет?

Александр (*небрежно*): С чего это?! Выпьет как миленький! Мы не оставим ему ни малейшего выбора! (*осознав другую часть вопроса и с отвращением*) Да ты что! Я же не убивец какой... (*мечтательно*) Желательно, чтобы папенька... просто... делся б куда-нибудь... (*с содроганием*) Но убивать его?! Ну уж нет!

**Павильон. Март. День. Санкт-Петербург.
Салон Шевалье**

4 д

В комнате певицы сидит Кутайсов. Он мрачен и пьет. Лицо его помято и сильно измучено. Певица ходит вокруг него в неглиже и то и дело пытается отнять бутылку у своего любовника. Тот огрызается.

ШЕВАЛЬЕ: На себя посмотри! Кем стал?! Пьянь, рвань, синь дым! Мозги с концами пропьешь!

КУТАЙСОВ: Отвали! Не твое дело, баба...

ШЕВАЛЬЕ (*с возмущением*): Ах не мое?! А чье же? Может, жены твоей малохольной?! Да мне по хрен, хоть в канаве под забором сдыхай, и слезы не пролью! О дочке подумай! О дочери! Коль сопьешься и сдохнешь, что с нею будет?!

КУТАЙСОВ (*с отчаянием*): Да ну нах... Меня и так снимут... А то и сразу же на кол... Жить моему Государю дни считаные... Там и конец...

ШЕВАЛЬЕ (*изумленно*): Ты с чего это? Что за дела?! А ну, отвечай!

КУТАЙСОВ (*с надрывом*): Душу я свою, Лизка, продал... Меня ж назад взяли лишь потому, что обещал я им, ворогам, двери к Государю открыть, понимаешь?! Они же мне что говорили, мол, все путем, Палыч! Мы от Наследника, а он папку не тронет и пальцем... Как же!

ШЕВАЛЬЕ (*с ужасом*): Ты что?.. Ты что заладил, алкаш недорезанный? Заговор?! Наследник?! Убийство царя?! И ты здесь сидишь?! Почему не бежишь к Государю?!

КУТАЙСОВ (*хрипло*): А куды бечь?! Главный убивец — мой зять! Проститут! Все они проституты! Этот торговал собой под прежнюю Государыней, сестра его из постели в постель по Англии прыгает, и вся порода у них... Давеча по пьяни кричал, что указ Наследника ему — тьфу! Самолично удавит, мол, Павла, и кто ему чего скажет?! Александр-то — рохля. (*начинает плакать*) О господи... Как же я против зятя? (*со страданием в голосе*) А как же титул светлейшей княгини для моей доченьки?!

ШЕВАЛЬЕ (*бросаясь к Кутайсову и начиная того трясти за грудки*): Опомнись, дурак! Что тебе дочкин титул?! О себе пора думать! Без Павла твоего ты никто! Нуль без палочки! И ты ж его — ЛЮБИШЬ! Я ж вижу... Подумаешь, поссорились из-за твоего байстрюка! Иди, дурак, к Государю и во всем сознавайся! Немедленно! Иначе дорогу ко мне в дом забудь! И бутылку оставь... Дурак! Ну какой же ты, Ваню, у меня все же дурень!

**Павильон. Март. День. Санкт-Петербург.
Михайловский замок**

Замок заполнен военными. По коридору, печатая шаг, идет Государь Император. За ним идут притихшие Кутайсов и Кочубей. Навстречу им — Салтыков.

САЛТЫКОВ: Ваше Величество! Ну нельзя ж так! Участие Государыни в заговоре никак не доказано! Нет, я понимаю, когда под арест пошли оба наследника... Но Государыня?! Ее-то за что?

ПАВЕЛ (*лязгающим голосом*): Убежден, что всегда и во всем, в любом злоумышлении на меня виновна именно эта жирная хрюшка! Она детей надоумила! Больше никому! Запереть ее в ее комнатах! Чтоб с голоду сохла, проклятая!

САЛТЫКОВ (*приосанившись*): Ваше Величество... Придворные дамы не желают покидать свою Государыню. Там с ней и Шарлотта Карловна, и Дарья Кристоферовна. Прошу вашего разрешения разделить с вашей женою ее судьбу и узилище! Я на этом настаиваю!

ПАВЕЛ (*неприятенно*): И ты, Брут... Все к этому шло! И тебя под замок, коли просишь. (*с угрозой в голосе*) Для начала — до проведения следствия...

САЛТЫКОВ (*сухо*): Надеюсь, ваши приказы младших княжон не касаются?

ПАВЕЛ (*кривя лицо*): Именно! Их в ваше паучье гнездо я не суну. (*военным*) Увести арестованного.

Люди Павла хватают Салтыкова и куда-то сразу же увлакивают. С ними уходит и Кочубей. Государь цедит.

ПАВЕЛ: Что за народ?! Что за люди — ни на кого нельзя положиться! (*Кутайсову*) Лишь тебе могу я довериться, и то лишь потому, что ты, брат, не русский. Ну почему, почему столь низменный народ мне достался?! (*чуть подумав*) Да! И певичку мне свою приводи. Спасибо скажу. Самолично!

**Павильон. Март. Утро. Санкт-Петербург.
Михайловский замок. Покои Наследника**

Наследник опять весь в одежде сидит, до носа закутанный в одеяло. Жарко горит камин, но в комнате все равно очень сыро и холодно. Стук в дверь, она открывается, и в кабинет входит командир Черного «шахматного» полка Павла — Аракчеев. Он неловко мнетя перед Наследником. Тот, не отрываясь от чтения, спрашивает.

АЛЕКСАНДР: Что явился? Докладывай!

АРАКЧЕЕВ (*с заминками*): Ваше Высочество, я... Со мною беседовали... Я всей душой... А сегодня я вдруг услышал, что нарочно в замке преображенцы Талызина... Ваше Высочество... Не сочтите за дерзость...

АЛЕКСАНДР (*с нетерпением*): Да что ж ты все вокруг да около?! Прямо скажи — чего надо?

АРАКЧЕЕВ (*решившись*): Ваше Высочество, вам один день погоды не сделает, а мне... Прошу вас, ежели что — так чтоб случилось оно не в мою смену!

АЛЕКСАНДР (*ошарашенно*): А когда твоя смена?

АРАКЧЕЕВ (*торопливо*): Так сегодня и есть. Талызинцы на месте уже. Начнут акkurat, когда после пения царь пожелает уединиться с певичкою. А всех прочих выпшет, наказав, чтоб не обращали внимания на шум или крики...

АЛЕКСАНДР (*растерянно*): А он пожелает... уединиться?

АРАКЧЕЕВ (*радостно*): А как же! Ему в кабинет принесли средства для укрепления потенции. Обязательно! Как иначе... Вот тогда-то талызинцы и... того... А у меня ж нынче смена!

АЛЕКСАНДР (*в ошеломлении*): Почему же я ничего об этом не знаю?! Все отменить! Перенести! Да хоть на завтра! Вызови мне Талызина! Это еще что за финт, все и всё знают, а я — не в курсе! Завтра опять твоя смена?

АРАКЧЕЕВ: Никак нет! Завтра очередь «белых»! На часах будут люди фон Ливена!

**Павильон. Март. День. Санкт-Петербург.
Михайловский замок. Покои Наследника**

Наследник мечется по своей комнате. Пару раз он пытается выйти и открыть дверь, но дверь заперта, ибо Александр под арестом. Он то и дело стучит, но никто не приходит. Наконец дверь раскрывается, и на пороге командир преображенцев Талызин. Наследник на него тут же набрасывается.

АЛЕКСАНДР: Это что за фигня?! Что тут за самодеятельность?! Почему меня не предупредили о нынешнем выступлении?

ТАЛЫЗИН (*растерянно*): Не хотели вас беспокоить. Да и ведь вы под арестом! Побоялись возбудить подозрения...

АЛЕКСАНДР: Черт знает что! Все отменить! Отменить все! Сегодня никак нельзя. Сегодня дежурство у Аракчеева, а я ему обещал. Готовьтесь к выступлению завтра. Вот моя воля!

ТАЛЫЗИН (*с оторопью*): Да как же завтра?! Завтра из гвардейских дежурят семеновцы. Они заступают в одно время с «белыми», а мы всегда с «черными». Как ни крути, а мой полк сможет выступить лишь в день Аракчеева!

АЛЕКСАНДР (*с чувством*): Вот же ведь незадача... Однако же я не хочу терять Аракчеева, он мужик дельный. (*задумчиво*) А могут ли твои люди, Петр Александрович, прийти сюда не на дежурство, а так... ради отдыха?

ТАЛЫЗИН (*недоверчиво*): Сюда, в этот сырой, плесневый склеп, — ради отдыха?! Шутить изволите, Ваше Высочество... (*вдруг о чем-то задумывается*) Ан-нет — вру! Многие ходят сюда и как раз в выходной. Да, почитай, весь молодняк-то и ходит!

АЛЕКСАНДР (*растерянно*): Но зачем?!

ТАЛЫЗИН (*с лукавой усмешкой*): А они к молодым великим княжнам! В каждый свой выходной они все вместе всю ночь поют песни на нижней кухне. Опять же — играют в игры, насколько я слышал...

АЛЕКСАНДР (*тряся головой, недоверчиво*): В какие-такие игры?

Талызин (*разводя руками*): Ну, не знаю! В фанты, в шарады... может быть, в эту... В бутылочку.

Наследник смертельно бледнеет и хватается за сердце. Лицо его становится землистого цвета. Он начинает метаться по комнате с криками.

Александр: Да что это?! Все с ума что ль сошли?! Да они вот так поиграют, поиграют в бутылочку, а потом, как бабка моя, наденут гвардейский мундир и пойдут во главе офицеров братъ Зимний! (*голос его срывается на визг*) МОЙ Зимний!

Талызин (*растерянно*): Да не! Мои парни мирные! Свергнем лишь вашего батюшку, а больше — ни-ни! Как в завязке! Вот вам истинный крест! (*успокаиваясь*) К тому же одна у них только ночь и осталась. Да и ту — будут заняты. Раз решили завтра, так, пожалуй, и все. Дворец опустеет, а в Павловск моим молодцам — не наездиться!

**Павильон. Март. Ночь. Санкт-Петербург.
Михайловский замок. Покои Государыни**

Жарко горит камин в комнате Государыни. Около него, свернувшись калачиком, под стеганым одеялом спит Доротея. Из соседней комнаты на два голоса храпят Салтыков и Карловна. Марии Федоровне явно не спится. Она вылезает из своей постели, зябко поеживается, запахивается шалью потуже и мрачно шепчет.

Мария: Боже мой, какой холод! Наверно, все мои детки замерзли. Что за притча морозить нас тут, когда есть теплый и сухой Павловск? Нет, это надобно прекратить! Что за блажь — жить всей семьей в склепе, лишь потому, что моему дурачку это вздумалось?! Нет, я пойду и заставлю нас отпустить! Хотя бы младших детей и девочек! Они же заболеют! Они уже заболели!

Мария Федоровна решительно вылезает из кровати, сует ноги в уютные валенки с красными петушками и, забавно шаркая ногами, спешит к двери, отделяющей ее от покоев Павла. Не сильно задумываясь, она дверь распахивает и вбегает на мужнину сторону. Тут все жарко натоплено. После

полутьмы своей комнаты Мария Федоровна на миг слепнет от множества свечей, зажженных вокруг, а когда промаргивается, видит перед собой мадам Шевалье неглиже... в костюме зайчика с ушками. Государыня пару раз просто раскрывает и закрывает рот, а потом с диким визгом кричит.

В моем доме?! Подобные шлюхи?! Ладно привез к себе Гагарину толстозадую, она хоть бы чистая, но это... Что это?!

Откуда-то из-за альковного полога выглядывает перепуганный Государь Император. Он тоже весь неглиже, на его голове такая же смешная шапочка зайчика с ушками, а все, что ниже пояса, царь испуганно прикрывает своей треуголкой. Мария Федоровна багровеет и начинает орать.

Ах ты, мразь! Натопил тут — будто в бане, а у меня внизу детки мерзнут! Да кто ж ты, что ж ты за тварь после этого?!

Павел в ответ пытается тоже что-то орать, однако при этом он начинает руками размахивать, а в одной из рук у него треуголка. Как только треуголка поднимается выше, Мария Федоровна начинает визжать.

Стыдитесь! СРАМНИК! Боже, а еще царь называется! Какой пример детям?!

Павел изо всех сил звонит в колокольчик, все двери с грохотом раскрываются. Со стороны комнаты Марьи Федоровны из двери торчат заспанные лица Салтыкова, Доротеи и Карловны, со стороны входной двери в покои Павла — заинтересованные лица дежурных офицеров. Лишь мадам Шевалье сохраняет присутствие духа. Она небрежно подходит к бюро, начинает разливать ликер и на подносе несет офицерам рюмочки. Те пожирают мадам Шевалье сальными взглядами. Павел сидит на краю постели, закрыв глаза рукой, и приказывает.

ПАВЕЛ: Жену мою отседова — вон. Не хочу ее больше видеть. И забейте дверь между нашими комнатами. НАВСЕГДА! Ей здесь не место.

Офицеры с сомнением смотрят на распаленную Государыню. Та с возмущением поправляет на себе свою шаль и с вызовом говорит.

МАРИЯ: Я немедленно увожу всех детей домой — в Павловск. В этом... в этом ВЭРТЭПЕ им *(с выразительной паузой)* — не место!

ПАВЕЛ: Заткнись, клушка! Выйдешь отсюда, лишь когда я скажу! А скажу — сидеть будешь здесь и сгниешь, коли такова моя воля! Все ясно?!

При этом Государь ерзает на кровати, похоже, что ему что-то мешает. На последних словах он достает из-под себя пушистый заячий хвостик.

МАРИЯ *(не моргнув глазом)*: А как же. Сперва жену! Как ее звали? *(Доротья от двери шепотом ей подсказывает)* Наталью! Потом мою милую, дорогую Шарло! Теперь *(со слезой)* моя очередь! Чего уж тут непонятного? *(стремительно идет к своей двери, на пороге картинно поворачивается и восклицает)* Убийца!

С этими словами дверь за Государыней в ее комнату с треском ею захлопывается. Павел с досадой бросает ей вслед найденный хвостик. Офицеры тут же начинают торопливо гвоздями дверь заколачивать. Павел сидит на постели и стонет будто от зубной боли. Перед ним появляется поднос.

ШЕВАЛЬЕ *(с лучезарной улыбкой)*: Коньяк, портвейн? Или — водку? Но настоящие иконы стиля в такую погоду советуют только грог!

**Павильон. Март. Вечер. Санкт-Петербург.
Михайловский замок. Нижняя кухня**

Жарко растоплена одна из печей. Около нее сидит стройный чернявый миловидный мальчик с пикантной родинкой над губой, который следит за огнем и вовремя подкладывает в него новые полешки и щепочки. Это Константин Бенкендорф. Его старший брат Александр стоит на часах возле кроваток младших детей. Анечку, Коленьку и Мишеньку

прямо в кроватках поставили на остывающие большие печи, и дети уснули, потому что им наконец стало тепло. Около единственной работающей кухонной печи устроен огромный деревянный помост, на котором на толстом ковре и ворохе одеял расположились многочисленные девицы, во главе которых великие княжны Мария и Екатерина. Незримыми тенями вокруг девочек скользят прочие лагерьские кузены Александра, всегда готовые прислужить, что-нибудь принести, а то и защитить всех детей — если нужно. Мария Павловна с чувством декламирует стихи Блейка.

МАРИЯ ПАВЛОВНА:

Тигр, о тигр во тьме ночной
Страшный сполох огневой!
Кто бессмертный мастер сей
Соразмерности твоей?
Где глаза твои зажглись?
Что за бездна? Что за высь?
Чьи парили там крыла?
Чья рука огонь взяла?..

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА (*прерывая сестру, с содроганием*): Не надо, прошу тебя! Дальше там совсем страшно! (*обращаясь ко всем*) А как вы все думаете, неужто Нечистый и впрямь существует? А вдруг он сильнее Господа?

Девочки меж собой переглядываются и подсаживаются друг к другу поближе. Затем Марья Павловна громко шепчет.

МАРИЯ ПАВЛОВНА: Господь все равно сильнее всех! А иначе — нечестно! Все должно кончиться хорошо, и недуг отпустит папеньку! Нас отсюда всех выпустят и перестанут морить морозом и плесенью! Я уверена!

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА (*с сомнением*): Как же... Вон британский король уж двадцать лет сумасшедший. Пьет теперь кровь и со свету от всех прячется! А вдруг то ждет и *rara*? Они ж с безумным Георгом родственники! Тот в потемках сидит, а этот в холоду да на сырости!

Это перевод Д. Смирнова-Садовского, 1980 год!
Может, пусть уж она цитирует оригинал: "Tiger Tiger, burning bright..."

Может, он нас нарочно морозит, потому что ему наша кровь холодной понравится?!

Мария Павловна начинает дрожать, а потом часто креститься. Затем решительно трясет головой.

МАРИЯ ПАВЛОВНА: Ну нет, папенька не похож на Антихриста! Ну разве что капельку!

В этот миг в дверь кухни начинают стучать. Обе великие княжны с места срываются, будто давно ждали этого, а прочие девочки весьма оживляются.

МАРИЯ ПАВЛОВНА: Кто там? Свои все дома!

МАРИН (*из-за двери*): Это мы, девочки! Ваши преображенцы!

Обе великие княжны и девочки на ковре издают радостный взвизг, и дверь тут же распахивается. На кухню вваливается толпа красавцев и молодцов — человек десять. Во главе ее прапорищик Сергей Марин, крепкий и красивый молодой человек с виду двадцати пяти лет от роду. В руках у него гитара и бутылка вина. Прочие офицеры — капитаны с поручиками — тоже с вином и какими-то свертками.

МАРИН (*покровительственно — Константину Бенкендорфу*): Костик, для дам у нас все для глинтвейна, а господам офицерам сварика, брат, прог! (*Начинает играть на гитаре.*)

Шампанское и дай мне руку!
Вели стаканы нам налить,
Забудем горести и скуку
И станем мы — любить и пить!

МАРИЯ ПАВЛОВНА (*млея от восторга*): Ах, преображенцы, почему вы такие все классные?!

МАРИН (*кружась вокруг Марии Павловны*): А почему? А потому! Наш командир полка — ваш брат Александр — красавец, мерзавец и ценитель прекрасного! И мы у него все — красавцы и... (*с жадностью целуя ручки великой княжны*) немножко мерзавцы! Мня-ам!

Девочки начинают от счастья визжать и с восторгом бьют в ладоши. Затемнение. На кухне тихо, тепло и уютно. Раздаются негромкие аккорды гитары, девушки и офицеры сидят вперемешку вокруг огромной печи и умиротворенно потягивают горячую пряную жидкость из больших кружек. Слышны негромкие разговоры, похожие на воркование голубей, и нежный смех. Великая княжна полулежит на груди у прапорщика Марина и рассеянно спрашивает.

МАРИЯ ПАВЛОВНА: Сергей Никифорович, я одно не пойму, почему вы всеми ими командуете и в столь низком чине, как прапорщик?!

МАРИН: Да потому, что я ж ведь — штрафной! На параде перед вашим батюшкой сбился с ноги, был разжалован в рядовые и получил полгода губы. Вот только что повесили.

АРГАМАКОВ: Все мы здесь — одни штрафники. Других-то ведь не осталось!

МАРИЯ ПАВЛОВНА: А у вас что?

АРГАМАКОВ: Потерял форменный шарф. Три месяца губы, понижение в звании.

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА (*с выражением*): Так вы — штрафные! Хулиганчики, стало быть! А где же ваши отличники?

МАРИН (*изменившимся голосом*): А все наши лучшие отбыли по приказу вашего папеньки как-то в Голландию. Там и остались... А тут одни мы — навсегда штрафники...

На кухне повисает неловкая тишина. Затем Екатерина Павловна подозрительно звонким голосом объявляет.

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА: В честь наших лучших! Всех, кто не дожил! Ода великого Гавриила Державина «Снигирь»! (*Вскакивает посреди кухни и начинает громко читать.*)

Что ж ты заводишь песню военну,
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?

Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны грома в гробе лежат.
Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов;
С горстью россиян все побеждать?
Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагая молитвой и Богом,
Скиптры давая, зваться рабом.
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей и себя изнурять?..

Девушка читает стихи громко и звонко, и слезы катятся у нее по щекам. Все вокруг — и молодые девицы, и гвардейские офицеры — притихли и, подавшись вперед, ее слушают. В дальнем углу у печи юный Александр Бенкендорф пишет услышанные стихи прямо на белой стене печи... И слезами все его лицо залито.

10д

**Павильон. Март. Ночь. Санкт-Петербург.
Михайловский замок. Покои Государыни**

В покоях Государыни тихо, покойно и холодно. Только огонек в печи еле слышно хрустит за заслонкой. Судя по тому, что хрота не слышно, в соседней комнате тоже, похоже, не спят. Государыня вылезает из своей сырой и холодной постели и, зябко кутаясь в шаль, опускает ноги с кровати в свои мягкие валенки. Она тихонько спрашивает.

МАРИЯ: Не спишь?

ДОРОТЕЯ (от печки): Не могу... Тяжко... Душно... Давно уж так не было...

В соседней комнате шевеление. Через мгновение оттуда появляется крупная Карловна, за которой, кутаясь в одеяло,

ползет Салтыков. Карловна к печке присаживается, откидывает заслонку. В комнате появляется свет. Оказываются, все вчетвером уже собрались вокруг печки. Всем явно холодно, и все кутаются. Карловна оглядывает темноту и бормочет.

КАРЛОВНА: Что-то от слуг я слышала нынче. Сперва говорили, будто должно быть вчера, но потом отменилось. Арапчеев, говорят, — не позволил.

САЛТЫКОВ (*покряхтывая*): Да и сегодня сумнительно. В охране должен быть полк Александра. А то от людей Константина одна морока да безобразия...

ДОРОТЕЯ (*со значением*): Зато нынче фон Ливен, муж мой, сказался больным! А с чего он больной? Еще вчера его видела, бегал вокруг — как огурчик!

МАРИЯ (*с интересом*): О чем вы? Что ж должно тут произойти?

Все остальные смотрят на Государыню с изумлением. Та от этого чувствует себя очень неловко и явно не понимает такую реакцию окружающих. Вдруг в заколоченную дверь между комнатами Государя и Государыни будто кто-то начинает скрестись. Затем с той стороны из всех сил начинают дергать ручку. Но дверь забита надежно. Государыня вскакивает и подбегает к двери, вскрикивая.

МАРИЯ: Пауль? Это ты?

Ручка перестает вздрагивать, и Государыня всех призывает к молчанию, будто пытаясь к тишине за дверью прислушаться. Оттуда слышны чьи-то приближающиеся пьяные голоса. Затем кто-то ручку двери с яростью дергает. Дверь заколочена. Слышится пьяный голос Платона Зубова.

ПЛАТОН ЗУБОВ: Здесь он. Некуда ему выйти. Видать, зайка спрятался. И где он — зайчик наш побегайчик?

Из-за двери шум и грохот обыска. Платон Зубов с издевкою в голосе начинает кричать.

ПЛАТОН ЗУБОВ: Зайку бросила хозяйка! Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать!

Шум вдруг резко усиливается, слышны какие-то сдавленные крики.

ЯШВИЛИ: Да вот он — хорек! Под кроватью забился!

ТАТАРИНОВ: Ату его, братцы!

БЕНИГСЕН: Господа, господа, позвольте нам выйти! Я не хочу при этом присутствовать!

ЯШВИЛИ: Иди, зайка, к папке. Я сделаю из тебя шапку!

ТАТАРИНОВ: Держите его крепче, братцы!

ПЛАТОН ЗУБОВ: Наследник Александр приказал влить ему в рот эту гадость!

ЯШВИЛИ (*с любопытством*): А он от этого точно сдохнет?

ТАТАРИНОВ: Души его шарфом, чтобы рот — сам открыл!

ЯШВИЛИ: Да что ты с ним возишься, давай покажу: пальцем за щеку и тянешь, пока не порвешь, Он сам откроет все, будто целка!

Грохот возня, злобный вскрик.

ЯШВИЛИ: Ах ты, гад, кусаться?! Вот тебе!

Глухой звук удара, и вдруг странная, гнетущая тишина. Такое чувство, будто за дверью все умерли. Мария Федоровна тербит ручку и жалобно бормочет.

МАРИЯ: Пауль?.. Что с тобой, Пауль?! (*отчаянно начиная стучать и биться всем телом в заколоченную мужем дверь*) Пауль! ПА-А-А-УЛЬ!!!

Большая темная комната, в которой вокруг двери стоят Доротея, Карловна и Салтыков в ночных колпаках и шлафроках, с крест-накрест перевязанными шальями поперек груди. А у самой двери бьется в нее, пытаясь ее открыть, Государыня Мария Федоровна.

Содержание

Серия 6
Antidotum adversus Caesarem
(Противоядие против Цезаря)
5

Серия 7
Ave Caesar
(Слава Цезарю)
80

Серия 8
Quis custodiet
(Кто будет сторожить)
158

Серия 9
Tu felix Austria
(Ты, счастливая Австрия)
233

Серия 10
Aut Caesar
(Или Цезарь...)
317

Для связи с автором:
footuh@ya.ru

Научно-популярное издание

Александр Эрдимтович Башкуев

ЛОВЧИЙ
Кабан и трещотки

Книга издана в авторской редакции.

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Дизайн обложки *А. С. Екимов*
Корректор *Л. А. Тропилова*
Оригинал-макет *Л. А. Харитонов*

Подписано в печать __.09.2017. Формат 60 × 88 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 24,4. Тираж 200 + 300 экз. Печать офсетная.
Заказ № __Р.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: renome@comlink.spb.ru
ВКонтакте: vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru